

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2016. Т. 11

№ 3 (155)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2016. Vol. 11

№3 (155)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Ф. С. Исмагилова,
докт. психол. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

Р. Р. Муслумов,
канд. психол. наук

Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук., доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ

«КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ МНОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕРНОСТИ: РАЗЛОМЫ И СОПРЯЖЕНИЯ»

<i>Агеева Г. М.</i> Цифровые медиа в новой коммуникативной реальности	6
<i>Закс Л. А.</i> К исследованию аксиологии Интернета.....	11
<i>Загидуллина М. В.</i> Оцифровка текстов и вызовы надписменной культуры в аспекте эколингвистического подхода к изучению массмедийной реальности.....	24
<i>Сухов А. А.</i> Цифровое визионерство в современных компьютерных играх.....	31
<i>Орлов Б. В., Лисовец И. М.</i> Коммуникационный (медиа)тренд современной эстетики: к проблеме ее глоссария.....	38
<i>Šivaković M.</i> Aesthetics Relation Between Art, Culture, Politics: Social Turn.....	50
<i>Рубцова Е. В.</i> Художественное произведение как язык: о понятии экземплификации	59

КОНФЕРЕНЦИЯ

«СТЫКИ МОДЕРНОСТИ: ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ И СООБЩЕСТВ»

<i>Трубина Е. Г.</i> Жизнестойкость и ее обсуждение в российском и зарубежном социально-гуманитарном знании.....	65
<i>Зеер Э. Ф.</i> Транспективный анализ развития жизнеспособности человека.....	77
<i>Грамотчикова Н. Б.</i> Жизнестойкость и адаптивность как мотивы повествования: от этнографии до семейной истории.....	86
<i>Исмагилова Ф. С.</i> Стратегии принятия решения в условиях снижения конкурентоспособности профессионалов старшего возраста	100
<i>Boštjančič E.</i> Building Resilience after Suffering from Burnout Syndrome: Perceived Changes in Personality, Views, Values and Behaviours Connected with Work	105
<i>Чулаков Д. К.</i> Новые робинзоны: ресурсы жизнестойкости городских одиночек..	112

КОНФЕРЕНЦИЯ

«ДИСПАРИТЕТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ»

<i>Михайленко В. И.</i> Проблемы управления миграционными процессами в Европейском союзе	123
<i>Кузьминых Н. Е.</i> Эволюция отношений Европейского союза и Италии в сфере аграрной политики (1992–2009)....	135
<i>Болотова Е. Н., Табаринцева-Романова К. М.</i> Анализ политического дискурса речей лидера политического движения «Пять звезд» Б. Грилло.....	141
<i>Лазарева Е. В., Чудинова А. А.</i> Балканская политика Великобритании и Франции 1930-х гг. в отечественной историографии	149
<i>Мурашова К. Г.</i> Основные тенденции во взаимоотношениях Китая и США после прихода к власти «пятого поколения» руководителей КПК.....	157
<i>Валиахметова Г. Н., Сычева Е. М.</i> Роль Кэсонского промышленного комплекса в продвижении межкорейского диалога.....	170
<i>Первушина К. О.</i> Специфика милитаризации стран Ближнего Востока в XXI в.	180
<i>Фаткулин Б. Г.</i> Взаимоотношения по линиям Россия — Иран и Россия — ОАЭ: сравнительный анализ иранской и эмиратской моделей сотрудничества с РФ	187
<i>Михайленко Е. Б.</i> Альтернативный регионализм БРИКС.....	194
<i>Пиксаева К. Ю., Победаш Д. И.</i> Гуам и Пуэрто-Рико: борьба колоний США за самоопределение.....	206
<i>Кочнев А. В.</i> Проблема распространения исламского экстремизма в Республике Узбекистан в общем контексте новых угроз региональной безопасности в Средней Азии.....	216
Авторы номера	222
Summary	225

ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНВЕНТ «МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВ И МНОЖЕСТВЕННЫЕ МОДЕРНОСТИ»

С 22 по 26 марта 2016 г. в Институте социальных и политических наук УрФУ проходил Четвертый Международный конвент «Модернизация обществ и множественные модерности». Все статьи, представленные в настоящем номере журнала, подготовлены авторами на основе их докладов на конференциях конвента.

КОНФЕРЕНЦИЯ

«КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ МНОЖЕСТВЕННОЙ МОДЕРНОСТИ: РАЗЛОМЫ И СОПРЯЖЕНИЯ»

УДК 004.032.6 + 316.774:004.77

Г. М. Агеева

ЦИФРОВЫЕ МЕДИА В НОВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье осмысливается специфика информационного общества, значение практик текстопорождения в его развитии и формировании черт, свойственных модерности. Анализируются цифровые медиа как источники генерирования мультимедийных и интермедиальных текстов, текстуальность рассматривается в рамках категориального аппарата гуманитаристики. Особое внимание уделяется интерактивным медиаформам — социальным сетям, блогам, порталам и сайтам, реализующим обратную связь. Показано значение этой среды для активизации коммуникации, названы причины ее востребованности у аудитории.

Ключевые слова: мультимедийность, информационное общество, модерность, текстуальность, медиа, интермедиальность, интерактивность.

Современное общество называют консьюмеристским и информационным. Есть мнение, что к информационной стадии развития российский социум только приближается. Критерии не абсолютны, и аргументация в этой связи приводится разная, однако потребление и информационная составляющая жизни связаны настолько тесно, что невозможно определить, где заканчивается одно и начинается другое. Человек воспринимает информацию, все остальное его потребление также проходит информационную фазу: только после знакомства с особенностями использования того или иного продукта, считывания вербального, визуального или тактильного-сенсорного сопроводительного текста начинается собственно потребление. Рост последнего порождает увеличение объемов информации, появление актуальных и вышедших из активного употребления информационных массивов, возникает необходимость их упорядочения, хранения, обновления. В связи с этим чрезвычайно востребованными стали компьютерные технологии и технические средства, позволяющие осуществлять структуризацию и переформатирование данных. Неотъемлемая черта современности — информационный шум, борьба с которым требует все больших усилий. Информационная экономика занята выбором качественных коммуникаций. Но в целом с информацией стало

легче работать (преобразовывать, передавать, использовать), эта деятельность становится одной из ключевых социальных практик.

Общество потребления обвиняют в девальвации ценностей, хотя потребление не замыкается на материальных объектах, а включает в себя и духовный компонент. Потребляется то, что пропагандируется, считается важным в тот или иной момент времени. Современный социум в значительной мере нацелен и на поиски смысла. Все вышеперечисленное — характеристики модерности, современной ситуации, где наблюдается отход от традиции. Разнообразие сценариев общественного развития, вступающих между собой как в диалог, так и в конфронтацию, позволяет выделять множество стратегий осмысления текущего момента. «Мы имеем дело не с модерностью, но с многими модерностями, имеющими свои специфические локальные различия... Сложная модерность разнообразна и множественна как во временном, так и в географическом смысле», — отмечает М. Минаков [2].

И. Прохорова, главный редактор журнала «Новое литературное обозрение», среди базовых характеристик модерности называет все более свободное распространение информации, социальную и пространственную мобильность людей, а ядром модерности считает изменение концепции человека и его места во временной перспективе, расширение социальных ролей [4, 13]. То есть инновации в информационной сфере, активное «наступление» искусственного интеллекта влекут за собой смену приоритетов на уровне человеческого существования. Человек всегда противопоставлялся машине и являлся особенно уязвимым в эпохи технических революций.

В этой связи всеобщая компьютеризация, Интернет, каналы передачи данных давно уже не рассматриваются как чисто технические явления. Они осмысливаются в контексте колоссальных социальных преобразований, которые ими обусловлены. Например, информатизация оценивается с социальных и даже культурологических позиций, большое внимание уделяется культуре использования новых продуктов и услуг. Когда-то об этом писал канадский философ и исследователь средств коммуникации М. Маклюэн.

Суть его теории: прогресс человечества определяют не экономика, политика и культурные достижения, а состояние средств коммуникации. Доминирующие в данный момент времени каналы передачи информации определяют не только характер ее потребления. От их развития зависят скорость трансляции данных, полнота и качество распространяемых сведений, возможность их полноценного усвоения, последующего претворения в жизнь. Именно они, по мнению Маклюэна, обеспечивают социальный прогресс. Еще один важный момент его теории — «средства коммуникации есть сообщение». Помимо передаваемых от адресата к реципиенту сведений сами источники несут мощный информационный заряд: сообщают о предпочтительных в обществе способах распространения и потребления информации, наиболее востребованных продуктах, потенциале и тенденциях развития средств коммуникации в настоящем и в ближайшей перспективе.

Позже его мысли были продолжены американским ученым Д. Питерсом, разрабатывавшим проблему «от истории коммуникаций к истории как коммуникации» и отмечавшим, что «любое исследование — это исследование средств

коммуникации», а «общий архив человечества... это богатейшее собрание медиа-практик» [3, 107–108], и другими исследователями.

Ученые-гуманитарии размышляют о будущем гуманитарных наук, также учитывая глобальное влияние информатизации. Например, в последнее время в рамках одного термина «медиа» совмещаются два разных понятия, обозначающих, с одной стороны, технические устройства для репрезентации и, с другой, социально-культурный феномен, технологию ретрансляции информации, ориентированной на массовую аудиторию (массмедиа).

Переход от литературоцентричности к техноцентричности и визуальности не вытеснил текстуальность из категориального аппарата гуманитаристики. Мир культуры и самосознание личности воспринимаются как совокупность разнообразных текстов. И хотя их создание сопровождается «смертью автора», «смертью читателя» и «концом времени литературы», эти тексты — объект интереса не только постструктуралистов. Философ и музыкант В. Мартынов, автор концепции «конца времени композиторов», так характеризует наступившую эпоху: «...мы должны говорить о новом человеке, о новом виде, о новой эволюционной ступени... Это конец слова, конец речи, отказ от всех знаков, знаковых систем, неважно каких — математических, литературных, музыкальных, от всякого письма...» [7]. Поясняя свой тезис, исследователь приводит пример музыкальных форм, нечетко привязанных к нотному тексту (богослужебное пение, джаз, рок и др.), размывающих само понятие авторства и открывающих для музыки новые перспективы.

Применительно к вербальным и визуальным текстам все еще более наглядно. Технология Wi-ki, платформа, объединяющая профессионалов и любителей для совместного создания контента, — побудитель колоссальной групповой практики текстоорождения. Многие интеллектуальные проекты сегодня реализуются коллективно из разных точек земного шара. Адаптированные для широкой пользовательской аудитории технические средства и шаблоны — возможность создания новых продуктов из достаточно известного содержимого. Мэшапы, ремиксы — результаты подобной работы. «Сетевое знание», создаваемое и используемое многими в образовательных и просветительских целях явление, — еще одна составляющая мира, где все — соавторы.

В этой связи подробнее хотелось бы остановиться на интермедийных и мультимедийных текстах, цифровых медиа и их коммуникативно-выразительных возможностях.

Интермедийность — объединение, взаимодействие нескольких видов искусства; к интермедийным текстам относят театр, кино, корреляции музыки и литературы и др. Мультимедийность — совокупность данных разных видов. К коммуникации в большей степени применим второй термин. В последние два десятилетия мультимедиа принадлежит приоритет среди коммуникативных форм. Информация разной знаковой природы (текст, аудио, видео) вытесняет «моноканалы»: печать, радио. Хотя работы по теории коммуникации М. Маклюэна и его последователей перекликаются с проблематикой интермедийности.

Современные медиа (от лат. *media* — средства, посредники) не только тема для активных дискуссий, но и генераторы, модераторы, да и собственно формы

существования любого дискурса. Не случайно им уделяется сегодня такое пристальное внимание. Обсуждается взаимодействие «старых», традиционных массовых коммуникаций (кино, пресса, радио, телевидение), и новых, компьютерно ориентированных, цифровых медиа, обладающих широкими возможностями, обратной связью. Именно наличие обратной связи, интерактивность, дает возможность пользователям полноправно участвовать в процессе создания текста, графики, аудио- и видеoinформации. Включению в творческий процесс широкой аудитории способствуют также анонимность скрывающихся под никами пользователей и отсутствие обязательности предоставления о себе исчерпывающих сведений. Задействуются гипертекстовые, гиперграфические формы представления данных, что позволяет хранить, использовать, приумножать материалы на качественно новом уровне.

Все это стало возможным благодаря следующим обстоятельствам:

1) эволюция устройств хранения/передачи данных упростила их эксплуатацию, усовершенствовала дизайн. Современные гаджеты удобны и эстетичны, учитывают все потребности своих владельцев;

2) разнообразие и высокий уровень программного обеспечения в сфере мультимедиа позволяют создавать самые разные ресурсы. И кажется, предела совершенству здесь нет;

3) IT-технологии стали доступны неограниченно широкой аудитории: свободно распространяемое программное обеспечение, демо- и учебные версии лицензионных программ, полиязычные интерфейсы — все это позволяет создавать мультимедиа контент людям, не являющимся профессионалами в этой сфере, становится предметом серьезного увлечения для большого числа компьютерных пользователей. Число таких людей растет с каждым днем;

4) развитие Интернета делает возможным коллективное творчество и масштабное представление результатов деятельности. Причем эта презентация осуществляется в любое время суток и из любой точки Земли. Создателем мультимедиа ресурсов может стать практически каждый, степень личного участия повышается в несколько раз. Это уже не пассивное восприятие информации. Статус автора/соавтора меняет отношение человека к делу, повышает его сопричастность происходящему, обеспечивает активную включенность в творчество, сохранение и распространение его результатов.

Мультимедиа технологии популярны среди детей и молодежи, а значит, приобщение к ним будет проходить на протяжении всей жизни и эволюционировать. Важно понять, что особенно интересно юной аудитории, и предложить в рамках этого интереса что-то действительно полезное и важное;

5) мультимедийная культура является в большей степени массовой, чем культура печатная. Смотреть и слушать (задействуется два рецептора) легче, чем читать (один рецептор). И чтению нужно учиться, поэтому к мультимедиа ребенок приобщается раньше, следовательно, они с ним остаются дольше, чем другие средства коммуникации.

Мультимедиа — всегда выражение возможностей компьютерной техники в конкретный момент времени: приблизительно ясно, когда тот или иной ресурс создан (достаточно оценить используемые программы и их версии).

Особенно популярны у аудитории следующие интерактивные медиаформы: социальные сети, блоги, порталы и сайты, реализующие обратную связь, электронные конференции, чаты, форумы — основные трансляторы мультимедиа-ресурсов, обеспечивающие их удобное, престижное и эффективное потребление для разных целей (обучение, развлечение и др.).

Складывается особая среда, где происходит коллективное осмысление текущих событий. Эта среда востребована аудиторией за оперативность, актуальность поднимаемых проблем, зрелищность, способность дарить эмоции. Все это выражено применительно к медиаисточникам подобного рода достаточно ярко.

Создателями ресурсов предусмотрена возможность диалога автора с потенциальной аудиторией. Эти медиатексты стирают традиционные границы между чтением текста и его созданием, активизируя креативность потенциальных авторов и порождая у них желание присоединиться.

Восприятие медиатекста, с одной стороны, происходит под влиянием индивидуальных качеств адресата: его кругозора, общекультурного развития, эмоционального состояния, с другой — обусловлено множественными внешними факторами. Коллективное восприятие отлично от индивидуального, поскольку оно, как правило, сопровождается активным обсуждением; рождается общая точка зрения, соединяющая в себе позиции сторон; возникает потребность поделиться своими идеями.

По данным (на июнь 2015 г.) Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), исследовавшего популярность социальных сетей среди россиян, только 15 % респондентов, пользующихся Интернетом, не посещают сайты соцсетей. Примерно 44 % интернет-аудитории Всемирная сеть нужна прежде всего для общения в чатах, на форумах и собственно в социальных сетях. Наиболее посещаемыми коммуникативными онлайн-сервисами являются «ВКонтакте» (55 %) и «Одноклассники» (54 %) [5].

Нельзя не остановиться еще на одном коммуникативном инструменте и одновременно масштабном собрании информационных ресурсов, содержание которого создается самими пользователями, как собственно авторами (владельцами), так и посетителями (гостями), — блоге. О феномене блогосферы часто говорят в контексте завоевания внимания масс и управления ими. Блоги называют «тактическими» медиа [6]. Определение «тактический» акцентирует мобильность, дающую преимущество перед «классическими» формами коммуникации.

Сегодня блогосфера активно задействуется в качестве источника изучения культурной среды, ее развитие учитывается в научных и практических работах, где исследуются тенденции глобализации. Это своеобразная субкультура, созданная участниками дискуссий, комментирующими друг друга.

Этот способ коммуникации, становящийся неизменным элементом культуры повседневности, осваивает все больше пользователей. Привлекает интерактивность блога, возможность быстро получить оценку своих мыслей и действий.

Наибольший интерес вызывают журналы публичных персон, творческих личностей, интеллектуалов, которые умеют привлечь внимание к своей деятельности. Не случайно журналы блогеров, у которых более 3000 читателей, приравнивали

к средствам массовой информации. В 2014 г. Госдума РФ приняла соответствующий закон [1].

Ведение блогов имеет массу тонкостей, информация о них часто разрознена, содержательное наполнение порой вызывает противоречивые чувства. Публикуются материалы, интересные прежде всего автору, их проверка на подлинность не предполагается. Все недостатки сглаживает авторский неповторимый стиль, из-за которого к данной форме коммуникации и обращаются. С создателем блога можно общаться напрямую, это, безусловно, привлекает посетителей страницы. В другой ситуации подобный контакт вряд ли был бы возможен.

1. *Брызгалова Е.* Блогеров приравняли к прессе // Газета.ru. 2014. 22 апр. URL: <http://m.gazeta.ru/business/2014/04/18/5998185.Shtml> (дата обращения: 05.02.2016).

2. *Минаков М.* Рассовременивание постсоветских обществ // Общая тетрадь. Вестник Московской школы гражданского просвещения [Электронный ресурс]. URL: <http://otetrad.ru/diary-937.html> (дата обращения: 05.02.2016).

3. *Питерс Д.* История как проблема коммуникации // Неприкосновенный запас. 2014. № 3. С. 95–108.

4. *Прохорова И.* Новая антропология культуры // Новое лит. обозрение. 2009. № 100. С. 9–17.

5. Соцсети — окно в мир или виртуальная ловушка? // ВЦИОМ : пресс-вып. 2015. 22 июня (№ 2860) [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115294> (дата обращения: 05.02.2016).

6. Тактические медиа // Альтернативная культура : энцикл. Екатеринбург, 2005. С. 186–187.

7. Философ и композитор Владимир Мартынов и его новая книга «2013 год» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radiodlago.ru> (дата обращения: 05.02.2016).

Рукопись поступила в редакцию 27 апреля 2016 г.

УДК 004.738.5 + 004.774.2

Л. А. Закс

К ИССЛЕДОВАНИЮ АКСИОЛОГИИ ИНТЕРНЕТА

Статья рассматривает малоизученную тему аксиологии Интернета. Показаны онтологические и функциональные основания ценностных отношений к реалиям интернет-реальности, их двойственность и противоречивость. Представлены морфология интернет-ценностей, их особенности и специфические сетевые основания. Намечен подход к анализу специфики эстетических ценностей Интернета.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аксиология, Интернет, ценности, Интернет как социокультурный инструмент и самоценная реальность, утилитарные и духовные (неутилитарные) ценности Интернета.

В исследованиях современной медиасферы, в том числе Интернета, пока незаслуженно скромное место занимает научно-философский анализ их аксиологического характера и проблематики. Мне, во всяком случае, найти специальных

работ на эту тему не удалось (приятное исключение — статья О. В. Шлыковой [9]). Хотя ценностная проблематика, так или иначе, прямо или, чаще, опосредованно, появляется в конкретно-научных работах по проблемам современных медиа и Интернета, в частности психологических. Психологи не могут обойти этой темы, этого аспекта Интернета и его осмысления в той мере, в какой они анализируют смысловое содержание и мотивационную сферу пользователей Сети (см., например, [5]). Между тем реальное существование и функционирование современного медиaprостранства, значительнейшей частью которого выступает «территория Интернета», его информационно-порождающих и рецептивных процессов, контентов и текстов имеет сплошь ценностный характер: пронизано ценностными смыслами, окутано множественными ценностными «аурами»/ореолами, высокоэмоционально, напряженно и экспрессивно (а это атрибутивные симптомы-обнаружения ценностности), вызывает противоречивые и активно конкурирующие оценочные реакции субъектов медиасферы и наблюдателей-экспертов. Без понимания аксиологического аспекта медиареальности и учета его влияния невозможно понять функционирование этой важнейшей сферы современных обществ, ее сложных взаимоотношений с людьми, миллионами людей (речь ведь в точном смысле слова о «средствах массовой информации»).

Должен оговориться, что в данной статье речь пойдет только об Интернете. И в огромной литературе по Интернету, так или иначе не могущей не фиксировать его ценностные основания, движущие силы, феномены и эпифеномены, мне тоже не встретилась специальная работа с философско-аксиологическим анализом этой особой социокультурной реальности. Еще несколько важных оговорок-предупреждений. Во-первых, данная статья не относится к дисциплинарной области так называемых культуральных исследований (*culture studies*) или исследований медиа (*media studies*). В ней читатель не найдет специальных разборов и обобщений эмпирических реалий Интернета: его конкретных содержательных сфер, информационно-ценностных феноменов, ситуаций, «случаев». Но его целостный предметно-смысловой образ, представление о нем, ощущение и понимание его как особой реальности в современном социокультурном мироздании, почерпнутые из коллективного опыта и скромного личного опыта автора (связанного, по преимуществу, с российской частью мировой Сети — Рунетом), будет важной посылкой авторской попытки предельно общего/обобщающего: *философско-аксиологического* осмысления сложной интернет-реальности. Задачу статьи можно определить как предельно общую *логико-типологическую* «разметку» и маркировку внутренне, несомненно, невероятно разнообразного, многоликого, мультикультурного, мультиплицированного и индивидуализированного миллионами субъективностей *ценностного мира* Интернета. При этом, во-вторых, здесь я только намечаю определенный аксиологический (теоретико-ценностный) подход к решению поставленной задачи, что определяет предварительный, «зондирующий» характер статьи (что и отражено в ее названии: «к исследованию...»).

Под ценностями я понимаю два взаимосвязанных (и «взаимооборачиваемых») феномена. Во-первых, ценности — это особая идеальная содержательность, или

информативность, объектов, сопрягающая их бытие и специфику с потребностями, интересами, целями и нормами субъекта и тем самым репрезентирующая и маркирующая значимость *этих* объектов для жизни и сознания *этих* субъектов. В этом плане ценности — феномены конкретные и ситуативные, актуально существующие как «здесь-и-сейчас-значимость». Во-вторых, ценности — это обобщающие опыт жизни в «мире значимостей», опыт их освоения, т. е. ценностных отношений субъектов к объектам, устойчивые типологические идеальные матрицы-маркеры-эталоны значимостей как основа «наделения ценностью» (= ценностной интерпретации и оценки) различных объектов. Такие матрицы-эталоны существуют в общественном и индивидуальном сознании как в имплицитных формах бессознательного (для обозначения которых вполне уместен термин «архетипы»), так и как осознанные и субъективно одобренные представления — образы «должного».

Поскольку всякие ценности происходят из мира сущего и человеческих практик в этом мире, определяются им и в нем же и существуют, важной онтологической посылкой аксиологического анализа сплошь ценностного (напряженного в каждой своей точке и окутанного эмоциональной, нередко противоречивой аурой) пространства Интернета выступает признание *двойного* и *амбивалентного* существования Всемирной сети. С одной стороны, Интернет — это часть культуры современного общества, ее мощный служебный (технический) инструмент, созданный и используемый обществом. Интернет-реальность стратифицирована и структурирована им, выступает как его продолжение и, пусть и особое, «удвоение»: те же, что и в обществе, варианты социальных отношений (рыночные в том числе), то же властное присутствие доминирующих в обществе институтов, та же дифференциация социальных субъектов/общностей и их мировоззрений, политических идеологий [2]. С этой стороны Интернет онтологически (а отсюда и аксиологически) несамостоятелен. Посвятивший многочисленным проблемам, слабостям и недостаткам Интернета специальную книгу Б. Н. Мирошников отмечает: Интернет «вообще тиражирует все, что туда загрузят» [8, 82]. А, итожа внушительную картину настоящего и будущего «интернет-негатива», делает приправленный иронией и кажущийся бесспорным общий вывод: «На самом деле бедный Интернет ни в чем не виноват. Он таков, каково общество. И будет таким, каково будет общество, отражается в Интернете как в зеркале. Или как в луже. Это человек делает его оружием в информационных войнах, инструментом для совершения преступлений, рупором террористов и экстремистов, превращает в липкую паутину для клеветников, сплетников, растлителей и извращенцев» [Там же, 279]¹.

¹ Б. Н. Мирошников в своей книге справедливо негодует по поводу многих примет низкой словесно-речевой культуры нынешнего Интернета, его нетребовательности к качеству высказываний, откровенной неряшливости. Так и есть. Но ведь и в этом отношении Интернет — продолжение и удвоение состояния «большой культуры», культуры породившего его общества. Прочтите еще раз приведенную мной цитату из книги Мирошникова. Предложение «И будет таким, каково будет общество, отражается в Интернете как в зеркале» — в нем явно пропущены нужные слова. Не пример ли это распространенной в сегодняшней авторской и издательской культуре, в культуре письменной и устной речи беззастенчивой неряшливости?! Сегодня редко встретишь книгу или газету, в которой не было бы многочисленных досадных опечаток, недодписок и иных «ляпов».

С другой стороны, Интернет во многих отношениях особая, самодовлеющая и самоценная реальность с собственной онтологической логикой и феноменологией. Ю. М. Кузнецова и Н. В. Чудова отмечают «неуправляемость формирования и развития Сети, которая функционирует по своим собственным законам и не подчиняется никому конкретно» [5, 25], а самодвижение и самозаконность (самодетерминация) — важнейшие признаки самостоятельной реальности. Будучи человеческой, она обладает собственными социальными порядками (отношениями) и сообществами. Так, доминирующая в «большом обществе» иерархичность отношений здесь во многом уступает место принципиально иному, «горизонтальному» сетевому порядку [3] со специфическими ценностями и ценностными механизмами. Сохраняя и даже развивая рыночную экономику, интернет-реальность в то же время демонстрирует все более широкое распространение и укорененность в Сети противоположной экономики дарения, свободного бескорыстного обмена. Выросшая в недрах развитого капитализма и на его ресурсной основе, регулируемая извне правовой системой общества, Сеть предоставляет всем своим обитателям равные права и возможности и тяготеет к, казалось, преодоленному историей обобществлению своего содержания и форм, что получило название *киберкоммунизма* и заставило вновь вспомнить идеи Сен-Симона и Маркса [1]. У нее также своя особая культура и субкультуры, символические системы и ментальности. (О неизбежном обратном влиянии этой особой набирающей силу и влияние реальности на «большое общество» и «большую культуру» я здесь не имею возможности говорить.)

Аналогичный вывод об онтологической и функциональной двойственности Сети делают и ведомые иной, чем в моей статье, темой (исследовательской целью) авторы уже упомянутой книги [2]. Они понимают «Интернет как один из инструментов организации, мобилизации, коммуникации; не причину, но “контекст”, компонент и фактор социальных и политических процессов», и потому он «предстает как новый и чрезвычайно информативный источник знаний о процессах, которые происходят в обществе». Однако «он является и самостоятельной площадкой по производству разнообразия общественно-политических процессов и феноменов» [Там же, 11, 13].

Соответственно и *аксиологически* Интернет двойствен и во многих отношениях ценностно противоречив. Он ценностно детерминирован и маркирован обществом, в котором работает, его потребностями и интересами, ценностными эталонами и нормами, а потому воплощает ценностную логику и феноменологию своего социокультурного мира. Самое главное в этой аксиологической детерминации Сети: ценностно по своей сути исходное, «первичное» отношение к нему как к *средству* и цели; оно-то и определяет ценностное восприятие Интернета обществом и людьми-пользователями, его ценностную содержательность и характер его *использования*. Корень последнего слова говорит сам за себя: в аспекте своего «служебного», во всех аспектах «технического» социального полифункционального существования Интернет получает прежде всего множество *утилитарных, практически значимых ценностей*. Хотя способен удовлетворить и удовлетворяет и нематериальные, т. е. духовные, потребности, являя реализацию духовных ценностей социокультурной системы. И в то же время Интернет обладает особой

аксиологической логикой и феноменологией, особой содержательностью рождаемых самодовлеющей спецификой Интернета ценностей, хотя «типологически» они не могут не совпадать с морфологией ценностей до- и внеинтернетной социокультурной системы. Ведь и в Сети основой любых ценностей выступают человеческие потребности. Поэтому собственные, специфические интернет-ценности, вырастающие из логики этого медиа, закрепляемые порожденными им особыми потребностями, интересами и значимостями, нередуцируемы к общему ряду/набору социокультурных ценностей. Они обретают при субъективации значимостей пользователями особый, качественно своеобразный, существующий только в интернет-реальности, ее пространственно-временном, деятельностно-функциональном и смысловом поле-контексте самоценный (*ценный сам по себе*) смысл. Но во внутриинтернетном ценностном «раскладе» также дифференцируются на утилитарные и духовные (неутилитарные).

Типологическое сходство генеалогически разных типов ценностей позволяет выделить основные общие для Интернета в обоих его онтологических ипостасях классы/виды ценностей, отдельно оговаривая те, что специфичны именно и только для интернет-реальности.

Для этого уместно хотя бы кратко представить объективный аналог ценностно-смыслового «плана» Интернета. Таким аналогом, а прежде всего *объективным основанием* его ценностной морфологии, несомненно, выступают реальность и соответственно видение-представление Сети как функционирующей, полифункциональной системы, в чем-то очень сходной с до- и немедийной реальностью. На первый взгляд подходящей моделью Интернета мог бы выступать образ торговой площади в базарный день или ярмарки. Это праздник товарно-денежных отношений и их агентов. Тут всем и всему находится место. Рядом торгуют крупные торговцы и мелкие. Торговцы новым товаром и товаром подержанным, уцененным, комиссионным. Товаром фабричным и кондиционным — и домашним. Товаром элитарным, сложным и дорогим — и непритязательным по качеству, даже откровенно низкокачественным, зато дешевым. В результате ценностная номенклатура сетевых продуктов-товаров столь же разнообразна, разнокачественна, пестра, что и номенклатура вещных рынков, что предполагает наличие множественных и разных субъектов-создателей и адресатов-потребителей медийной информации как ценностной.

И все же, если быть точным, Всемирная сеть — это уникальная по своей функциональной универсальности культурная институция (т. е. ныне глобальная по охвату материально-идеальная организационная форма-конструкция), которая одновременно банк и магазин, биржа и аукционный дом, почта и собес, библиотека и архив, консалтинговая служба и кинотеатр, музей и концертный зал, научная организация и дискуссионная площадка, игротка и всезнающее справочное бюро, служба знакомств и разведслужба, образовательная организация и работающий на гигантскую аудиторию массовик-затейник. И прочая, прочая, прочая. Каждая из этих функций (функциональных структур) имеет свою, социально кодифицированную полезность, у которой есть и экономический (финансовый) эквивалент. Причем все эти функции, как и соответствующие им ценностные значения, так или иначе, умеют сопрягаться, образуя высокоэффективные сервисные

комплексы для потребителей любого культурного уровня и, что называется, «на любой вкус». А в целом Интернет получает качественно новую, интегрирующую эти полезности *системную полезность*, которую с полным правом можно назвать *интернет-полезностью* (ее дочерние модификации фейсбук-полезность, ютуб-полезность и т. п.).

Вот какие ценности реализуются в функциональном пространстве Сети:

I. Утилитарные (прагматические) ценности

1. Деловые: практически-функциональные, обеспечивающие (программирующие и стимулирующие) движение товаров и услуг, совершение практических коллективных и индивидуальных действий (например, политических, военных или, наоборот, гуманитарных) посредством полезной информации и работы с ней.

2. Экономические: выражающие доходность и прибыльность (или наоборот) интернет-деятельности и ее продуктов (в том числе нематериальных).

3. Социально-организационные:

а) ценность распространения моделей социокультурного порядка и моделей социокультурных изменений (программ, норм, ценностей и т. п.);

б) ценность социализации людей;

в) ценность мироориентации социокультурной системы, программирования массового и индивидуального сознания и поведения;

г) ценность социальной идентификации (хотя идентифицирующие функции, а их много, можно выделить и в отдельную группу);

д) ценность коммуникации как способа существования актуальных социальных связей и отношений;

е) ценность социальной интеграции (обеспечение унификации и синхронизации сознания и практик членов сообщества, сплочения, единения общества, его членов и групп).

4. Психоутилитарные²:

а) ценности психического уюта и комфорта, «доместикации пространства» (А. Леруа-Гуран), т. е. окружающей среды (интернет-эффект «мира в кармане»);

б) ценности психологической безопасности (информационных эффектов снятия неопределенности, осознания и ментального освоения возможных рисков и проблем и т. п.);

в) ценности эмоциональной разрядки (снятия психического напряжения, перенасыщения, выгорания и т. п.);

г) ценности компенсаторики: компенсаторов дефицитных социальных ценностей (потребных сторон социокультурной реальности) и психических состояний (например, преодоленного в интернет-общении одиночества и обретенных в нем социальности, солидарности, идентичности; дефицита положительных впечатлений и эмоций, уверенности в себе, самовыражения и самоутверждения);

д) ценности развлечения: психического разнообразия и отдыха (для преодоления информационного и психологического однообразия, монотонности,

² Под психоутилитарными ценностями я понимаю значимости феноменов и эффектов, удовлетворяющих потребности психики людей как материальной функциональной системы (системы их биологического организма) и обеспечивающих ее нормальное функционирование (продуктивную работу всех психических «органов»).

инерции, скуки, апатии, усталости, пресыщения и иных негативных, снижающих жизненный тонус и экзистенциальную мотивацию психических состояний), без чего трудоспособность и эффективность психического мира падает.

II. Духовные (неутилитарные) ценности

Переходя к характеристике духовных ценностей Интернета, нужно отметить, что они реализуются и работают как раз через автономную самодовлеющую реальность Сети и жизни человека в ней как особом мире, т. е. в его, человека, интернет-ценностном «для-себя-бытии», осуществляемом через «в-себе-бытие» Сети. Тут, благодаря специфике содержания и онтологии Сети, и возникают возможности для удовлетворения уже, по сути, нематериальных, не предполагающих утилитарно-практические интересы и цели потребностей людей. Основой этих возможностей и духовных потребностей является информационная природа Сети: существование в ней — это существование *по поводу, в направлении и для* информации, существование *вместе с ней, через нее*: в поле ее особой ценности и самооценности. По мнению Кузнецовой и Чудовой, «в отличие от “пространства культуры”, где любой объект обладает материальным носителем, интернет-объекты, имея в качестве своего материального субстрата нечто недоступное органам чувств, представляются сознанию чистыми “кусками информации” (в терминологии Дж. Гибсона) — неисчерпаемой и каждый раз заново структурируемой. Содержательно эти объекты представляют собой знания, мнения и рассуждения людей. Больше всего мир таких объектов похож на третий мир К. Поппера — мир объективного знания» [5, 17].

Мне, правда, трудно согласиться с утверждениями Кузнецовой и Чудовой о «недоступности органам чувств» (очевидно, сверхчувственном характере?) субстрата интернет-объектов и о восприятии сознанием интернет-пользователей «чистых “кусков информации”». Нет, и здесь, как в любой культурной реальности, наше сознание имеет дело прежде всего с предметными артефактами, имеющими вполне чувственный характер. Только в Интернете они все суть предметы *знаковые*: все — высказывания, тексты, сообщения, визуальные, аудиальные или аудиовизуальные. Все эти высказывания/тексты/сообщения, независимо от социального статуса и культурного «веса» (авторитета) их авторов, как и от характера их информационного содержания, в автономной реальности Интернета получают равный онтологический статус «события», а всякое действие с ними (их порождение, предъявление, трансляция, восприятие и интерпретация) получает онтологический статус *поступка*, воспринимается и переживается их субъектами как реальное проявление *своей жизни в Интернете*, обнаружение и удовлетворение *потребностей в интернет-существовании, интернет-активности, интернет-общении, интернет-самореализации и интернет-самоутверждении*. Эти, уже, по сути, ценностные составляющие: тексты-события и действия-поступки — являются, кажется, главными специфическими моментами самодовлеющей сетевой реальности и как контента, и как способа существования каждого попавшего туда человека.

Принудительная, «затягивающая» сила Сети общепризнана, как и полярные ценностные значения этой силы. То, что на полюсе объективной логики отношений этой реальности с ее пользователями выступает как *власть сетевой реальности, ее принудительная логика и сила*, на полюсе сознания самих пользователей

переживается как *самодовлеющая самоценная ценность этой реальности и существования в ней*. Отсюда и первый вид духовных интернет-ценностей:

1. Экзистенциальные ценности — ценности, повторы, жизни в Интернете и переживания этой жизни, всех ее духовно значимых аспектов как самоценных:

а) ценности самоактуализации и самореализации;

б) ценности самоидентификации;

в) ценности самоутверждения как позитивного самовыражения, «самопрезентации», акцентуации перед «городом и миром», самовозвышения над условиями жизни и другими людьми (или, как минимум, утверждения своего равенства с ними);

г) ценности общения³;

д) ценности творчества. Интернет стал для растущего числа людей территорией как духовного, публицистического, художественного, так и практического (социального) творчества, значимого не только и не столько как «средство», но и как самоцель, совпадающая с сознанием-переживанием своих способностей, своего «демиургического» места в мире, обретением полноты бытия, самовыражения и самоутверждения⁴. Впечатляющие и растущие масштабы людей, вовлеченных Интернетом в этот, без преувеличения, глобальный творческий процесс (даже за вычетом служебных, практически мотивированных высказываний), можно объяснить только превращением словесного творчества в личностную ценность этих свободных, добровольно действующих субъектов;

е) ценности игры. В свободном от прагматики пространстве Интернета получает возможности и стимулы для реализации характерный для человека способ неутилитарного отношения к миру и своей деятельности — игра. Речь не только о так называемых компьютерных, карточных играх и тому подобных игровых забавах, но и о многочисленных вариантах интеллектуальных игр, конкурсов, всякого рода «испытаний» ума, воображения, интуиции и других культивируемых в игровой активности творческих сил и эрудиции человека;

³ «Актуализированность потребности в близком неформальном общении, судя по всему, является характерной особенностью жителей Интернета» [5, 152]. Хороший пример соединения противоположностей в функционировании и аксиологии Сети. Общение в ней связано не только с его самоценностью: оставаясь неутилитарной целью «жителя», общение выступает для него также в своей внешней утилитарной ценности компенсатора социального одиночества и внутренней утилитарной ценности способа получения необходимой информации, создания интернет-сообщества и многого другого.

⁴ Например, Интернет стал территорией, предоставившей реальною возможность и легитимацию для словесно-речевого (литературного) творчества многих желающих, не только пишущих электронные письма, ведущих блоги в соцсетях, но и творящих художественные или квазихудожественные тексты. Интернет «положил конец асимметрии чтения и письма. <...> Люди читают для того, чтобы создавать новые тексты» [7, 8]. Он обесмыслил понятие «графоманство», позволил — независимо от качества и ценности высказываний — самореализоваться и приобщиться к культуре, высказаться и самоутвердиться миллионам людей. По подсчетам канадского журналиста Клайва Томпсона, приведенным Кириллом Мартыновым, человечество сегодня ежедневно отправляет 154 млрд электронных писем, пишет более 500 млн твитов и более 1 млн постов в блогах только на платформе Wordpress. В Facebook ежедневно появляется более 16 млрд слов. Только электронные письма и статусы в соцсетях дают примерно 3,6 млрд слов ежедневно, что примерно эквивалентно 36 млн томов бумажных книг (для сравнения: фонды РГБ содержат 18 млн книг). Наконец, поразительные примеры массового литературного творчества: 26 тыс. полноценных повестей написано пользователями по мотивам «Звездных войн» и 1700 — по мотивам пьес Шекспира, и все они, так или иначе, комментируются и обсуждаются другими пользователями [Там же, 6]

ж) ценности свободы. Она названа последней в ряду экзистенциальных ценностей как вершина, квинтэссенция и одновременно сущностное основание, «сердцевина» существования в Сети и деятельного существования, или функционирования, самой Сети. И о ней нужно сказать специально.

Интернет не случайно ассоциируется со свободой. Не случайно и то, что в нем более, чем во всех иных хронотопах социокультурной системы, сегодня аккумулированы и осуществляют себя свободолюбивые начала человеческого существа: идеи, устремления, намерения, проекты и поступки, относящиеся ко всем сферам человеческого существования от повседневности до философской рефлексии, от секса и личных увлечений до права и политики. И во всех Интернет и его акторы — далеко не всегда позитивно, прогрессивно и гуманистически оправданно — умеют преодолевать, отменять или обходить всевозможные и многочисленные социокультурные табу. Складывается впечатление, что свобода — главная и тотальная цель Сети, ее бьющая через край самодовлеющая, настаивающая на своем стихия. У желающего войти в Интернет только одно ограничение для этого, причем исключительно техническое: ему нужен компьютер. Дальше он становится свободным, демонстрируя главное непосредственное проявление свободы: свободу выбора. Что он получает/выбирает? Наряду с атрибутивным для Сети информационным многообразием, которое мировоззренчески и ценностно-смыслово можно множественно представить и интерпретировать (множественность доступных пользователю контентов оказывается множественностью разных миров (картин мира), дискурсов и стилей, типов субъектности и субъектных позиций), наряду с возможностью выбрать из этого многообразия он получает свободу выбора таящихся в этом многообразии социокультурных ролей и практик. От него ведь в конце концов зависит, что именно он возьмет из этих множеств и как он распорядится полученными возможностями. Тут его свобода не только конкретно осуществится, но и наполнится конкретным содержанием, не только информационным, но и — в не меньшей степени — экзистенциальным, социально-онтологическим. А за свободой выбора следуют и все иные основные свободы человека: свобода передвижения, свобода собраний и объединений, свобода слова и владения информацией, свобода совести и предпринимательства, свобода творчества и самовыражения.

Почему это так? Как это (свобода быть свободным в Интернете) возможно? Здесь, боюсь, не обошлось (и нам не обойтись) без капли метафизики. Во-первых, я убежден, что самой информации — изначально, в силу ее собственной природы — свойственна способность и необходимость распространяться повсюду, без ограничений, беспрепятственно переходить с одного носителя на другой, перевоплощаться и укореняться в разных субстратах. Иначе говоря, информация изначально метафизически свободна (в отличие от ее глубинных «сородичей» по природе: вещества и энергии). Во-вторых, Интернет создал для нее такое особое пространство — виртуальную реальность, где его пользователи не встречают препятствий и ограничений для своего доступа к практически любой информации, ее освоения и ретрансляции. Показательно: интернет-свободу не раз пытались ограничить извне и даже изнутри, порой по вполне рациональным причинам (социальная и персональная, практическая и психологическая, военная и (даже!)

собственно информационная безопасность, социальный порядок, защита морали и нравственного мира людей, особенно детей и т. п.). Но Интернет, его агенты и механизмы/структуры всегда сопротивлялись ограничениям свободы: секретности, замалчиванию, цензуре информации. И практически всегда находили контрмеры, преодолевавшие любые ограничения и запреты.

На растущее засилье секретности, угрожавшее гражданским свободам и всеобщему миру, Интернет ответил отменившими «тайны» разоблачениями Д. Ассанжа и Э. Сноудена. На усиление идущих от общества притязаний частной собственности и авторского права на информацию он ответил «пиратским» движением в защиту общественной собственности на культурные ценности как достояние всего человечества и каждого человека. На идущую извне и растущую коммерциализацию интернет-услуг (в том числе на доступ к научным публикациям) ответом стали бесплатные интернет-ресурсы. На социально-политические практики замалчивания и сокрытия угроз Сеть ответила настойчивым усилением гласности и свободы публичной коммуникации. «Есть моменты, когда молчание не подходит. <...> Отказ от молчания работает для неограниченной власти как “проверка реальностью”. Он является сильным средством, позволяющим запустить действия граждан и их представителей, ключевой гарантией того, что ответственные руководители организаций не потеряются в мире своих мечтаний, не будут блуждать по тем землям, на которых злоключения власти скрыты молчанием, облеченным в изящные фразы о доверии, лояльности и прогрессе» [4, 303].

Метафизическая (что здесь = свободная и всечеловеческая) природа Интернета против мировой экономики, политики, права — интереснейшая коллизия новейшей мировой культуры!

В этом «царстве свободы», в ее торжествующем могуществе и безграничности есть и несомненные теневые стороны, которые для краткости можно выразить одной формулой: дефицит ответственности. Время идеализации и сакрализации Интернета (как, впрочем, и односторонних проклятий в его адрес, бессмысленной борьбы с ним) прошло. В повестке дня практическое соединение свободы и ответственности, всеобщего равенства возможностей и корректной оценки культурного качества и ценности их реализации. Но эта задача не может отменить краеугольную роль ценности свободы как системного качества, высшей цели и фундаментального условия нормального существования Интернета.

2. Мировоззренческие ценности. Вырастают на основе имманентной логики и мировоззренческой парадигматики Интернета, определяющих такие предметные «содержания» этих ценностей:

- а) многообразии, открытости и незавершенности мира и его ценностей, мировоззренческих и ценностных позиций субъектов;
- б) культурицизм и инфоцентризм (культ информации, по Т. Рощаку) как выражение самосознания интернет-реальности;
- в) идея самоорганизации и самосовершенствования;
- г) идея динамики и обновления (обновляемости) мира;
- д) идея равноправия миров и ценностей, свободы их выбора и предпочтения;
- е) идея толерантности;

ж) признание и защита естественных прав и свобод человека (в том числе в пространстве Интернета), ценностное и рационально-критическое противостояние формам насилия, тотального контроля, бесправия и несвободы.

3. Этические (морально-нравственные) ценности. Требуют специального анализа, особенно в свете несомненной морально-нравственной противоречивости свободной, но и часто безответственной Сети, точнее — высказываний-поступков ее субъектов. В Интернете с его свободой, многообразием и предельной толерантностью (не путать с нередкой нетолерантностью пользующихся Сетью субъектов: администраторов, экспертов, комментаторов, журналистов, рядовых обывателей — самых нетерпимых пользователей Сети) сегодня сложилась странная, хочется сказать — *внеэтичная* (если не безнравственная) этика. Здесь нет четкого представления о добре и зле, сосуществует множество самых разных, во многом несовместимых этических позиций. С одной стороны, есть свободная, нерегламентируемая, неотчужденная социальность — и отсюда проявления духовной и практической солидарности: кампании поддержки, протестные движения «в защиту», благотворительность (краудфандинг). С другой — эгоцентризм и самовлюбленность, самодемонстрации (в сочетании с безопасной во всех отношениях анонимностью), нежелание и неумение слушать (тем более — слышать) Другого; грубость, разнузданность реакций (оборотная сторона безграничной свободы и искреннего, но базирующегося на низком уровне культуры самовыражения). Скромность, стыдливость, открытое выражение и признание вины, раскаяние и покаяние — (пока?) редкие качества в Сети, как и сдержанность в оценках, бережное отношение к самолюбию и чувству собственного достоинства оппонента и объекта критики, соблюдение приличий и т. п. Можно понять тех, кто, признавая необходимость и незаменимость Интернета, мечтает «создать солидное и безопасное информационное пространство, пронизанное ответственностью...» и вызывающее доверие [8, 278].

4. Эстетические ценности. Специфика эстетических ценностей как духовных заключается прежде всего в их чувственном характере. Специфика эстетических интернет-ценностей (пока изученная недостаточно) связана, следовательно, с особенностями чувственности сетевой реальности. Но вот психологи Кузнецова и Чудова, как уже известно читателю, утверждают недоступность субстрата интернет-объектов органам чувств, т. е. их сверхчувственный характер. Что, по-видимому, связывается с особенностями словесно-текстовой формы существования информации, доминирующей в Сети. Они же ссылаются на мнение М. Strangelove (так у Кузнецовой и Чудовой) о формируемой технологией Интернета новой технике существования, основной чертой которого является *внечувственность*, и новой форме сознания с новым — *асенсорным* типом Я [5, 29]. Такое понимание специфики Интернета не оставляет места для его эстетического измерения. Но ведь это не так: опыт удостоверяет в несомненном присутствии в Сети эстетических феноменов и в их вполне эстетическом восприятии и переживании пользователями, не просто «фиксирующими» то, что есть, но активно удовлетворяющими именно в интернет-пространстве свои эстетические и художественные потребности. Попробую показать наличие в Сети полноценного чувственного начала.

Во-первых, в Сети все не сводится к словесным текстам. Она сегодня подлинное царство изображений: фото-, кино-, графических и живописных, видеоизображений и изображений на основе новых визуальных технологий⁵. Так, в Facebook загружают 7 млрд изображений в месяц. А кроме визуальных в Сети множество звуковых, аудиальных образов (музыка прежде всего, но и звуки реальной жизни, ее голоса, шумы, разговоры, радиопрограммы, записи спектаклей).

Во-вторых, если взять словесные высказывания, то тут мы имеем дело с полем особой чувственности и, значит, особого эстетизма. Есть, например, дизайн портала, блога, поста, текста — их визуальный образ, оформление (шрифт, пространственная композиция, цветовое решение, декор, фото автора и т. п.). Но, что более существенно, есть чувственность самого текста-высказывания и его экспрессия. Дело не только в чувственности словесных знаков, но прежде всего в *действенности* и, значит, *телесности* высказываний. Каждое высказывание — это обнаружение «поступающего сознания» (М. М. Бахтин), сознания в его ценностном отношении к миру и своему адресату. Создатель теории речевых актов Дж. Остин трактовал их как поступки. Обе версии, несомненно, указывают на напряженную действенность и телесность словесно-речевых (текстовых) проявлений человека, следовательно, на их органически чувственный характер. И тут, строго говоря, нет разницы между высказыванием книжным/печатным, устным и электронно-экранным. С тем лишь «нюансом», что внутреннее телесное напряжение сетевого высказывания дополнительно усиливается тем обстоятельством, что в виртуале невозможны прямые, практические действия и воздействия. К тому же — в отличие от книги — сетевое высказывание сразу помещено в интерактивный контекст, т. е. дополнительно осложнено, насыщено живыми эмоциональными реакциями-поступками других людей, усиливающих, подчас многократно, его первоначальную чувственность и экспрессию.

Все эти живые энергии: экспрессия отношения, действия (поступка), воздействия и взаимодействия (интерактив) — «вкладываются» и запечатлеваются в системе «перформативов» (Остин), или дискурсе.

Это, конечно, поле чувственности и телесности, но особых. Действие не визуализируется = не становится иконически воплощенным, т. е. это не изображение. Оно осуществляется не через внешнюю форму (хотя и посредством внешних чувственных знаков), а *через напряжение и экспрессию внутренней формы* высказывания-дискурса. Для такого способа саморепрезентации высказывающегося — чувственной, эстетически значимой саморепрезентации! — очень подходит понятие/представление о *жесте*. Чувственном, экспрессивном и идейном (т. е. направленном и смыслоносном) движении, ощущаемом «изнутри» и представляемом воображением.

Итак, эстетика Интернет-сообщения — это эстетика внешнего вида текста, эстетика речедействия (перформатива) — поступка, эстетика экспрессивного жеста, эстетическая содержательность которых может быть самой разной.

⁵ Одним из важных направлений развития Интернета сегодня выступают технологии визуализации, что подтверждает и наличие особой чувственности, и немалый чувственный потенциал Сети. Этому посвящены работы известного русско-американского исследователя медиа Льва Мановича (см., например, [6]).

Однако, кроме энергии *эстетизиса*, есть в Сети и энергия *антиэстетизиса*. Это прежде всего эстетическая проблемность потока, вала информации как во времени, так и в пространстве. Это безграничное, безудержное множество, умноженное на скорость потока, вступает в конфликт с архаической (ментально укорененной тысячелетиями культуры) статикой нашего эстетического восприятия: его созерцательностью, тщательностью и детализованностью видения, интенцией целостности (= формообразующей функцией), присущей эстетическому вкусу и в целом эстетическому сознанию. Поток во времени нужно остановить и выхватить из него нечто оформленное и завершенное в его самоценности. Как выхватывает мгновение и предмет в нем взгляд поэта:

Цветы — весной,
Кукушка — летом,
Осенью — луна,
Холодный чистый снег — зимой.

Догэн, XIII в.

Снег идет, снег идет,
Снег идет, и всё в смятении:
Убеленный пешеход,
Удивленные растенья,
Перекрестка поворот.

Б. Пастернак, XX в.

Такое восприятие-отношение не у всех получается, и не все его хотят: нередко побеждает (воспитываемое, кстати, и самим Интернетом) желание «угнаться» за потоком или боязнь отстать (не угнаться), удержаться в единстве с ним, эстетически не увиденном и не пережитом. Пространственный аспект того же отчасти проявляется в уже упоминавшейся «визуализации медиа», воплощенной, например, в симульганной актуализации множества образов по какому-либо основанию: месту хранения, объекту изображения, теме, сходной детали изображаемого и т. п. Мы разом, одновременно «прикасаемся» к симульганной бесконечности — столь же антиэстетичной, что и суксесивная (во времени).

Замечу, однако, что к этой проблеме можно подойти иначе: не с консервативных, а «прогрессивных», оптимистических позиций:

1) развитие IT-технологий, прогресс в способах обработки, систематизации и репрезентации массивов информации снимет эти трудности, эти помехи, открыв путь к полноценному эстетическому восприятию и переживанию потока и массива, как бы приведенных к «общему знаменателю» традиционного эстетического отношения;

2) развитие (на развивающейся технологической основе) практик «интернет-субъективности» приведет и к развитию самого эстетического в Интернете: адаптации нашего восприятия к данности потока и массива, их «эстетизации» = превращению в самоценные эстетически значимые объекты, предмет эстетического созерцания, со-творчества и со-бытия.

Как это возможно и как это будет, будет ли вообще? Здесь гадать и спекулировать не буду.

-
1. *Барбрук Р.* Интернет-революция. М., 2015.
  2. Интернет и идеологические движения в России : коллектив. моногр. / сост. Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. М., 2016.
  3. *Кастельс М.* Власть коммуникации : учеб. пособие. М., 2016.
  4. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. М., 2015.
  5. *Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.* Психология жителей Интернета. Изд. 3-е. М., 2015.
  6. *Манович Л.* Визуализация медиа: техники изучения больших видеокolleкций // Логос. 2015. Т. 25, № 2(104).
  7. *Мартынов К.* Век писателей: текст и письмо в новых медиа // Там же.
  8. *Мирошников Б. Н.* Сетевой фактор. Интернет и общество. М., 2015.
  9. *Шлыкова О. В.* Социокультурная среда Интернета: новые ценности и коммуникативные смыслы // Обсерватория культуры. 2015. № 4.

Рукопись поступила в редакцию 21 апреля 2016 г.

УДК 004.352.4 + 316.774:81'33

М. В. Загидуллина

ОЦИФРОВКА ТЕКСТОВ И ВЫЗОВЫ НАДПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ МАССМЕДИЙНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

Статья посвящена универсальному протоколу оцифровки данных в контексте теории текста и в рамках эколингвистического подхода, рассматривающего язык как живую систему, а текст — как фрагмент этой системы. Автор приходит к выводу, что протоколирование данных представляет собой формально текст, не поддающийся расшифровке (а требующий декодирования техническим устройством), и тем самым создается основа для возникновения отчуждения индивида от текста. В то же время визуальный поворот в настоящее время ведет к разрыву знака текстового и иконического — при том, что язык протокола сохраняет свою универсальность. В таком случае создаются условия для перехода в новое состояние надграмотности (ненужности грамотности в привычном понимании — как овладения специальной техникой записывания мысли и слова). Надграмотность как новый социальный феномен нуждается в адекватном научном изучении с целью смягчения социальных последствий ее распространения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: оцифровка, net-мышление, протокол как язык, письменность, грамотность, постграмотность, надграмотность, текст, визуальный поворот, «зеленая» лингвистика.

Digital humanities (цифровые гуманитарные науки) в основном сосредоточены сегодня на новых возможностях, которые открывают перед исследователем «база

---

*Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032).

данных» и различные инструменты автоматической обработки текстов, конструирования иллюстративного материала и т. п. Однако с точки зрения философского осмысления современности было бы значимым обратиться к такому феномену, как собственно digital technology (оцифровка) в аспекте ревизии вопросов текстuality вообще.

Задача настоящей статьи — введение понятия надписьюенности как значимого концепта, позволяющего характеризовать процессы, происходящие сегодня в информационно-коммуникативном поле. Понятие надписьюенности может быть рассмотрено как способ постижения массмедийной реальности в аспекте эколингвистического подхода; при этом основные споры вокруг терминов, функционирующих в рамках самого понятия «эколингвистика», рассматриваются в соответствии с точкой зрения Н. А. Курашкиной, представившей серьезный обзор различных подходов к эколингвистике в недавнем выпуске журнала «Экология языка и коммуникативная практика» [4].

Для логики настоящей статьи важна концепция языка как живой системы, действующей в условиях определенной среды. Ответы, которые формирует система, есть реакция на вызовы, обеспечивающая устойчивость языка. В аспекте этой концепции собственно понятия «деградация» и «ухудшение» могут восприниматься как очень условные. Эти понятия применимы при анализе экологических процессов, когда внимание исследователей сосредоточено на антропогенной нагрузке на живые, предметные системы. Язык выступает постоянной и неустранимой частью коммуникации людей, а следовательно, не может испытывать никаких аналогов «антропогенной нагрузки» — он изначально имеет «антропогенную» природу и сущность. Между тем основным вызовом языковой системе следует признать именно массовизацию платформ межперсонального общения (социальные медиа как общераспространенный способ связи, а также смс-общение с мобильных телефонов и другие платформы обмена быстрыми сообщениями), что и создает условия для реконфигурации языковых моделей — аналогично тому, как на подобное давление или условия отвечают живые системы.

Технологические аспекты при этом имеют вес: от того, какой инструмент обеспечивает коммуникацию, зависит и характер самой коммуникации. Традиционно в фокусе внимания лингвистов оказывались слово и текст. Однако языковая система не менее важный объект рассмотрения. Именно в этой связи и предпринимается ревизия самого понятия «текст»: текст оказывается лишь общей частью системы и «послушно» реконфигурируется (порой сущностно) под прессом действующих на него факторов [12, 51]. Лингвоэкологические (и эколингвистические) подходы к языку мы могли бы назвать «зелеными». В последнее время эпитет «зеленый» широко вошел в общественно-политический дискурс: появились «зеленая экономика», «зеленое образование», «зеленые технологии» [2].

С опорой на размышления Т. Бредехофта [10] можно вычлениить некоторые «узлы» рассмотрения текста как части системы, живущей по биозаконам.

Размещенный в сети (на экране) текст обычно рассматривается как новая форма виртуального существования слова (картинки, звуки), однако физическая основа оцифровки очевидна: буквы (и другие знаки) преобразуются в «цифру» или код, который в виде электрического сигнала представляет собой фрагмент

физической реальности. Эта физическая реальность, будучи переведена в текстовую форму (протокол), недоступна пониманию тех, кто вступает в коммуникацию с помощью потребления дешифрованных текстов. Между тем хранение информации в виде кодов является новым вызовом цивилизации: автоматизация кодирования и декодирования создает риск утраты доступа к информации в случае утраты ключа (дешифратора протокола).

Универсальность протокола (одинаковый набор символов для кодирования разных типов информации — видео-, аудио-, возможно, сенсорной, ольфакторной, густаторной и др.) одновременно может рассматриваться как знак всеобщего синтеза и преодоления аналитической грамотности, предполагающей осознанное отношение к знакам кода (буквам). В главе «Ке» романа В. О. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» создан образ действия такого универсального протокола в будущем: любые ощущения по сути являются лишь сгенерированной компьютером проекцией («Шампанское сегодня — гипнопродукт, кисло-сладкая пузырящаяся щекотка в горле, длящаяся пару-тройку секунд и вновь оставляющая потребителя наедине со своим ужасом... Кеша горестно уронил голову, и тут же в горле у него сладко запузырилось. Оказывается, табло с ценами на шампанское еще не успело полностью погаснуть — и значит, по закону могло реагировать на шейный клик» [8, 78]). Суть «гипнопродукта» — простая ментальная реакция, образующая процесс и следствие вполне физического действия (например, одного глотка шампанского). В мире романа Пелевина оцифровано все, и абсолютно все, от идей революции до плотского греха, можно создать с помощью протокола — общего не только для всех органов чувств, но и для всех уровней бытия. Такая универсализация и открывает возможность «пересмотра ценностей», — метафорически мы можем говорить об утрате «биологического разнообразия» мира предметов, людей, ощущений. Ту же тему писатель продолжает и в недавно вышедшем романе «Смотритель», где герой страшно тяготится самой мыслью, что и сам он лишь «абстрактный протокол».

Протокол, лежащий в основе процесса коммуникации, выступает медиумом, построенным по тем же принципам, что и механизм передачи сигналов головного мозга биохимической системе организма, синтезирующей белки. В основе синтеза белков — информационный обмен, однако суть и язык этого обмена недоступны пониманию и сознанию обычного индивида. Синтез белков идет без участия воли и рациональности человека. Эта аналогия помогает видеть продуктивность эколингвистического подхода к языковой системе. Протоколирование информации при передаче ее в виде оцифрованного сигнала выведено за рамки знаниевого действия (навыка). В эпоху ранней компьютеризации предполагалось, что овладение языком программирования станет обязательным навыком любого образованного человека в ближайшем будущем (в школах изучали BASIC), однако уже два десятка лет спустя стало очевидно, что в массовом обществе знаний этот навык не нужен — протоколирование выведено в разряд автоматических процедур.

Как таковая, автоматизация несет в себе серьезные риски: устранение из цепочки причин и следствий человека ставит под сомнение его значимость. Изобретение алфавитов всегда рассматривалось как серьезное культурное действие, а сами философы, стоящие у истоков письменности и грамотности в разных

языках, нередко канонизировались (например, святые Кирилл и Мефодий). Однако переход к эпохе протокола знаменуется имперсональностью: имя «автора» неизвестно, оно растворено в коллективах «программистов-технарей». Протокол освобожден от «означивания» человеческим началом. Он становится неким процессом, теоретически кому-то понятным и известным, но по сути остающимся без контроля. Так создается угроза «ошибки протокола», — технический сбой при передаче (или кодировании/декодировании) информации может остаться невыявленным или незамеченным в силу цифровой надграмотности участников коммуникации. В художественной форме гротеска такой сбой представлен, например, в рассказе В. Пелевина «Святочный киберпанк, или Рождественская ночь-117.DIR» [7]. «Ошибка протокола» перекликается и с проблемой физического носителя закодированной информации (в рамках одного технического периода мы наблюдаем расцвет и увядание технологических платформ — от дискеты к диску, от диска к флэшке, от флэшки к облаку).

Надграмотность мы можем рассматривать как феномен, связанный с уникальным положением индивида в цифровой среде: пользуясь ее плодами, он абсолютно отчужден от самой механики ее функционирования. Чем ярче и быстрее развивается техника, совершенствуя компьютерные системы, тем меньше они требуют специальных знаний от пользователей. С этой точки зрения чрезвычайно интересна «культура большого пальца», например. Сенсорные дисплеи, управляемые прикосновением, возвращают пользователей к древним временам, когда разные формы ощупывания закреплялись в ритуальных и социальных практиках. Пальцы позволяют увеличить и приблизить текст или картинку, виртуальный мир послушен «указаниям», и уже даже не надо соображать, «где право, а где лево» (в обиход вошло устойчивое выражение «интуитивно понятный интерфейс»). Совершенствуются 3D-изображения, развиваются технологии дополненной реальности, а специальные знания для пользования устройствами, обеспечивающими эти новейшие технологии, не нужны. При этом общая тенденция — отчуждение пользователя информации от физического носителя информации, когда на смену книге, дискете, диску, флэшке, гаджету приходит распредмеченное понятие «дступа», и неважно, с какого именно устройства «открывается» нужный протокол. Это явление граничит с феноменом опредмечивания функций, реификации (по Б. Латуру, интеробъективности [5]), когда невещественность лишь иллюзия, но даже эта иллюзия вещественна.

В новом техническом мире, имитирующем мир реальности так качественно, что искусственные версии выглядят более впечатляющими, чем реальные прототипы, собственно навыки «обычной» грамотности становятся все менее востребованными. Значимо то, что само слово «грамотность» становится второй частью целого ряда неологизмов и словосочетаний — например, «экограмотность», «медиаграмотность», «компьютерная грамотность» и т. п. Но в аспекте жизни самого слова как знака феномена новые комбинации дезавуируют базовое понятие: собственно грамотность как владение письменной речью заслоняется своими бесчисленными модификациями. В этой связи надграмотность становится новой культурной реальностью и должна рассматриваться не как примитивизация (шаг назад в развитии), но усложнение культурной практики.

Основная причина расцвета надграмотности — переход к визуальной цивилизации. По М. Маклюэну, «галактика Гутенберга» завершает свой круг, открывая дорогу новым формам хранения, передачи и использования информации — электронным [6]. Эти электронные формы лишь продолжение сложного визуального поворота, начавшегося, по мнению М. Маклюэна, еще в Средние века, в момент изобретения книгопечатания, сделавшего текст зримым и обратившего людей к чтению и постижению книжной мудрости — взамен устной культуры и созерцания естественного мира в прошлом. Таким образом, не торжество визуальности, но торжество электронной (оцифрованной) визуальности возвращает человечество в доисторические (дописьменные) времена на новом уровне сознания и позволяет увидеть в письменности не высшее достижение цивилизации, но лишь одну из опций развития, возможный путь, который на поверку оказывается этапом в движении к новым формам коллективной памяти и организации культурного космоса.

Надграмотность, проявляющаяся во вполне конкретных и физически внятных процессах (например, скорочтение и чтение по диагонали, замена текстов картинкой и замена вчитывания считыванием [3], наконец, пользование протоколом поверх знания о том, как устроен оцифрованный текст, неспособность «читать» код HTML и т. п.), между тем ведет и к новым типам думания, рефлексии, в конце концов, мудрости и остроумия, прежде всего в связи с тем, что возвращается мир устной культуры. Устное получает неожиданную поддержку и новое оформление в виде невиданных раньше по своему размаху способах транскрипции (интересно, что Маклюэн, писавший свою книгу задолго до эры смс, говорит о символической и культурной значимости так называемого фонетического письма — *подобия*: «Только фонетический алфавит приводит к разрыву между глазом и ухом, между семантическим значением и визуальным кодом, и поэтому только фонетическое письмо создает условия для перехода человека из племенного мира в цивилизованный и дарит ему глаз вместо уха» [6, 40]).

Переход от голоса и звука к взгляду и тишине ярче всего характеризует период господства книжной культуры. Приводя десятки аргументов, Маклюэн стремится развеять миф о вершинности этой культурной практики человечества: книжность несет с собой тысячи негативных последствий, деформирует культуру, рушит целые системы культурных практик, а то, что дает взамен, весьма сомнительно с точки зрения «прогрессивности». Интересна апелляция исследователя к диалогу Платона «Федр», где, вместо восхищения возможностями письменной культуры, царь печально замечает, что письменность и грамотность принесут людям деградацию: «...ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для общения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [Там же, 37–38]. Вообще для Маклюэна чрезвычайно важно подчеркнуть уход в книжный текст как в альтернативную вселенную. Мир вокруг был неинтересен «книжному» человеку.

«Философия протокола» позволяет предположить, что в основе высших культурных смыслов «оцифровки» как раз и лежит стремление преодолеть ограниченность письменной культуры и письменного знания в пользу активизации временно недоразвитых либо остановивших свое развитие в связи с повсеместным

торжеством письменной культуры сенсорных систем человека (человечества). С этой точки зрения особый интерес представляют собой гибридные формы текстов («креолизованные тексты» [9; 1, 118]), существование которых стало возможно именно благодаря оцифровке. Одновременное воздействие на несколько органов чувств создает симультантный эффект надграмотного восприятия и понимания текстов (и само понятие «текст» становится все более проблематичным). Мы можем наблюдать проникновение надграмотных форм и в научный дискурс: так, инструменты «статьи будущего» компании Elsevier предполагают не только включение «хайлайтов» (выделение ключевых идей статьи в виде короткого набора емких фраз, который можно охватить «одним взглядом», сходу, без внимательного чтения статьи), но и наличие так называемого «графического абстракта» — представления содержания статьи в виде рисунка (см. рекомендуемые образцы графических резюме на сайте компании; интересно, что среди примеров встречаются графические абстракты вообще без слов, основанные исключительно на изображениях и их комбинациях [11]). Такая атака на один из самых консервативных оплотов письменности — научный дискурс — представляется глубоко значимой и требующей особого осмысления.

Таким образом, надграмотность может рассматриваться как выход к иному типу грамотности и преодолению «грамотности» в узком смысле письменной культуры. Теперь и для того, чтобы ориентироваться в мире изображений, нужна грамотность особого рода — непохожая на грамотность книжную. В мире визуальных образов культурных кодов не меньше, чем в литературе, а возвращение в мир «протоколов» голоса и звука в разы осложняет усвоение этих кодов.

Еще более запутанной ситуация становится в силу неинституционализированности надграмотности, увеличивающегося разрыва между поколениями «галактики Гутенберга» (людьми книжной культуры) и Digital Natives (рожденными в цифровом мире). Новые формы культуры не воспринимаются прежними поколениями как легитимные, критикуются, рассматриваются как крайне нежелательные. Например, «запойное» чтение книг никогда не осуждалось (и не относилось к социально нежелательным действиям). При этом сам факт чтения поощрялся, независимо от того, какого рода литературу выбирает читатель. В то же время «запойное» увлечение компьютерными формами информации и долгое времяпрепровождение в Сети уже в конце 1990-х годов стало рассматриваться как опасная девиация (интернет-зависимость). В условиях такого неприятия культурные коды новых культурных форм складываются как «контркультура». Между тем, например, прохождение сложной компьютерной игры требует высокой концентрации, погружает игрока в особый художественный мир игры, ставит перед выбором и заставляет принимать решения, а финал игры может вести к катарсису «по Аристотелю». Прохождение игры занимает у человека около 3040 часов — столько нужно в среднем, чтобы прочесть двухтомный роман. Утверждение, что мир романа более ценен для формирования личности, чем мир компьютерной игры, голословно (в силу отсутствия объективных сопоставлений и исследований художественных миров компьютерных игр). И это только один пример. Мы можем видеть, как «контркультура» формирует в цифровом пространстве особые правила коммуникации, свои ценности и нормы.

В медиатизирующемся мире возникает ситуация сосуществования «параллельных культур». Ценностные ориентиры одной культуры неизвестны и не нужны другой. В каждый период времени культура не была гомогенна. Однако особенность современного периода — в тотальном наступлении «оцифровки» и «протокола» на «старые» формы культуры. Если даже такое значимое достижение человечества, как письменность и грамотность, начинает видоизменяться, вытесняться надграмотностью, то, как минимум, этот процесс должен быть изучен, от него нельзя отмахнуться как от чего-то несущественного. Фактически — пользуясь экометафорой — можно сказать, что поле превращается в луг, одна экосистема приходит на смену другой. Экологический подход позволяет увидеть в надграмотности естественное начало, поставить новые практики в один ряд с культурными практиками прошлого.

Преодоление письменности как линии-отрезка, состоящей из законченного числа символов, каждый из которых может быть дешифрован индивидуальным сознанием, на рациональном уровне, и выход к новым формам передачи информации (в том числе и надграмотности) требуют анализа того, является ли протокол новой формой отрезка и влияет ли сам факт перехода к универсальному протоколированию разнородных культурных текстов на конфигурацию культурного поля (и, как следствие, реконфигурацию культурных практик, например, трансформацию процессов чтения, изучения, потребления текстовой фактуры).

---

1. *Валгина Н. С.* Теория текста. М., 2003.

2. *Загидуллина М. В.* Обязательность или выбор? О границах «зеленой» концепции в знанковой парадигме университетских образовательных программ // Культура и экология — основы устойчивого развития России. От «зеленого» университета к зеленой экономике : сб. материалов Международ. форума (13–15 апр. 2016 г., Екатеринбург). Екатеринбург, 2016. С. 47–49.

3. *Загидуллина М. В.* Современное читателеведение и чтениеведение в западных Social Studies и проблемы изучения чтения в отечественной науке XXI века // Чтение. XXI век : коллектив. моногр. Челябинск, 2014. С. 49–62.

4. *Курашкина Н. А.* Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 143–156.

5. *Латур Б.* Об интеробъективности / пер. А. Смирнова // Социол. обозрение. 2007. Т. 6, № 2. С. 79–96.

6. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга / пер. А. Ю. Юдина. Киев, 2003.

7. *Пелевин В. О.* Святочный киберпанк, или Рождественская Ночь-117.DIR // Пелевин В. О. Relics. Раннее и неизданное : сб. М., 2005. С. 217–236.

8. *Пелевин В. О.* Любовь к трем цукербринам : роман. М., 2014.

9. *Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180–186.

10. *Bredenhof T. A.* The visible text: textual production and reproduction from “Beowulf” to “Maus”. Oxford, 2014.

11. Elsevier — authors [Electronic resource]. URL: <https://www.elsevier.com/authors/journal-authors/graphical-abstract> (accessed: 15.04.2016).

12. *Fill A.* Ecolinguistics: State of the Art 1998 // The ecolinguistics reader: language, ecology, environment / ed. A. Fill, P. Mühlhäuser. Wales, 2001. P. 45–53.

Рукопись поступила в редакцию 27 апреля 2016 г.

УДК 004.832.24 + 316.774:004.77

А. А. Сухов

ЦИФРОВОЕ ВИЗИОНЕРСТВО В СОВРЕМЕННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГРАХ

Статья посвящена анализу опыта погружения в виртуальные миры современных компьютерных игр, обнаруживающего ряд специфических признаков визионерства (репрезентация эффекта тотальности; усиленная синестезия (в том числе посредством новейших сенсорных технологий, специальных контроллеров); собственная темпоральность и каузальность; восприятие потока динамично изменяющихся визуальных образов; трансформация линейного времени и пространства; трансперсональный опыт (создание «аватара»); переживание смерти и возрождения (опция save/load); диалектика беатифических и inferнальных состояний; властность виртуального мира (аддикция); связь с художественной культурой («цифровой романтизм») и традиционными искусствами), репрезентированных в цифровом пространстве. Это позволяет говорить о появлении новой, обусловленной развитием информационных технологий цифровой модификации визионерства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: компьютерные игры, визионерство, виртуальная реальность, цифровые медиа, искусство, современная культура, технология, ролевые игры, страсти.

Современные компьютерные игры — сложный многоплановый феномен современной культуры, яркий пример стремительного развития цифровых медиа и новейших информационных аудиовизуальных технологий. Если первые компьютерные игры были по большей части достаточно примитивными аркадами с простейшей CGA (от англ. *Color Graphics Adapter* — цветной графический адаптер, первый стандарт цветных мониторов для персонального компьютера) графикой (а то и вообще без графики, если вспомнить первые текстовые RPG (от англ. *Role-Playing Game* — ролевые игры)), то многие современные компьютерные игры (типа «Total War: Rome II» (2013), «Dragon Age 3: Inquisition» (2014) или «Fallout 4» (2015)) становятся полноценными виртуальными мирами с тысячами ярких, выразительных, постоянно меняющихся деталей, с объемным звуком, интерактивным саундтреком и в 32 000 000 цветах, превосходящих «все видимое в нормальном состоянии» [11]. Этот нетривиальный (и иногда практически тотальный) опыт погружения в цифровое пространство обнаруживает черты сходства с опытом визионерского переживания. Взаимосвязь визионерства и компьютерных игр интересна также тем, что, обладая способностью перенести игрока от тягот и забот повседневной жизни в виртуальный мир, компьютерные игры оказывают терапевтический эффект и в то же время реализуют один из «основных appetitов души», по О. Хаксли [10, 57] — возможность «презволить себя, свою само-сознающую самость хотя бы на несколько мгновений» [Там же], появляющуюся как раз в ходе визионерского опыта.

Благодаря своему техническому совершенству, многообразию и жанровой дифференциации многие современные компьютерные игры врываются

в сопредельные общественные и культурные сферы — искусство, образование, этику, психологию, социальные коммуникации, политику, спорт (киберспорт) и даже гендерные отношения. Поэтому в методологическом отношении для полноценного осмысления всей многоплановости виртуальных миров современных компьютерных игр наиболее релевантным может быть междисциплинарный подход. В данном тексте мы подробно рассмотрим одну из интересных сторон междисциплинарного исследования современных компьютерных игр — взаимодействие игровой компьютерной виртуальной реальности и визионерства.

В методологическом плане мы исследуем указанное взаимодействие через поиск и репрезентацию специфических признаков визионерства в цифровом пространстве виртуальных миров современных компьютерных игр. Это позволит нам говорить о появлении новой синтетической модификации визионерства, которую можно будет условно назвать цифровым визионерством. Термином «цифровой» здесь обозначается медиаконтент (изображения, звуки, тексты), существующий в виде классического набора цифр (1 и 0) в двоичной системе, используемой в компьютерных системах.

Для дальнейшего исследования следует также определиться с основными терминами и прежде всего с феноменом визионерства как таковым. В целом под визионерством мы понимаем «культурную способность восприятия сверхчувственной реальности на уровне чувственной имманентности» [7]. Следует также сказать о специфической визионерской образной *предметности* [Там же, 9]. Анализ философских эссе Олдоса Хаксли (в работах которого визионерство впервые представлено как предмет философской рефлексии), а также актуальных современных естественно-научных (С. Гроф) и неопозитивистских (Дж. Д. Льюис-Уильямс, Т. Доусон, Р. К. Сигель, М. Е. Джарвик, Д. Дронфилд и др.) исследований позволяет выявить характерные признаки визионерства: 1) многократное усиление чувственного восприятия, в первую очередь визуального; 2) совмещение инфернальных и блаженных состояний; 3) нарушение каузальных связей; 4) восприятие потока «удивительной новой информации» [2]; 5) восприятие динамично изменяющихся характерных визуальных образов — от простых геометрических фигур, ярких и запутанных узоров, самоцветов до более сложных фигур; 6) ощущение сверхъестественной значимости, несомненной бытийной достоверности; 7) трансформирование линейности времени и пространства; 8) деперсонализацию; 9) потерю воли к действию, доминанту созерцательности; 10) повышенную притягательность визионерского переживания [7, 11].

Также на основе детального анализа работ О. Хаксли и актуальных неопозитивистских исследований можно выявить краткую теоретическую модель визионерства, включающую следующие элементы: а) «тотальность: отсутствие дистанции между визионером и созерцаемым объектом; б) целостность визионерской реальности, обеспеченную чувственной синестезией; в) парадоксальность сочетания постижимости и таинственности, знакомого и абсолютно нового; г) повышенную достоверность визионерских образов по контрасту с повседневным восприятием; д) сверхзначимость, притягательность, властность визионерской реальности» [Там же, 11–12]. Эту теоретическую модель мы используем для анализа визионерства в виртуальных мирах современных компьютерных игр.

Перед этим анализом следует разобраться с определением феномена виртуальной реальности как такового. Широкая популярность данного термина привела к тому, что «виртуальная реальность» стала собирательным обозначением множества феноменов конца XX — начала XXI в.: телевидения, электронных коммуникаций, цифровых медиа. На данный момент не существует целостной концепции виртуальной реальности, в широком смысле она может рассматриваться как «любые измененные состояния сознания» [1, 3]. В более узком значении виртуальная реальность понимается как вид экранного искусства или как «законченное воплощение стиля и настроений постмодернистской культуры» [Там же], а в самом узком смысле определяется как «реальность, создаваемая при непосредственном взаимодействии с компьютером» [Там же] (компьютерная виртуальная реальность). При всем многообразии систем виртуальной реальности «их объединяет производимый эффект погружения (*immersion*). Он заключается в том, что пользователь перестает ощущать себя внешним наблюдателем и включается в виртуальное окружение, начинает воспринимать его как “настоящее”» [Там же].

По сути, виртуальная реальность пытается *репрезентировать эффект подлинности и тотальности* медиумического визионерского опыта. Как и в случае с первоначальным визионерством-медиумизмом в религиозно-мифологических системах, виртуальная реальность стимулирует эффект чувственной достоверности, причем не только визуальной, но даже осязательной. Это реализуется, например, при использовании в ходе игрового процесса специальных новейших *сенсорных технологий*, таких как знаменитый сенсорный игровой контроллер Kinect для консоли Xbox360 и платформы PC (позволяющей пользователю взаимодействовать с компьютером через устные команды [12] и перемещения тела); контроллер Wii Remote для игровой консоли Wii компании Nintendo или сложный контроллер Hydra для платформы PC, генерирующий электромагнитное поле с радиусом в семь шагов для тактильной манипуляции с загружаемым контентом для легендарной компьютерной игры «Portal 2» (2011), состоящей из сложных физических головоломок, построенных для непосредственного изучения природы порталов (мгновенного перемещения и тем самым визионерской трансценденции линейности времени и пространства).

Кроме того, при помощи специальных сенсорных технологий и контроллеров компьютерные игры дают возможность пережить (в цифровом виде) так называемый «*трансперсональный опыт*» [2]. Этот термин (наряду с «холотропным состоянием») [3] широко использует в своих работах основатель трансперсональной психологии Станислав Гроф для обозначения визионерского переживания. В контексте разрабатываемого им современного научного парадигмального сдвига в сторону «сужения разрыва между наукой и мистицизмом» [2] С. Гроф в своих работах пытается изменить устоявшееся в обыденном сознании и научном дискурсе отношение к визионерству как некоторой «аномалии» или девиации. Многие современные компьютерные игры (в первую очередь в упомянутом ранее жанре RPG, например, в «The Elder Scrolls V: Skyrim» (2011) или серии игр «Fallout» (1997–2016)) предполагают наличие/создание альтер эго (своего «аватара» или «персонажа»), которым будет управлять игрок в виртуальном мире. Создание «аватара» во многих ролевых компьютерных играх предполагает формирование

детализированной виртуальной копии игрока. «Вживание» в созданного «аватара» с помощью специальных сенсорных контроллеров и достоверного интерактивного видео и звука, по сути, дает возможность «внетелесных переживаний» [3] в цифровом пространстве виртуального мира компьютерной игры. Славой Жижек предполагает, что в дальнейшем это приведет к тому, что человек в виде кода «сможет в сжатом виде уместиться на одном CD» [5]. То есть и здесь фактически речь идет о цифровой версии трансперсонального опыта.

Компьютерные виртуальные миры, как и миры визионерского переживания, обладают *собственной темпоральностью и каузальностью*: время в виртуальной реальности (как и в визионерском опыте по версии С. Грофа) обратимо, что, с учетом динамики виртуальной реальности, может приводить к нарушениям причинно-следственных связей. «Будучи результатом научных исследований и развития техники в рамках рациональной традиции, технология виртуальной реальности обнаруживает ее отрицание, противопоставляя опыт потока субъектно-объектной разорванности, доверие чувственным данным — аналитике, релятивизм — стройным иерархическим структурам» [1, 3]. Как и визионерство, виртуальная реальность, с одной стороны, является формой *восприятия*, с другой — *конструирования*, причем эта способность оказывается культурно-детерминированной, наполненной узнаваемыми образами той иной культурной традиции (например, средневековый антураж фэнтезийных компьютерных игр).

Характерная для виртуальной реальности собственная темпоральность в компьютерных играх репрезентирована в опции save/load (сохранение/загрузка). Она представляет собой возможность заново переиграть, «пережить» ту или иную ситуацию, явление невозможное (но часто желаемое) в повседневной жизни, однако возможное в визионерском переживании (по версии С. Грофа). Благодаря этому в играх можно испытать визионерское *переживание смерти и возрождения*. Например, в серии игр «Grand Theft Auto» (1997–2013) игрок может пережить совершенно лютую смерть в жуткой автомобильной аварии на эстакаде, а потом сразу спокойно возродиться с полным набором очков виртуального здоровья.

Применительно к компьютерным играм можно говорить о визионерской *трансформации «линейного времени и пространства»* [2], так как игрок может: 1) изменить время в игре — поставить на паузу, загрузить с начала, перейти сразу к финалу, ускорить или замедлить время (например, в жанрах авиасимуляторов в играх серии «Microsoft Flight Simulator» (1982–2012) или стратегий), а в ролевых компьютерных играх упомянутой ранее серии «Fallout» можно «перемотать» время с ночи сразу на утро или наоборот; 2) изменить пространство в игре, так как размер воспринимаемых объектов может охватывать весь возможный диапазон от приближения к самым мелким до удаления до размеров карты, планеты или галактики (например, в жанре космических стратегий в серии игр «Master of Orion» (1993–2016)).

Само значение времени и пространства может существенно минимизироваться, поскольку, сосредоточившись на происходящем, игрок способен полностью «отключиться» от окружающей действительности. В этом смысле акцент смещается на характерное для визионерства *созерцание и непреодолимое желание* продлить этот нетривиальный опыт, *властность* визионерской реальности. Этот

момент не только прямо отсылает нас к соответствующему признаку визионерства, но и смыкается с этической проблематикой современных компьютерных игр, в частности с феноменом компьютерной игровой аддикции. В самых тяжелых в психоэмоциональном отношении случаях игровая компьютерная аддикция может привести к психофизическому истощению и даже к смерти, как, например, в известном случае с китайской геймершей [13] после многосуточного сеанса в игре в жанре ММОПРПГ (от англ. «*Massively Multiplayer Online Role-Playing Game*» — массовая многопользовательская ролевая игра). Применительно к данному случаю представляется релевантной работа Д. Хэлифакс и С. Грофа «Человек перед лицом смерти», в которой указывается, что «часто случалось так, что визионерские переживания отдельных людей были настолько приятными, что ощутившие их испытывали сильное желание умереть и так навеки остаться в запредельных мирах» [4].

Поскольку визионерство является не просто статичным психофизическим явлением, но и феноменом культуры, предстающим в истории в динамично изменяющихся различных культурно-исторических модификациях (от древнейших медиумических религиозно-мифологических форм до современных), было бы интересно посмотреть, репрезентация какого исторического типа культуры в наибольшей степени актуализируется в цифровом пространстве современных компьютерных игр.

Даже при первом беглом взгляде на все многообразие видов и жанров современных компьютерных игр сразу же бросается в глаза множество популярных игр в жанре *fantasy RPG* (фэнтезийных ролевых игр). Широкое распространение жанра фэнтези не только в литературе, но и в экранных искусствах (в качестве примера вспомним экранизацию «*The Lord of the Rings*» («Властелин Колец»), получившую 12 «Оскаров», многочисленные истории о Гарри Поттере или невероятно популярный сериал «*Game of Thrones*» («Игра Престолов»)) привело к массовому распространению первоначально оффлайн-ролевых игр на платформе РС (от англ. *Personal Computer* — персональный компьютер, ПК), а затем и почти к тотальному преобладанию уже не только на РС, но и почти на всех мобильных платформах (iOS, Android, Windows Phone) многочисленных фэнтезийных игр в упомянутом ранее жанре ММОПРПГ (таких как знаменитая «*World of Warcraft*» (1994–2014)). Сегодня игры этого жанра являются признанными лидерами продаж в онлайн-магазинах мобильных приложений для смартфонов и планшетов по всему миру. Это приводит к тому, что в этих онлайн-магазинах вообще бывает затруднительно отыскать какую-либо игру в жанре, отличном от ММОПРПГ.

В культурно-историческом отношении виртуальные миры подавляющего большинства оффлайн-ролевых игр и онлайн-ролевых ММОПРПГ визуально и аудиально (посредством создания ярких сказочных образов и интерактивного драматического саундтрека) репрезентируют романтизированное Средневековье. Именно поэтому многие ролевые компьютерные игры (как, например, «*The Elder Scrolls IV: Oblivion*» (2006) или «*Dragon Age 2*» (2011)) позволяют реализовать такие притягательные романтические устремления, как «видение себя в прекрасном сказочном мире» (Новалис) [6, 106], «обретение себя в царстве провидения

и мечты» (Л. Уланд) [9, 106] и т. п. По сути, то, о чем грезили и что страстно желали увидеть романтики и даже некоторые средневековые мистики, сегодня репрезентируется в цифровом пространстве компьютерной виртуальной реальности. В этом смысле можно говорить о своеобразном «цифровом романтизме» современных компьютерных игр. В то же время сама компьютерная виртуальная реальность вполне в духе постмодернизма оказывается насыщенной цитатами, отсылает и к другим историческим типам культуры (например, к первобытной или античной культуре в стратегической игре «Age of Empires» (1997)).

Репрезентация романтической и медиумической (религиозно-мифологической) модификаций визионерства в виртуальных мирах современных компьютерных игр обнаруживает взаимосвязь с *художественной* модификацией визионерства. Интересным примером может быть легендарная компьютерная игра «American McGee's Alice» (2000). Созданием этой игры разработчик American McGee (Американ МакГи) не только создает виртуальное развлечение, но и (что отражено в названии) предлагает свое *авторское* видение произведения Л. Кэрролла, трансформированного в игре в фантазмагоричную визионерскую реальность (причем в достаточно характерной, например для средневекового визионерства, inferнальной форме). Примечательно также, что ряд современных западных изданий, посвященных компьютерным играм, маркируют некоторые из них как художественные и «визионерские». Например, журнал PC GAMER прямо называет игру «Deus Ex» (2000) «визионерским произведением» [12].

Вместе с тем можно отметить и обратную тенденцию — использование визуальной визионерской стилистики в современном кинематографе (который, кстати, первоначально тоже считали лишь развлечением, аттракционом). В частности, можно отметить блокбастерный фильм Д. Кэмерона «Аватар» (2009), репрезентирующий красочные «сказочные» миры в 3D (трехмерном) формате, усиливающим визуальное чувственное восприятие, с объемным звуком «Dolby Digital» и насыщенным саундтреком, что придает виртуальному миру максимальную *чувственную достоверность*, сравнимую с беатифическими (блаженными) мирами визионерского переживания. Здесь же можно отметить и активное использование в современном кинематографе компьютерных персонажей. Например, можно вспомнить неоднозначного персонажа по имени Джа-Джа Бинкс во второй (хронологически первой (1999–2005)) трилогии серии фильмов «Star Wars» или обитателей планеты Пандора в упомянутом фильме «Аватар».

Однако, по сравнению с кино, самым заметным отличием компьютерных игр от медиумической модификации визионерства является так называемая «интерактивность» — не пассивное созерцание, недеяние, но активное взаимодействие игрока с компьютерной виртуальной реальностью. В то же время порождаемая этой интерактивностью определенная свобода действий в виртуальном мире в значительной степени является мнимой, так как в действительности весь игровой процесс заранее запрограммирован разработчиками игры. Даже в ролевых играх с максимальной степенью свободы (не только в серии «Fallout», но и в легендарных «Planescape: Torment» (1999), «Baldur's Gate» (1998) или в недавней серии игр «Dragon Age» (2009–2014)) все возможные варианты развития сюжета и диалоги заранее детально прописаны [8, 258].

В целом виртуальные миры современных компьютерных игр обнаруживают ряд специфических признаков (репрезентация эффекта тотальности и подлинности визионерства; усиленная чувственная синестезия виртуальных миров (в том числе посредством новейших сенсорных технологий, специальных контроллеров); собственная темпоральность и каузальность виртуальной реальности; трансформация линейного времени и пространства; восприятие потока новой информации, динамично изменяющихся визуальных образов; трансперсональный опыт (создание «аватара», своего «персонажа»); переживание смерти и возрождения (опция save/load); репрезентация беатифических и inferнальных состояний; повышенная притягательность, властность виртуального мира (связанная с компьютерной игровой аддикцией); связь с художественной культурой («цифровой романтизм») и традиционными искусствами), свойственных в первую очередь медиумической, религиозно-мифологической, а также художественной модификациям визионерства, однако репрезентированных в цифровом пространстве компьютерной виртуальной реальности. Это позволяет говорить о появлении новой, обусловленной развитием информационных технологий синтетической модификации визионерства, которую условно можно назвать цифровым визионерством. В итоге можно зафиксировать появление нового культурно-исторического типа визионерства в современной культуре.

-
1. *Браславский П. И.* Технология виртуальной реальности как феномен культуры конца XX — начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2004.
  2. *Гроф С.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии [Электронный ресурс]. URL: <http://psycho.dtn.ru/lib/beyondthebrain.htm> (дата обращения: 12.02.2016).
  3. *Гроф С.* Космическая игра: исследование рубежей сознания. М., 1997.
  4. *Гроф С., Хэлифакс Д.* Человек перед лицом смерти [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianmystic.narod.ru/dead.htm> (дата обращения: 12.02.2016).
  5. *Жижек С.* Никакого пола, пожалуйста, мы — пост-люди! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.anthropology.ru/ru/texts/translab/texts/zizec2.htm> (дата обращения: 12.12.2013).
  6. *Новалис.* Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980.
  7. *Сухов А. А.* Феномен визионерства: культурно-исторические основания и модификации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2008.
  8. *Сухов А. А.* Компьютерные игры и искусство (к постановке проблемы) // Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2013.
  9. *Уланд Л.* О романтическом // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980.
  10. *Хаксли О.* Остров. Врата восприятия. Небеса и ад. Киев, 1995.
  11. *Huxley A.* The Doors of Perception [Electronic resource]. URL: <http://www.maps.org/books/HuxleyA1954TheDoorsOfPerception.pdf> (accessed: 12.02.2016).
  12. PC GAMER. 2008. № 10(73).
  13. Security lab. Китайской геймерше устроили виртуальные похороны [Electronic resource]. URL: <http://www.securitylab.ru/news/241863.php> (accessed: 17.04.2014).

Рукопись поступила в редакцию 19 мая 2016 г.

**КОММУНИКАЦИОННЫЙ (МЕДИА)ТРЕНД СОВРЕМЕННОЙ
ЭСТЕТИКИ: К ПРОБЛЕМЕ ЕЕ ГЛОССАРИЯ**

Статья посвящена рассмотрению особенностей медийного позиционирования современной эстетики, что существенно определяет ее научный статус. Исследование проводится на основе новой — протоклассической — парадигмы гуманитарных наук и концептивистской методологии философствования в контексте проективной эстетики. Значимым итогом являются теоретико-методологическое обоснование и разработка проекта международного электронного словаря (глоссария) по философии художественности и современного искусства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: методологии гуманитарных наук, проективная эстетика, электронные массмедиа, международный словарь (глоссарий), философия современного искусства, художественность.

В настоящее время эстетика, как и все другие интеллектуальные феномены современной культуры, не только нуждается в переосмыслении своего статуса и потенциала, но и, более того, не может развиваться как наука далее, не считаясь с другими актуальными реалиями «повседневного» бытийствования, не учитывая его трендовых особенностей, то есть застаиваясь и отставая от «времени человеческого бытия» в своей асинхронности ему, что с неизбежностью приводит к «смерти эстетики».

Как философская дисциплина с многовековой историей, эстетика, казалось бы, может по-прежнему спокойно отстояться в стороне от современной культуры и от «неудобной» повседневности, как это было до того, — оставаться традиционной и маловостребованной в этой связи и не быть актуальной, продолжая свое существование в рамках ею же установленных привычных историко-эстетических границ, отстраняясь от вызовов современности, особенностей принципиально новой культуры и ее «неудобств», не слыша голоса и не понимая языка современного искусства, не видя «маргинального» Homo Aestheticus и т. д., то есть не вкушая современности — весьма непривычного для нее Вкуса Нового.

Но, хотим мы этого или нет, веление времени таково, что эстетика должна не только считаться с новыми правилами игры, чтобы быть в игре и хотя бы сохраняться как значимый игрок институционально с присущей ей культурной ценностью; дело в том, что она может набирать при этом новые жизненные силы и придавать новые смыслы здесь-и-сейчас происходящему, обогащая и направляя его философски-духовно, теоретически и методологически потенцируя его адекватный «эстетизм-и-артезис», столь значимый для весьма перспективной будущности.

«Как Это Сделать?» — вот основной вопрос современной эстетики.

Конечно, прежде всего нужны и важны свежие содержательные концептуальные идеи, но в нашу информационную эпоху, пожалуй, основным «формальным» трендом становится коммуникационно-медийный: «Media are the Messages» &

«Connecting the Aestheticians» («Медиа — это послания» & «Соединяя эстетиков»). Жизнь новых идей в современном информационном обществе определяется коммуникацией по их поводу и тем, как они обращаются.

Речь идет не о том только, что можно и нужно противопоставить банальности повседневности и даже «трансфигурации банальности» [19], сколько о том, что можно и нужно предложить действительно креативного и значимого в этой связи и как это сделать, то есть не только об изменении «горизонта понимания», но и о подвижке понимания самого этого «горизонта эстетики» (в проекции обозримого будущего, конечно же без излишней неоправданной футуристичности, тем более на основе шоков).

Коммуникативность современной эстетики выходит на первый план. А если попытаться помыслить об этом медийно, то невозможно обойтись без новых электронных технологий в этой связи.

Коммуникационный тренд современной эстетики предполагает своего рода «шизоэстетику» [20], когда в соответствии с одним из слоганов их манифеста «Ризомы» нужно быть подвижным, даже оставаясь на месте. Однако мобильность реагирования — это еще далеко не все, так как можно быть мобильным и все равно оставаться на месте.

Нужно обратить внимание прежде всего на самую первооснову современной коммуникации, то есть на самую «ризому» («корневище»). Если «ризомы» не только образ переплетенности всего и вся в современной культуре, а принцип медийной ментальности (которая уже не парадигмальна, как прежде, традиционно, но синтагмальна), репрезентативно представленный виртуальной реальностью Интернета прежде всего, то как это относимо к медийно, по преимуществу, интересующей нас (и не только профессионально, но и гуманитарно и гуманитаристски, если хотите) эстетике и к тому, что с ней связано в других контекстах?

Необходимо медийно ризоматизировать современную эстетику, чтобы быть максимально ближе к ризоме современного бытия, более того, нужно переплестись с повседневностью, например, с весьма условной «массовой культурой», не принимая «элитарной позы мыслителя». Новая речь в данном случае может идти о «коммуникационной маргинальной эстетике», когда главной оказывается «коммуникация без границ». Это означает и трансмаргинальность, и транскоммуникативность, и трансэстетичность, и транскультуральность тоже. В предельном отношении конечно же имеется в виду феномен «трансгрессивности», который, если не только по-постструктуралистски, предполагает экзистенциальный, причем именно современно-экзистенциальный аспект человеческого бытия с явным трендом в будущее — «через границы», преодолевая их и, что более важно, трансформируя бытие, так как на смену информационной эпохе и информации, как средству только, приходит и уже почти пришла «трансформационная эра». Так что задача состоит даже не в том, чтобы быть только в тренде, сверхзадача — в том, чтобы заняться, как говорил Сократ о философии, «родовспоможением» — опять и снова. «Повивальная бабка в Интернете»!

Итак, ризоматичность, маргинальность, транскультуральность обеспечивают коммуникационный тренд современной эстетики (и не только). Что еще, если иметь в виду ее особенности?

Опыт знакомства с современной эстетикой, как она представлена локально-институционально, да и глобально, показывает (это, кроме прочего, конгрессы и международные конференции, журналы, международные и национальные сообщества и др.), в том числе и лингвистически, что есть огромный дефицит и даже провал коммуникации и понимания; в пределе — отсутствие инварианта языка «эсперанто» в общении друг с другом. Каждый говорит на «своем собственном языке», как буквально, так и метафорически: по-прежнему значимы свои собственные, хорошо выверенные парадигмы понимания и языка, привязанные локально (английский язык, конечно же, универсален и удобен, но только функционально). Это касается философии в первую очередь, не говоря уж об эстетике, понимаемой в ее экстенсивном варианте «телософии» (наиболее популярной сейчас в мире «сомаэстетики»).

Впрочем, есть надежда на еще не содеянное, но неизбежно творчески прорастающее и вызревающее в современности — в новых технологиях и в новой ментальности, интенцированных в сторону Коммуникационно-Медийно-Виртуально-Трансформационной Будущности.

В качестве конкретики этой будущности предлагается проект словаря «коммуникационно-маргинальной эстетики», которая, видимо, наиболее адекватно и сможет быть в тренде современности.

Предлагаемый проект созвучен и когерентен основным, сравнительно «недавно» опубликованным, новым типам отечественных «словарей по эстетике» (в самом широком смысле): это, например (если не по алфавиту и не по значимости, так как каждый из них значим по-своему, а по году издания), «Альтернативная культура. Энциклопедия» (2005), «Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века» (2003), «Проективный философский словарь. Новые термины и понятия» (2003), «Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты» (2001), «Словарь терминов московской концептуальной школы» (1999) [1–5].

Теоретико-методологическое обоснование концепции проекта

В ситуации «неожиданных вызовов» со стороны настоящего, и особенно грядущего, в том, что называется «современными» социокультурными процессами бытия, решающую роль должны играть адекватные и мобильные «системы быстрого реагирования» на происходящее, наиболее соответствующие его осмыслению. В предельном, то есть собственно философском смысле, речь может идти о значимости гуманитарных методологий как «суммы» способов интеллектуальной рефлексии и саморефлексии, то есть как о значимости самого процесса «думанья думы» (Хайдеггер), так и о первозначимости того, как — каким образом — это «думанье» возможно осуществить наиболее проактивно и перспективно.

В традиционном наборе известных философско-гуманитарных методологий есть своего рода исчерпанность и тупиковость, экстремально продемонстрированная в постмодернистской версии интерпретации социокультурных процессов тем, что чаще всего маркируется как «деконструкция». Деконструктивистская методология, если хотите, парадоксально обнажила «нищету» предшествующих методологий

и чрезмерные претензии на якобы достигаемое с их помощью оптимальное единство Истины и Пользы (и плюс, возможно, даже Добра и Красоты) в знании о природе современности. Но при этом парадокс деконструкции состоял и в том, что «сказанное» ею, *mutatis mutandis*, относилось и к ней самой тоже, причем еще в большей степени. В этой связи не случайно, но закономерно, что именно в ее контексте появилась очень странная гуманитаристика Делёза и Гваттари, тяготеющая к «шизоанализу», «поп-анализу», «ризоматике», «шизоэстетике» и т. п., не только обозначившая значимость маргинальности — по отношению к предыдущим — новых методологий, но и предложившая один из проектов таковой, хотя и не бесспорный, но явно знаково креативный относительно и самой деконструкции тоже.

Что же не так в прежних методологиях в аспекте их несвоевременности (асинхронности), почему они стали отставать от подлинного времени человеческого бытия, а их собственная темпоральность, финально представленная «постсовременностью», оказывается сейчас малосовременной, то есть уже не отвечающей самым актуальным вызовам будущего и весьма «не детским» неожиданностям нынешнего времени?

Отвечая на этот «исходный» для наших рассуждений вопрос, нельзя не подразумевать и не учитывать постановку еще более значимого «последнего» вопроса о том, какие же методологии в этой ситуации становятся синхронными, то есть своевременными? Если сразу же идти дальше уже использованного поименования «маргинальные» и пытаться сходу, хотя бы в общем виде и в первом приближении, найти их единую первооснову, то можно в данном случае оттолкнуться от идеи парадигм гуманитарной ментальности, их предельных оснований и соответствующих синтагм.

В истории современной гуманитарной ментальности хорошо известны прежде всего две парадигмы, которые работают в качестве основных образцов и служат первоосновой наличных методологий — то есть конкретных способов их (парадигм) реализации и тиражирования вплоть до разного рода симулякров. В общем, речь идет о двух взаимосвязанных, но принципиально разных дискурсах — о классическом и неклассическом и соответственно о двух базисных парадигмах того же наименования, если коротко и акцентированно — о Классике и Постклассике (в ее преимущественной неклассической интенции). Онтология искусства в классической и неклассической парадигмах активно рассматривается современной российской эстетикой (см., например, [7, 8]). Но применительно к нынешней ситуации имеет смысл обратить внимание на то, что находится после Классики и Постклассики тоже, — на «постпостклассичность» осмысления современности, то есть и на «постпостсовременность». Это конечно же является терминологическим, но весьма репрезентативным нонсенсом, знаково индексирующим не только проблему адекватной терминологии, но, что еще более важно, саму необходимость возникновения новой гуманитарной парадигмы и соответствующих ей методологий, то есть совсем другого дискурса — на краях классичности и постклассичности, маргинального им и именно так синхронного современности.

В этой связи заслуживает особого внимания попытка выхода за пределы дурной бесконечности «постпост...», которую осуществил М. Эпштейн в своих работах самого начала XXI в. [18].

Основная идея парадигмального звучания и значения состоит в том, что, благодаря акцентированию кардинальной смены вектора современной культуры — ее магистральной направленности не в сторону прошлого (пост), а в сторону будущего по преимуществу, новым методологиям придается особый статус — «протеистичности». Речь идет о «протеизме» (в терминологии автора), то есть, говоря несколько иначе, по существу, о протеистической парадигме и о ее отличиях от исторически предшествующих парадигм (в данном интересующем нас случае — от «Классики» и «Постклассики» в виде своего рода «Протоклассики» — уже в нашей терминологии, инспирированной рассматриваемым подходом и соответствующим дискурсом).

«Протеизм, как культурное движение, — это альтернатива тому “пост” (пост-модернизм, постструктурализм, постутопизм, постиндустриализм...), которое отталкивалось от прошлого и вместе с тем было зачаровано им, не могло выйти из его магического круга. Прото-... соизмеряет себя с предстоящим и наступающим, а не с прошедшим. Протеизм, как гуманитарная методология, изучает возникающие, еще не оформленные явления в самой начальной, текучей стадии их развития, когда они больше предвещают и знаменуют, чем бытуют в собственном смысле...» [17].

В этом контексте феномен «современности», конечно же, выглядит иначе, являясь через явно маргинальные («когда б вы знали, из какого сора...») ростки («линии побега» и «ризому» переплетений по Делёзу и Гваттари) будущего в настоящем, то есть как «протосовременность».

Классическая и постклассическая парадигмы предлагают такие методологии, которые не могут справиться с трендом протосовременности и поэтому становятся асинхронными. Синхронными (то есть своевременными) «протосовременности» могут стать только «протометодологии» — методологии вызревающие, зарождающиеся, поисковые, креативные... — *Ad marginem*.

В самом деле, что принципиально нового может предложить в методологическом аспекте, например, Классика? Традиционность классического позиционирования связана в основном с аналитической и систематической методологией и их почти полностью реализованными возможностями.

Аналитика сильна тяготением к точному поименованию сущего на основе языковых конвенций и «семейных сходств» (Л. Витгенштейн). При этом тупиковость аналитики состоит в том, что в контексте «протосовременности» более актуально появление новых языковых конвенций и «зарождение» новых «семей». Этот, собственно креативный, процесс и не поддается аналитике, делающей ставку на имеющиеся, а потому уже прошлые поименования и конвенции (на исчерпанность и повторность которых и было в основном обращено все внимание неклассической (то есть в этом отношении тоже маргинальной на этапе ее зарождения)) Постклассики. Но и систематическая методология оказалась столь же (хотя и по другим причинам) исчерпанной. Искомая «система систем» (в том или ином варианте) вроде бы всякий раз создавалась по видимости успешно, но была бессильна в объяснении феномена (пожалуй, здесь уместнее — «теоремы») неполноты любой системы и, следовательно, была аполлонически холодно-импотентной по отношению к дионисийско-хаотическому зову (призыву-вызову)

бытия (к месту вспомним в этой связи маргинального «несистемщика» Ницше). Закономерное движение традиционной систематики в сторону «странной» синергетики тоже свидетельствует о необходимой маргинализации «классической, очень классической» методологии.

Постклассика также явила две основные «линии побега» (здесь, видимо, опять правомерно использование этой ризоматической терминологии из «эстетического манифеста» Делёза — Гваттари для схватывания специфики новой синтагмы) — побега от Классики: феноменолого-герменевтическую и интертекстуалистско-деконструктивистскую неклассические методологии, так сказать, нетрадиционной ориентации (как казалось вначале). Общезначимой новацией была, например, перверсия идеи субъект-объектного взаимодействия, лежащей в концептуальной основе классической парадигмы. Приоритет был отдан феномену интерсубъектности диалогически общающихся субъектов в герменевтике, а в деконструкции — интеробъектности текстов (и Субъект здесь логично «умирал» так же не случайно, как и Автор). Но это не только свидетельствовало еще раз об исчерпанности Классики и о стремлении к ее «ревизии», как и о связанных с этим новых возможностях, но и обозначило новые тупики — уже постклассических методологий.

С одной стороны, явным преимуществом герменевтики была попытка сделать ставку на подлинное, живое (а не схематически систематизированное) настоящее, диалогически раскрывающееся «бытие сущего»; с другой стороны, процесс творения новых смыслов современности оставался все же сокрытым, а понимание его довольно туманным и даже мистическим. Понимание схватывало процесс «про-из-ведения Истины в действительность» [15] как уже нечто свершившееся, но было совершенно непонятно, в каком случае бытие раскрывается в своей непотаенности, а в каком случае нет. Интертекстуалистская методология, имевшая в качестве базисного принципа деконструкцию, пошла дальше не только систематики, но и попыталась осовременить герменевтику, насколько это было возможно в пределах общей для них пост/неклассической парадигмы. Деконструкция обратила внимание не на экзистенциальную изначальность смысла текста, а на его отложенность, отсроченность, то есть на его саморазличание или «дифферанс» по Деррида в процессе «письма», вот почему и сделала ставку на «пост» как «после». Условия появления ростков новых смыслов, то есть того, что ранее нами было названо «протосовременностью», Постклассику не интересовали в качестве главного. Постклассика не позиционировалась «в поисках иных смыслов» [10] и так и не смогла поэтому выйти за пределы «герменевтического круга» утонченной скрипции современности, превратив попытку ее живого понимания (а не аналитики-систематики) в нечто «искусственное» — в симуляционность текстовых артефактов. Можно сказать и так: «герменевтический круг» понимания современности не разомкнулся эвристически, а превратился в дурную текстовую бесконечность «постпост»...».

«Протоклассика», предпочитая маргинальные методологии, идет совсем другим путем, делая основную ставку, так сказать, на «зачатие», «беременность», «рождение» и «родовспоможение» в связи с возможностями появления нового существа «протосовременности». Что собой конкретно представляют эти

«протометодологии» и в чем их собственная специфика — вопрос, конечно же, важный, но еще важнее сам феномен их маргинальности, который *par excellence* связывается с собственной креативностью по-новому себя позиционирующего гуманитария. «Протометодологии» — это только «как бы методологии» в аспекте их традиционности. Решающую роль играет сама живая конкретика процесса мышления: современные методологии зарождаются только в креативном акте «про-двинутого» гуманитарного мышления *ad absurdum et ad marginem et trans marginem*.

Убедительные примеры маргинальных гуманитарных протометодологий — это «философия нестабильности» И. Пригожина [13], «шизоанализ» Делёза–Гваттари [6], «концептивизм» М. Эпштейна [17].

Особенности возникновения синтагм интерпретации именно художественности более подробно рассматривались авторами этой статьи в опубликованных докладах на ОМЭК VI [9, 62–68; 11, 207–211], а также в статье «Художественность как она есть: проблема адекватной спецификации» [12, 35–64].

В продолжение сказанного еще раз особо хочется подчеркнуть, что только в случае поиска других, более современных методологий схватывания мига «Впервые Бытия» [14] художественности и возникает перспектива выхода за пределы дурной бесконечности интертекстуализма *ad absurdum*. Важнее всего здесь — прорастающая, творящаяся, живая ризоматичность самой художественности как она есть. И тогда появляется надежда, отчасти и вслед за Делёзом и Гваттари, на возможный выход из тупиков рассмотренных методологий в исследовательском лабиринте художественности за счет культивации, например, явно маргинальной «психошизоаналитической методологемы» в более общем контексте «психошизодискурса» в целом.

Кроме проективного концепта «ризома» есть и другие, не менее значимые в интересующем нас аспекте, например, «существо». Так, в работе «Что такое философия?» Делёз и Гваттари (в главе о чувствах, восприятии и аффектах) утверждают следующее: «Affects are no longer feelings or affections; they go beyond the strength of those who undergo them. Sensations, percepts and affects are beings (or entities) whose validity lies in themselves and exceeds any lived. They, could be said, to exist in the absence of man. The work of art is a being (or entity) of sensation and nothing else: it exists in itself» [20, 164].

Учитывая значимость рассматриваемого концепта, мы предлагаем следующий собственный перевод: «Воздействия не сводятся более к чувствам или аффектам; они за пределами возможностей тех, кто им подвержен. Чувства, ощущения и аффекты — это существа, сила которых в них самих, что и питает все живущее. Они, можно было бы сказать, способны существовать при отсутствии человека. Произведение искусства — это существо чувствования и ничего более: оно существует само по себе».

Художественность в новой парадигме Протоклассики (то есть Протеизма) может специфицироваться как возникновение, взаимосвязь и взаимоотношения — «о-существование» и «со-существование» каких-то особых («сюрчеловеческих»? «виртуальных»?) существ, имеющих полное право на самостоятельное бытийствование, тем самым и творящих собственно художественные смыслы.

«Художественное творение» (Хайдеггер) трансформируется в «художественную тварь» (уж «извините за ассоциацию»), а ее «исток» становится, как вариант, «неудовлетворенное желание», инобытийствование в вымышленном, иллюзорном, виртуальном мире и реализация «принципа удовольствия» и «эротика текста» на этой первооснове. В близкой версии — в контексте психошизоаналитического дискурса — речь может идти и об «архетипе художественности», который, по всей видимости, Юнг имел в виду, трактуя специфичность произведения искусства, например, через понятные только в контексте его герменевтической методологии концепты «самосущность» и «автономный психический комплекс» [16, 104, 113].

Но еще в большей степени оказывается значим подход М. Эпштейна (конечно же, не случайно упоминавшийся ранее), и приобретают более четкие очертания, применительно к философствованию о художественности, как названная им Протеизмом новая парадигма Протоклассики, так и соответствующий парадигмальный сдвиг к ней от Постклассики.

Попробуем в этой связи основных парадигм и методологием, которая образует вполне определенную новую синтагму, «зацепиться», хотя бы частично, за конкретную методологию, «концептивизм», то есть сделаем основную ставку на «концептивистскую методологию» и ее креативную проективность.

В своем Проективном философском словаре М. Эпштейн дает обоснование креативности концептивистской методологием: «КОНЦЕПТИВИЗМ (от латинских “conspicere” и “conceptare”, вбирать в себя, представлять себе, замыслить, начинать, беременеть; отсюда английское “conceive” — постичь и зачать; “conception” — это и концепция, и зачатие) — философия «зачинающих понятий», конструктивная деятельность мышления в области концептов и универсалий. Как и конструкционизм, концептивизм признает “конструктность”, концептуальную заданность “реальности”, но ставит своей задачей не критику и демистификацию этих конструктов, а творческое их порождение, создание множественных моделей возможных миров, познавательных и общественных практик. Термин “концептивизм” указывает на зачинательно-генеративную природу новых методологий, которые не столько деконструируют концептуальные объекты, сколько порождают их в соответствующих гипотетических и POSSIBILITY-модальностях (см. Потенциация, Прото-). ...Согласно концептивизму задача философии не объяснять и не изменять существующий мир, а расширять и умножать “мирность” мира, его концептуальную мыслимость, которая несводима к одному из миров...» [17].

В этой связи, в контексте «проективной философии художественности», авторы предлагают ввести далее концепт «художественное существо» и предположить, что это «воображающий» (субъект воображения), придающий статус экзистенциальной подлинности своим собственным творениям-фантазмам (художественный фантазм — конкретное воплощение художественного образа в художественной реальности, которому придается статус подлинности и который эвоцирует (побуждает) к проживанию другой — воображаемой — жизни; художественный образ (способ) — первоначало художественной ментальности (сознательной и бессознательной), способность гения к продуцированию новых смыслов бытия через троп (поворот)).

Художественное существо — это особый субъект, носитель и творец художественной ментальности, тот, кто инобытийствует художественным способом (образом), то есть воображаемо творит и проживает другие жизни в условном художественном мире (художественной реальности); художественная реальность — условный мир, дополняющий внехудожественную реальность (действительность) за счет возможных смысловых проявлений человеческого бытия. Фантазмы как художественные микросущества и создают новые (то есть проективные) художественные смыслы, до того ранее не существовавшие, а значит, и очень Современные, и очень Протеистичные. Тем самым и раскрываются новые возможности бытийствования, а в аспекте проективной спецификации художественности особую значимость, например, приобретает еще один базисный концепт — «овозможение» (М. Эпштейн), который закономерно образует синтагму с более известным концептом «остраннение».

Что касается более конкретного проекта — актуального словаря по эстетике современного искусства, то в свете вышеизложенного, хотя бы пока и в набросках, эскизно его версия, предлагаемая для последующего обсуждения в отечественном и зарубежном мировом эстетическом сообществе, гипотетически может выглядеть следующим образом.

Гипотеза мультимедийного словаря по эстетике:

«Международный электронный глоссарий философии художественности и современного искусства»

1. Словарь имеет концептивистский характер — он основывается на базисных, ключевых концептах — как актуальных «старых», так и принципиально новых, через которые сейчас только и схватывается аутентичная специфика современной художественности и которые являются важнейшими критериями ее «определения» для конкретного автора из команды создателей словаря, открывая возможные перспективы для дальнейшей креативности как собственно философско-эстетической (в аспекте создания «новой эстетики»), так и собственно художественной (в аспекте будущего протеистического развития современного искусства).

2. По своему жанру и стилю философствования словарь прежде всего глоссарий, то есть набор основных «терминов художественности» с минималистской, лаконичной разверсткой (в пределах одной емкой фразы, максимум двух-трех: см., например, «Словарь терминов московской концептуальной школы») значений термина и его основного смысла для автора, который появился в его личном опыте философствования на «эстетические темы» художественности (как теоретические, так и практические). В этой связи словарь является персонифицированным — авторским — и предполагает собственное «высказывание» как собственное доконвенциональное «решение» проблемы специфики современной художественности. При этом сам набор терминов — для концентрации содержательности высказывания — целесообразно ограничить, например, 12 концептами, отобранными автором для спецификации и предложенными в его собственном видении и логике (или отсутствии таковой по принципу децентрированной

«ризомы», то есть на основе «шизоэстетики» — «Не будьте в себе Генерала!» (Делёз — Гваттари) или (и) принципа «семейных сходств» по преимуществу).

Выбор и привнесение новых концептов может осуществляться как в разумных пределах (но без *ad absurdum*) той или иной отдельной методологии, так и в их «эkleктической» (точнее, ризоматической) произвольной, свободной комбинации (главное — оправданные новации, креативность, а не повторы общеизвестного, надоевшего и сейчас уже не работающего интеллектуально и тем более художественно-практически).

3. Структурно весь словарь предлагается строить не по алфавиту или тематически (исключая отдельные разделы и общий финальный список авторов и терминов), а по «отраслевому» принципу, то есть по преимущественному позиционированию автора как профессионала в той или иной институции, связанной с художественным миром, или в качестве агента этого мира. Структура не предполагает иерархии или диахронии, она предполагает синхронию и плюрализм, по существу, это дискурс — полилог вербальных смыслов (а возможно, и невербальных — в виде «образцов» — экземплификаций и репрезентаций «чистых» и «нечистых» случаев-казусов самой художественности, как она есть в своем возникновении и данности здесь-и-сейчас). Как вариант, хотя исходная структура и задается, она должна быть ускользающей, а «система словаря» — полиструктурной и открытой (важный вопрос — о технике репрезентации уже самого словаря, но он, будем надеяться, решаем технически на основе применения новых мультимедийных технологий). Исходная структура, точнее контекст позиционирования и представления своих концептов, может быть такой: эстетика и философия искусства; философия культуры и культурология; искусствознание и другие науки об искусстве (и не об искусстве тоже); критика; арт-менеджмент и выставочный «экспозиционизм»; художники (как профессионалы, так и «воскресные художники» — непрофессионалы); реципиенты; «случайные прохожие» (структура словаря — открытая). Возможно позиционирование и соответствующее размещение концептов одного автора (или соавторов) в разных разделах словаря (без повторов, разумеется).

4. Конвенции предполагаются разные. Особенно важна «внутренняя конвенция» — с самим собой как автором и своим-другим (*alter ego*) для большей точности при продуцировании (порождении, творении) смыслов на фоне значений «своих» терминов, да и собственно новых концептов тоже (то есть речь идет об экзистенциальности концептов (творческих озарениях, уникальности, подлинности, свободе видения и мнения, автономности) и о конвенциальности (гетерономности, другости и диалогичности) только на этой исходной первооснове). Есть конвенциональность и внешняя — как в пределах ближайшего сообщества авторов по разделу (разделам): обсуждение с единомышленниками — по выбору — и возможные коррективы в этой связи, так и в контексте словаря в целом при участии экспертного совета (авторитетной редколлегии). И очень важна будет «гиперконвенция».

Было бы правильно открыть сайт в Интернете под реализацию проекта словаря и организовать форум с той или иной степенью доступа и полномочий, включая и другие сервисы тоже. Помимо корректировки «статей» с помощью

такого инструментария это даст, например, возможность вслед за публикацией первой бумажной версии словаря публиковать последующие — уточненные и расширенные, что приведет к созданию перманентного словаря и так позволит максимально синхронизировать словарь и современное искусство.

Итак, возможен и перспективен Перманентный (электронный) словарь по философии современной художественности. Вместе с тем инвариантное содержание в дальнейшем может трансформироваться и в «Энциклопедический словарь по современной эстетике» с более традиционным подходом написания развернутых (в том или ином формате) «поясняющих — объясняющих — понимающих» статей. Выход словаря в Интернет также позволит решить технически проблему мультимедийности и по существу превратит его в электронный ресурс (в том числе и образовательный). В этой связи особое значение приобретает реальная возможность давать ссылки на электронные источники самой различной информации и презентации «чистых случаев» художественности в версии автора, наглядно, непосредственно через само искусство, представляющих тот или иной концепт. Возможно, что требование таких аппликаций будет включено в условия публикации основных текстов, то есть приложения такого рода нужно бы сделать атрибутивными для каждой публикации и даже для каждого концепта (с короткими пояснениями).

5. Авторы словаря, входящие в команду, «набираются» прежде всего за счет ресурсов трех «оставшихся в живых» кафедр эстетики РФ — Московского университета, Санкт-Петербургского университета и Уральского федерального университета (Екатеринбург) — при самом широком и добровольном участии всех единомышленников как в России, так и за рубежом, заинтересованных в реализации данного проекта — по всем разделам. Поскольку проект носит открытый характер *non finito*, потенциально автором может стать любой желающий (при соответствующем редактировании, конечно) с последующим указанием при публикации основных персональных данных и присвоением авторских прав. Институтация кураторов проекта и экспертный совет создаются на основе конвенции инициаторов проекта и его авторитетных потенциальных участников. В целом проект имеет некоммерческий характер (но, в частности, возможна и финансовая составляющая).

К реально осуществляющемуся уже проекту может присоединиться каждый, кто находится или хочет находиться в этом конкретном «коммуникационном тренде» современной эстетики.

Полезные ссылки: «Обращение», «Инструкция», «Лист персональных данных», «Слоганы и образ проекта» — на сайте www.glossaryaesthetics.com или по персональному запросу на адреса: bvo51@rambler.ru, BorisOrlov51@gmail.com

Trans Marginem!

---

1. Альтернативная культура : энцикл. / сост. Д. Десятерик. Екатеринбург, 2005.

2. Лексикон неклассики: Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. М., 2003.

3. *Эпштейн М.* Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб., 2003.
4. *Руднев В.* Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М., 2001.
5. Словарь терминов московской концептуальной школы. М., 1999.
6. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. СПб., 1998.
7. *Закс Л. А.* Проблемные поля онтологии искусства // Онтология искусства : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2005. С. 19–32.
8. *Лисовец И. М.* Искусство как бытие: художественный мир и повседневность культуры // Там же. С. 113–124.
9. *Лисовец И. М.* Эстетика и актуальное искусство в начале XXI века // Философия современного искусства: материалы VI Овсянниковской междунаро. эстет. конф. Москва, 13–15.11.2014 / Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2014. С. 62–68.
10. *Налимов В. В.* В поисках иных смыслов. М., 1993.
11. *Орлов Б. В.* Проективная философия художественности // Философия современного искусства : материалы VI Овсянниковской междунаро. эстет. конф. Москва, 13–15.11.2014. С. 207–211.
12. *Орлов Б. В.* Художественность как она есть: проблема адекватной спецификации // Границы искусства и территории культуры. Екатеринбург, 2013. С. 30–64.
13. *Пригожин И.* Философия нестабильности [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000270/> (дата обращения: 03.03.2016).
14. *Рабинович В. Л.* Седьмой день творения [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/rabin/seven.html> (дата обращения: 03.03.2016).
15. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М., 1987.
16. *Юнг К. Г.* Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Юнг К. Г. Феномен духа в искусстве и науке. — Собр. соч. : в 19 т. Т. 15. М., 1992.
17. *Эпштейн М.* Проективный философский словарь. Новые термины и понятия [Электронный ресурс]. URL: http://emory.edu/INTELNET/fs_proteism (дата обращения: 02.03.2016).
18. *Эпштейн М.* Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004.
19. *Danto A.* Transfiguration of the Commonplace. Cambridge, 1981.
20. *Deleuze G., Guattari F.* What is Philosophy? / trans. H. Tomlinson and G. Burchell. N. Y., 1994.

Рукопись поступила в редакцию 19 мая 2016 г.

AESTHETICS RELATION BETWEEN ART, CULTURE, POLITICS Social Turn

This article deals with the problem of important social turn in the relationship between politics and art in the contemporary situation. In the postmodern sense, the relation between politics and art is assumed as performance or, in other words, as the representation of art and politics in the realm of cultural discourses and figures. The relations between art and politics in the contemporary sense may be assumed in terms of this triple definition, as: the transfer of politics into art, as the spectacularization of politics through art, and as a potential field of intervening critical, subversive practices in the global-transitional social processes of performing forms of life in the realm of expansive neoliberal capitalism and its global crisis.

Key words: relations of politics and art, social turn, cultural discourses, forms of life, cultural practices, representations of art and politics, transfer of politics into art, spectacularization of politics, global-transitional processes, neoliberal capitalism, global crisis, critical practices.

What Makes These Sculptures so Different? Grades of Abstraction

Zygmunt Bauman made the following almost tongue-in-cheek remark: contemporary 'workers' protests held in front of a MNC (multinational corporation) premises seem to be doomed to fail: protesters are confronted by a slightly dismayed official (a manager, administrator, coordinator, PR executive) who doesn't know exactly who should be given information regarding the protest. In other words, he/she knows that the message will be conveyed through an endless, intricate maze managing a global corporation topped by no individual or coherent team, but by abstract networks of hybrid governing and executive boards or 'decision-making platforms' connected to other bodies of management and funding. Indeed, this scheme of governance is incompatible with that of a personified owner and his way of running things in nineteenth century companies. In those times, workers' protests tended to personally address the factory owner or his direct representative, who resided in his villa inside the factory grounds or somewhere nearby.

Let's try to observe the matter from another angle. Let's take a look at two sculptures from two different periods and two different political systems: the monument (ArcelorMittal Orbit) raised for the 2012 Olympic Games in London and Lenin's statue at Kaluzhskaya Ploshchad in Moscow erected in 1985.

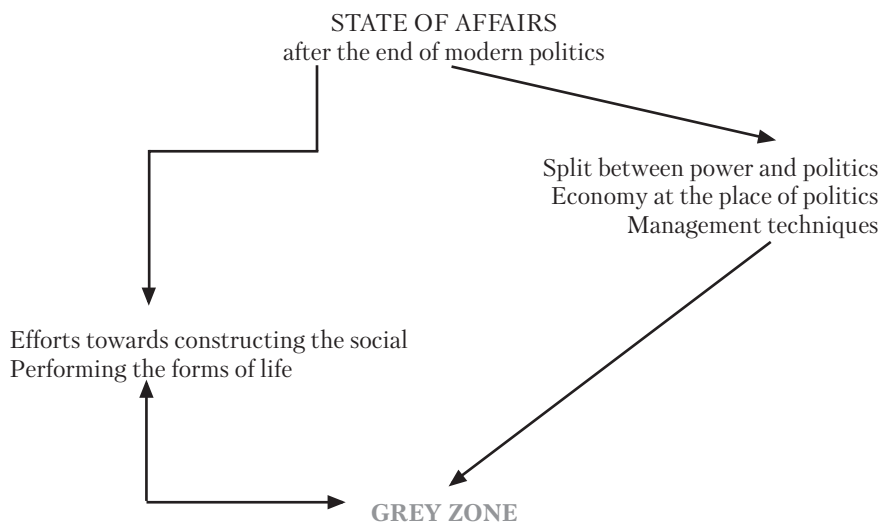
The former piece was designed by the postmodern sculptor Anish Kapoor with Cecil Balmond from the engineering group Arup and *Ushida Findlay Architects*. The latter was executed by the sculptors Lev Kerbel and *Vasily Dmitriyevich Fëdorov, in collaboration with architects* G. Makarevich and A. Samsonov. Both pieces came about at the peak of a crisis: the global financial crisis and the global real-socialist crisis, respectively. The former was funded by the British corporate system. The latter was funded by the Soviet state. One stands for the fluid, abstract order of neoliberal global power. The other stood

for the stability and matter-of-fact Soviet tradition of representing the revolutionary power of initiation. Both pieces are ‘political abstractions,’ stressing their assertiveness with monumentality and affirming ‘the power of corporate market capitalism’ and ‘the power of the workers’ revolution’ (respectively). The economic abstraction tends to be presented as an abstraction, namely, an abstract power. On the contrary, the political abstraction tends to be presented as a non-abstraction, i. e. as concrete power expressed by single or multiple personifications (a leader, leadership, people...).

The Crisis of Politics and the Return of the Political

What began with the postmodern and evolved in the times of global transition was a progression from the modern bureaucratic capitalist or socialist state which sets politics in relation to social conflicts (and even economic models of competition, domination, monopolies and global expansion of the market), towards a society wherein politics as technology of government departs from the real power. Politics becomes a mechanism of minimal corrections of the social conflicts conditioned by the real powers – which became increasingly abstract within the global systems of finance, production, exchange and consumption. For instance, the sociologist Richard Sennett asserts there has been a ‘divorce between power and authority’ in relation to politics. Furthermore, he concludes that ‘the crux of politics becomes marketing’ (which seems bad for political life) [1, 135].

The point of describing this rather complex scheme is to point to the *moment* following the divorce between power and politics in relation to contemporary art. In the neoliberal society of the postmodern and, subsequently, globalization era, politics assumed the character of a techno-managerial cultural practice (policy): it is now displaced from the domain of fundamental social issues towards individualized cultural (even artistic) actions in the realms of identity and representation of the ‘ordinary.’ A cynical conclusion might be that in times of globalization, everything – meaning culture and art – is politicized, except politics itself which is being de-politicized [2].

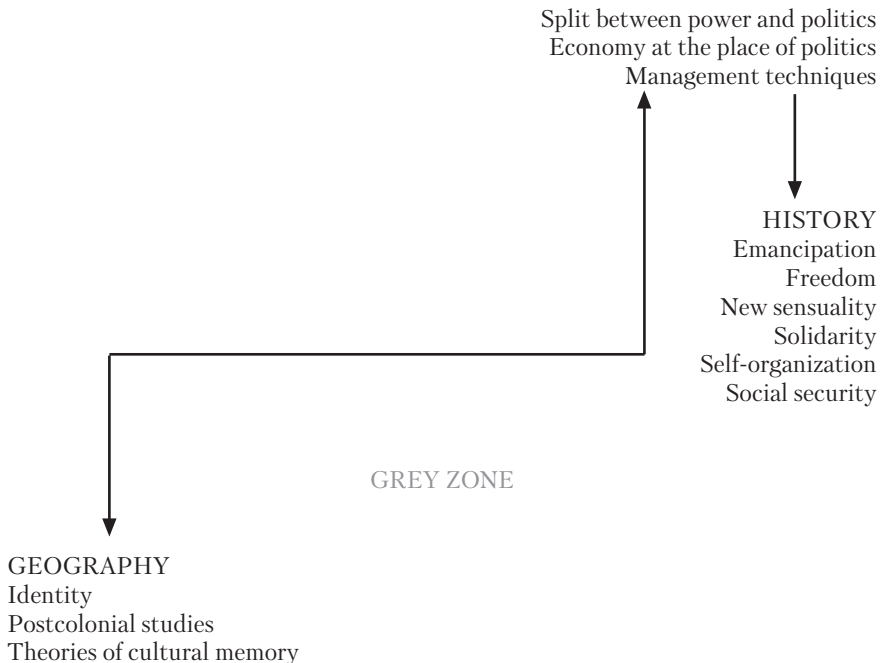
Appropriation of politics in arts and culture

I argue that we encounter two synchronous and antagonistic claims:

1. The claim that there has been a transfer of the *political of politics* and *politics of the political* outside the realm of politics — meaning, into the *contexts* of culture and arts. In other words, politics and the political are put into practice in the regimes of aesthetization of the art world and culture. Politics itself becomes a formalized technique of government (policies) in the name of the power which is no longer politics (meaning, a transparent social practice of responding to the ‘human condition’); and

2. The claim (quite opposite to the first) that social space, which no longer appears as political space (but as the space of the market), is again posited as a space of the construction of the social by means of art. This implies that the politicization of art again brings into play the ‘human condition’ as a specific condition of a desired sociality.

In both claims art is politicized or, more to the point, in both claims regimes of art and regimes of politics gain visibility by way of aesthetics. However, the former claim remains heavily determined by the de-politization of politics; the latter *conceives* art and culture as ‘ladders’ to escape from depoliticized preserves or spaces of apparent politicality to the realms of real sociality as politicality. This contradictory contemporary situation may be pictured by the following diagram:

This model demonstrates that the split between power and politics leads to the effects of split narratives of synchronic ‘geography’ and diachronic ‘history’ i. e. to replacing the canonical Western historical thought on culture and arts with a new canon of geographical reflection. This train of thought was anticipated by the notions

of contextualism, evolving from structuralism (partly post-structuralism) to cultural studies and their impact on 'postcolonial studies' *i. e.* 'geo-aesthetics' and 'theories of cultural memory'.

Modern history seemed complete with modern phenomenologies of emancipation, freedom, new sensuality, solidarity, self-organization and social security.

What both diagrams show is the supposition of a *grey zone* in the split between power and politics (and, analogously, between geography and history, *i. e.* between space and time), which is to be restructured.

The outlined theoretical issues have their instances in artistic practices.

Cultural memory appears as a poetical model with a 'distanced politicization' in relation to *contemporaneity*. With his *Memorial to the Murdered Jews of Europe* (2005) architect Peter Eisenman simultaneously points to the 'strategies of memory' (paying tribute to the victims) and cultural truce in the contemporaneity of new Europe. With the projects of The Atlas Group, Walid Raad reconstructs the memories of the traumatic Lebanon Civil War, expressing the 'unspeakable of the war' through the visibility of the archives indexing the ethical and political 'stains' of its witnesses and accomplices. With his project *Scarves and monuments* (2006) Igor Grubić disclosed testimonies of socialist Yugoslavia from the national contemporaneity.

Between the cultural memory of revolutions of modernism and the modern, homages to 1968 or expressions of yearning for a radical new 'sensitivity,' contemporary artistic practices referring to 'revolution as an event' are played out (in, for example, *Marina Naprushkina's* ironic installations, actions and workshops of the platform *Chto delat?*, the Iranian Islamic Revolution as featured by the group *Slavs & Tatars*, Jun Yang's or Ai Weiwei's parody of the relations between revolution and counter-revolution in the Chinese transition...).

Furthermore, activism and social participation (complicity, action) feature as movements from art into the realm of culture and, finally, via culture to situations of social antagonisms and conflicts, *i. e.* to the real political. As artistic practice, activism appears in quite specific situations when institutions of cultural, social or governmental work underachieve. The artist somehow becomes a social or cultural worker who operates in 'micro-cultures' (of sexual workers in the case of Tadej Pogačar or cultural symptoms of transition in the case of Nikola Džafo or every day politics Nika Radić). Escape from the micro-cultures into the 'restricted macro systems' is associated with the investigative work of the Critical Art Ensemble in the sphere of economic, production, market and political practices, like the global Internet or genetic engineering. The Belgrade movement *Žene u crnom* stepped out from the commonly feminist 'politics of difference' into an 'anti-war politics' common for critical political practice on a totalizing level.

A radical turn from micro-politics to 'politicized sociality' may be entertained with political movements like Occupy Wall Street or the Egyptian revolution of 2011 and 2013 protests in Turkey. These phenomena did not come about with artistic intentions; however, aestheticization was part of their renewal of the common, *i. e.* social political resistance. The failure of these movements testifies to the vulnerability of 'self-organized resistance,' when exposed to the technologies of government which conceal the real centers of power.

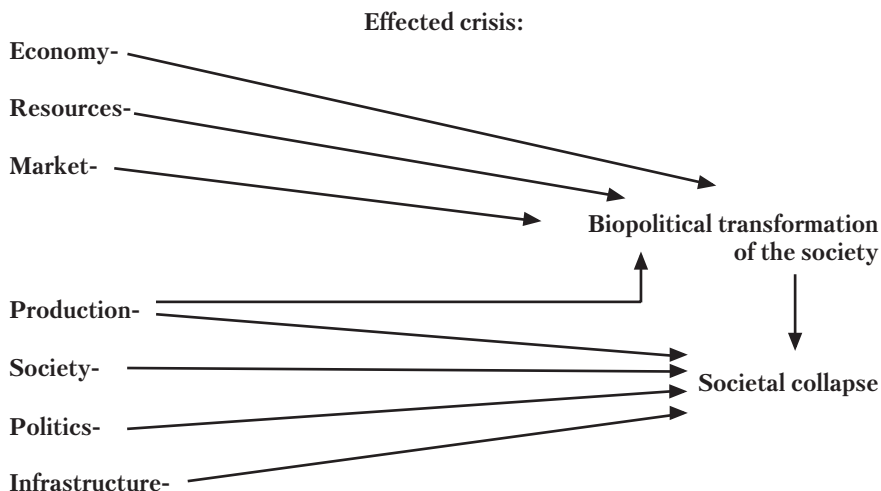
One of the phenomena of the ‘politicization of art,’ approaching the models of modernist politicization (for example, realist art of the 19th and 20th centuries) is artists’ reaction to terrorism and the war against terrorism in the first decade of the 21st century [3]. This refers to the realist propaganda or anti-propaganda art dealing with September 11 (Thomas Ruff’s photos) or the war against terrorism as a form of global repression from a military superpower like the USA (Richard Serra’s *Stop Bush* billboard, Abdel-Karim Khalil’s sculptures or *Guy Gladwell’s* critical painting).

Economy and Biopolitics

On a street book stand in Belgrade I accidentally found a book titled *Theories of Collapse* [4], a selection of classical texts on the dialectics of social crises and collapses (Marx, Lenin, Cunow, Bernstein, Kautsky, Hilferding, Luxemburg, Bukharin, Sternberg, Grossman, Pollock, Dobb, Sweezy, Varga, Baran, Mattick, Amin, Mandel and Jacoby). The book contains elaborated typologies, analytical and polemical insights behind the causes of modern crises and fairly detailed chronologies of local and global crises from 1815 to the early 1980s when the book was published. Using additional sources, I’ve composed an approximate chronological sequence of major crises: 1815, 1825, 1836, 1847, 1857, 1866, 1873–1874, 1879, 1886, 1891–1895, 1899–1904, 1906–1908, 1919–1922, 1929–1932, 1973, 1981–1989, 1987, 1997, 2008–2013.

At the time, I was not interested in the reasons behind the crises, but in the frequency of their emergence. In the 19th century, crises broke out almost every ten years. The frequency of the crises did not change dramatically after the Second World War. Their permanence and abundance raised the question ‘what were all those crises about!?’ There may be plenty of answers to that question (the economy, resources, production, the market, society, politics...). I was interested in those that could be identified as political – and not all political crises, but specifically those that establish some relation between the derived forms of life affected by the crisis. In other words, merely superficial insight into statistical data shows that each crisis resulted in changes in the forms of life, from demography (settlement, migrations) to standards of living, social security or buying power, *i. e.* to free or limited choices in the ways one lives one’s everyday life. This insight stirred some vague intuitions which led me to conclude that, at all times, a crisis was an instrument or effect of the biopolitical disciplining of society. Crises I had personal experiences with – from the economic crises of self-management socialism (1960s, 1970s, 1980s) to the crises of transition in the 1990s and the first decade of the 21st century – showed that ‘economic crises and collapses’ were used either by governments or government-detached bodies (secret services, banking and business corporations, tycoon alliances) in order to transform the effects of the crises (most often intentionally or randomly caused by *them*) into biopolitical instruments of surveillance and, furthermore, reshape the public and private daily lives of citizens. I propose the following scheme:

Non-revolutionary and non-reformist transformation of the capitalist society

A crisis taking place for a possibly 'objective' reason, brought about by the inner contradictions of capitalism, appears as a convenient 'resource' for performing discipline. Without a crisis *i. e.* 'state of emergency', this disciplining could not be imposed legitimately. This exceptional crisis situation permits the government to reclaim a share of its impact on society, permits the market to restructure the habits of the citizen-consumers and, finally, permits production to modify itself. It allows for passing from one stage to another without perceiving the crisis as a revolution or reform followed by all the consequences of revolutions and fundamental reforms. A crisis, therefore, may be identified as a situation which claims necessary economic renewal as an excuse for a biopolitical 'drill' of the population for the new conditions of consumption, exchange and production.

Examples of artistic representation (or, in recent times, the indexing) of the crisis as an instrument of biopolitics abound. The painter George Grosz witnessed the crisis of the Weimar Republic (*Grey Day*, 1921; *The Pillars of Society*, 1926). Joseph Beuys and, subsequently, Alfredo Jaar spotlighted the transfer of the 'symbols of political economy' into the realm of art – for instance, Beuys: 'Kunst = Kapital' (1979) and Jaar: 'Kultur = Kapital' (2012), followed by Jota Castro (*Mortgage*, 2009) or Melanie Gilligan (*Crisis in the Credit System*, 2008) etc.

Conclusion

Politics and art are current issues at the beginning of the new century.

The relation between politics and art is traditionally assumed as didactic: it implies that art transposes politics to a level of general knowledge or abstract stances on human relations in the particularities of 'real life'. The didactic function of art indeed means

that the purpose of art is propaganda. In art, politics claims presence — sensually/bodily displayed as active knowledge or a *cognitively packaged* experience of desired or desirable sociality. It becomes a trace or evidence of choice for an optimal form of life surpassing the critical distance towards life itself [5].

In the modern sense, the relation between politics and art is assumed as a *critical practice* — wherein art questions the didactic claims of hegemonic politics and its 'normative' performance of *forms of life* which comply with the apparatuses and discourses of real and fictional power. Adorno insisted that art should be analyzed as an element of wider social processes: "It is self-evident that nothing concerning art is self-evident anymore, not its inner life, not its relation to the world, not even its right to exist" [6].

Politics posits art as an instrument of enframing and performing a social problem as a challenge to the normative order of power. Art posits politics as an instrument of spectacularization (becoming visible, audible) of a social problem which is concealed behind the normative order of power, administration, government...

In the postmodern sense, the relation between politics and art is assumed as performance or, in other words, as the representation of art and politics in the realm of cultural discourses and figures [7]. A Lyotardian critique of the *metanarrative* indicates that politics is being depoliticized, and art is being *de-articized* to the level of plural cultural production, exchange and consumption of arbitrary *floating* 'artifacts'. Politics and art are realms of articulation and re-articulation of the new form of depoliticized politics: that is, 'cultural policies'.

The relation between art and politics in the contemporary sense may be assumed in terms of this triple definition, as: (1) the transfer of politics into art, (2) the spectacularization of politics through art, and (3) a potential field of intervening critical, subversive, symptomatic practices in the global-transitional social processes of performing forms of life in the realm of expansive neoliberal capitalism and its global crisis.

---

1. Sennett R. The Culture of the New Capitalism. New Haven, 2006.

2. Krečič J. Pogovor s filozofinjo Alenko Zupančič: Vse se politizira, ker se politika depolitizira (Interview with Philosopher Alenka Zupančič: Everything Is Politicised, Because Politics is Depoliticised). Delo. 2008. 21 June. P. 24–25.

3. Mitchell W. J. T. "War Is Over (If You Want It)", in Cloning Terror / The War of Images, 9/11 to the Present, Chicago: The University of Chicago Press, 2011, 6.

4. Kautsky K. "Teorije kriza" (Crisis theory), in Teorije sloma (Theories of Collapse) / eds. Branko Caratan, Rade Kalanj, Vjekoslav Mikecin. Zagreb, 1981. P. 93.

5. Lukács G. Essays on Realism. Cambridge, 1980. P. 37–42.

6. Theodor W. Adorno, Aesthetic Theory. L.; N. Y., 2002 (1970). 1.

7. Erjavec A. "Introduction", in Postmodernism and the Postsocialist Condition. Politicized Art in the Late Socialism. Berkeley, 2003. P. 18–20.

М. Шувакович

ЭСТЕТИКА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИСКУССТВОМ, КУЛЬТУРОЙ, ПОЛИТИКОЙ Социальный поворот

В статье речь идет о проблеме значимого социального поворота во взаимоотношениях политики и искусства в современной ситуации. Важным результатом исследования стал вывод о том, что в постмодернизме отношение между политикой и искусством предполагается как представление (перформанс) или как репрезентация искусства и политики в сфере культурных дискурсов и форм. Сейчас это соотношение может быть определено трояко: как трансфер политики в искусство, как превращение политики в спектакль при помощи искусства и как потенциальное поле вторжения критических, разрушительных практик в глобально-транзитивные социальные процессы перформирования форм жизни экспансивного неолиберального капитализма и его глобального кризиса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: взаимоотношения политики и искусства, социальный поворот, культурные дискурсы, формы жизни, культурные практики, репрезентации искусства и политики, трансфер политики в искусство, политика как спектакль, глобально-транзитивные процессы, неолиберальный капитализм, глобальный кризис, критические практики.

То, что началось вместе с постмодернизмом и эволюционировало во времена глобальных изменений, было развитием современного бюрократического капитализма или социализма на государственном уровне, которые соотносили политику с социальными конфликтами (и даже с экономическими моделями соревновательности, доминирования, монополизации и экспансии рынка) в обществе, где политика как государственная технология исходит из реальной власти. В начале нового тысячелетия политика становится механизмом минимальных коррекций социальных конфликтов реальными властями, которые стали безгранично абстрактными в глобальных системах финансов, производства, обмена и потребления.

Достаточно сложный вопрос состоит в том, чтобы рассмотреть, как *в настоящее время* сказалось в отношении современного искусства расхождение власти и политики. В неолиберальном обществе эпохи постмодерна и, следовательно, эпохи глобализации политика носит характер культурной практики техномеджмента (это и есть политика в действии): она сейчас располагается между социальной сферой и индивидуализированными культурными (и даже, можно сказать, художественными) акциями в обители идентичности и репрезентации «обычного». Циничным умозаключением в данном случае могло бы стать утверждение, что во времена глобализации все значимое в культуре и искусстве политизировано за исключением политики как таковой, которая деполитизирована.

Есть основания утверждать, что нужно принимать в расчет два феномена:

— переход *политического* и *политики* за сферу самой политики, то есть в *контексты* культуры и искусства. Другими словами, политика и политическое помещаются в практики эстетизации художественного мира и культуры. Политика сама по себе становится формализованной техникой управления во имя власти,

которая больше не является политикой (то есть транспарентной социальной практикой, отвечающей «человеческому условию»);

— утверждение (противоположное первому): социальное пространство, которое больше не является политическим пространством (а только пространством маркетинга), полагается пространством конструирования социального средствами искусства. Это означает, что политизация искусства опять вводит в игру «человеческое условие» как специфическое условие желаемой социальности.

Как в том, так и в другом случае искусство политизируется. Однако первое требование остается сильно детерминированным деполитизацией политики; второе утверждение *понимает* искусство и культуру как спасительные «лестницы» для бегства из деполитизированных заповедников или пространств непрозрачной политичности в обители реальной социальности как политичности.

Отношение между политикой и искусством традиционно рассматривалось как дидактическое, где предполагалось, что искусство перемещает политику на уровень общего знания или абстракций по поводу человеческих отношений в условиях «реальной жизни». Дидактическая функция искусства в действительности означает, что цель искусства — пропаганда. В искусстве политика заявляет о своем чувственном/телесном присутствии в качестве действенного знания или *когнитивно упакованного* опыта желаемой или желанной социальности.

В современном смысле отношение между политикой и искусством понимается как *критическая практика* — там, где искусство ставит под вопрос дидактические требования главенствующей политики и ее «нормативного» перформанса *форм жизни*, соответствующие аппаратам и дискурсам реальной и вымышленной власти.

Политика полагает искусство как инструмент обрамления и представления в действии социальной проблемы как вызова нормативному порядку власти. Искусство позиционирует политику как инструмент постановки спектакля (видимого, слышимого) по социальной проблеме, спрятанной за нормативным порядком власти, администрации, правительства.

В постмодернистском смысле отношение между политикой и искусством рассматривается как представление (перформанс) или репрезентация искусства и политики в сфере культурных дискурсов и форм. Лиотаровская критика *метанарратива* указывает на то, что политика *деполитизирована*, а искусство *деартизировано* до уровня множественного культурного производства, обмена и потребления произвольно *плывущих* «артефактов». Политика и искусство — обители артикуляции и реартикуляции новой формы деполитизированной политики, то есть «культурной политики». В современном смысле их соотношение может быть определено трояко — как (1) трансфер политики в искусство; (2) превращение политики в спектакль посредством искусства; (3) потенциальное поле вторжения критических, разрушительных, симптоматических практик в глобально-изменяющиеся социальные процессы перформирования форм жизни экспансивного неолиберального капитализма и его глобального кризиса.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ЯЗЫК: О ПОНЯТИИ ЭКЗЕМПЛИФИКАЦИИ

Статья посвящена спорам вокруг понятия экземплификации, которое рассматривается как одно из важнейших, согласно Н. Гудмену, описывающих специфику эстетических знаковых систем. Гудмен приходит к выводу, что для искусства характерен особый тип отношений между знаком и тем, что им обозначается, — экземплификация, которая, по сути, тождественна символизации. В версии последователей Н. Гудмена (Х. Дженсен, К. Элджин) искусство предстает как самостоятельная символическая форма, обладающая собственной спецификой, а произведение искусства представляет собой объект, функционирующий определенным образом. Можно утверждать, что функционировать в качестве произведения искусства, в рамках данной теории, означает функционировать символически, а для определения этого типа символизации необходимы тонкий художественный вкус и понимание эстетически значимых ярлыков, выявляемых при экземплификации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: экземплификация, символические знаковые системы, эстетика, симптомы эстетического, произведение искусства.

Современное искусство продолжает ставить перед современной эстетикой непростые вопросы, касающиеся как статуса произведения искусства, критериев его оценки, так и способов описания художественной ситуации.

Понятие экземплификации применительно к анализу произведения искусства предложил Н. Гудмен еще в 70-е гг. XX в., стремясь выделить специфику эстетических знаковых систем. Но сегодня мы видим, что современные эстетические исследования (например, *Vermeulen I., Brun G., Baumberger C. Five Ways of (not) Defining Exemplification* [6]; *Elgin C. Z. Making Manifest: the Role of Exemplification in the Sciences and the Arts* [3]) обращаются к этому понятию отнюдь не в рамках историко-эстетических штудий, а как к одному из тех понятий, которые, укorenившись в эстетике, позволяют создавать новые объяснительные модели искусства. Особенно показательна эволюция взглядов К. Элджин, которая считает экземплификацию одним из важнейших современных эстетических понятий. Эта эволюция требует отдельного тщательного научного разбора.

Гудмен предлагает различать пять признаков, или «симптомов», эстетического (или художественного, что в данном случае одно и то же):

- 1) синтаксическая плотность (компактность);
- 2) семантическая плотность (компактность);
- 3) относительная насыщенность;
- 4) экземплификация;
- 5) многократная и сложная референция [2].

Эти симптомы не дают полноценного определения художественного, и в этом смысле выбор термина «симптом» для описания признаков художественности показателен: они являются лишь подсказками для определения символизации,

которая обуславливает функционирование предмета в качестве произведения искусства. Признаки эти соответствуют, по сути, самому акту символизации в сфере искусства. Гудмен акцентирует внимание на принципиальном для его теории положении: объект может символизировать различные вещи в одно время и ничего не символизировать в другое. То есть нейтральный или чисто утилитарный объект может функционировать как художественный объект, и произведение искусства также может функционировать как нейтральный или чисто утилитарный объект.

Анализируя с помощью данных категорий семантическое строение различных знаковых систем, философ приходит к выводу, что для искусства характерен особый тип отношений между знаком и тем, что им обозначается, — экземплификация, которая, по сути, тождественна символизации. Гудмен отмечает: «Экземплификация не в меньшей степени, чем изображение или выражение, является формой референции. Произведение искусства, даже будучи свободным от изображения и выражения, все же является символом даже в том случае, если то, что оно символизирует, — не вещи, люди или чувства, а некоторые образцы формы, цвета, фактуры, которые оно демонстрирует» [1, 181]. В качестве обозначающего при экземплификации выступают некоторые конкретные объекты, в роли обозначаемого — общие идеи, понятия. Например, любой предмет синего цвета экземплифицирует общее понятие «синий». По мнению Гудмена, в понятии экземплификации находит отражение тот факт, что искусство больше показывает, чем объясняет. Тогда как в науке более распространен противоположный по направленности тип отношения знака и обозначаемого — денотация. Экземплификацию и денотацию Гудмен рассматривает как зависимые друг от друга способы обозначения.

Теория Гудмена вызвала неоднозначную реакцию, среди его последователей были и те, кто, пытаясь развить эту теорию, нашел в ней несогласованность. Причем несогласованность в том, что для Гудмена являлось решающим при определении специфики искусства. Выводы, к которым приходит Х. Дженсен (Henning Jensen), прямо противоположны выводам Гудмена. Дженсен считает, что Гудмен ошибается, допуская в своей теории редукцию произведения искусства к свойствам, отличающимся и делимым от него, а следовательно, Гудмен ошибается и в признании экземплификации как свойства чего-либо существующего в качестве произведения искусства, то есть в признании экземплификации как признака художественного. При этом, замечает Дженсен, сам Гудмен, «как никто другой, усиленно настаивает на том, что свойства, экземплифицируемые и выражаемые произведением искусства, на самом деле являются его собственными свойствам» [5, 49]. Но, развивая это положение, Гудмен приходит к выводу, что произведение искусства, как и любая модель, направляет наше внимание также и на свойства, принадлежащие другим объектам, хотя при восприятии произведения искусства художественный образ возникает в нашем сознании целостно, и свойства произведения мы не осознаем как нечто отличное и делимое от него. Гудмен полагает, что поиск свойств, экземплифицируемых произведением искусства, подобен применению «изменчивой и сложной мерки или нескольких мерок» или «линейки без делений». Совершенно справедливо возникает вопрос оснований для измерений, ведь нормальное применение предметов предполагает

существование правил и конвенций, контролирующих выборку тех свойств модели, которые рассматриваются в аспекте экземплификации. Если Гудмен отказывается рассматривать искусство как набор правил, то в итоге, по мнению Дженсена, без этих правил и конвенций, «которые как раз указывают на существование произведений искусства в качестве экземпликативных символов, познавательные цели, которые приписываются Гудменом произведениям искусства, не могут быть достигнуты» [5, 50].

Следует выделить по крайней мере две причины, по которым утверждение Гудмена, что произведение искусства экземпликативно, должно быть отвергнуто: «Во-первых, его подход требует референции произведения искусства к свойствам, отличающимся и отделимым от произведения искусства как такового. Во-вторых, он не обеспечивает возможностей определения того, какие свойства объекта значимы для него как произведения искусства» [Там же]. Дженсен утверждает, что гудменовское применение экземплификации в эстетической теории — это только один из возможных путей, сторонники которого рассматривают произведение искусства как то, что отсылает к чему-то иному, помимо него самого. Другой путь состоит в утверждении, что произведение искусства есть иконический знак, то есть знак, важнейшие свойства которого подобны тому, что он обозначает. И хотя наиболее явное различие между этими двумя теориями касаются различия в направленности между экземплификационной теорией и иконической (или денотационной), все же во многом они схожи, поскольку относят референцию произведения искусства к свойствам, которые отличаются и отделимы от него самого. И обе теории не содержат правил и норм, которые позволили бы нам решать, какие из тех свойств, которыми обладает объект, значимы для него как для произведения искусства.

В символической теории, представленной данными авторами, экземплификация рассматривается как то, что затрагивает саму природу произведения искусства. Кэтрин Элджин (Catherin Z. Elgin) обращается к гудменовской идее экземплификации скорее не для ее критики, но для развития теоретически важных вопросов с целью обоснования статуса произведения искусства. Элджин видит свою задачу в том, чтобы определить, «что означает функционирование какого-либо предмета в качестве образца» [4, 71]. По отношению к произведению искусства эта задача может звучать как определение того, что означает функционирование какого-либо предмета в качестве произведения искусства. Элджин признает, что экземплификация, как и денотация, является разновидностью ссылки, но они не противоположны друг другу, — экземплификация отличается от денотации только по направленности: ссылка денотации направлена от ярлыка к объекту, к которому приложим этот ярлык, а ссылка экземплификации, наоборот, от объекта к ярлыку. То есть экземплификация признается отношением между образцом и его референтом, а объектами экземплификации выступают именно ярлыки. «Чтобы обозначать объект, термин должен только отсылать к нему. А чтобы экземплифицировать термин, объект должен одновременно и относиться к нему, и служить в качестве примера», — объясняет Элджин [Там же, 73].

Как правило, ярлыки обнаруживаются в самих экземплифицирующих символах. В главе, которая называется «Экземплификация», Элджин пишет:

«Экземплифицируя, символ... обычно функционирует как ярлык, который обозначает себя самого и другие равнозначные вещи. Соответственно картина не просто имеет собственные свойства, но и повышает нашу чувствительность к форме, рисунку, цвету, которые она экземплифицирует. Мы начинаем по иному смотреть на вещи, перестраивая наш визуальный опыт в категориях, к которым отсылает произведение искусства» [4, 78].

Однако экземплифицирующий символ часто двусмыслен, так как некоторые символы отсылают ко множеству значений, другие же — к чему-то уникальному. Более того, иногда основой для экземплификации является нечто неопределенное. Следовательно, при интерпретации произведения искусства мы должны выбирать соответствующую систему, и, только зная о возможности данной интерпретации в данной системе, мы можем прийти к каким-то результатам. «Чтобы идентифицировать ярлык, который экземплифицирует объект, нужно выявить основу и границы этого сопоставления ярлыка и объекта», — утверждает Элджин [Там же, 79]. При этом оказывается, что один и тот же объект может экземплифицировать различные ярлыки, если интерпретировать его в соответствии с различными системами. Автор приводит пример: «В одной интерпретации абстрактная живопись экземплифицирует соотношение света и тени. В другой — экземплифицирует “буржуазный декаданс”» [Там же, 79–80]. Это говорит о необходимости выбора соответствующей системы интерпретации экземплифицирующих символов, но, по мнению Элджина, возможная двусмысленность экземплифицирующего символа не всегда является дефектом. Она может рассматриваться как дефект в научных исследованиях, однако произведению искусства эта двусмысленность придает «дополнительное богатство и силу».

Автор указывает на важную разницу между двусмысленностью и многократной и сложной ссылкой, которую Гудмен называет в качестве симптома эстетического: «Символ, который является двусмысленным, имеет различную интерпретацию в различных системах. А символ, имеющий множество ссылок, отсылает к числу ярлыков более одного в рамках единственной системы» [Там же, 80]. Так как произведение искусства не только сам объект, но и его интерпретация, следовательно, чем больше интерпретаций, тем интереснее сам объект. Можно отметить несомненное влияние на это высказывание идей А. Данто, утверждающего интерпретацию в качестве составляющей части произведения искусства.

«Чтобы экземплифицировать ярлык, символ должен представлять его», — утверждает Элджин [Там же]. Но это заставляет предположить, что круг экземплификации относительно узок: музыка может экземплифицировать только ярлыки, соответствующие звукам, литература — текстам и т. д., однако это неверно, так как (и здесь Элджин опирается на идеи Н. Гудмена) между символическими и несимволическими объектами нет фундаментальных различий: «Скалы, носороги, брюквы, обычно не являющиеся символическими объектами, иногда могут функционировать как символы. И, не являясь символом, могут им стать, просто будучи избранным в качестве образца» [Там же]. Более того, какие ярлыки представляет объект, зависит от того, как мы его описываем и классифицируем. В этом причина того, является ли объект в принципе символом или нет. Экстраполируя эту идею на проблему определения произведения искусства, можно сказать, что если есть

условия и наша готовность для интерпретации объекта в качестве художественного произведения, то таким объектом может в принципе стать любой объект.

Элджин не может обойти проблему восприятия произведения искусства, так как полагает, что в искусстве особо важной формой экземплификации является выражение. Однако те ярлыки, которые мы обычно приписываем произведению искусства, говоря, что какая-либо симфония выражает радость, картина — печаль и т. д., описывают не художника или зрителя, но, по мнению автора, «такие ярлыки метафорически описывают само произведение искусства...» [4, 82]. Произведение искусства представляет их не в буквальном смысле, но метафорически. При этом объект выражает только те метафорические ярлыки, которые он экземплифицирует как эстетические символы. Так, какая-либо скульптура может метафорически экземплифицировать «ярость», «золотую жилу» и «бомбу», но выражать она будет только «ярость», поскольку, экземплифицируя такие ярлыки, как «золотая жила» и «бомба», она не функционирует как эстетический символ. А то, какие ярлыки представляет объект, зависит в итоге от нашей классификации и интерпретации.

Но что значит выражение «Символ экземплифицирует ярлык метафорически»? И как определить, если мы имеем дело с символом, который метафорически экземплифицирует ярлык, выражает ли он его? Отвечая на эти вопросы, Элджин утверждает, что «символ экземплифицирует ярлык метафорически, если он одновременно отсылает к данному ярлыку и метафорически представляет его» [Там же, 81]. Та скульптура, которая метафорически экземплифицирует «ярость» как произведение искусства, «золотую жилу» как вклад капитала и «бомбу» в плане развития декоративного языка, функционирует метафорически в нескольких различных символических системах одновременно. Отсюда Элджин делает выводы, применимые для практики оценивания искусства: «Понимание и оценка произведения искусства зависит от верного определения тех эстетических ярлыков, которые оно буквально экземплифицирует, и тех, которые оно выражает» [Там же, 85]. Если мы не можем выявить ярлыки, которые экземплифицирует и выражает произведение искусства, мы не можем его понять.

Выводы, к которым приходит Элджин следующие: во-первых, функционировать в качестве произведения искусства — значит функционировать символически. Даже нерепрезентативные произведения искусства за счет комментариев, указаний, манифестов представляют некоторые эстетические ярлыки. А какие именно ярлыки представляет каждое произведение, зависит от его интерпретации. Во-вторых, наоборот, «ярлыки, от которых зависит понимание и оценка произведения, — это те ярлыки, которые оно экземплифицирует как произведение искусства» [Там же, 87]. А это значит, что критик искусства должен различать ярлыки, представление которых значимо или незначимо эстетически.

Таким образом, в версии последователей Н. Гудмена искусство предстает как самостоятельная символическая форма, обладающая собственной спецификой, а произведение искусства представляет собой объект, функционирующий определенным образом. Можно утверждать, что функционировать в качестве произведения искусства, в рамках данной теории, означает функционировать символически, а для определения этого типа символизации необходимы тонкий

художественный вкус и понимание эстетически значимых ярлыков, выявляемых при экземплификации.

---

1. *Гудмен Н.* Способы создания миров. М., 2001.
2. *Goodman N.* When is Art? // Goodman N. Ways Worldmaking of. 1978. 4. Ed. 1985.
3. *Elgin C. Z.* Making Manifest: the Role of Exemplification in the Sciences and the Arts. Principia: An International Journal of Epistemology. 2011. Vol. 15, № 3 [Electronic resource]. URL: <https://periodicos.ufsc.br/index.php/principia/article/view/1808-1711.2011v15n3p399/22386> (accessed: 15.04.2016).
4. *Elgin Catherine Z.* With Reference to Reference. Hackett Publishing, 1983.
5. *Jensen Henning.* Exemplification in Nelson Goodman's Aesthetic Theory // Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1983. Vol. 32, № 1: 47–51.
6. *Vermeulen I., Brun G., Baumberger C.* Five Ways of (not) Defining Exemplification. In G. Ernst, J. Steinbrenner & O. Scholz (eds.), From Logic to Art: Themes From Nelson Goodman. Ontos 7-219 (2009) [Electronic resource]. URL: <http://philpapers.org/rec/VERFWO> (accessed: 15.04.2016).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ

«СТЫКИ МОДЕРНОСТИ: ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ЛИЧНОСТИ И СООБЩЕСТВ»

УДК 316.37 + 159.928.234 + 338.124.4

Е. Г. Трубина

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И ЕЕ ОБСУЖДЕНИЕ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

В статье рассматривается обсуждение жизнестойкости в российском и зарубежном социально-гуманитарном знании с учетом опыта организации международной междисциплинарной конференции «Стыки модерности: жизнестойкость личности и сообществ», проведенной ИСПН УрФУ 25–26 марта 2016 г. Энергичное использование понятий индивидуальной, коллективной и социальной жизнестойкости в зарубежных теориях кризисного менеджмента, урбанистике, социологии, социальной психологии свидетельствует, что понятие обнаруживает свою нужность для описания жизни стран, наций, военных, этнических и иных сообществ. Введено понятие «шкал жизнестойкости» для систематизации имеющихся позиций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жизнестойкость, шкалы, модерность, постмодерность, катастрофы, кризис, менеджмент.

В данной статье я остановлюсь на следующих вопросах: вначале скажу о трех контрастах (или диспропорциях) — как обсуждается жизнестойкость в России и за рубежом, затем кратко покажу разницу, как к жизнестойкости относились в модерности и постмодерности (т. е. в недавнем прошлом и сейчас), остановлюсь на том, какие шкалы жизнестойкости выделяет современная социальная теория, и подведу итоги.

Кратко поясню основные понятия, которые я использую. Жизнестойкость — это способность системы отвечать на удар и возвращаться к нормальному состоянию, к равновесию, после внешнего удара. Такое понимание вошло в политические документы, к примеру, в документы Всемирного банка, в которых жизнестойкость определяется как способность людей оправляться от потрясений, сохраняя или улучшая способность функционировать [30, 80]. Внешний удар — это катастрофа, несчастье, авария, кризис, травма. Шкала (или масштаб, уровень) — порядок проявления конкретного свойства, который может быть различным, простираясь от индивида до земного шара, от микроскопических явлений до гигантских.

Социально-гуманитарное знание — большая группа дисциплин, изучающих людей и общества, испытывая большие сложности с получением средств на исследования, так как в глазах грантодателей технические и естественно-научные дисциплины лучше оправдывают вложения в них [10, 66].

Изменения людей и обществ социально-гуманитарные дисциплины и теории изучают по-разному, в том числе апологетически-одобрительно и скептически-критически, т. е. сохраняя независимость от политического давления. Одни анализируют то, какие слова и тексты общество и власть произносят в определенных ситуациях, какие цели они преследуют, а также какие слова о себе люди сами предпочитают слышать. Другие анализируют повседневные практики людей, в которых те нередко обходятся без слов. Теории — это призмы или линзы, сквозь которые исследователи смотрят на то, что они изучают.

Социальные и гуманитарные теории нередко используют понятия, возникшие в технических и естественных науках. Жизнестойкость является примером такого заимствования: если понимание жизнестойкости в инженерных науках связано с тем, как система возвращается после удара к исходному состоянию, в экологии идет речь о том, как после удара системы реорганизуются и меняются, а в социальных науках утверждается, что способность социальных систем выдержать невзгоды зависит от качества их институтов, их гибкости и рефлексивности, способности принимать удары и поглощать их [21, 374]. Эти и другие варианты понимания жизнестойкости объединяет между собой гибридный характер сегодняшних кризисов; так, глобальное потепление воздействует на все страны без исключения, не зная национальных границ. Попытки изучать глобальные катастрофы, помещая их в дисциплинарные «гетто», непродуктивны: дело не только в том, что на Земле становится все теплее, но и в том, что не существует пока политических механизмов, позволяющих объединить усилия правительств для того, чтобы смягчить последствия засухи, наводнений и голода для беднейших слоев населения.

Итак, мой первый вопрос связан с тремя диспропорциями в том, как обсуждается жизнестойкость в России и за рубежом. В данной статье я совмещаю две точки зрения: инициатора и соорганизатора конференции, материалы которой публикуются в данном выпуске «Известий УрФУ», и ученого. Первая точка зрения предполагает рефлексию того, какой отклик нашли наши усилия организаторов междисциплинарной конференции «Стыки модерности: жизнестойкость личности и сообществ» (ИСПН, УрФУ, 25–26 марта 2016 г.) среди отечественных университетских преподавателей, в том числе среди тех, кто работает в ИСПН. Эта конференция необычна в том отношении, что была задумана и организована в постоянном диалоге небольшой группы психологов, философов и социологов, прежде всего Ольги Виндекер и Марины Клименских, Андрея Меньшикова, Аллы Старшиновой и автора этой статьи. Мы собирались на семинары, в ходе которых сравнивали наше понимание понятия жизнестойкости и его связи с другими понятиями, а также наше понимание того, что значит сегодня — продуктивно работать в науке. Об этой конференции мы объявили на сайте ИСПН и в социальных сетях, подчеркнув, что хотим устроить междисциплинарный диалог. Отклик получили любопытный: отозвались лишь несколько социологов и философов как из УрФУ,

так и извне. А психологи восхитили своей самоорганизацией и интересом к проблематике.

Вторая точка зрения — ученого — предполагает, во-первых, рассмотрение того, чем отличается осмысление проблематики жизнестойкости в России и за ее пределами, а во-вторых, того, в чем состоят отличия этого осмысления разными областями социально-гуманитарного знания. Наш организаторский замысел заключался в том, чтобы побудить к диалогу ученых, интересующихся индивидуальной и коллективной жизнестойкостью, и способствовать активному включению ученых ИСПН в международный контекст. За рубежом активно исследуется и то, как связана жизнестойкость неравномерным развитием регионов и стран с бедностью, с развитостью бизнеса, качеством менеджмента, международным положением той или иной страны, наконец, с влиянием глобализации. Иными словами, ученые рассматривают *жизнестойкость в разном масштабе*, включая в свой анализ самые разные сообщества. Это очень важное для меня обстоятельство. В своих исследованиях городской политики я использую принцип *полимасштабности*, т. е. то, как перекликаются между собой процессы, разворачивающиеся в разных масштабах [29].

Значимость принципа полимасштабности для понимания жизнестойкости я продемонстрировала бы с помощью такого очевидного примера: субъект может гордиться своей личной жизнестойкостью и не раз ее проявлять, но в случае если страна, в которой он живет, переживает глубокий кризис, он может столкнуться с недостаточностью индивидуальной приспособляемости. «Масштабы» (от мирового до местного) — традиционные географические понятия, а отношения между ними стали осмысляться по-новому с углублением глобализации. Первые попытки ее осмысления сопровождались наивными тезисами о том, что глобализация уменьшает значение таких масштабов, как национальный и местный, потому что все большую роль начинают играть наднациональные или транснациональные процессы. Затем на все «глобальное» исследователи и политические активисты стали смотреть с тревогой, а на все «местное» — с нежностью и одобрением.

Отдельную роль в этом процессе сложного взаимодействия масштабов занимают такие масштабы, как национальный и государственный. С учетом этого мне как соорганизатору конференции очень хотелось привлечь в данный проект людей, которым интересна жизнестойкость наций, регионов и городов. Однако участников, занимающихся жизнестойкостью сообществ, нам привлечь почти не удалось, и большинство представленных докладов посвящено *индивидуальной* жизнестойкости. Эта диспропорция заметна не только в городе и в УрФУ, но и в России в целом: если судить по психологическим работам, представленным в Интернете, в частности на сайте elibrary, жизнестойкость, как правило, обсуждается на уровне личности и в связи с такими понятиями, как «способность человека к инновациям» [1], «стресс» [2], «психическое здоровье» и «будущее» [4], «трудные жизненные ситуации» [6] и с использованием идей американских коллег [3]. А непсихологических работ очень немного, хотя на том же сайте elibrary можно найти тексты, посвященные жизнестойкости детей-сирот, российской молодежи, в частности студенческой, а также фирм и компаний. Это первая диспропорция, на которую я хочу обратить внимание; о том, что значит жизнестойкость *индивида*,

написано у нас в России гораздо больше, чем о том, что значит, скажем, жизнестойкость религиозной общины, студенческой группы, объединения по месту жительства и других.

Второй примечательный момент — разница между *объемом и широтой* обсуждаемых в связи с жизнестойкостью проблем в России и за рубежом, что свидетельствует, возможно, и о более общем разрыве между тем, как работаем мы и как работают западные коллеги. Если за рубежом опубликованы сотни связанных с жизнестойкостью книг, то у нас счет идет на единицы [5].

Третье несовпадение, о котором я хочу кратко сказать, — это несовпадение между *отношением к жизнестойкости*, преобладающем в массиве российских текстов и текстов западных. В России жизнестойкость мыслится как *положительное* качество индивида, представленность которого можно измерить и формированию которого какие-то факторы способствуют, а какие-то препятствуют. Чем больше жизнестойкости проявляет индивид — тем лучше, так можно кратко суммировать многие работы. На Западе же, повторю, объем написанного о самой разной, не только индивидуальной, жизнестойкости очень велик. Основательность изучения этого феномена приводит к тому, что коллеги уже активно *критикуют* друг друга. Помимо оживленного обсуждения жизнестойкости в рамках академической жизни слова, обозначающие этот феномен, вошли в словарь политиков, урбанистов, администраторов высшего образования. Исследующим жизнестойкость ученым кажется не случайным, что именно сегодня, в период разностороннего кризиса, ведется так много разговоров о жизнестойкости наций, городов и людей. О том, почему это так и чем это может быть и нам интересно, я хочу кратко рассказать далее.

От модернистского понимания жизнестойкости к современному

Модернизм — это культурное движение, которое стало реакцией на сдвиги в жизни западного общества в конце XIX и начала XX в. в связи с ростом промышленности, городов, ужасами Первой мировой войны. Эра *модерности* связана с развитием индивидуализма, капитализма, урбанизации, веры в возможности науки и техники. Под знаком *модернизации* прошел весь XX в., в том числе и советский, а теперь проходит российское противоречивое развитие. Эти термины не совпадают полностью, но в основе их популярности лежит вера в прогресс в разных областях жизни. Эта вера проявилась и в модернистской литературе, и в фордистской социальной политике, и в риторике многочисленных документов о модернизации разных областей жизни в нашей стране.

Модернистские представления о катастрофах и несчастьях еще в 1970-х гг. состояли в том, что несчастья рассматривались как внезапные, отдельные, необычные ситуации, обрушивающиеся на общество извне и нарушающие повседневную жизнь, мешая ей идти обычным ходом [19]. Несчастья не увязывались с отношениями между человеком и природой, ученые не готовы были считать катастрофы вытекающими из человеческой деятельности. Реагирование на чрезвычайную ситуацию понималось так: надо установить защитный барьер или карантин между местом катастрофы, его жертвами и нормальным обществом.

Как убедительно показывает географ Кеннет Хьюит, мировоззрение, из которого этот подход вытекал, строилось на трех посылах: во-первых, на уверенности, что можно предсказать геофизические процессы и их воздействие на человечество; во-вторых, на убеждении, что эти процессы либо можно удерживать под контролем, либо вовремя переселять задетое катастрофами население и производство (все это можно всесторонне планировать и всем этим управлять); в-третьих, на убеждении, что возможен *централизованный* ответ на катастрофу, основанный на иерархии соответствующих организаций [19, 17]. Модернистские меры в связи с чрезвычайными ситуациями включали работу по предотвращению наводнений, городское зонирование, перемещение пострадавшего населения в лагеря для беженцев, закрытие пострадавших районов, так называемый засев облаков, т. е. принудительное выделение дождевых осадков из облаков. Катастрофы и несчастья понимались как что-то другое, нежели жизнь людей: они представлялись случайными и изолированными невзгодами, между которыми и обычной жизнью можно возвести надежные заслоны.

Причиной такого понимания было то, что носителям модернистской идеологии было сложно понять, что человеческая деятельность сама создает чрезвычайные ситуации. Действия, которые вызывали катастрофу, мыслилось в этой логике, могли происходить только из-за несчастного случая, небрежности или преднамеренного саботажа. Допускать, что это правительство, бизнес, наука или другие общественные институты создают катастрофы, было нельзя [Там же]. Если ты рациональный человек, ты такое допустить не можешь, такое допускать могли только нерационально мыслящие люди, увлеченные, к примеру, теориями заговора. Катастрофы мыслились как незапланированные побочные эффекты природных процессов. Если мы сегодня допускаем, что толчком к катастрофе могут быть бедность, недостаток ресурсов и конфликты, то тогда катастрофы оценивали как лишь пока еще имеющие место отдельные недостатки в рамках прогрессивного развития. Катастрофы были проявлением, так сказать, еще не вполне достигнутого прогресса, т. е. возможность их возникновения не отменяла уверенности в том, что в целом общества развиваются в верном направлении.

Для модернистского взгляда на вещи проблема заключалась в *неполном знании* того, где, когда и почему катастрофа может произойти, но точно предсказывать катастрофы удавалось крайне редко. Для сегодняшнего понимания катастроф неопределенность, включающая недостаток знаний и сведений, тоже важна, но сегодня, считается, что защитит от нее могут только *индивидуальные усилия*, т. е. нет уже надежд на научное знание о рисках и вероятности, на понимание законов природы. Начиная с 1970-х гг., того десятилетия, когда зародился и стремительно распространился неолиберализм как идеология и как тип капитализма, неопределенность будущего и свобода индивидов были увязаны воедино [18, 24, 25]. Главный аргумент, который складывался постепенно, можно сформулировать так: раз люди свободны определять будущее на свой страх и риск, никто не знает, каким оно будет, его невозможно точно предсказать. Отсюда следовало, что бессмысленно бояться несчастий, как бессмысленно и пытаться их предотвратить. Нас вместо этого призывают овладеть новыми полезными жизненными навыками готовности и жизнестойкости и использовать те возможности, которые беспорядки

открывают. С начала 1990-х понятие «жизнестойкость», синонимами которой стали «готовность к худшему», «приспособляемость» и «выживаемость», становится предметом исследования в естественных, социальных и психологических науках. Если модернизм пытался показать, что Бог к несчастьям не имеет отношения, что несчастья — это не божественное наказание за людские грехи, а просто случайности, что-то необычное и необъяснимое, то те варианты понимания невзгод, что пришли на смену модернизму, их сделали само собой разумеющимися и ожидаемыми. Модернистское представление о несчастьях как случайных событиях за пределами нормального общества было отброшено. К чрезвычайным ситуациям стали относиться как к норме, неотъемлемой от функционирования общества.

Человеческой деятельности и выбору в связи с чрезвычайными ситуациями теперь придается большое значение: от них немало зависит. Здесь показательно изменение понимания такого несчастья, как голод. До 1970-х гг. голод мыслился как *внешняя* напасть. Но работы нобелевского лауреата Амартии Сена помогли осознать, что истоки голода — внутри, а не вне общества [26]. Неравномерное распределение социального капитала и капризы мирового рынка еды определяют крайне неравный доступ людей к еде, которая в принципе на этом рынке есть. При этом Сен ратует не столько за социально-экономические реформы и перераспределение доходов, сколько за *индивидуальные способности к выбору*, т. е. он ведет речь о поведении и выборах, совершаемых жертвами голода, о том, чтобы наращивать их социальные и образовательные активы как часть менеджмента катастроф [Там же]. Африканист Алекс де Ваал, изучавший голод 1984–1985 гг. в Дарфуре (западный Судан), продемонстрировал, что гуманитарная помощь составила лишь 12 % потребленной тогда еды. То, что пострадавшие сообщества сами сделали для себя, какие стратегии совладания они разработали, было более важно, нежели усилия международных гуманитарных организаций. Эти стратегии были разные — от сбора диких растений и корней до трудовой миграции [27].

В центре понимания проблем развивающихся стран — выборы, сделанные самими людьми [15]. Идеология выравнивания развития поэтому меняется: от материальной помощи, программ помощи бедным и развития рынков (как это написано в материалах ООН, а именно в «Индексе человеческого развития») к образовательным программам, помогающим людям совершать правильный выбор [11, 28]. Поскольку совершаемый людьми выбор может быть и неверным, многое зависит от верности их суждений и рассуждений. Но важно, обдумывая эти идеологические ходы, помнить, что не только жертвы голода могут совершать неверный выбор. Голод может быть создан искусственно [15]. Так, во время голода в Судане было обнаружено, что на нем наживались те, кто его создавал и поддерживал. Дэвид Кин, исследовавший голод в юго-восточном Судане, показывает, как местные элиты, выигравшие от дешевого труда жертв голода и продажи активов, *создавали* голод [22]. Поэтому, хотя жертвы голода и могли совершать правильный выбор в отношении того, как с ним справляться, в зонах несчастий действовали «хищники», т. е. люди и компании, сознательно, на основе экономического и политического расчета, наживавшиеся на голоде и использовавшие его как орудие войны [16]. К концу 1980-х в Африке катастрофы уже понимались как неизбежность, они были частью социально-экономической жизни, и были те, кто

выигрывал от их создания или их нейтрализации. Понятие *сложной чрезвычайной ситуации* было использовано в языке ООН в конце 1980-х гг. в Мозамбике [17, 9]. В 1989-м оно было распространено на Южный Судан, а после первой войны в Персидском заливе и создания отдела гуманитарной помощи в ООН в 1992 г. стало широко использоваться.

Сложная чрезвычайная ситуация (complex emergency) — это хронический кризис, у которого много причин и который включает различные комбинации политических, экономических, экологических, конфликтных факторов. Такие сложные чрезвычайные ситуации требуют комплексной работы со стороны индустрии помощи. Но есть немало иронии в том, что слово «сложная» не относится к страданиям жертв, оно относится к трудностям, переживаемым работниками оказывающих помощь организаций, которые стремятся к достижению мира в «горячих точках» и оказанию гуманитарной помощи пострадавшим людям [17]. Если в отдельной африканской стране смерть сотен людей от голода может быть вызвана тем, что кто-то увидел в распределении еды бизнес-возможности, то и в масштабе земного шара радикальный сдвиг в глубине человеческого преобразования природы был связан с возникновением и распространением капитализма.

Историки показали, что экологические изменения были вызваны поиском новых источников прибыли, так что поддерживать природу в изменившемся состоянии можно только воспроизводя капиталистические общественные отношения. К примеру, автор книги «Реки империи» Доналд Уосстер показал, как интересы крупных корпораций (и прежде всего расширение рынка для своих услуг, собственное воспроизводство) выразились в создании мегаплотин на американском Западе в конце XIX в., хотя решить проблему орошения можно было децентрализованно, создавая небольшие оросительные сети на местах [31]. В XX в. корпоративные интересы, интересы военно-промышленного комплекса обернулись тем, что земля во многих местах оказалась нашлапированной вредными отходами, ржавеющими ракетами, на ней высятся готовые обрушиться руины и отслужившие свое гидроэлектростанции, и мы, увы, внутренне готовы прочитать о следующей техногенной аварии и следующих жертвах.

Не только локальные аварии, но и всемирные катастрофы застают сообщества *неготовыми*: вспомним события 11 сентября 2001 г., цунами в Таиланде в сентябре 2004 г., ураганы «Катрина» в Нью-Орлеане 2005 г., «Сэнди» в 2012-м на Атлантическом побережье Штатов. Природные и техногенные катастрофы повсеместны. Среди крупнейших техногенных катастроф в новейшей истории России — аварии на шахтах (в частности, «Ульяновской», «Распадской» и, совсем недавно, воркутинской шахте «Северная») и электростанциях (в том числе на Саяно-Шушенской ГЭС), гибель воздушных и морских судов, пожары и обрушения крыш зданий.

Шкалы жизнестойкости

В разных дисциплинах говорится о жизнестойкости на уровне организмов, индивидов, экосистем, социальных институтов, городской инфраструктуры, водных бассейнов и регионов. Понимаемая как способность системы отвечать

на удар и возвращаться к нормальному состоянию, жизнестойкость относится еще и к способности перемещаться между разными фазами временного равновесия, к примеру «способность» системы выполнять основные функции во время кризиса. Энтузиасты этого понятия даже считают, что недостаточно просто выстоять в катастрофе, надо выйти из нее лучше, чем вы были до того. Англо-финский философ и международник Джулиан Рид написал с соавтором интереснейшую книгу, в которой жизнестойкость рассматривается как важный компонент неolibеральной риторики [18]. Катастрофы, предполагается этим дискурсом о жизнестойкости, людям сообщают полезный опыт и ведут к процветанию. Следствие этого дискурса — в сведении смысла жизни субъектов к культивированию в себе живучести. Понятия вроде «адаптивность», «жизнестойкость» и т. д. — лакомый кусок для тех, кому надо идеологически и интеллектуально оправдать углубляющиеся кризисы. Эти понятия легко становятся предметом морализирования, а «выжившие» — новыми героями, как в недавнем одноименном (2015) фильме с Леонардо Ди Каприо в главной роли. Умение приспособиться к риску, угрозе, опасности становится навязываемой обществом нормой, что помогает перекалыванию ответственности с государственных инстанций на разобщенных людей.

Транслируемая таким дискурсом логика заключается в том, что сообществам лишь на пользу риск и неопределенность. Только в таких условиях у них формируются способность к прогнозированию, предприимчивость и ответственность. Так, если у тебя нет льгот по причине инвалидности, не открывает ли это тебе новые возможности? Если ваш район пострадал от наводнения, то это только на пользу вам и вашим соседям. Это раньше люди вправе были ожидать стабильного страхования и надежной защиты, сегодня вся их надежда — на «самоменеджмент», готовность к невзгодам и жизнестойкость.

Жизнестойкость упоминается в массмедиа и продвигается как *позитивная характеристика системы*. К примеру, корреспондент газеты «Financial Times» («Файнэншл таймс») в России Катрин Хилле так описывает жизнестойкую макаронную фабрику на Алтае: «Столбы дыма, поднимающиеся в морозное сибирское небо от топящихся печей, это единственный признак жизни на улицах Поспелихи. Этот поселок в 100 километрах от казахстанской границы с его рядами кирпичных и деревянных домов, расположившихся под боком у ветшающих бетонных элеваторов, как будто отражает мрачное настроение, охватившее российскую экономику на втором году рецессии. Но внутри одного фабричного двора кипит работа. Это Поспелихинская макаронная фабрика, на которой производятся макаронные изделия итальянских марок из выращиваемой здесь твердой пшеницы “дурум”. На пяти производственных линиях круглосуточно семь дней в неделю производится паста пяти различных видов» [8]. Выводы из этого описания делают весьма ответственные: «В Алтайском крае, где находится Поспелиха и выращивается пшеница “дурум”, жизнестойкость экономики заметна невооруженным глазом. В то время как в масштабах всей страны промышленное производство снизилось на 3, 4 процента, в этом регионе спада не наблюдается. Сельскохозяйственное производство выросло на 7,5 процента, то есть вдвое больше, чем в среднем по стране» [Там же].

Однако если мы возьмем доступную статистику и посмотрим на другие оценки, мы увидим, что тот же самый край — в числе лидеров совсем в другом отношении. Рейтинг Алтайского края по доле неимущего населения среди регионов — 14-й по стране [7], и можно только догадываться, скольким из этих людей важно, что на макаронной фабрике по соседству производится высококачественный продукт.

На различных правительственных форумах понятие жизнестойкости время от времени используется в иных курьезных контекстах; к примеру, на Гайдаровском форуме 2015 г. экономист Малева толковала о *жизнестойком рынке труда*. Прогосударственное лукавство таких рассуждений состоит в игнорировании того факта, что включенные в рынок труда миллионы людей вынуждены работать за гроши, включая и тех, кто ходит по коридорам университетов, — молодых преподавателей без ясных перспектив. Критики разговоров о жизнестойкости обращают внимание на то, что и для простых людей, и для правительственных инстанций важна проблема сокращения рисков от катастроф. Здесь мы сталкиваемся с таким противоречием: потери от катастроф растут, но растут и капиталовложения в предотвращение катастроф, точнее, в занимающиеся таким предотвращением всевозможные фонды и институции. Бизнес на безопасности и «менеджменте» рисков процветает. Страховое дело и организация гуманитарной помощи, технологии обеспечения безопасности и реконструкции — в этих областях сосредоточены миллионы долларов.

В управлении катастрофами и совладании с их последствиями заняты десятки тысяч людей. От индивидов и систем, сетей и регионов ожидается проявление способности восстановить равновесие после внешнего удара. В мире продолжается кризис и введены жесткие режимы экономии, а это значит, что все больше и больше регионов, мест и семей должны быть жизнестойкими перед лицом экономических сложностей. Центральные власти исходят из того, что их народ жизнестоек и что люди на местах справятся со всеми сложностями. При этом государственная социальная политика сокращается, и ее исчезновение не компенсируют никакие волонтеры или благотворительные организации. То есть если большая часть разговоров о жизнестойкости ведется исходя из того, что желателен возврат к нормальному состоянию, то самые передовые авторы настаивают, что и хорошо, что кризис случился, он поможет расстаться с устаревшими способами управления и производства. Главной особенностью посткризисной государственной политики становятся сокращение затрат на социальную политику, передача государственных функций частному сектору (либо приоритет коммерческих интересов в функционировании государственных организаций). В ходу допущение, что рынок — главный регулятор общественных отношений и что если регионы и города, микрорайоны и сообщества в прошлом выздоровели от потрясений — они и в будущем справятся!

Раз сами пострадавшие уже неоднократно справлялись с невзгодами, государству нет необходимости волноваться и выделять дополнительные деньги. Так, словенский психолог Ева Боштъянчич (см. ее статью в данном тематическом выпуске) в своих трудах обращает наше внимание на сложности жизни людей, переживших профессиональное выгорание [12], а также на то, что сами люди недостаточно уделяют внимания опасности возникновения у них этого заболевания

(не говоря уже о медиках). Она приходит к заключению, что нужно более активное осознание этой опасности как самими работниками, так и теми, кто их окружает. То есть ставится важная проблема, но не совсем ясно, кому адресован финальный тезис о необходимости более активного осознания профессиональных рисков. Учитывая, что работодатели, постоянно расширяющие требования к работникам, и являются главной причиной этого синдрома, слаба надежда на то, что они откликнутся на призыв коллеги и станут активно предупреждать работников о подстерегающей тех опасности. Вряд ли этот призыв адресован и профсоюзам (они в тексте статьи не упоминаются). Вероятно, главным адресатом этого призыва становятся сами работники.

Сверхэксплуатируемые работодателем (а иначе рабочее место не сохранить либо не получить), они при этом должны помнить о том, что могут перетрудиться, заболеть и потерять интерес ко всему на свете. Иными словами, современный работник нарисован Боштьянчич уязвимым (он может заболеть), но предупрежденным профессионалом-психологом об этой опасности. Добавлю, что это очень распространенный в нашей (и «не нашей») литературе портрет. Из этого следует, что ответственность за то, чтобы не заболеть, возлагается на самого работника. Работник должен эффективно работать и при этом помнить об опасностях, которые подстерегают его психологическое и «просто» здоровье. Никто не позаботится о нем столь эффективно, как он сам. Точно так же от субъекта, индивида, личности психологи и другие специалисты ожидают адаптивности, стойкости перед лицом трудностей и несчастий, и они готовы проанализировать, при каких условиях это качество личности выражено сильнее, а при каких — слабее.

Современную социальную теорию такое понимание жизнестойкости не устраивает, потому что оно ограничено лишь масштабом индивида. Социальная теория настаивает, что такое понимание жизнестойкости способствует тому, что с социальных организаций и правительств снимается ответственность за несчастия и невзгоды, а также за недостаток ресурсов, с которым сталкиваются люди в кризисных ситуациях. Ведь если одни люди, как утверждают психологи, более жизнестойки, чем другие, то не следует ли из этого, что «слабакам» просто не повезло? Западные коллеги используют для критики этого хода мысли такие понятия, как «ответственность за себя» (self-responsibilization) [23] и «забота о собственной безопасности» (self-securitization) [13]. С их помощью теоретики пытаются зафиксировать то важное обстоятельство, что изображение современного субъекта единственно ответственно за все, что с ним происходит, включая его безопасность, выживание и приспособление к невзгодам, весьма гармонично сочетается с социальным порядком неолиберального капитализма. Мысля все сущее с точки зрения прибыльности и эффективности, правительства всех уровней не способны обеспечить социальную политику, возможную еще несколько десятилетий назад.

«Жизнестойкость», упоминаемая в официальных документах и в научных текстах, является эквивалентом мнимой социальной озабоченности руководителей, имитирующих прогрессивные методы управления. К примеру, в одном из докладов нашей конференции разбирается попытка обязать менеджеров отвечать за «организацию» жизнестойкости, в чем можно усмотреть признаки спуска вниз

по административной иерархии ответственности за процессы, истоки которых имеют сложную социальную и политическую природу. Коли возможности обеспечить социальную политику сегодня нет, людям надо объяснить, что только от них самих зависит, выживут ли они, если случится кризис либо несчастье. Случайности, несчастья, кризисы в преобладающем сегодня языке, особенно официальном, «нормализуются», т. е. ожидается, что это долг и ответственность самого человека — отреагировать на них должным образом. Так, по мнению одного из авторов, жизнестойкость надо мыслить как технологию, позволяющую людям справляться с неопределенностью [25, 505]. Другие подчеркивают, что из популярности проблематики жизнестойкости и среди политиков, и среди ученых следует, что сопротивляться опасности бесполезно и что люди должны смириться с неизбежностью такой жизни, в которой они постоянно уязвимы для все новых и новых опасностей [18].

***

В своей статье я коснулась нескольких отличий между тем, как жизнестойкость осмысляется у нас и как — за рубежом, продемонстрировала эволюцию социальных представлений о катастрофах и способах выхода из них. Главный вектор этой эволюции — спуск ответственности за безопасность вниз, убеждение людей в том, что они сами должны о себе позаботиться. На разворачивающийся экономический кризис и государственные институции, и ученые реагируют так: они формулируют понятия, помогающие изобразить недостаток ресурсов для развития на местах, в депрессивных регионах, городах и городках, не связанных с экономической политикой центрального правительства. Региональная жизнестойкость и жизнестойкость городов и их наращивание подаются как ответственность соответствующих региональных и городских администраций. А конечная ответственность за то, как справиться с последствиями невзгод, возлагается на индивидов. Задача научного сообщества состоит в том, чтобы интересно проанализировать и описать эти процессы. И тем самым, разумеется, повысить собственную жизнестойкость.

Энергичное обсуждение коллективной и социальной жизнестойкости в зарубежных теориях кризисного менеджмента, урбанистике, социологии, социальной психологии свидетельствует о том, что понятие «растягивается» и обнаруживает свою нужность для описания жизни стран, наций, военных, этнических и иных сообществ. Если жизнестойкий индивид мыслится как такой, который способен полностью восстановиться после неблагоприятных обстоятельств, то жизнестойкие сообщества конечно же не просто сумма «стойких оловянных солдатиков», но «совместная жизнестойкость» [14]. Рассмотрение такой совместной жизнестойкости возможно, с моей точки зрения, только с учетом различий в шкалах, на которых проявляется это качество. К примеру, если мы допускаем, вслед за Б. Андерсоном, что нации — это воображаемые сообщества, большинство членов которых никогда друг с другом не встретятся, из чего будет складываться жизнестойкость нации и чем такая жизнестойкость будет отличаться от жизнестойкости семьи, где люди действительно живут вместе, т. е. их совместность не воображаемая, а проверенная в делах? Если время от времени мы убеждаемся, что в небольших коллективах возможны моральная поддержка и реальная помощь, то в масштабе

какой общности они рассеиваются? А если большая общность людей не способна сформировать солидарность, то что ее поддержит перед лицом невзгод? Говоря о шкалах жизнестойкости, есть смысл допустить, что из всех возможных коллективов жизнестойкость проявляют лишь некоторые небольшие группы, включая семьи. Возможно, это следствие того, что сегодня мы обнаруживаем себя в атомизированном обществе, в котором ценится индивидуальная адаптивность, а не коллективная солидарность.

1. *Богомаз С., Баланев Д.* Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сиб. психол. журн. 2009. (32). С. 23–28.
2. *Леонтьев Д., Рассказова Е.* Тест жизнестойкости. М., 2006.
3. *Наливайко Т.* К вопросу осмысления концепции жизнестойкости С. Мадди // Вестн. интегратив. психологии. Ярославль, 2006. № 4. С. 45–54.
4. *Рассказова Е.* Жизнестойкость и выбор будущего в процессе реабилитации // Гуманитарные проблемы современной психологии // Изв. Таганрог. радиотехн. ун-та. 2005. № 7. С. 124–126.
5. *Фоминова А.* Жизнестойкость личности. М., 2012.
6. *Шиповская В., Сергуи А. И.* Жизнестойкость как способность к преодолению трудных жизненных ситуаций // Социальная сфера общества: инновационные тенденции развития : сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. Краснодар, 2012. С. 263–267.
7. География бедности // Профиль. 08.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.profile.ru/economics/item/104622-geografiya-bednosti> (дата обращения: 02.06.2016).
8. *Хиле К.* Сибирские макароны как двигатель реформ // Иносми. 19.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/economic/20160219/235469042.html> (дата обращения: 02.06.2016).
10. *Olmos-Peñuela J. et al.* Are sciences essential and humanities elective? Disentangling competing claims for humanities' research public value // Arts & Humanities in Higher Education. 2015. Vol. 14 (1). P. 61–78.
11. *Booth S.* Crisis Management Strategy. Routledge ; L., 1993.
12. *Bostjancic E., Koracin N.* Returning to work after suffering from burnout syndrome : perceived changes in personality, views, values, and behaviors connected with work // Psihologija. 2014. 47(1). P. 131–147.
13. *Boutellier H.* The Safety Utopia: Contemporary Discontent and Desire as to Crime and Punishment. Dordrecht ; Boston : Kluwer Academic Publishers, 2004.
14. *Brown D., Kulig J. C.* The concept of resiliency: Theoretical lessons from community research // Health and Canadian Society. 1996. 4(1). P. 29–52.
15. *de Waal A.* Social contract and deterring famine: first thoughts // Disasters. 1996. 20(3). P. 194–205.
16. *Duffield M.* War and Famine in Africa. Oxford, 1991.
17. *Duffield M.* Complex political emergencies: An exploratory report for UNICEF with reference to Angola and Bosnia. Birmingham : School of Public Policy, University of Birmingham, 1994.
18. *Evans B., Reid J.* Resilient Life: The Art of Living Dangerously. Cambridge, 2014.
19. *Hewitt K.* The idea of calamity in a technocratic age // Hewitt K (ed.) Interpretations of Calamity from the Viewpoint of Human Ecology. Boston, MA; L. & Sydney : Allen & Unwin, 1983. P. 1–32.
20. *Hewitt K.* Framing Disaster in the 'Global Village': Cultures of Rationality in Risk, Security, and News // Cultures and Disasters: Understanding Cultural Framings in Disaster Risk Reduction. Routledge, 2015. P. 19–36.
21. *Joseph J.* Governing through Failure and Denial: The New Resilience Agenda // Millennium : Journal of International Studies. 2016. Vol. 44(3). P. 370–390.
22. *Keen B.* The Benefits Of Famine: A Political Economy of Famine and Relief in Southwestern Sudan, 1983–1989. Princeton ; N. J. : Princeton University Press, 1994.

23. *McCormack D., Salmenniemi S.* The biopolitics of precarity and the self. *European Journal of Cultural Studies*. 2016. 19. P. 3–15.
24. *O'Malley P.* 'Uncertainty makes us free': Liberalism, risk and individual security // *Behemoth: A Journal on Civilization*. 2009. 2(3). P. 24–38.
25. *O'Malley P.* Resilient subjects: Uncertainty, warfare and liberalism // *Economy and Society*. 2010. 39(4). P. 488–509.
26. *Sen A.* *Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation*. Delhi, Oxford University Press, 1981.
27. *Rubin O.* The Niger Famine: A Collapse of Entitlements and Democratic Responsiveness // *Journal of Asian and African Studies*. 2009. Vol. 44(3). P. 279–298.
28. *Solesbury W.* Sustainable livelihoods: a case study of the evolution of DFID policy. ODI Working Paper, 2003.
29. *Trubina E.* International Events in the Non-Capital Post-Soviet City: Between Place-Making and Recentralization // *Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2012. Vol. 1(2). P. 231–253.
30. World Bank, *Building Resilience: Integrating Climate and Disaster Risk into Development. Lessons from World Bank Group Experience*. Washington, DC : World Bank, 2014.
31. *Worster D.* *Rivers of Empire: Water, Aridity, and the Growth of the American West*. N. Y., 1985.

Рукопись поступила в редакцию 3 июня 2016 г.

УДК 159.928.234 + 316.37 + 316.612

Э. Ф. Зеер

ТРАНСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА*

Актуальность обсуждаемой в статье проблемы обусловлена особенностями жизнедеятельности человека в постиндустриальном обществе, характеризующемся ростом жизненно опасных трудностей, нарастающей социальной напряженностью и необходимостью «сохранения устойчивости человека в весьма неустойчивом обществе» (Д. И. Фельдштейн). Анализ понятий жизнеспособности и жизнестойкости позволил установить основные предикторы, обуславливающие их проявление. К факторам развития жизнеспособности и формирования жизнестойкости относятся индивидуальные и физиологические характеристики человека, психофизиологические свойства, социально-психологические качества, жизненный опыт и направленность личности. Важное место в статье занимает трансспективный анализ особенностей проявления жизнеспособности на разных стадиях становления личности: в дошкольном и школьном возрастах, юности и зрелости, пожилом возрасте и старости.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жизнеспособность, жизнестойкость, трансспективный анализ, предикторы жизнедеятельности, личностная беспомощность.

Понятия жизнедеятельности, жизнеспособности и жизнестойкости человека. Современное постиндустриальное общество характеризуется большой

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 115040940101 «Пространственно-временные особенности профессиональной трансспективы субъекта постиндустриального общества»).

степенью неопределенности, усложнением бытия, ростом жизнеопасных трудностей, нарастанием социальной направленности. Неизмеримо ускорились социально-экономические условия жизнедеятельности, темпы развития и движения общества. Актуальной стала проблема обеспечения стабильности, устойчивости, уравновешенности жизни, психологической поддержки и помощи человеку, переживающему трудности и невзгоды. Преодоление этих проблем обусловило необходимость исследования жизнеспособности и жизнестойкости человека.

Рассмотрим понятия «жизнеспособность» и «жизнестойкость» в контексте психологических исследований. Родовым понятием является жизнедеятельность — социально-природная функция человека, проявляющаяся как поведение и осуществляемая как деятельность. Жизнеспособность человека рассматривается как интегральная способность сохранения им своей нормативной жизнедеятельности, актуализируемая в связи с необходимостью решения жизненных задач и обеспечивающая динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия. Субъективно жизнеспособность воспринимается как удовлетворенность собственной жизнью [4, 6].

Феномен жизнеспособности континуален личностной беспомощности. В деятельностном аспекте жизнеспособность проявляется в адаптации к окружающей среде, саморегуляции, саморазвитии и самоактуализации.

Жизнестойкость — качество человека, обнаруживающееся в сложных ситуациях, трудностях, невзгодах и требующее мобилизации его жизненных сил, личностных ресурсов для преодоления неблагоприятных обстоятельств жизни. При изучении психологических процессов противостояния стрессам, переживаемым проблемным ситуациям американские ученые С. Мадди и С. Кобейса ввели понятие *hardiness* (крепость, выносливость), которое Д. А. Леонтьев предложил обозначить как «жизнестойкость» [2].

Таким образом, жизнестойкость можно определить как интегративную способность сохранения человеком своей целостности и индивидуальности, обеспечивающую динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения. Субъективно жизнестойкость воспринимается как удовлетворенность собственной жизнью.

В качестве проявлений жизнеспособности выделяют активное долголетие, стрессоустойчивость, адаптивность, саморегуляцию, самоактуализацию, самоуправление, самоорганизацию, преодоление экзистенциальных и профессиональных кризисов.

Жизнеспособность и жизнестойкость обеспечивают психологическую безопасность человека, которая обуславливает его нормативную жизнедеятельность.

Психологическая безопасность личности выражается в ее способности сохранять эмоциональную устойчивость и проявляется в сопротивляемости деструктивным внешним и внутренним воздействиям (конфликты, кризисы, деформации социальных отношений, травмы, угрозы и другие невзгоды) [6].

Методическим основанием изучения жизнеспособности человека мы избрали транспективный анализ (временное проявление этого феномена в онтогенезе) его жизненного пути.

Эволюция жизнеспособности живых существ. Уже простейшим живым организмам присуща жизнеспособность, которая проявляется в ориентировочной активности, в приспособлении к меняющимся условиям среды. В качестве механизма рождения жизнеспособности выступает чувствительность — биологический признак возникновения психики. Дальнейшее развитие жизнеспособности определяется эволюцией психики. На основе появления чувствительности развивается изменчивая форма поведения живых организмов, которая позволяет осуществлять функции приспособления к условиям среды, а также сохранения и продолжения жизни.

Эволюция психики и развитие нервной системы обуславливают жизнеспособность живых организмов и являются основным фактором естественного отбора. Ч. Дарвин к факторам эволюции относил изменчивость, наследственность и борьбу за существование. Дальнейшие исследования привели ученых к выделению дополнительных факторов: мутационных процессов, флуктуаций численности организмов в популяции, эволюционных изменений в генофондах популяции (Н. В. Тимофеев-Ресовский).

Результатирующим фактором эволюции организмов выступает их жизнеспособность — интегративная характеристика всех живых существ, обеспечивающая сохранение и продолжение себя в меняющихся природных и социальных условиях жизни.

Жизнеспособность проявляется в адаптации к изменяющимся условиям среды и самосохранению. По мере усложнения живых существ, эволюции психики происходит развитие жизнеспособности — способности преодолевать пространственно-временные ограничения жизнедеятельности. Этим объясняется способность живых существ не только приспосабливаться к изменяющейся среде, но и преобразовывать ее. По мере развития различных форм жизни совершенствуются и механизмы жизнеспособности.

Жизнеспособность обусловлена синтезом низших и высших свойств психики, выполняющих определенную приспособительную функцию. С. Л. Рубинштейн и Б. Г. Ананьев рассматривали эту совокупность свойств психики как симптомокомплекс индивидуальности психической организации человека.

В русле дифференциальной психофизиологии В. С. Мерлин этот симптомокомплекс свойств назвал интегральной индивидуальностью. Есть все основания рассматривать интегральную индивидуальность человека как механизм его жизнеспособности.

Интегральная индивидуальность в жизни и деятельности человека выполняет адаптационную функцию, позволяющую гибко приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды.

В интегральной индивидуальности выделяют следующие подсистемы: а) индивидуальные свойства организма (ее подсистемы: биохимическая, общесоматическая, нейродинамическая); б) индивидуальные психические свойства (ее подсистемы: темперамент, личность); в) социально-психологические свойства (ее подсистемы: социальные роли в группах и социально-исторических общностях) [1, 37]. Эти три подсистемы обуславливают механизмы развития жизнеспособности человека.

Психологические предикторы, обуславливающие жизнеспособность человека. Основываясь на анализе понятия жизнеспособности, рассмотрим основные детерминанты, определяющие ее развитие.

1. С точки зрения уровневого подхода к ним прежде всего относятся индивидуальные, физиологические, соматические и психические характеристики человека: здоровье, пол, возраст, телесность, а также наследственность. Нельзя сказать, что они однозначно определяют жизнеспособность и жизнестойкость человека. Люди с ограниченными возможностями здоровья демонстрируют часто высокую жизнестойкость. Исследования Т. В. Наливайко и Е. А. Рыльской показали, что виды, формы жизнеспособности и жизнестойкости у женщин и мужчин проявляются по-разному, динамика проявления жизнестойкости с возрастом существенно изменяется, перестраивается. И конечно, на все индивидуальные характеристики этих качеств влияет наследственность [3, 4].

2. Следующим фактором, определяющим жизнеспособность, являются психофизиологические особенности человека. Прежде всего нейродинамические, к которым следует отнести силу процессов возбуждения, уравновешенность и подвижность нервных процессов. Нервно-психическая устойчивость их сочетания определяет тип высшей нервной деятельности (ВНД) и темперамент. Очевидно, что наиболее оптимален сильный тип ВНД, но это утверждение не является бесспорным. Люди со слабым типом ВНД при определенных условиях проявляют стойкость и мужество.

Положительно влияет на жизнеспособность и жизнестойкость человека его психическая активность, которая обуславливает адаптивность к неблагоприятным условиям жизнедеятельности, способствует преодолению трудностей и изменяет социально-экономические условия. К психодинамическим свойствам, детерминирующим жизнеспособность и жизнестойкость человека, относится его эмоциональность, которая влияет на переживание трудностей и невзгод. Эмоциональные люди в большей мере подвержены депрессиям, в меньшей степени стрессоустойчивы. Но способность к мобилизации своих внутренних, психофизиологических ресурсов у них выше. Эмотивность положительно сказывается на жизнеспособности.

3. Важной характеристикой жизнеспособности человека являются его социально-психологические качества. К ним относятся такие качества личности, как интернальность, оптимизм, экстра- и интроверсия, волевые характеристики: целеустремленность, настойчивость, решительность, сверхнормативная активность, самостоятельность, психологическая устойчивость. На регуляцию жизнеспособности и жизнестойкости влияют психологические качества, характеризующие взаимоотношение личности с собой: самоотношение, самоактуализация, саморегуляция, самооценка, самоэффективность, спонтанность, самопринятие, удовлетворенность собой, самоконтроль.

К качествам, деструктивно влияющим на жизнеспособность, относятся отсутствие мотивации и воли к жизни — «смысловый вакуум» (В. Франкл), выученная беспомощность, аддиктивные расстройства, состояние дистресса, социально-психологическая неустойчивость и др.

4. На развитие жизнеспособности и ее проявлений большое влияние оказывает жизненный опыт человека, который может иметь позитивный или негативный

характер. В процессе переживания трудных жизненных событий, носящих проблемный характер, личность вынуждена принимать решения с учетом своих психологических ресурсов: внешних обстоятельств (экономические условия, семья, социально-профессиональный статус) и внутренних, интерперсональных качеств (образованность, позитивные черты характера, ценностно-смысловые ориентации, психическое и соматическое здоровье и др.).

На успешность преодоления проблемных, стрессовых и неопределенных ситуаций положительно влияют социальная и профессиональная мобильность, адаптивность, трудоспособность, готовность к риску, отсутствие предупреждения о возможных ошибках и неудачах.

5. Структурообразующей функцией жизнеспособности выступает направленность личности: смысложизненные ориентации, готовность к трудностям и неудачам, восприятие неблагоприятных событий как вызов к их преодолению, ориентация на сохранение и сбережение здоровья. Этот уровень жизнедеятельности в большей степени носит социально обусловленный характер, определяет стилевые характеристики поведения, влияет на поддержание и обеспечение здоровьесбережения, социально-профессионального самосохранения и долголетия. Одной из важных характеристик направленности выступает прогнозирование позитивного будущего. Именно это качество определяет вектор развития жизнеспособности и жизнестойкости в течение всего онтогенеза.

В таблице обобщены предикторы, обуславливающие жизнеспособность человека на разных уровнях его жизнедеятельности.

Предикторы, детерминирующие жизнеспособность человека

Уровень проявления жизнедеятельности	Структурные предикторы жизнеспособности
Индивидуальные характеристики	Соматическое и психическое здоровье, пол, телесность, возраст, наследственность
Психофизиологические свойства	Нейродинамические свойства (сила процессов возбуждения, уравновешенность и подвижность нервной системы). Тип ВНД и темперамент, психическая активность и эмоциональность (эмотивность)
Социально-психологические качества	Интернальность, экстра- и интроверсия, волевые качества (целеустремленность, настойчивость, самостоятельность, решительность), черты характера (самоотношение, саморегуляция, самоактуализация, самооценка, самопринятие, самоконтроль, жизнеспособность)
Жизненный опыт (бытие)	Образованность, обучаемость, статус, толерантность к неопределенности, мобильность, адаптивность, трудоспособность, готовность к риску, субъектность
Социально-психологическая направленность	Смысложизненные ориентации, готовность к неблагоприятным ситуациям и событиям. Стилль поведения, социально-профессиональное самосохранение, прогнозирование позитивного будущего

Смыслосодержательным предиктором, обеспечивающим (обуславливающим) жизнеспособность человека, выступает самосохранение — гармонизация внутреннего психического развития и внешних условий жизнедеятельности. Способность сохранять целостность своей личности в процессе жизнедеятельности

определяется адаптационным потенциалом личности, который зависит от нервно-психической устойчивости, самооценки личности, ощущения социальной поддержки, контактов с окружающими, моральной нормативности личности, ориентации на соблюдение требований общества.

К технологиям самосохранения можно отнести:

- 1) техники прогнозирования и самостроительства будущего;
- 2) технологию распознавания конфликтующих реальностей и противодействия манипуляциям;
- 3) технологию самоменеджмента (рациональное распределение времени, принятие и поддержание собственного имиджа, отказ от самомониторинга);
- 4) технологию управления конфликтами и возрастными кризисами;
- 5) технологию сохранения внутренней свободы от психологического насилия;
- 6) техники, связанные с самопорождением доминирующих мыслей об успехе и возможных неудачах.

В тесной связи с технологиями профессионального самосохранения личности находится поддержание здорового образа жизни.

Здоровый образ жизни — все, что благотворно влияет на физическое и психологическое здоровье человека. Здоровьесбережение обеспечивается следующими процессами: развитием саногенного (позитивного) мышления; установлением и поддержанием доброжелательных контактов с окружающими; преодолением стрессов, их разрядкой; поддержанием физической активности; поиском прекрасного в мире; развитием навыков саморегуляции своих эмоций; сохранением желания быть хозяином своей судьбы, активным ее субъектом; принятием ответственности, а не бегством от нее; самореализацией в разнообразных жизненных сферах, а не только в работе; развитием толерантности [5].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно отметить, что важным предиктором жизнеспособности являются активность личности, ее субъектность, способность к регуляции и самоосуществлению своей жизнедеятельности.

Особенности проявления жизнеспособности на разных стадиях становления личности. Жизнь человека со дня рождения до старости сопровождается изменениями его физиологических, психофизиологических и социально-психологических характеристик. Развивающую функцию выполняют социальная ситуация, потребности и ведущая деятельность. Они обуславливают динамику развития, возрастную дифференциацию, основные психологические новообразования на разных стадиях становления. Среди многообразных психофизиологических свойств и психологических качеств важную жизнеосуществляющую функцию выполняет жизнеспособность.

Рассмотрим проявление жизнеспособности на разных стадиях становления личности.

1. На стадии раннего детства решающее значение принадлежит индивидуальным свойствам ребенка: соматическому и психологическому здоровью, обеспечивающему адаптацию и удержание жизни в сопряжении с условиями жизнедеятельности и социального бытия. Важными предпосылками жизнеспособности в этом возрасте выступают нейродинамические и психофизиологические свойства,

психическая активность и эмоциональность. К свойствам, негативно влияющим на нормальное развитие ребенка, относятся ограниченные возможности здоровья, неврозы, психосоматические и аддиктивные расстройства, гиперреактивность, повышенная эмоциональность и др. Следует также учитывать неблагоприятные условия жизнедеятельности: климат, географическое местожительство, питание, бытовые условия, семейные отношения и др.

В общем, можно констатировать, что развитая жизнеспособность обеспечивает адаптацию индивида к меняющемуся миру детства.

В дошкольном возрасте жизнеспособность утрачивает свою актуальность, но зарождаются (первые) предвестники развития жизнестойкости в игровой деятельности и общении со сверстниками и взрослыми. Это проявление способности сохранять постоянный уровень активности, позитивное настроение, нервно-психическую устойчивость в различных жизненных ситуациях и в игре. В игровой деятельности приобретает опыт социального общения, формируются уверенность в себе, самооценка, саморегуляция, самоконтроль, определяющие актуализацию жизнестойких свойств психики: волевых качеств, социальной компетентности, коммуникативности.

На перестройку психологической организации личности в этом возрасте большое влияние оказывают кризисы дошкольного детства: кризис 3 лет и завершения развивающей функции игры в связи с переходом к учебной деятельности. На успешное преодоление кризисов развития положительно влияет способность к адаптации и саморегуляции своего поведения с переходом к обучению в школе. А интегральной психологической характеристикой, содействующей благоприятному переходу от игровой учебной деятельности, выступает сформированная к этому времени жизнеспособность.

2. В школьном возрасте наиболее психологически уязвимым является подростничество. В связи с физиологической и психофизиологической перестройкой организма усиливается значение жизнеспособности — способности к сохранению своей целостности, внутренней согласованности быстроизменяющихся психофизиологических свойств, освоение дисгармонии развития телесности.

Формирование таких психологических новообразований, как чувство взрослости, обобщенная самооценка, потребность в самоутверждении и саморегуляция, инициируют развитие нормативной жизнестойкости: преодоление неблагоприятных условий психофизиологического развития, кризисов подросткового возраста, неадаптированность к восприятию социальной среды, активное преодоление жизненных трудностей.

К факторам, обуславливающим активизацию жизнеспособности, относятся разного рода поведенческие девиации, отсутствие мотивации к учебе, делинквентное поведение, а также элементы выученной беспомощности.

Смыслообразующую функцию успешного развития личности выполняет кризис социально-профессионального самоопределения. Отсутствие четких планов на будущее дезорганизует жизнедеятельность юношей. Преодолению неопределенности будущего способствует уже сложившийся уровень жизнеспособности. Развивающую функцию выполняет прогнозирование своего будущего.

Психологическими предикторами, определяющими развитие жизнеспособности, выступают формирующийся социально-личностный потенциал, социальные навыки, эффективные модели поведения, копинг-стратегии и стили поведения.

3. В юности — в возрасте начала самостоятельной жизнедеятельности — происходят огромные социально-психологические изменения: наступает личностная зрелость, которая формируется в процессе преодоления новых разнообразных жизненных обстоятельств; это социально-экономическая самостоятельность, получение профессионального образования, возникновение сексуально-партнерских отношений, вступление в брак, создание семьи, возникновение родительства.

Успешному преодолению неблагоприятных условий жизни способствует развитая к этому времени жизнеспособность. На развитие же жизнестойкости оказывает влияние кризис социальных и профессиональных ожиданий. Позитивный настрой, оптимизм, благоприятные условия жизнедеятельности, перспективы профессионального роста, карьеры инициируют развитие адекватной самооценки и позитивного самосознания, стимулируют социально-профессиональную жизнестойкость: готовность к преодолению трудностей и возможной профессионально-личностной дезадаптации.

В случае же недостаточного уровня жизнеспособности возможно развитие личностной беспомощности, неуверенности в будущем, неудовлетворенности собой, профессиональной деятельностью, семейными отношениями. Наступает кризис бесперспективности и безысходности.

Возникающие периодически неудачи в социально-бытовой сфере, возможное отсутствие перспектив профессионального роста, противоречия во взаимоотношениях с коллегами, отсутствие желаемых достижений порождают неудовлетворенность своей жизнью, социальным окружением и приводят к развитию личностной беспомощности: приверженности к депрессии, тревожности, пессимизму, неуверенности в своей деятельности и утрате перспектив будущего.

4. Наиболее продуктивным периодом становления личности, является зрелый возраст. Именно тогда решающее значение приобретают жизнеспособность и жизнестойкость человека. Его социально-экономическое состояние, бытовые условия, семейные отношения, социально-профессиональный статус, перспективы будущего зависят от способности личности преодолевать неудачи, трудности и неблагоприятные ситуации.

Деструктивные жизненные обстоятельства отрицательно влияют на нормативное развертывание жизни, искажают индивидуальную траекторию развития. Предельные социально и профессионально обусловленные трудности, межличностные и внутриличностные конфликты порождают психическую напряженность, тревожность, стрессы, эмоциональную неустойчивость и дезорганизацию социально-профессионального сознания.

Преодоление этих социально-психологических проблем обуславливает необходимость в поддержке и сохранении своей целостности, динамического поддержания смысловых ориентаций, развития смыслов творчества, самоорганизации и саморегуляции всей своей жизнедеятельности, стрессоустойчивости, толерантности к неопределенности, самоконтроля и сверхнормативной активности. Весь этот ансамбль свойств, качеств и черт характера определяет

жизнеспособность человека. Несформированность же этого интегрального качества приводит к искажению психологически индивидуальной траектории жизнедеятельности человека.

На нормативное развитие жизнеспособности в зрелости влияют кризисы нереализованности и утраты перспектив развития. Актуальными становятся поддержание и сохранение достигнутого социально-профессионального статуса, повышение своего профессионального образования и квалификации. В отдельных случаях возможна, а иногда и необходима смена профессии и места работы. Важно обеспечить себе перспективы профессионального самосохранения, преодоления развивающейся социально-профессиональной беспомощности и противодействия профессионально-личностной дезадаптации.

5. В пожилом возрасте жизнеспособность влияет прежде всего на переживание нормативного кризиса утраты профессиональной востребованности. Конечно, часть пенсионеров продолжают работать, и иногда весьма успешно, но в любом случае на осознаваемом и неосознаваемом уровне человеком переживаются его социально-профессиональная несостоятельность и неполноценность. Некоторое увеличение пенсионного возраста не снижает ощущение своей личностной беспомощности и эмоционального неблагополучия.

Особую актуальность приобретает переживание своего здоровья — нездоровья. Часть пожилых людей продолжает работать, другая — реализует себя в социально-бытовой сфере, некоторые вынуждены заниматься поддержкой своего здоровья и борьбой с разного рода заболеваниями.

Наступающая же старость итожит ресурсные возможности жизнеспособности, которые обеспечивают самосохранение и долголетие человека.

В заключение подчеркнем, что целостность и полноценность жизнедеятельности человека мы рассматривали сквозь призму его нормативного становления в онтогенезе. Методологическим подходом исследования выступил транспективный анализ — временная организация жизнедеятельности человека. Мы не анализировали проявление жизнеспособности сотрудников силовых структур, а также людей, переживающих запредельные трудности в экстремальных ситуациях. Для этих лиц особую актуальность приобретает жизнестойкость, но это требует специального рассмотрения.

---

1. Вяткин Б. А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. 2-е изд. М. ; Воронеж, 2007.

2. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. А. Тест жизнестойкости. М., 2006.

3. Наливайко Т. В. Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2006.

4. Рылская Е. А. Психология жизнеспособности человека : автореф. дис. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2014.

5. Сьманюк Э. Э. Психологические барьеры профессионального развития личности / под ред. Э. Ф. Зеера. М., 2005.

6. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности. М., 2002.

УДК 159.928.234 + 398.1 + 39(=161.1) + 39(=511.12)

Н. Б. Граматчикова

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ И АДАПТИВНОСТЬ КАК МОТИВЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ: ОТ ЭТНОГРАФИИ ДО СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ*

Концепты жизнестойкости и адаптивности рассматриваются на материале этнографических текстов второй половины XIX в. (И. Железнов, В. Зефирова, С. Максимов, К. Носилов и др.). Сопоставляются «южный» и «северный» метатексты о «соседах по империи» («степняках» и аборигенах Севера), в которых традиционные для них стратегии адаптации наделяются ценностным смыслом и выводят на проблематику (само)идентичности казаков, поморов и авторов текстов. Коллективные практики сочетаются с индивидуальными; активность оказывается престижнее терпения и приспособляемости. Важной характеристикой этноса оказывается витальность, несмотря на ее провокативный потенциал, ощущаемый колониальным дискурсом. Смена авторской позиции связана с коррекцией собственной идентичности, которая неразрывно связана с иерархией практик выживания. Перенос результатов наблюдений на материал постсоветских текстов по семейной истории дает возможность выявить, как тексты непрофессиональных авторов реконструируют схемы ушедшей в прошлое парадигмы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жизнестойкость, витальность, адаптивность, этнография, казаки, башкиры, поморы, самоеды, Север, семейная история.

Размышление филолога над категориями жизнестойкости и вербальными репрезентациями практик выживания в сложных природных и социальных условиях — это возможность сопрячь различные по своей природе (происхождению, целеполаганию, жанровой специфике etc.) тексты. Категория жизнестойкости, актуальная в отечественной истории и словесности на протяжении столетий, способна быть той исследовательской оптикой, воспользовавшись которой удастся различить в разнородных текстах нечто важное для прошлого и, возможно, для будущего нашего общества. Материалом для данной статьи послужили тексты этнографической направленности, сочетающие в себе признаки документального и художественного письма: этнографические очерки и публицистика второй половины XIX в.; для последней части — опубликованные материалы по семейной истории XX–XXI вв. Тексты разнородны, однако, будучи рассмотрены под специфическим углом зрения коллективного или индивидуального адаптационного потенциала, они свидетельствуют о формировании и изменении общей парадигмы восприятия жизнестойкости.

Во второй половине XIX в. наблюдается резкое увеличение количества этнографических материалов, авторами которых были «корреспонденты с мест» (учителя, врачи, священники, чиновники и др.), усилия которых координировало Русское географическое общество (РГО), основанное в 1845 г. Идет процесс известной унификации языка подобных описаний, чему способствовала разработанная РГО программа-опросник. С другой стороны, активизируется

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века».

«обратная связь»: массовыми тиражами издаются материалы просветительской направленности, где происходит рецепция некоторых приемов художественной словесности: этнографические описания беллетризуются, завоевывая массового читателя, соединяя просветительский пафос, документальность материала и увлекательность изложения [16]. Так во второй половине XIX в. разворачивается интересный и динамичный этап очередного «знакомства» Российской империи с самой собой в рамках процесса «внутренней колонизации» (А. Эткинд). В жанровом отношении описания народов России были представлены весьма разнообразно: от газетных публикаций (очерки, путевые заметки, репортажи) до небольших научно-популярных брошюр с описаниями основных обрядов и верований народов империи, а также книг писателей-фольклористов и этнографов, обобщающих «полевой опыт» в текстах со сложной продуманной композицией.

Представление о невероятном географическом и этническом разнообразии территории Российской империи к тому времени прочно вошло в ценностное ядро имперского дискурса: *«Велика и могуча ты, Святая Русь; широко и далеко расположилась ты, наша Матушка. <...> На севере имеешь ты льды по морям, и бродят там по пустынным тундрам с стадами оленей своих Чукчи и юкагиры с Самоедами, а Архангельские рыбаки с белыми медведями достают себе добычу между льдов. У тебя на Юге — Киргиз-Кайсацкия степи, Каспий с Черным и Азовским. Арарат и великан Алтай с Кавказом. Там Шамаханец свой шелк прядет, а Киргиз-Кайсачка армячину точет; в Кяхте распивают кирпичный чай, а на Дону разливают шипучее, там Шаман беснуется, а здесь Тунгуз за чудью гонится»* [1, 453] (здесь и далее курсив в цитатах мой. — Н. Г.). Таким образом, проблематика адаптационного потенциала этносов неизбежно сопутствовала описаниям климата, ландшафта и населения, однако оценивалась при этом весьма по-разному.

В рамках данной статьи мы предлагаем сопоставление фрагментов «южного» и «северного» отечественного этнографического метатекста второй половины XIX в., рассмотренных сквозь призму адаптивности населения «окраин империи». Книга очерков о казаках «Уральцы» И. Железнова (1858), публицистика В. Зефирова, одного из одаренных корреспондентов «Оренбургских губернских ведомостей» (1840–1850-е гг.), и записки казака Н. Агапова служат материалом для анализа «южного» текста о мультиэтничном фронтире России, а книги очерков С. Максимова «Год на Севере» (1859) и К. Носилова «У вогулов» (1904) — для анализа «северного» текста. Все перечисленные авторы позиционируют себя как медиаторы («глаза и уши читателей»), рассказывающие русскоязычному читателю о народах, с бытом и нравом которых им посчастливилось познакомиться; большинство авторов искренне симпатизируют своим персонажам. Исключение составляет Иоасаф Железнов, который, будучи сам потомственным казаком, одновременно решает задачи необходимого ему дистанцирования от предмета описания и создания повествовательной ткани с помощью сюжетов, содержащих опорные, по его мнению, позиции субкультуры казаков.

Книга Железнова «Уральцы» в качестве одной из структурообразующих доминант содержит оппозицию «свой»/«чужие», представленную на разных уровнях текста. Безусловные «чужие» для него — «киргизы» (нынешние

казахи), в противостоянии которым и состоит служение казаков. Согласно типичной для XIX в. логике колониального дискурса описание киргизов содержит зооморфные метафоры, среди которых преобладают *рыбы* (заметим, рыба — основной промысловый объект казаков, живущих вдоль реки Урал)¹. Тот же метафорический ряд свойствен и «гурьевскому казаку старинного закалу» Маркиану Проклятову — герою очерка В. И. Даля «Уральский казак» (1843). Описание жизни и быта степняков не входит в авторскую задачу Железнова, ассимилятивные черты в казачьем быту лишь упоминаются им либо вовсе игнорируются². Значительная часть казачьей идентичности выстроена как негативная по отношению к качествам, приписываемым казаками степнякам («мы не такие, как они»). К чести Железнова, надо сказать, что «двойные стандарты» были в некоторой мере отрефлексированы и вербализованы им самим: «Я, если разбирать меня с общей точки зрения, — гуманист, но *коснись дело до интересов казаков, я — эгоист*. Я и днем, и ночью, и на яву, и во сне желаю, чтобы казак имел не только необходимое, но и лишнее. *Киргиз же для меня — создание совершенно постороннее...*»³ [6, 3].

Степняки, будь то враги-«киргизы» или соседи по войску башкиры⁴, оцениваются Железновым-казакком совершенно недвусмысленно. Их описание наполнено такими качествами, как лень, праздность, мотовство и воровство [Там же, 249–251]; автор утверждает что башкиры «ничем не занимаются»: «ни торговля, никакое ремесло им совершенно не знакомы» [Там же, 251], чинить и строить помогают им русские. Башкирские деревни — «это не больше, не меньше, как кучи дерна, разбросанные как попало, в величайшем беспорядке, без улиц, без дворов, без ворот и без всего того, что составляет необходимость, удобство и вместе с тем приятный вид жилого места»; мечети — «невysокие срубы, покрытые дерном» [Там же, 252], причина же подобной бедности — «*беспечные и ленивые* обитатели» [Там же]. Природные дарования их, согласно Железнову, высоки («башкирцы, по врожденной сметливости, могли бы быть порядочными людьми и гражданами»), однако «по неодолимой лени, по склонности к воровству и другим порокам башкирцы Уральского отделения почти неисправимы» [Там же, 258].

Тем не менее есть ряд моментов, в которых степняки, казалось, превосходят казаков: они невероятно живучи. Обращает на себя внимание эпизод, в котором считавшийся убитым киргиз, отлежавшись, ночью уползает в воду, в прибрежные

¹ Также и у Железнова, и в периодике XIX в. популярно именование степняков «хищными птицами» [6, 66].

² Быт уральских казаков содержал множество нерусских элементов, на первой же странице очерков Железнова при описании «жизнь-бытья казацкого» читаем: плоские кровли, чай с каймаком, текемень вместо ковра, и сидят они «не в креслах, а, извините, по азиатскому обычаю, на полу» [Там же, 1].

³ Автор одной из самых обстоятельных рецензий на произведение Железнова А. Хм... (так в тексте статьи. — Н. Г.) (Русское слово. 1859. № 3) также отмечает искажающую объективную картину событий авторскую пристрастность к герою — Василию Струняшеву, к которому, по мнению рецензента, следовало бы относиться так же, как к «"дикарям-киргизам", занятым постоянно мстеством», объясняя позицию Железнова «шаткостью убеждений автора, которые и рисуют перед читателями его, друга просвещения и развития, чуть ли не поборником обскурантизма и застоя» [Там же, XXV–XXVI].

⁴ Вообще отношение Железнова к башкирам еще более критическое и негативное, чем к киргизам. О возможных причинах подобного негативизма см.: [3, 70–72].

камышы, уведа с собой и коня⁵. Ихтиоморфная метафорика Железнова парадоксальна по отношению к степнякам, но глубоко укоренена в дискурсе, ибо позиционирует «киргизов» не просто как более слабых, чем казаки, но легитимизирует отношение к ним как к «нечеловечески» витальным объектам казачьего промысла: «будто осетров или белуг, казаки принялись тузить воришек шестами и чекушками. Человек с десять киргизов пошло ко дну, остальные кое-как вскарабкались на берег и бросились под защиту своих сообщников...»⁶ [6, 64]. Симбиоз человека и рыбы закреплен и в символическом пространстве «казачьего мира» Железнова: так выглядят полулюди-полурьбы, обитающие в «фараонском море», о котором рассказывает слепой старик-казак. «От головы до пояса — человек, а от пояса до ног — соминый плеск» — таковы «фараоновы воины, что за Мысеим гнались, да потонули»⁷ [Там же, 55–56]. Эти миксантропические существа находятся в особом, мифологическом, пространстве и времени, а следовательно, к ним неприменимы собственно человеческие оценки.

Таким образом, витальность степняков помещается Железновым, транслирующим представления казачьей субкультуры, в контекст, где она не только лишена ценности, но становится подтверждением до/внеисторического уровня развития этноса. Где же в таком случае проявляются ценностные приоритеты казаков, демонстрирующих свой высочайший адаптационный потенциал на южном фронтире империи? По Железнову, главные опасности подстерегают казаков не в схватках с киргизами, где неудачи трактуются как досадные промахи, но во время главного промыслового сезона — аханного (сетевого) рыболовства: в конце зимы на реке Урал, на ненадежном подтаявшем льду.

Аханное рыболовство на Урале не только опасно, но и очень затратно и дорого только зажиточным казакам [Там же, 180–181]. Железнов выстраивает опасности, грозящие аханщикам, по возрастающей: «разнос», «относ» и «лом» льда⁸. Преодоление их требует специфических навыков: переход через расселины превращается в целую науку [Там же, 189–190], а переезды через «молодые льды» — «разносы» — «вполне характеризуют казаков как воинов, издавна славящихся бесстрашием и беспечною к опасностям. ...Выпив стакан, другой водки, надвинув набекрень шапку или лисий тумак, помахивая, от нечего делать, кнутом, напевая или насвистывая родную, доморощенную песню — казак без оглядки скачет на своем любимом буланом коне, не страшась того, что ретивый и так же, как

⁵ Заметим, что гораздо мягче оценен Железновым аналогичный поступок раненого молодого казака-гонца, который «спасаясь... кинулся в воду, в разливы, и запрятался в трущобы тальника и куги, залитых водой. Забившись в воду по самую шею, казак просидел тут весь день. Уже ночью, истекая кровью, он выплелся из трущобы и с величайшим трудом дотащился до Харкинского форпоста». И все же это промедление привело к разгрому погони красноярских казаков [6, 81]. Таким образом, подобная стратегия личного выживания не вызывает сочувствия Железнова, хотя являлась, судя по контексту, довольно распространенной практикой.

⁶ В данном случае слова Железнова почти дословно повторяют рассказ стариков-казаков о «потехе»: «Якишка застонал, как пошли наши *глушить нехристей, словно белугу*» [Там же, 64].

⁷ Слияние человека с рыбой (сомом) — результат проклятия, от которого воины будут освобождены после Страшного суда. Отметим также нелестную характеристику сома в казачьих представлениях: «Сом, известно, самая смелейшая и блудливейшая из рыб: сом всегда трется около лодок, плотов и тому подобного, чтобы чем-нибудь поживиться от людей. <...> За такие проказы люди прозвали его: сом-блудник» [Там же, 93].

⁸ «Аханщики в относе! — Аханщики за разносом! — Аханщики попали в лом!» — вот три возгласа об опасностях этого промысла, которые часто слышатся в Гурьеве [Там же, 186–187].

сам он, бесстрашный буланка пробивает до воды подковой лед» [6, 188]. Третья, наибольшая из опасностей, — лом — грозит «чистой гибелью, ежели не людям, то лошадям и рыболовным снастям»: «Все, что ни попадает в лом, сокрушается, уничтожается и погибает» [Там же, 187].

На отколовшихся льдинах казаки стараются держаться вместе: «С людьми, говорится, смерть красна. Следуя этой поговорке, аханщики стали собираться партиями, чтобы *вместе, общими силами, изыскивать средства к своему спасению*» [Там же, 196]. Важнее всего — сохранить присутствие духа, чтобы удержать на плаву тающую льдину с грузом, дожидаясь возможной встречи с рыбаками в Каспии, при этом не опустившись до употребления в пищу конины, как это принято у кочевников. Речь идет именно о культурных табу⁹, а не о привязанности к животным¹⁰: мясо лошадей, забитых ради изготовления спасительных «бурдюков»¹¹, отдается обслуге из башкир или «киргизов», если таковые есть среди потерпевших бедствие; казаки же «конину не едят», питаются на льдине либо рыбой, либо случайной добычей; лишних лошадей, отягощающих льдину, сталкивают в воду [Там же, 197].

Очерки Железнова перекликаются с текстом записок казака Агапова¹², дающих представление о повседневной службе казаков, сопровождаемой множеством лишений и неудобств: провиант поставлялся нерегулярно («что добудешь, то и покушашь» [7, 14]) и не всегда оказывался качественным: «*А сухари отпущались полугнилые, оставшиеся после Хивинской экспедиции в 1839 году. Пустишь, бывало, в этот постный суп, так и вымыривают белые червяки да черные букашки разных родов, а навару вовсе нет*» [Там же, 15]. На привалах происходила процедура борьбы с паразитами («палили вшей»): «*над огнем рубахой тряхнет — сыплются вши, только треск идет и смрадный дым, конец смертный приходит им*» [Там же, 16]. Агапов сравнивает казачьи практики отношения к неудобствам службы с теми, которые были свойственны «башкирцам». Почти беспредельное терпение, проявляемое «башкирцами», для Агапова амбивалентно: это и верность приказаниям, и катастрофическая пассивность, из всех форм действия избирающая модус затаивания: «*Башкирцы — народ верный, целое лето другой и не раздевался, побоев нагайкой боялся. На нем все изотлело, чуть не нагое тело. Служил, не ленился, бывало, едет, оторвет от рубахи лоскут, бросит, а он шевелится: это вши переворачивают лоскут с боку на бок*» [Там же]. Ритмизированные фрагменты записок¹³ здесь выводят «низовую» повседневность в эпическое пространство,

⁹ Текст очерков И. Железнова дает возможность сопоставить эпизод смерти от голода на льдине старика-казака Чирова рядом с истощенной, но еще живой лошадейю [6, 205] и, например, историю спасения Дениса Бакирова [Там же, 210–211].

¹⁰ Спасенные астраханцами-тюленщиками со льдины, казаки оставляют там лошадей: «Половина из лошадей, незарезанных на бурдюки, к тому времени пала от бескормицы, а остальные, полуживые, брошены были на льдине» [Там же, 206].

¹¹ Технология кочевников, перенятая казаками и подробно описанная Железновым [Там же, 200–201].

¹² Николай Васильевич Агапов родился в 1821 г., записки свои написал в конце жизни, вероятно, в последние десятилетия XIX в. [7, 5].

¹³ «...Другой / и не раздевался/, побоев нагайкой / боялся » и «только треск идет / и смрадный дым/, конец смертный / приходит им» [Там же, 16].

а насекомые-паразиты выступают как единственно активная сила, подчиняющая себе предмет, многократно большего размера¹⁴.

Итак, терпение = пассивность для Агапова оказывается проигрышной стратегией, которую он целиком приписывает степнякам, противопоставляя их казакам. Башкир-часовой «*сидя на лошади, спит и мурлыкает во сне песенку* протяжную и заунывную», не слыша оклика проверяющего и получая за то удары нагайкой. «*А другой так же: лошадь под ним стоя ляжет, а он на ней сидит, и с ним такая же история. Вот до чего башкиры робки и не изменяют приказания. А казак-часовой, как патруль проехал, соскакивает с коня и лошадь водит за собой. Конь пощипывает травку и освежится, а также и хозяин коня: услышал едущих по цепи, уж он давно на коне и в исправности*» [7, 16]¹⁵. Парность коня и седока (нередко при ведущей роли первого) в том, что касается терпения и аскетизма, отмечена и у Железнова: в сезон аханного рыболовства лошади страдают без достаточного количества пресной воды (растапливать для них снег и лед затратно и по времени, и по недостатку дров), «*поэтому лошади довольствуются... вместо пошла снегом, а за неимением его... мелкоистолченным льдом из храпов. Такого рода лишение весьма изнурительно для лошадей, ибо, не удовлетворяя вполне жажды, они мало уже едят корму, отчего худеют; но, благодаря их дикой, степной породе, они с честью выносят трудность аханного рыболовства...*» [6, 182–183]. Итак, «порода» (т. е. «природное») оказывается необходимым условием выживания, но она предполагает лишь закрепленную в потомстве способность в неблагоприятных условиях «довольствоваться минимумом», а отнюдь не весь комплекс необходимых качеств¹⁶.

Автобиографический нарратив Агапова выстроен, с одной стороны, на образе ответственного и дисциплинированного воина, с другой стороны, на утверждении ценности активной способности сопротивляться обстоятельствам. В эти обстоятельства попадают и болезни: в середине XIX в. происходит важный для истории медицины переворот в отношении к болезням [17], однако в записках Агапова мы отмечаем не смену теоретической парадигмы, а приоритет эмпирического знания. Два выразительных примера, касающихся цинги и «сибирской язвы», позволяют продемонстрировать позицию Агапова.

¹⁴ Как и другие явления казачьего мира, вши есть не только значимая часть повседневности, но и включены в символическое осмысление мира. Так, у Железнова приведен рассказ о «безвестных кораблях», путь которых на край земли лежит через несколько морей: чудовищное, красное, желтое, вшивое и фараонское. О вшивом море сказано следующее: «В ину пору корабль наплывет на такое место, что воды не знать, а заместо воды только букашки да вошки гомозятся, словно черви в падали. Корабль еле-еле движется по такой каше, и того и гляди как совсем остановится и застрянет. Это в ш и в о е море» (выделено Железновым. — Н. Г.) [6, 55]. Здесь вши, кроме очевидно отталкивающего свойства, демонстрируют также качества, родственные природной стихии, подобно комарам в «северных» текстах, особенно с иноэтичной окраской.

¹⁵ В очерках Железнова есть сходный момент: стойкость к перенесению холодов по-разному описывается у казаков и киргиз-кайсаков: «Только *казачья натура*, укоренившаяся годами *привычка* да жажда прибыли делают казака нечувствительным к перенесению стужи. О спутнике его, киргиз-кайсаке, и *говорить нечего: он почти родится на снегу* и весь век свой проводит на открытом воздухе» [Там же, 182].

¹⁶ Рассуждения о вкладе «природных условий» в формирование уникальных качеств казачества как людей особой «породы», равно как и о чудесном влиянии климата на башкир, см. у Железнова: [Там же, 251].

История с цингой излагается Агаповым в контексте как пример свойственной ему заботы о подчиненных, выгодно отличающей его от нерадивых командиров, не проявивших должной предусмотрительности и встретившихся со случаями цинги среди подчиненных. Для Агапова причины цинги очевидны: *«Оне, верное, много спят. Вы позаботьтесь пораньше вставать и выводить нижних чинов на учение — цинга не пристанет. Я так делаю, у меня в сотне ни один человек не заболевает, и все здоровы как львы, и цинга их боится и близко не идет»* [7, 43].

Когда дело касается собственного здоровья, Агапов придерживается столь же радикальных методов, удивляя даже выдавших многое полковых медиков. Случай с язвой на щеке явно запомнился автору записок, так как воспоминание о пережитой боли вносит в текст определенный лиризм: *«На левой щеке появилась сибирская язва и так скоро подействовала, что у меня разнесло щеку, что и глаз закрыло, и горло распухло, так что и дышать с трудом можно, и на сердце тоска, а лечить некому. Взял хомутное шило и вырыл ямку из песка, в левую руку взял зеркало, а в правую шило — и давай щеку теревить. С трудом воткнуешь шило, потому что щека задервенела, всунешь сбоку лезвием шила под корень и рванешь — только лоскутья летят, а кровь ручьем в яму. Покончил операцию — и почувствовал легкость на сердце, и в горле опухоль стала опадать»* [Там же, 60].

Решительности Агапова дивятся и сотник, и госпитальный доктор: *«Как? И как это ты догадался себе сделать операцию, чуть не сквозь щеку раскопал, вот решительность и смелость. Хорошо, что ты догадался и решился это сделать, а то бы лежал бы в песке навечно»*, подтверждая избранный Агаповым модус поведения [Там же]. Мытарства Агапова продолжают, когда свежую рану прижигают особым лекарством, чтобы «выжечь корни» язвы, эту экзекуцию он также стоически переносит¹⁷. В данном случае терпение есть добродетель, демонстрирующая силу духа казака, и проявляется она уже после активной фазы самолечения¹⁸.

Коллективные практики взаимопомощи дополняются индивидуальными техниками выживания. История спасения казака Затворникова, странствующего

¹⁷ Диалог, демонстрирующий в этом случае выдержку Агапова, чрезвычайно выразителен: «Действительно, жгло как огнем. Я, сцеля зубы, лежал, как будто ничего нет. Он обратился к фельдшеру:

— Ты того ли лекарства принес?

— Точно того.

— Вот так урядник! Ему все шипочем» [7, 61].

¹⁸ Подобной активной доврачебной тактики придерживается и один из персонажей Железнова — казак Степан Гладков, «умный старик и вовсе не суеверный», который «никогда не лечился от лихорадки заговорами и нашептываниями», но собственным лекарством, «самим им случайно открытым», «простым и действенным». Однажды во время охоты ему удалось снять приступ лихорадки и успокоить сопутствующую ей жажду полынью: «Пароксизм до такой степени был силен, что Гладков, как ни крепился, вынужден был лечь на землю и переждать, пока кончится припадок. ...Под ним и вокруг него расстилалась одна только горькая полынь и нигде ни капли пресной воды. Во рту у Гладкова сделалась страшная горечь. Гладков тосковал и сердился. Наконец, в досаде на лихорадку и на полынь, которая даром занимает на земле место, Гладков принялся рвать зубам и жевать полынь. Через некоторое время он почувствовал как будто облегчение. Тут он, вспомнив поговорку или манеру русского человека: "клин клином выбивать", принялся еще усерднее жевать полынь и всасывать в себя горький ее сок: лихорадка совсем прошла. С тех пор Гладков до самой смерти ничем другим, кроме настоя полыни в воде или в водке, не лечился, учил и других этим лечиться» [Там же, 100–101]. Ряд выделенных нами мотивов у Железнова обнаруживают глубокое внутреннее сходство с записками Агапова: тяжелая болезнь, сопровождаемая смертной тоской, решимость испробовать крайнее средство, сила духа, с которой преодолевается недуг, высокая авторская оценка подобного типа поведения.

в море на льдине более трех недель, а затем еще пять суток на изготовленных надутых бурдюках, иллюстрирует необходимую для этого активную позицию субъекта: «Товарищи его рыдали и тем его бесили. <...> Что хотите, олухи, только не плачьте! Изрубите которья-нибудь сани, разведите огонь, сядьте кругом его, да сказки сказывайте или песни пойте; боритесь или хоть деритесь; тогда все-таки будет как-то повеселее. А то, вишь как расхныкались, словно девки, которых насильно замуж выдают. По-нашему, не робеть — так выйдет дело!» [6, 198]¹⁹.

Аналогичным образом оценивается и активная позиция казака-воина, в безвыходных ситуациях избирающего модус сопротивления²⁰. Так, безусловно героическим значением обладает у Железнова решение Ивана Есырева в туркменском плену «действовать не на живот, а на смерть», мстя степнякам за обман и поругание жены (которая, к слову, «уговаривала его покориться воле Божией, несмотря ни на что»). Детали мести красноречивы: «...Он встал, сотворил крестное знамение, благословился и сорвал с ног своих железы почесть с кожей и мясом; подошел сперва к тому разбойнику, который завладел его женою, — размахнулся кандалами и раскроил злодею череп! После этого он принялся и за других — разможил голову еще одному поганцу, хотел урезать третьего, но тот, бестия, проснулся и закричал... Долго они с ним возились и не одолевали; напоследок, человек шесть или семь разбойников окружили его со всех сторон, изранили его саблями и кинжалами, кинулись на него кучкой, повисли у него на руках и на ногах, повалили его наземь и тут уже изрубили в куски» [Там же, 175]²¹. Таким образом, высоко ценится жизнестойкость, сопряженная с верностью культурным императивам. Витальность необходима, но ее излишки провокативны, ибо предполагают неразборчивость, близость к «природному», «животному», нечеловеческому.

Эпические эпизоды казачьей истории, казалось бы, противоречат другому качеству, неизменно сопровождающему рассуждения о специфике отношения к жизни и у кочевников, и у казаков, — *беспечности*. Беспечны и кочевники, и казаки, но по-разному: при анализе этой категории «двойные стандарты» колониального дискурса очень показательны. Беспечность кочевников соседствует с ленью, легкомыслием, недалевидностью (эта тема потом будет активно эксплуатироваться в имперском дискурсе, оправдывающем таким образом собственное насилие). Та же беспечность у казаков Железнова — из ключевых характеристик

¹⁹ Подобные примеры можно множить: казак Павел Голубов, «из числа неустрашимых и отважных рыболовов», когда их не только унесло в море, но и заперло льдами, предлагает: «Лучше давайте-ка, братцы, от скуки, тюленей стрелять» [6, 204].

²⁰ Известный деятель уральского казачьего движения Г. В. Енборисов в своих записках о периоде Гражданской войны «От Урала до Харбина» также создает свой портрет как командира решительного, сочетающего в себе качества рачительного хозяина и способность противостоять овладевшим толпой настроениям. См., например, эпизоды перехода через Байкал по льду, когда предусмотрительность Енборисова позволила его людям сохранить лошадей, обесценив их своевременную круглосуточную перекровку [5, 116–117]. Со схожей интонацией написан эпизод о засаде у Петровского завода, где Енборисов с несколькими оренбургскими казаками-нагайбаками остановил паническое бегство войска: «Я, уже сидя верхом на лошади, с револьвером в руке, заворачивал бегущих, главным образом начальников»; нагайбаки же «нагайками воротили всех, не разбирая ни чина, ни положения». В результате «удалось предотвратить катастрофу и восстановить порядок» [Там же, 120].

²¹ У авторов, более открытых культуре степных народов, мы находим примеры подобной героической гибели-сопротивления и с «той стороны». См., например, историю гибели батыра Окая в изложении В. Зефирова [10, 50–52].

«беспечных рыцарей»: здесь она выглядит как приобретенная адаптационная способность, живя в условиях постоянных и разнородных опасностей, сохранить вкус жизни, игровую легкость ее восприятия за исключением моментов непосредственных схваток с врагом. У Железнова беспечность попадает в сферу «детского», непрагматичного и одновременно и раздражает автора как проявление инфантилизма, и манит как важная составляющая жизненной силы казачества: «Вытягиваясь в нитку, он (казак. — Н. Г.), можно сказать, бьется с счастьем не на живот, а на смерть. Вышел победителем... хорошо: он снова заживет припеваючи. Нет — безропотно идет в работники к другому...» [6, 179]. Разорившись на непредсказуемом промысле, «аханицы, повесив головы, возвращаются домой, утешаясь надеждою на будущие рыболовства. Но ежели вся эта кутерьма кончится без уцербра рыболовным снастям, казак беззаботно предаётся рыболовству, посмеивается исподтишка над Каспием и наделяет его не очень-то лестными для него приветствиями...» [Там же, 192].

«У казаков вообще, а у аханицы в особенности, в высшей степени развито чувство бесстрашия, самонадеянности и беспечности к опасностям. Во всех критических обстоятельствах и неверных предприятиях они подкрепляют и напутствуют себя общею русскою поговоркою: “волка бояться — в лес не ходить”» [Там же, 192–193]. Аханное рыболовство, по Железнову, «отличная школа» казачества, ибо в нем сочетаются привычка полагаться на судьбу во всех опасностях²² — «счастливое мнение» всех уральцев — и неограниченные возможности сделаться «живым, ловким, расторопным, смелым и сметливым, в крайних случаях предприимчивым и находчивым» [Там же, 212], то есть приобрести все важнейшие адаптационные качества.

Схожая картина ожидает нас и в текстах о Севере России. Композиция книги очерков С. Максимова «Год на Севере» выстроена с учетом того, какое место отводит автор каждому из северных этносов на «цивилизационной лестнице», восходящей от самоедов (через лопарей, карелов и зырян) к поморам. Поморы представляют, по Максиму, вершину адаптационного процесса, однако наиболее сложны репрезентации «низшей» и «высшей» ступени: образы самоедов и зырян²³. При этом взгляд заезжего исследователя более пристрастен, чем суждения северян, за века совместной жизни приспособившихся друг к другу. Все, что подмечает Максимов в образе жизни самоедов: от пищи («они песцов едят!») до одежды («уродливые и тяжелые» малицы и совіки) и характера (бессловесная доброта), — для него свидетельствует не о высочайшей степени пластичности их культуры, вписавшейся в сложный рельеф природно-климатических условий, но помещает самоедов в сферу нечеловеческого, «звериного» (в морозы ходят с непокрытой головой; не могут выстоять церковную службу, зато способны часами лежать в лодке без движения, карауля зверя на «стрельне»; едят сигары; не выносят «человеческого» тепла изб и др.). Парадоксальным образом, даже пользуясь несомненными открытиями северян (например, их меховой одеждой, в которой

²² «Две смерти не будет, а одной не минуешь, как ни шатай, как ни валяй. <...> Уж кому... на роду написано утонуть, тот и в луже утонет, а кому еще жить, тот и из киян-моря выедет здрав и невредим» [6, 212].

²³ Подробнее о композиции книги очерков Максимова применительно к его взглядам на финно-угорское население Севера см. [4].

только и возможны путешествия по тундре), Максимов отказывается признать сильные стороны иной культуры. Для Максимова самоеды — кочевники, зависящие от воли и желаний «олешек» («Олешка мох съел... велит дальше!»²⁴ [12, 387]).

Вершиной адаптационных возможностей в «верном направлении» для Максимова являются поморы, «заплатившие» Северу 400–500 годами адаптации и ставшие его полноправными хозяевами. Поморы сумели приспособиться к Северу, преобразовав мир с иным климатом, иной культурой в «свой», *переименовывая* его и *трансформируя*: «море» становится для промысловиков «полем», половодье — аналогом праздничного гулянья в лодках, ярмарки сохраняются и в морозы, но перекечевывают с площадей внутрь домов. Колониальная оптика этнографии Максимова в этом случае работает вполне предсказуемо: один из наиболее распространенных пороков северян — пьянство — получает разную оценку в зависимости от этнической принадлежности пьющих; разнятся и ключевые художественные образы: в памяти Максимова (и, как следствие, читателя) остается жалкая самоедская «инька» (жена), волочащая по морозу санки с детьми, тогда как симпатии автора всецело принадлежат семьям поморов, где при пьющих мужьях есть «крепкие сердцем женки».

Смена авторской позиции, обусловленная воспитанием либо личным опытом, влечет за собой *изменение «оптики» повествования*, в том числе там, где речь идет об адаптации к природной среде. Так, южноуральский литератор В. Зефиров, воспитанник «дядьки»-киргиза и приемный сын священника-миссионера, был хорошо знаком с культурой кочевников и не раз приводит в своих очерках примеры «экологической культуры» кочевников: будь то максимально разрешенное для сбора количество гусиных яиц, которое можно взять из гнезда²⁵, либо охранительное значение конских черепов, развешанных вдоль жилищ [9]. С редкой для той эпохи искренностью и прямотой описывая жизненные уроки, которые он получал от знакомых башкиров и киргизов, Зефиров склонен в каждом горожанине обнаруживать «номада», вспоминающего о своем предназначении весной и летом.

К. Носилов, увлеченный исследованиями Северного Урала и прилегающих территорий, уделяет пристальное внимание своеобразному *эмоциональному миру*

²⁴ Сравним: заметки о скачках и конских ярмарках В. Зефирова и П. Павловского в «Оренбургских губернских ведомостях» рисуют схожую картину «помимо вольной» притягательности лошадей для киргизов и башкир. Отношения же казаков с лошадьми (хотя «казак страшно любит коня, и даже по смерти его наследники, или родственники, или друзья ведут заседланного коня за его гробом, и конь должен провозить до могилы» [5, 246]) мыслятся несколько иначе, о чем свидетельствуют приводимые Железновым эпизоды суда и казни лошади, сбросившей атамана, а также наказание непутевого коня О. Вертячкиным в его очерках.

²⁵ Случай с гусиными яйцами автобиографический: «Мне первому удалось найти гнездо гусиных яиц... но сбжавшиеся ребятишки страшным криком остановили меня: *ика кукай ал, артык алма, атай кушми!* (т. е. бери только два яйца, больше не тронь, отец не велит). Не понимая глубоко-умного смысла в крике ребят, я схватил из гнезда столько яиц, сколько можно было уместить их между левой рукой и грудью, и с этой несчастной добычей вышел из камышей — по колени в грязи и с окровавленными руками, обрезанными осокой. В этом торжественно-гадком виде встретил меня отец мой. Как сейчас помню, три его самсоновские оплеухи далеко разнесли не благоприобретенную добычу, и я в слезах и трепете должен был выслушать умную заповедь киргизов детям своим: *Убей птицу, если ты голоден; но не зори гнезда; не бери из него больше двух яиц; дай созреть плоду, и он принесет тебе новую птицу со сторицею.* Жаль, что такого мудрого правила и с такую силою убеждения не внушают детям в наших родительских домах» [10, 51–52] (курсив в цитате — автора текста, В. Зефирова. — Н. Г.).

вогулов (манси), напрямую связанному с их способностью выживать в суровом климате: мир лесных вогулов у Носилова наполнен ощущениями, знаками, предчувствиями на уровне повседневных практик. Носилов не склонен игнорировать эти способности северных охотников, но объяснения им дать не может: его попытки проникнуть в сердце иной культуры, участвуя в жертвоприношении, терпят фиаско по причине отторжения им «дикой» стороны языческой культуры. Мотивы «чудесного», «странного» (проявляющиеся, например, в эпизоде с водой, покидающей пробитую лодку после обращения вогула к Чохрын-Ойке) стоит отметить как ресурс, важный для северных народов, мимо которого не могут пройти заинтересованные в своем деле этнографы. Заметим, что «чудесное» у Максимова сохраняет свою привлекательность как для персонажей, так и для автора, взламывая известный схематизм авторской концепции, где чаще всего иррациональное пребывает «по разные стороны баррикад»: Максимов не сомневается в плутовстве шаманов, однако свидетельствует, что для поморов вера и упование являются «последним», но неизменно действенным средством спасения (будь то установка креста в отчаянном положении либо культ Варлаама Керетского, северного святого с невероятно драматической судьбой). В очерках Носилова этнография вписана в широкий контекст благоговения перед тайной жизни и смерти: в рассказе «Рождество в снегу» роды вогулки зимой, в снегу, во время перехода через Уральский хребет прямо сопоставляются с обстоятельствами рождения Спасителя, а не подвергаются рефлексии как проявление «дикой природы» вогулов-манси [15].

У большинства авторов, вплотную подошедших к ситуации возможной бикультурной идентичности, тексты обнаруживают напряженность, связанную с перспективой утраты привычного места в «материнской» культуре (В. Зефирова) либо с ощущением рубежа принятия культуры иной (К. Носилов). Зефирова полон тревоги в рефлексии о природе степи: ощущая себя жителем фронта, «последним европейцем» на пороге мира необъятного и дикого, он не уверен, насколько далеко можно пройти по пути погружения в иную культуру, насколько открыто можно признаваться в любви к ней, оставаясь понятным и принятым русскоязычной аудиторией. Носилов, стараясь проникнуть в самое сердце влекущей его культуры вогулов, отказывается принять иное, «темное», «дикое» лицо вогульской веры, открывшееся ему во время обряда жертвоприношения. Таким образом, тексты литераторов-этнографов показывают, что *овладение инокультурными практиками выживания имеет свою цену*, весомость которой они ощущают, но платить которую не торопятся, так как она подразумевает, в числе прочего, изменение представлений о собственной культурной идентичности.

Наблюдения над этнографическими текстами XIX в. некоторым образом оказываются созвучны тому дискурсу, в рамках которого уже в постсоветское время создаются тексты на материале семейных историй. Количество текстов измеряется тысячами; многие из них содержат не только эпизоды, повествующие о выживании семьи, но и рефлексии относительного давнего и долгого периода умолчания о практиках подобного выживания, что понятно, учитывая исторические и социальные катаклизмы, через которые пришлось пройти семьям. Спасенные старшим поколением, выжившие младшие члены семей получили

возможность фиксации собственного и семейного опыта, в которой неизбежен оценочный компонент. Мы работали с текстами о довоенном и военном детстве, написанными в постсоветское время: это «родословная» С. Б. Наварской (2005) [13], воспоминания репрессированных жителей Свердловской области [11], включая документальную повесть Л. Шевчук «Анна» (2015), а также жителей Уралмаша (2013) [14].

Материалы устной истории Т. Власкиной по голоду 1932–1933 гг. на Дону показывают, что пережитые бедствия оставляют свой след в системе семейных ценностей, так что можно говорить о «мировоззренческих последствиях трагедии для отдельных личностей», и трагедия эта, в трансформированной форме, переходит через несколько поколений. И если «для людей, переживших в донских станицах 1932–1933 гг., характерно изменение аксиологии пищи в индивидуальной картине мира. Еда становится мерилем качества жизни» [2, 52], то и «отсроченные» трансформации не менее показательны. «Распад семей, вынужденное предательство родных как часть стратегии выживания оказывают воздействие на нравственную позицию индивида в течение всей последующей жизни: для тех, кто прошел через это, характерны нигилистические оценки семейных ценностей» [Там же, 52–53]. Последующие поколения часто оказываются в ситуации, когда внутрисемейный материал дает возможность говорить о наличии нескольких стратегий выживания, оказавшихся в достаточной мере успешными, о чем свидетельствует само наличие воспоминаний выживших. Тем не менее существует внутрисемейная иерархия, в которой приоритетные позиции могут занимать не те члены семьи, которые обеспечивали ежедневное физическое выживание семьи, вынужденно избирая как раз «непрестижные» тактики: терпения, приспособления, довольствования малым и др. Интересно, что респонденты, чья жизнь в первой половине XX в. оказывалась зачастую на грани физического выживания, далеко не всегда помещают способность выжить в позитивный ценностный ряд, хотя отдают дань памяти, сочувствия, жалости и благодарности тем, кто это обеспечивал (чаще всего женская часть семьи).

В этом отношении чрезвычайно показательным кажется текст Стальды Наварской, дополняющий концепт жизнестойкости гендерными характеристиками. В нем дочь, автор воспоминаний, реконструирует образ отца — «идеального коммуниста», помещая его фигуру в центр своего «семейного мифа». При этом из опубликованных фрагментов дневника самого Бориса Степанова явствует, что его несомненная жизнестойкость и яркая агональность связаны не только с «жаждой жизни», но и с конструированием сценария собственной ранней гибели²⁶. Жизнь отца, пережившего арест и заключение и погибшего в госпитале после седьмого ранения, воспринимается Наварской как героическая и единственно достойная настоящего коммуниста. Отцу противопоставлены женские образы «родословной», прежде всего мать и бабушка, на которых и приходилась вся тяжесть ежедневного выживания семьи. Однако подробно описанные Наварской «практики

---

²⁶ После подавления известного Казымского восстания (1933) Борис Степанов возглавил Березовский обком ВКП(б). Место захоронения семерых казненных мятежниками коммунистов стало для него культовым, см. фрагмент дневника со словами: «Я полюбил эту могилу» [11, 19].

выживания» в холодном, враждебном мире представлены как рутинное и негероическое: гадание на картах, донорство за талоны, продажа вещей на рынке, походы к бывшим женихам матери в надежде на продукты и др. Отец и бабушка воплощают во многом противостоящие друг другу модусы выживания: отец фиксирует имена предателей и палачей в надежде возмездия, бабушка молитвенно поминает благодетелей (главным образом сторожей дровяных складов). И хотя Наварская патетически именует ее «святой русской женщиной», ее путь скорее страшит, чем притягивает, как и путь матери Л. Шевчук в документальной повести «Анна»; сердце дочери отдано герою-отцу. Сравнивая свою «бедную бабушку» с героиней стихотворения М. Цветаевой «Бабушка», С. Наварская заключает: «*Моя же милая бабушка ничего не унесла в землю — все свои возможности и невозможности использовала она в полной мере на постоянную борьбу за выживание своей семьи*» [11, 117]. Только перенапряжением всех сил и отношений смогла уцелеть тонкая родовая ниточка: бабушка Наварской потеряла родителей и брата, похоронила мужа и шестерых детей, сумев сохранить только младшую дочь — мать Стальды. При подобном раскладе ни о какой притягательной беспечности, игровом победительном начале говорить не приходится, что ощущается в «родословной».

Таким образом, семейная история оказывается материалом, где в силу исторических причин легко актуализируются архаические нарративные схемы, позволяющие информантам описать семейный опыт в его катастрофических изломах, отсылающих к «фронтирным условиям» века XIX, если не еще более ранним. Жизнестойкость по-прежнему ценностно окрашена, однако условие соответствия при этом «правильному», «достойному» лекалу выполнять все сложнее; тем притягательнее становится этот идеал, в который ретроспективно включается не столько способность выжить, сколько свобода и возможность отдать жизнь за нечто действительно значимое для человека.

1. [Б. П.] Велика Святая Русь // Оренбургские губернские ведомости. 1846. № 38. С. 453.

2. Власкина Т. Ю. Голод на Дону // Власкина Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX — середина XX в.). Ростов н/Д., 2011. С. 43–53.

3. Граматчикова Н. Б. Композиция очерков И. Железнова «Уральцы»: к проблеме формирования идентичности казаков // Казачество: проблемы исторической памяти и культурной идентичности : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Магнитогорск, 18–19 апр. 2013 г.). Магнитогорск, 2013. С. 63–72.

4. Граматчикова Н. Б. Финно-угорское население Севера России: взгляд русского этнографа (по материалам очерков С. В. Максимова «Год на Севере») // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2015. № 3 (142). С. 69–82. [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/34995> (дата обращения: 19.05.16).

5. Енборисов Г. В. От Урала до Харбина: Оренбургское казачье войско. М., 2014.

6. Железнов И. А. Уральцы: Очерки быта уральских казаков // Полн. собр. соч. Т. 1. Изд-е 3-е, посмертное, под ред. Н. А. Бородина. СПб., 1910.

7. Записки Н. В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков: Публикация и исследование текста / сост. И. А. Филиппова, Е. В. Годовова, С. А. Моисеева. Оренбург, 2013.

8. [Зефиров В.] Две ночи за Уралом В. З.ф.р.ва // ОГВ. 1853. 5, 12, 19, 26 дек. (цит. по: Историко-литературное наследие Башкирского края. Вып. 1 / сост. М. И. Роднов; ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа, 2013).

9. *Зефиров В.* Конские черепа // ОГВ. 1847. 28 июня. № 26. С. 316.
10. *В. З-ф-р-въ.* [Зефиров В.] Удряк-баш, или 22 Августа в мешерякском кантоне // ОГВ. 1852. 9 авг. (цит. по: Историко-литературное наследие Башкирского края. Вып. 1).
11. Их тернистый путь. Судьбы репрессированных жителей Свердловской области : док. очерки ; повесть ; поэма / авт.-сост. А. П. Казанцев. Екатеринбург, 2015.
12. *Максимов С. В.* Год на Севере : [в 2 ч.]. 4-е, доп. изд. М., 2014.
13. *Наварская С. Б.* Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века : док. повесть. Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения: 19.05.2016).
14. Непридуманые истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми. Екатеринбург, 2013.
15. *Носилов К. Д.* Рождество в снегу // Носилов К. Д. У вогулов : очерки и наброски. СПб.: Изд. А. С. Суворина (Типография А. С. Суворина, Эргелев пер., 13), 1904. С. 98–108.
16. *Созина Е. К.* «Целый новый для меня мир»: этнографическая беллетристика К. Д. Носилова в русской литературе рубежа XIX–XX вв. // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 193–211 [Электронный ресурс]. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/27731> (дата обращения: 19.05.2016).
17. *Сточик А. М., Затравкин С. Н.* Состояние лечебного дела в конце XVIII века — первой половине XIX века // История медицины: Кафедра истории медицины Московского государственного медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова [Электронный ресурс]. URL: http://www.historymed.ru/encyclopedia/articles/?ELEMENT_ID=5052 (дата обращения: 19.05.2016).

Рукопись поступила в редакцию 3 июня 2016 г.

УДК 159.947.2 + 159.943 + 159.922.63:346.546

Ф. С. Исмагилова

СТРАТЕГИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СНИЖЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛОВ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

В статье рассматривается проблема сохранения конкурентоспособности профессионалов старшего возраста (от 55 лет и выше) на российском рынке труда. Приведены результаты теоретического анализа проблемы и показано, что проблема эйджизма основана не столько на объективных психофизиологических предпосылках старения, сколько на социальных установках более молодых профессионалов. На основе предшествующего исследования взаимоотношения профессионалов разных поколений выработаны стратегии поведения для профессионалов старшего возраста. Разбираются три стратегии принятия решений: а) «Ревизия прошлого», б) «Оптимизация настоящего», в) «Проектирование будущего». В заключение предлагается авторская классификация факторов индивидуальной конкурентоспособности на рынке труда и обсуждается ряд спорных моментов, требующих внимания в будущих исследованиях проблемы эйджизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: индивидуальная конкурентоспособность, профессионалы старшего возраста (от 55 лет и старше), эйджизм, стратегии принятия решений и поведения.

Россия находится сейчас в такой демографической ситуации, что люди зрелого и предпенсионного возраста вполне могут оставаться востребованными в силу дефицита молодых рук и голов, с которым сталкиваются предприятия. Ситуация кажущейся достаточности рабочей силы на рынке труда разбивается о сложившееся и усиливающееся профессионально-квалификационное несоответствие спроса и предложения. Отсюда неизбежность обращения к так называемым «антиэйджинговым» программам, задача которых — обеспечить продуктивное долголетие в профессии работникам старшего возраста. Еще одна сложность — отсутствие преемственности на предприятиях.

Цель данной статьи — опираясь на результаты исследования основных требований, которые предъявляют к профессионалам старшего возраста их более молодые руководители [2, 3, 8], предложить стратегические решения, направленные на повышение индивидуальной конкурентоспособности профессионалов на внешнем (регион) и внутреннем (организация) рынке труда.

Появилось много интересных работ о том, как чувствуют себя на работе люди в возрасте старше 50 лет. Были выявлены возрастные различия по показателям «индивидуализм — коллективизм» [13], «требования к работе — ресурсы работы» [15, 12], «результат работы — требование разнообразия навыков» [19], «мотивация к работе» [16], «психологический контракт» [18]. В исследовании [10] пожилые работники из сферы торговли показали себя более компетентными в выборе коупинговых стратегий в ситуации взаимодействия с клиентами и более успешными в преодолении эмоционального истощения и профессионального цинизма, нежели их более молодые коллеги.

Не было выявлено связи возраста с такими рабочими характеристиками, как автономия, вариативность навыков, значимость и идентичность задач, обратная связь и участие [17]. Зафиксировано преувеличенное внимание исследователей не столько к проблеме эйджизма, сколько к особенностям деятельности пожилых работников [14]. Предпочтения специалистами по рекрутингу нанимать работников того или иного возраста зависят больше от возраста рекрутеров и возможностей рынка, чем от их предубеждений к пожилым кандидатам [5]. Преодоление эйджизма на работе возможно при условии, что в организации с мультивозрастным составом работников будут применяться одинаково справедливые для всех требования [9].

На основе анализа оценочных суждений выявлены расхождения между оценочными характеристиками профессионального опыта у профессионалов двух поколений. В исследовании участвовали две группы: а) группа в возрасте 30–35 лет, б) группа в возрасте 50–60 лет. Методом сбора информации служил письменный опрос. Полученные данные обрабатывались методом контент-анализа и статистического анализа. Были проанализированы 360 проблем, связанных с профессиональным опытом.

Выявлено, что взгляды профессионалов на профессиональный опыт совпадают по двум позициям:

- важность профессионального опыта в том, что он формирует у специалиста образное восприятие (целостный образ, образное видение) профессиональной деятельности;

- профессиональный опыт создает новые знания, например, индивидуальные критерии оценки деятельности.

Расхождения выявлены по трем позициям:

- 55-летние ценят в опыте свои усилия по его приобретению, а 35-летние — его ценность для организации;

- 55-летние ожидают вознаграждение за затраченные усилия и свой прошлый вклад в организацию, а 35-летние увязывают вознаграждение с полученным результатом;

- 55-летние неохотно делятся знаниями, опасаясь внутренней конкуренции, а 35-летние ожидают от 55-летних готовности передавать опыт (наставничество), а также перераспределять власть (делегирующие полномочий).

Мы предлагаем в качестве решения проблемы поддержания и усиления конкурентоспособности профессионалов старшего возраста профессиональное консультирование по разработке и реализации личного стратегического плана, идею которого развивает в своей работе Л. Р. Дуффус. Личный стратегический план — лично ориентированная версия маркетингового плана, письменный документ, в котором указаны время и действия для достижения индивидуальных карьерных ожиданий [7].

В соответствии с нашим подходом план должен охватывать три стратегии:

- «Ревизия прошлого»,
- «Оптимизация настоящего»,
- «Проектирование будущего».

Стратегия «Ревизия прошлого». Оценка опыта, выявление его сильных и слабых сторон должны стать средством решения задачи — построение образа

субъективной карьеры. Субъективная карьера понимается как собственная интерпретация личностью своей карьерной ситуации в определенный промежуток времени. Успех такой карьеры — это позитивные психологические или профессиональные результаты или достижения, которые человек накапливает благодаря своему профессиональному опыту. Субъективное понимание успеха карьеры включает в себя как объективную успешность (зарплата и высокая должность), так и субъективную успешность (личностную оценку своей карьеры) [4]. Это тем более важно для профессионалов, определившихся со своими профессиональными предпочтениями и имеющих за плечами богатый профессиональный опыт.

Стратегия «Ревизия прошлого» должна опираться на оценку своей субъективной карьеры и готовность ответить на такие субъективные вызовы прошлого, на которые раньше не было возможности ответить, а сейчас это стало доступным.

Стратегия «Оптимизация настоящего». На рынке труда предложения от профессионалов старшего возраста преобладают над спросом на них. При таком соотношении спроса и предложения уже не работодатели конкурируют за работников, а, напротив, работники вступают в конкурентную борьбу друг с другом за выгодные, а иногда даже за имеющиеся вакансии. Тем не менее профессионалы, как правило, ищут работу «интересную, менее интенсивную и с максимально возможным вознаграждением». Работодатель же ориентирован на поиск работника, готового «делать то, что требуется, а не то, что нравится, при этом трудиться максимально интенсивно и при соответствующем (а не максимально возможном) вознаграждении». Проблемой в таких ситуациях становится не только согласование интересов и возможностей клиента с требованиями рынка труда, но и развитие конкурентоспособности клиента на рынке труда, поскольку клиент осуществляет свой профессиональный выбор в конкурентной среде. При высоком уровне предложений и низком уровне спроса на рабочую силу эта среда становится высококонкурентной. Только обладая рядом конкурентных преимуществ, клиент сможет получить искомую вакансию, если на нее претендуют, кроме него, другие кандидаты.

Все факторы, которые определяют стоимость профессионала на рынке труда, можно подразделить на три уровня:

— первый уровень — факторы профессиональной пригодности: дают право на занятие вакансии, являются обязательными для занятия вакансии и не дают оснований для торга с работодателем (например, образование, диплом);

— второй уровень — факторы конкурентоспособности: являются основанием для участия в конкурсном отборе на вакансию, торга с работодателем, планирования карьеры и служебного роста, пересмотра индивидуального трудового договора (например, опыт применения полученных знаний, авторские разработки, возраст);

— третий уровень — факторы — конкурентные преимущества: служат основанием для заключения особого психологического контракта с работодателем, позволяют быть успешным в консалтинговой и менторской сфере, расширяют источники дохода за счет высокого спроса на рынке труда (например, успешный опыт применения редких знаний, высокие профессиональные результаты, репутация).

Решение лежит в поиске баланса между профессиональным опытом как результатом профессионального прошлого и профессиональным опытом как

условием успешности профессионального настоящего и будущего субъекта. Суть проблемы в том, что в опыте постепенно накапливаются устаревающие характеристики деятельности, поэтому условием конкурентоспособности профессионала становится его умение интегрировать свой опыт в актуальную профессиональную деятельность [1].

Стратегия «Проектирование настоящего» должна быть направлена на ревизию всех трех вышеперечисленных групп факторов с тем, чтобы ответить на три следующих вопроса:

- 1) В чем сегодня мои конкурентные преимущества на внешнем рынке труда и в организации?
- 2) Какими конкурентными преимуществами обладают кандидаты на такие же вакансии, что и я, в сравнении со мной?
- 3) Как я могу усилить свою конкурентоспособность?

Стратегия «Проектирование будущего». На основе теоретического анализа данных современных психологических исследований Р. Кантер, М. Бейер и П. Акерман разработали интегративную модель возрастных целей, касающуюся работы и мотивации к работе или ухода на пенсию для групп работников в возрасте от 50 до 70 лет [11]. Стратегия «Проектирование будущего» должна быть выстроена после того, как консультант вместе с клиентом создадут «Дерево целей», куда войдут три группы целей, перечисленных авторами модели. Такое многообразие целей уже само по себе создает обширное поле возможностей и обеспечивает достижение «многовершинности» в профессионализме.

Это поможет профессионалам старшего возраста пересмотреть такой конструктор, как видение перспективы будущего, и увидеть для себя новые возможности психологического контракта с работодателем. Как показало исследование, с возрастом перспектива видения будущего сокращается [6].

Безусловно, все перечисленные стратегии требуют экспериментальной проверки. Это модели, которые разработаны по результатам эмпирического исследования, проведенного на относительно небольшой однородной выборке. Большая теоретическая обоснованность за счет анализа российских исследований по этому направлению также существенно усилила бы позиции автора.

Вопросы, которые могли бы лечь в основу дальнейших исследований в данном направлении, можно объединить в три группы:

- 1) Чего хотят от работы пожилые работники, например, каковы их ожидания в терминах «требования к работе — ресурсы» или баланса «работа — личная жизнь»?
- 2) Каким следовало бы быть дизайну работы, чтобы максимально соответствовать требованиям старшего возраста? Какие угрозы переживают работники старших возрастов (стрессы, вызовы времени) и как можно снизить уровень эйджизма и межвозрастных конфликтов?
- 3) Каковы стереотипы пожилых работников и как можно эти стереотипы преодолеть?

1. *Исмаилова Ф. С.* Профессиональное консультирование: проблемы и подходы, Germany, Palmarium Academic Publishing, 2013.
2. *Исмаилова Ф. С., Музатабарова Э. К.* Психологическое исследование взаимоотношений поколений профессионалов в изменяющейся организационной среде // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1 (110). С. 153–161.
3. *Исмаилова Ф. С., Мирлобова Г. С.* Теоретическое исследование проблемы взаимоотношений профессионалов разных поколений: классификация факторов влияния // Там же. № 2 (113). С. 203–216.
4. *Abele A. E., Spurk D.* How do objective and subjective career success interrelate over time? // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2009. 82. P. 803–824.
5. *Avery D. R., McKay P. F.* Target practice: an organizational impression management approach to attracting minority and female job applicants // Personnel Psychology. 2006. March. Vol. 59, Iss. 1. P. 157–187.
6. *Bal P. M., de Lange A. H., Zacher H., Van der Heijden B.* A lifespan perspectives on psychological contracts and their relations with organizational commitment // European Journal of work and organizational psychology: Special iss.: age in the workplace: challenges and opportunities. 2013. June. Vol. 22, № 3. P. 279–292.
7. *Duffus L. R.* The Personal Strategic Plan: A Tool for Career Planning and Advancement // International Journal of Management. 2004. June. Vol. 21, № 2. P. 144–149.
8. *Ismagilova F., Mirolubova G.* Subjective system of criteria for controlling by managers effectiveness of their activity as an obstacle for meeting new labor requirements // Imagine the future world: How do we want to work tomorrow? Abstract proceedings of the 16th EAWOP Congress 2013. EAWOP Congress 2013, Münster. P. 605–606.
9. *Iweins C., Desmette D., Yzerbyt V., Stinglhamber F.* Ageism at work: The impact of intergenerational contact and organizational multi-age perspective // European Journal of work and organizational psychology. Special issue: age in the workplace: challenges and opportunities. 2013. June. Vol. 22, № 3. P. 331–346.
10. *Johnson S. J., Holdsworth L., Hoel H., Zapf D.,* Customer stressors in service organizations; The impact of age on stress management and burnout // Ibid. P. 318–330.
11. *Kanter R., Beier M., Ackerman P. L.* Goals and motivation related to work in later adulthood: An organizing framework // Ibid. P. 253–265.
12. *Lieberman S. C., Wegge J., Muller A.* Drivers to the expectations of remaining in the same job until retirement age: A working life span demands-resources model // Ibid. P. 347–361.
13. *Marcus J., Gellert F. J.* Age, relational climate and work outcomes: The moderated meditational role of Institutional I-S Imagine the future world: How do we want to work tomorrow? Abstract proceedings of the 16th EAWOP Congress 2013. EAWOP Congress 2013, Münster. P. 540–541.
14. *Rosing K., Zacher H.* Traditional and modern ageism as predictors of workplace discrimination Imagine the future world: How do we want to work tomorrow? Abstract proceedings of the 16th EAWOP Congress 2013. EAWOP Congress 2013, Münster. P. 539–540.
15. *Schulz H., Pfaff H.* Aging, work characteristics and job performance: investigation of mediators, moderators, and different objective workplace outcomes Imagine the future world: How do we want to work tomorrow? Abstract proceedings of the 16th EAWOP Congress 2013. EAWOP Congress 2013, Münster. P. 542.
16. *Truxillo D., Fraccarollo F.* Research themes on age and work: Introduction to the special issue // European Journal of work and organizational psychology. Special issue: age in the workplace: challenges and opportunities. 2013. June. Vol. 22, № 3. P. 249–252.
17. *Tschopp C., Grote G.* Age effects in the relationship between motivational job design characteristics and job satisfaction. Imagine the future world: How do we want to work tomorrow? Abstract proceedings of the 16th EAWOP Congress 2013. EAWOP Congress 2013, Münster. P. 542–543.
18. *Vantilborgh T., Bidee J., Pepermans R. et al.* From “getting” to “giving”: Exploring age-related differences in perceptions of and reactions to psychological contract balance // European Journal

of work and organizational psychology. Special issue: age in the workplace: challenges and opportunities. 2013. June. Vol. 22, № 3. P. 293–305.

19. Zaniboni S., Truxillo D., Fraccarollo F. Differential effects of task variety and skill variety on burnout and turnover intentions for older and younger workers // *Ibid.* P. 306–317.

Рукопись поступила в редакцию 3 июня 2016 г.

УДК 159.923 + 159.942.22 + 159.944.4 + 369.221.3 + 17.021.1

E. Boštjančič

BUILDING RESILIENCE AFTER SUFFERING FROM BURNOUT SYNDROME: PERCEIVED CHANGES IN PERSONALITY, VIEWS, VALUES AND BEHAVIOURS CONNECTED WITH WORK

Burnout is recognized as a syndrome that has a long-term impact on the employee, on his/her peers at work, and also on the productivity and efficiency. Returning to work after suffering from burnout syndrome is a big challenge for the employee, and for the employer also. The person who recovered usually has changed personality, views, values, and behaviours connected with work. She or he has to receive the necessary support from co-workers and leaders, especially in terms of understanding him/her and partially adapting his/her responsibilities at work when they return. A part of building resilience consists of an inner strength, which is the sum of the personality traits that supports the employee to deal successfully with stressful situations once back to work. In Slovenia the study focused on building resilience after suffering from burnout syndrome was conducted. Its results indicated a need for implementing organized and systematic forms of assistance spread between leaders, peers, friends, family, and the system as a whole.

Key words: resilience, burnout recovery, work, employee, personality, values.

Factors influencing the occurrence of burnout syndrome. Workplace well-being is the key to suitable productivity. Numerous factors influence whether an individual experiences workplace well-being or suffers burnout. Studies to date have shown that burnout is most highly correlated with situational factors in the workplace – the characteristics of the job, the profession and the organisation. Burnout is caused by the following factors: overwork, lack of supervision, insufficient rewards, breakdown of community, unfairness/inequity, conflicting values, role conflict and lack of social support, social comparison and the “contagiousness” of burnout within a team.

The professions most at risk, which are also among those most studied, are doctors, psychiatrists, teachers [2] and social care workers [11]. The results of studies conducted on small samples indicate that risks are greater among older employees [2], managers, the self-employed and the more highly qualified [5]. Women tend to be more emotionally exhausted and experience a higher degree of depersonalisation, which can also be attributed to differences in traditional patterns of gender roles [15].

Consequences of burnout. The consequences of burnout appear in various forms and are reflected both in the individual and in his or her performance (performance at

the organisational level). Psychosomatic complaints such as headaches, muscle tension, digestive problems, breathing problems, cardiovascular problems, dizziness, faintness and similar are signs that the body is facing the demands of the environment. Emotional exhaustion is linked to cardiovascular problems, while cynicism is linked to digestive problems. Burnout sufferers try to alleviate the consequences with drugs and alcohol, which can further worsen the situation [10]. Burnout is also related to mental health problems such as depression, anxiety and insomnia [12]. Emotional exhaustion and depersonalisation are related to psychological stress and feelings of powerlessness [9]. Studies have shown that the social and family relationships of individuals suffering from burnout tend to deteriorate [4]. As a result they distance themselves emotionally from work, and also from friends, find themselves in conflict situations more frequently and reduce their social life [6].

Signs of burnout reflected in work. Schaufeli and Enzmann (1998) report that burnt-out individuals become highly critical of the organisation and no longer trust colleagues [13]. An individual's assessment that the demands of the job exceed his or her abilities also affects his or her job satisfaction [7] and total sickness absenteeism [14]. Burnout is also one of the best predictors of leaving an organisation. Individuals feel that the only way to cope with stress is to leave their job [8].

Inner strength of employees. It is not, however, only professional factors or environmental factors that affect whether or not an individual will suffer burnout. Workplace well-being also depends on the personal characteristics of individuals such as personality traits, temperament and strategies for coping with stress. These are developed over time, with the accumulation of relevant knowledge and experience. We can talk about inner strength, which is the sum of the personality traits that enable the individual to deal successfully with stressful situations, in other words the ways in which he or she confronts stressful situations in everyday life. Given that we live in a world where we are increasingly exposed to various stressful situations and time pressures, it is vital that we are able to deal with them in a suitable way and in this way reduce their negative impact on our mental health.

Inner strength has a positive effect on employees' well-being and helps them resolve everyday problems. It consists of four dimensions deriving from meta-theoretical analysis: firmness, creativity, connectedness, flexibility. Inner strength represents acceptance of changes (both positive and negative) as inevitable, keeping both feet on the ground and connecting with family, friends, society and nature. It describes the desire to take responsibility for one's own actions and to confront problems. Having inner strength is to be creative and flexible, to believe in one's own abilities to act, to make choices, and to influence life's trajectory in a meaningful direction. Inner strength is thus a source of well-being and support for personal knowledge and growth.

Changing the working environment. Alongside personality factors that can develop adequate resistance to stress, we can also improve (change) the psychological circumstances of work and interpersonal relations. Workplace burnout can be prevented by improving the psychological circumstances of work through so-called organisational measures. These can protect managers and employees from burnout, help retain the best employees and increase commitment to work. At the same time they increase productivity and competitiveness, and thus also revenue. The planning of programmes

to prevent burnout and the reintegration into the working environment of people who have suffered from burnout syndrome must be done holistically. It must take into account both the personal characteristics of the individual, the characteristics of the job and the characteristics of the wider environment in which the individual moves.

Interventions to prevent burnout can be focused on a person/group, on the organisation or on both. Such processes relate to reducing stressors or increasing resilience. Interventions focused on the individual usually relate to cognitive–behavioural processes aimed at increasing the individual's ability to do the job, improving coping skills, increasing social support or relaxation. The majority of interventions are focused on the individual and cognitively–behaviourally oriented for the purposes of cognitive restructuring [13].

Interventions focused on the organisation, on the other hand, usually relate to changing work processes (e.g. restructuring of tasks, evaluation of work or introduction of supervision) with the aim of reducing the demands of the job and increasing control over work by involving employees in decision-making.

Despite the importance of this topic, there have in general been few studies of the effectiveness of interventions in reducing burnout, above all among the highly burnt-out. Generally speaking, interventions focus on reducing stress. Awa, Palumann and Walter (2010) find, after analysing interventions published in scientific literature between 1995 and 2007, that 80 % of all interventions led to a reduction in burnout. Interventions focused on the individual were effective in the short term (6 months or less), while interventions focused on both the individual and the organisation had longer positive effects (12 months or more). In all cases the positive effects of interventions diminished over time [1].

Results of a study on building resilience after suffering from burnout syndrome.

A study conducted in Slovenia [3] aimed to examine the period after an individual has suffered burnout syndrome, with an emphasis on the relationship between the employee who has suffered burnout and his or her employment, as represented by the employer (director, line manager), the HR department (in the form of help), colleagues, the nature of the job and the physical environment of the workplace. Among other things we looked for factors that can help burnt-out individuals build suitable resilience during the recovery process [Ibid.].

All participants in this study reported that recovery would not have been possible if they had not themselves had sufficient motivation and self-discipline to change their thinking, self-evaluation and behavioural patterns. The majority of participants rated their own contribution to their recovery as being the most important. Nevertheless, all participants mentioned at least one support factor in coping with problems in the workplace: family members, friends, the wider environment, colleagues, superiors or healthcare professionals.

The majority of participants in the study highlighted the importance of support from family or friends in their recovery and, in this connection, a quicker return to work. They mentioned the strong emotional support, understanding and help they received. They also mentioned encouragement in coping with problems, financial assistance during absence from work and help in balancing private and professional life. Help in achieving a good work–life balance was very useful to the majority of participants,

who recognised it as an important contribution to recovery. This form of help related above all to augmenting the importance of private life and relaxation during free time (helping parents or children with household chores, cooking a meal together, inviting friends over and socialising more frequently, more frequently taking time for hobbies and for themselves).

Employees who returned to work after suffering burnout most frequently sought support from colleagues. They mentioned their support and understanding, including from superiors and subordinates. Participants felt that understanding and help were useful to them, but in the end the feeling prevails that they themselves were most responsible for their recovery.

Their assessments of reactions from healthcare professionals were highly individual. The majority of participants visited more than one doctor or medical institution — in some cases they encountered approval, while in others there was an absence of understanding or knowledge of burnout syndrome. As well as seeing a general practitioner, participants turned to various forms of organised psychological help (group, individual psychotherapy), psychiatrists, homoeopaths, creative workshops, yoga, meditation, frequency therapy, massage, EEG monitoring, etc.

The following obstacles were reported most frequently: lack of knowledge about the condition, absence of formal criteria for diagnosis, prejudices and stigma. The effectiveness of these factors was limited to individual feedback. In our study we came to the realisation that every participant, having tried several possibilities, eventually found the form of treatment that suited them and helped with their recovery. Causes for concern include the fact that healthcare professionals sometimes know too little about the occurrence of burnout syndrome, that no classification yet exists in Slovenia in which this condition could unambiguously be placed (which would help diagnosis and make it easier to reach agreements on funding treatment), and that no uniform programme exists for treating people with burnout syndrome.

Building employees' resilience. The most worrying finding of the study is without a doubt the problem of the lack of knowledge of burnout syndrome — both of its causes, factors and consequences and of the various forms of help. Participants most frequently highlighted their desire for a programme for comprehensive recovery and a more successful return to work. The reality of the present situation is unfortunately different, since employees with burnout syndrome are most often left to themselves and the individual engagement of their surroundings. Participants most often emphasised the importance of the social support provided by friends, colleagues, superiors or family, while on the part of companies there was an absence of a systematic approach to a problem that is becoming increasingly frequent and widespread, regardless of gender, age, education or profession.

The first step on the path to providing more effective help to employees suffering from burnout syndrome is recognition of the causes and consequences of the condition on the part of the employer. Today burnout is still a frequently overlooked and stigmatised phenomenon, despite the fact that it has long-term negative effects — poorer employee satisfaction, higher rates of fluctuation and absenteeism, a weaker sense of belonging to an organisation and a disconnect between the situation in a company and corporate values. A stressful working environment within an organisation is also

reflected outwardly, and consequently worsens the public perception of the company. The rapid and effective identification of the causes and factors of burnout syndrome is therefore of key importance for the timely regulation of these consequences.

The biggest challenge facing employers in the future with regard to employee burnout will undoubtedly be the introduction of organised forms of help for employees returning to work. The solution does not only lie in the organisation itself or in the introduction of “modern” measures. The company’s connection with various support factors (friends, family, employer), while taking into account the individual characteristics of the employee, is also important.

1. *Awa W., Plaumann M., Walter U.* (2010). Burnout prevention: A review of intervention programs. *Patient Education and Counseling*, 78, 184–190.
2. *Bakker A. B., Schaufeli W. B., Van Dierendonck D.* (2000). Burnout; prevalentie, risicogroepen en risicofactoren (Butnout: Prevalence, risk groups and risk factors) // I. L. D. Houtman, W. B. Schaufeli, & T. Taris (Eds.). *Psychische vermoeidheid en werk; Cijfers, trends en analyses* (pp. 65–82). *Alpen a/d Rijn* : Samson.
3. *Boštjančič E., Koračin N.* (2014). Returning to work after suffering from burnout syndrome: perceived changes in personality, views, values, and behaviors connected with work. *Psihologija*, 47(1), 131–147.
4. *Burke R. J., Deszca E.* (1986). Correlates of psychological burnout phases among police officers. *Human Relations*, 39, 487–501.
5. *Cole D. C., Salahadin I., Shannon H. S. et al.* (2002). Work and life stressors and psychological distress in the Canadian working population: a structural equation modelling approach to analysis of the 1994 National Population Health Survey. *Chronic Diseases in Canada*, 23(3), 91–99.
6. *Cordes C. L., Dougherty T. W.* (1993). A review and an integration of research on job burnout. *Academy of Management Review*, 18, 621–656.
7. *Fogarty T. J., Singh J. P., Rhoads G. K., Moore R. K.* (2000). Antecedents and consequences of burnout in accounting: Beyond the role stress model. *Behavioral Research in Accounting*, 12, 31–68.
8. *Goodman E., Boss R. W.* (2002). The phase model of burnout and employee turnover. *Journal of Health and Human Services Administration*, 25(1/2), 33–47.
9. *Lee R. T., Ashforth B. E.* (1990). On the meaning of Maslach’s three dimensions of burnout. *Journal of Applied Psychology*, 75, 743–747.
10. *Maslach C.* (1982). *Burnout: The cost of caring*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall.
11. *Matthews D. B.* (1990). A comparison of burnout in selected occupational fields. *Career Development Quarterly*, 38, 230–239.
12. *Quick J. C., Quick J. D., Nelson D. L., Hurrell J. J.* (Eds.) (1997). *Preventive stress management in organizations*. Washington, DC : American Psychological Association.
13. *Schaufeli W. B., Enzmann D.* (1998). *The burnout companion to study and practice: A critical analysis*. L. : Taylor & Francis.
14. *Ybema J. F., Smulders P. G. W., Bongers P. M.* (2010). Antecedents and consequences of employee absenteeism: A longitudinal perspective on the role of job satisfaction and burnout. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 19(1), 102–124.
15. *Van Horn J. E., Schaufeli W. B., Enzmann D.* (1999). Teacher burnout and lack of reciprocity. *Journal of Applied Social Psychology*, 29(1), 91–108.

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК

Е. Боштьянчич

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОСЛЕ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ: ЛИЧНОСТНЫЕ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ, ЦЕННОСТНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Синдром эмоционального выгорания имеет пролонгированное влияние как на самого работника, так и на его коллег, а также негативно сказывается на работе всей организации в целом. Возвращение на работу после перенесенного синдрома выгорания является серьезной проблемой как для работника, так и для работодателя. Синдром эмоционального выгорания значимо влияет на поведение работника, его ценности, взгляды и личность в целом. Одним из аспектов повышения устойчивости к стрессу на рабочем месте является выработка и поддержание эффективных внутриличностных механизмов самого работника. В Словении было проведено исследование, связанное с повышением жизнестойкости работника, пострадавшего от эмоционального выгорания. Его результаты свидетельствуют о необходимости осуществления организованной и систематической помощи работникам, пострадавшим от эмоционального выгорания. Большую роль в восстановлении после данного синдрома играют руководители организации, в которой работает человек, его коллеги, друзья и семья.

К л ю ч е в ы е с л о в а: устойчивость, восстановление после выгорания, работа, работник, личность, ценности.

В настоящее время актуальны исследования, посвященные изучению проблемы эмоционального выгорания в связи с профессиональной деятельностью. Эмоциональное выгорание тесно связано с такими факторами, как переутомление, недостаточное вознаграждение, несовпадение ценностей и взглядов, конфликт ролей, недостаток социальной поддержки, ощущение несправедливости, социальное сравнение и отсутствие практики супервизии (сопровождение на рабочем месте).

Среди профессий, представители которых в наибольшей степени подвержены риску, наиболее изученными являются врачи, психиатры, педагоги и социальные работники. Результаты исследований, проведенных на небольших выборках, указывают на то, что риски выше среди пожилых работников, руководителей предприятий и предпринимателей. При этом женщины в большей степени подвержены эмоциональному выгоранию, и у них в большей степени выражена деперсонализация.

Последствия эмоционального выгорания различны: психосоматические жалобы, депрессия, бессонница, алкоголизация, психологический стресс и чувство беспомощности. Кроме того, у людей, имеющих синдром эмоционального выгорания, начинают портиться отношения с коллегами и друзьями, появляются проблемы в семье.

Немаловажно и то, что эмоционально истощенные работники становятся весьма критичными по отношению к той организации, в которой они работают. Они отмечают у себя неудовлетворенность работой, а также склонны чаще, чем обычно, брать больничный лист. В какой-то момент они приходят к мысли, что единственный способ справиться со стрессом — это оставить свою работу.

Безусловно, кроме внешних факторов на возникновение синдрома эмоционального выгорания влияют и психологические факторы, такие как, например, особенности темперамента или преобладающие стратегии совладания со стрессом. Среди внутриличностных факторов, которые способствуют конструктивному совладанию со стрессом и снижают вероятность возникновения синдрома эмоционального выгорания, можно выделить такие, как твердость, креативность, связанность с другими людьми и гибкость.

Выгорание на рабочем месте можно предотвратить путем улучшения психологического климата на работе через так называемые организационные меры. Мероприятия по предупреждению выгорания могут быть направлены на человека, небольшой рабочий коллектив или организацию в целом (что более эффективно и имеет более стойкий эффект). Большинство таких мероприятий является поведенчески ориентированным и направленным на когнитивную реструктуризацию (переформулирование задач, обратная связь, оценка результата, вовлечение сотрудников в процесс принятия решений).

Исследование, проведенное в Словении, показало, что наибольшую роль в восстановлении после синдрома эмоционального выгорания сыграла собственная мотивация справиться со своим состоянием. При этом каждый из участников исследования отметил хотя бы один внешний фактор: например, поддержку членов семьи, друзей, коллег, руководителей и врачей. Однако практически все участники исследования столкнулись с тем, что врачи не могут поставить такой диагноз, как синдром эмоционального выгорания. И действительно, в Словении такого заболевания в медицинской классификации болезней нет. Соответственно нет и специально разработанных и выверенных методов или программ «лечения» эмоционального выгорания.

Первым шагом на пути к оказанию более эффективной помощи работникам, страдающим от данного синдрома, является признание причин и последствий состояния со стороны работодателя. Сегодня эмоциональное выгорание как фактор снижения эффективности, работоспособности и продуктивности работника по-прежнему упускается из виду. Быстрое и эффективное выявление причин и факторов синдрома выгорания имеет ключевое значение для своевременного регулирования его последствий. Важнейшей задачей, стоящей перед работодателями в будущем, несомненно, будет внедрение организованной поддержки работников, возвращающихся к работе после перенесенного синдрома эмоционального выгорания. При этом помощь в восстановлении должна носить систематический характер, то есть должны учитываться не только условия на рабочем месте, но и взаимоотношения с коллегами, друзьями, семейные обстоятельства и, что немаловажно, индивидуальные особенности работника.

УДК 316.37 + 159.928.234 + 316.334.56

Д. К. Чулаков

НОВЫЕ РОБИНЗОНЫ: РЕСУРСЫ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ГОРОДСКИХ ОДИНОЧЕК

В статье проблема жизнестойкости рассматривается в контексте индивидуализированного общества. Индуцируемый неолиберальным порядком катастрофизм мышления обнаруживается в воспроизводимой массовой культурой постапокалиптическом фантазме урбанистической робинзонады. При этом фигура городского Робинзона амбивалентна. Она воплощает не только страх утраты социальных связей и исчезновения самого горизонта социальности, но и желание автономии и свободы. Подобная амбивалентность обнаруживается и в отношении образа жизни городских одиночек, который может как валоризоваться, так и стигматизироваться. Жизнь соло может быть результатом осознанного выбора или вынужденной необходимостью, поэтому проживание в одиночестве предоставляет значительные ресурсы жизнестойкости тем, кто может его себе позволить, и представляет угрозу для тех, кто не может себе позволить ничего, кроме него, что поднимает вопрос о новом индивидуализированном неравенстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: жизнестойкость, индивидуализация, индивидуализированное общество, катастрофизм, городская робинзонада, урбанистическое воображение, одинокий образ жизни, городской одиночка.

Публичная дискуссия в средствах массовой информации может служить достоверным свидетельством того, что проблема жизнестойкости перестала быть предметом исключительно научного интереса. В 2015–2016 гг. вопрос о границах употребления этого термина стал поводом для заочных дебатов колумнистов «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йоркер». В полемически заостренной статье на сайте «Нью-Йорк таймс» литературный критик и публицист Парул Сехгал замечает, что «в борьбе за выживание этому слову удалось поглотить таких отживших свое жаргонных конкурентов, как “безопасность” и “устойчивое развитие”» [15]. По ее наблюдениям, жизнестойкость стремительно превратилась в модное словечко как в сфере международной политики, так и в Кремниевой долине, как среди экспертов по воспитанию детей, так и у TED-лекторов, а представители среднего класса в равной степени озабочены жизнестойкостью своего малыша и инвестиционного портфеля. «Мы слышали слова восхищения жизнестойкостью, которую проявили парижане и жители Бейрута после терактов, но также и хвалебные речи в адрес Джастина Бибера, продемонстрировавшего жизнестойкость после того, как он разрыдался во время выступления на церемонии награждения MTV Video Music Awards, — продолжает она. — Это слово стало настолько удобным и общедоступным, что его глубина оборачивается пустотой» [Ibid.].

Популяризатор науки, писатель и колумнист журнала «Нью-Йоркер» Мария Конникова пытается реабилитировать понятие жизнестойкости. Отсылая к трудам таких психологов, как Норман Гармези, Эмми Вернер, Джордж Бонанно и Мартин Селигман, она утверждает, что слишком широкое употребление термина не является поводом для того, чтобы полностью от него отказаться, потому что

это понятие знаменует важную переориентацию в понимании того, как индивид может преодолевать пагубные воздействия среды и восстанавливаться после травматических событий. Более того, акцент на внутренних защитных факторах, переосмысление самого понимания травматизации и изучение стилей интерпретации неблагоприятных ситуаций позволяют рассматривать жизнестойкость как набор умений, которым можно научиться [13].

Тем не менее одного только просвещения может быть недостаточно. «Жизнестойкость» превращается в одно из тех слов, которые немецкий лингвист Уве Перксен назвал пластичными, т. е. словами, которые, хотя и заимствованы из языка науки, с трудом поддаются дефиниции. Потеряв однозначность термина, но сохранив отсвет репутации научного знания, такие слова имеют положительную коннотацию, создают эффект схватывания сути и становятся «фоновыми концептами нашего мышления», производящими консенсус [14, 99–102]. Подобные пластичные слова далеко не безобидны. Как замечает Сехгал, «каким-то образом требование быть жизнестойким превратилось в хитро закамуфлированный способ пристыдить тех, кто выступает против несправедливости» [15].

Озаботившись вездесущностью требований иметь особые навыки выживания, философы и политологи Брэд Эванс и Джулиан Рид предпринимают попытку с позиций критической теории деконструировать неолиберальную доктрину жизнестойкости, подвергая анализу ее онтологические и эпистемологические основания. По их мнению, эта доктрина заставляет нас рассматривать ненадежность и небезопасность как естественный порядок вещей. Требование быть жизнестойким становится моральным императивом, принуждающим нас учиться сложным навыкам адаптации и самовосстановления. Имплицируемая неизбежность крупномасштабных кризисов закладывает основы особого «катастрофического мышления»: «Жизнестойкость... это не просто призыв повысить нашу бдительность и подготовиться к неизбежным ударам. Она заставляет актеров учиться у катастрофы таким образом, чтобы общества могли быть более чувствительными к судьбе, угрожающе вздымающейся на горизонте. Она побуждает развивать приспособляемость, чтобы можно было продолжать жить, даже когда основания наших жизненных систем непоправимо разрушены» [10, 30].

Анализ дискурсов жизнестойкости позволяет философам говорить о формировании особого «жизнестойкого субъекта», который не пытается сопротивляться или обезопасить себя от возможных угроз, поскольку само его мировоззрение пронизано катастрофичностью [Ibid., 42]. Справедливо замечая, что политика тогда только эффективна, когда оказывается аффективно заряженной, Эванс и Рид приходят к выводу, что «преобладающий модус современного аффекта — это состояние нормализованной тревоги» [Ibid., 92]. Тревога в ожидании потенциальной катастрофы оказывается «полностью интернализирована и производится как внутренняя психологическая реальность, которая основательным образом влияет на то, как мы осмысливаем мир и относимся к нему» [Ibid., 94]. Поэтому жизнестойкий субъект — это, по умолчанию, еще и уязвимый субъект, который вынужден принять невозможность «приручения» катастрофы. Однако «тревога и травма рассматриваются теперь как процессы научения, которые могут положительным образом обогатить жизнестойкого субъекта» [Ibid.]. От производимого

неолиберальным порядком субъекта требуется «инкорпорировать катастрофическое интеллектуально, психологически и аффективно, обеспечивая себя своего рода иммунизацией против угроз судьбы» [10, 111]. Неудивительно поэтому, что, в отличие от государства всеобщего благосостояния, которое обещало заботиться об индивиде с рождения и до смерти, неолиберальный порядок поощряет заботу о самом себе, потому что «именно благодаря выученной и прошедшей проверку интернализации всепроникающего ощущения нестабильности мы учимся принимать участие в либерализованном мире, который практически избавился от необходимости соблюдать общественный договор» [Ibid., 99].

В ходе своих размышлений Эванс и Рид вводят продуктивное понятие «будущей травмы» и задаются целой серией вопросов: «Что означает... страдать или скорбеть по тому, что еще не получило своего материального воплощения? Что чувствует тот, кто вынужден обживать руины будущего? Что означает быть травмированным таким событием, которое в настоящем времени еще не имеет свидетеля, кроме как в сознании самого тревожного субъекта?» [Ibid., 98].

Ответы на эти вопросы можно найти, обратившись к повторяющемуся в массовой культуре (пост)апокалиптическому сюжету городской робинзонады. Анализируя темы и мотивы народных повествований о конце времен, исследователь исторической динамики и современного состояния эсхатологических представлений И. А. Бессонов приходит к выводу, что «городские рассказы чаще развиваются не в направлении мифологической концепции... а в русле постапокалиптической фантастики» [2, 295]. Нельзя не согласиться с замечанием Сюзан Сонтаг о том, что «козырем фильмов о конце света... являются грандиозные виды опустевшего Нью-Йорка, Лондона или Токио, все население которых было уничтожено. Или... весь фильм может быть посвящен фантазиям о заселении опустевшего мегаполиса, о том, как всемирный Робинзон Крузо начинает жизнь заново» [16, 215].

С середины XX в., который отмечен секуляризацией эсхатологических представлений [1], урбанистическая робинзонада воспроизводится в таком поджанре апокалиптического повествования, как «мягкий апокалипсис» [17] или «уютная катастрофа». Предложивший последний термин фантаст и историк фантастического жанра Брайан Олдисс пишет, что в таких историях «герой неплохо проводит время (девушка, бесплатные номера в гостинице “Савой”, любой автомобиль на выбор), пока все остальные вымирают» [7, 316]. Воспроизводимость городской робинзонады в массовой культуре можно истолковать как симптом тревог и надежд индивидуализированного общества. Борис Гройс, описывая универсализацию буржуазного индивидуализма, указывает на двойственное положение западного горожанина, который «работает как рабочий, а конкурирует как буржуа». В результате «каждый может делать работу каждого, и каждый делает все. Вы сами себе готовите, сами себя обслуживаете, сами обставляете квартиру, сами делаете заказы. ...Лечи себя сам, учи себя сам — что бы вы ни хотели сделать, вам говорят: вот веб-сайт, обратитесь туда. Это означает, что каждый полностью замкнут, индивидуализирован, занят 24 часа в сутки, все делают одно и то же и не могут договориться» [5].

Урбанистическую робинзонаду можно интерпретировать не только как отыгрывание травматического опыта одиночества городского ребенка или как

выражение фрустрированности жителя современного мегаполиса и его отчужденности от среды своего обитания, но и как необходимость выступать гарантом выживания в мире после катастрофы, что и выражается в фантазме освоения и присвоения города, с одной стороны, и необходимости воспроизводства социального порядка в ситуации отсутствия значимых других и распада привычной системы координат, с другой стороны. Как было замечено ранее, «в индивидуализированных обществах переживание сбоев системных общественных процессов как личной несостоятельности и некомпетентности, ощущение утраты контроля над собственной биографией, императивность самореализации и самоутверждения претворяются в фантазмах городской робинзоны... [где] индивид оказывается воображаемым сувереном городского пространства, автономным распорядителем ресурсов, хозяином собственной жизни, центром и источником воспроизводства социального порядка» [6, 129].

Таким образом, в амбивалентности городской робинзоны реализуется не только страх утраты социальных связей и исчезновения самого горизонта социальности, но и желание автономии и свободы. Подобная амбивалентность обнаруживается и в отношении одинокого образа жизни, который может как валоризоваться, так и стигматизироваться, становиться как результатом осознанного выбора, так и вынужденной необходимостью.

Массовая культура не единственная сфера бытования чаяний о жизни в одиночку. Она питает утопические на первый взгляд проекты городского переустройства. Так, восемнадцатилетний австралийский программист Джон Дамметт инициировал проект HERMICITY (буквально «Город отшельников»), который в его представлении станет колонией проживающих в уединении индивидов, управляемой как распределенная автономная организация, построенная на платформе Ethereum на базе блокчейна. Дамметт утверждает, что в данный момент мы располагаем всеми необходимыми технологиями для того, чтобы люди могли жить в полном одиночестве [12]. Членство в такой колонии будет обеспечено умными контрактами, которые позволят отправлять отшельникам работающие от солнечных батарей дроны, доставляющие воду и упаковки с сойлентом (разработанным американским предпринимателем и программистом Робом Райнхартом порошком для изготовления напитка, призванного полностью удовлетворить потребности человека в питательных веществах и заменить традиционные продукты питания).

Возможно, этот проект остался бы незамеченным, если бы не был анонсирован создателем платформы Ethereum программистом Виталиком Бутериным. Тем не менее оценки проекта носят крайне скептический характер. Обозреватель портала *Fusion* Итан Чил, опубликовавший материал с иронично-эйджистским подзаголовком «подростковая мечта», при всей благосклонности к герою своего репортажа называет подобный стартап «пародией на техноутопизм» и «очень запутанным анархокапиталистическим лихорадочным бредом» [9]. Сам же Дамметт подводит под свой проект идейную основу: «...практически каждый великий мыслитель много времени проводил в одиночестве. Я знаю, что то время, когда я был предоставлен самому себе (что, правда, в некоторой степени было обусловлено обстоятельствами), позволило мне стать более мудрым и интеллектуально развитым человеком. Возможно, обеспечивая большую доступность уединенного

образа жизни, мы сможем разблокировать значительные и невостребованные в данный момент ресурсы человеческого потенциала, который заперт в телах, слишком отвлекающихся на другие тела вокруг них и поэтому не имеющих возможности заглянуть внутрь себя и разблокировать собственные уникальные идеи и энергию» [9].

При всей его утопичности проект Дамметта ориентирован не только на идеалистичных подростков, увлеченных программированием, и радикальных либертарианцев. Возможности децентрализованных онлайн-сервисов, подкрепленные новыми технологиями, могут оказаться полезными и для социально уязвимых индивидов. То же касается и фантастически звучащих прогнозов об использовании «социальных роботов», которые уже участвуют в программах реабилитации детей, переживших физические травмы, применяются для адаптации детей с расстройствами аутистического спектра, выступают фасилитаторами образовательного процесса и стимулируют активный образ жизни пожилых людей. Уже сейчас «заботящиеся роботы» тестируются для помощи взрослым и пожилым, страдающим болезнью Альцгеймера, и в перспективе могут стать доступными всем, в том числе и тем, кто добровольно или вынужденно ведет одинокий образ жизни [8].

С ростом возможностей для жизни в одиночку растет и обеспокоенность распространением индивидуалистических ценностей, иногда граничащая с моральным алармизмом. В воображаемом мире первого англоязычного фильма греческого режиссера Йоргоса Лантимоса, сатирико-абсурдистской дистопии «Лобстер» (2015), людям запрещено вести одинокий образ жизни. Право проживать в современном мегаполисе со всеми удобствами имеют только супружеские пары. Одиночки же, в случае неудачи найти себе «вторую половину» в ходе специального курса реабилитации, обречены на трансформацию в любое на их выбор животное, чтобы попытаться счастья обрести семью теперь уже в животном мире, но без возможности возвращения в человеческую форму.

Неудивительно, что для решения проблем нового индивидуализированного общества привлекаются внушительные интеллектуальные силы. Двухлетний исследовательский проект Чикагского университета, объединивший более двадцати философов, теологов и психологов и получивший более чем двухмиллионный грант фонда Джона Темплтона, призван изучить соотношение добродетели, счастья и смысла жизни, которое, по мнению авторов проекта, сосредоточено в понятии самотрансценденции, позаимствованном ими у Фомы Аквинского. По словам философа Кэндис Воглер, одного из руководителей проекта, «главное различие между теми, кто более-менее удовлетворен своей жизнью, и теми, кто нет, заключается в необходимости самопреодоления. Существует масса свидетельств того, что люди, приверженные самосовершенствованию, самовыражению, самоактуализации, аутентичности и подобным устремлениями, — люди, слишком погруженные в себя и в дела своих самых близких родственников, — оказываются лишены большого мира человеческого блага» [11].

В описанной выше перспективе одиночки кажутся самыми непосредственными кандидатами на неудовлетворенность жизнью и утрату ее смысла. Тем более ценным выглядит социологическое исследование жизненных практик городских одиночек и ресурсов жизнестойкости уединенного образа жизни, предлагаемое

в работе американского социолога Эрика Кляйненберга «Жизнь соло». В его исследовательском проекте индивидуализация выступает не как теоретический конструкт или коллективный фантазм, а как данность, как «уникальный социальный эксперимент»: «Впервые в истории значительное число жителей планеты самых разных возрастов, придерживающихся самых разных политических взглядов, начали жить одиночками» [4, 6].

Обратиться к жизни одиночек его заставила работа над книгой о сильной жаре в Чикаго летом 1995 г. После того как жара спала, были обнаружены сотни погибших одиночек, не имевших друзей, родственников или близких знакомых. Поэтому Кляйненберг задумался над вопросом: «Что же нам делать с уцелевшими в этой катастрофе одиночками?» [Там же, 17]. Работа над исследованием длилась 7 лет, за которые ему и его коллегам удалось провести более 300 интервью с одиночками, проживающими как в крупных американских городах (Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Вашингтон, Сан-Франциско), так и в других странах мира (Швеция, Англия, Франция, Австралия и Япония). Важно отметить, что большинство принявших участие в исследовании принадлежало к среднему классу и обладало финансовой независимостью.

Под одиночками (singletons) автор понимает тех людей, которые живут одни, он отличает их от незамужних и неженатых индивидов (singles), которые могут проживать как вместе с кем-то, так и отдельно. Таким образом, наличие персонализированного жизненного пространства является основным дифференциальным признаком одиночки. Анализ статистических данных демонстрирует, что «жизнь в одиночестве является одной из самых жизнестойких форм организации домохозяйства»: в США одинокий образ жизни ведут 17 млн женщин и 14 млн мужчин; 15 млн одиноких мужчин и женщин относятся к возрастной категории от 35 до 64 лет, еще 11 млн составляют пожилые люди, а самой быстрорастущей группой одиночек оказываются молодые взрослые в возрасте от 18 до 34 лет. Если в 1950 г. их количество составляло полмиллиона, то сейчас их уже 5 млн [Там же, 7].

Хотя ценности индивидуализма близки американцам (достаточно вспомнить Уитмена, а также трансценденталистов Эмерсона и Торо), Кляйненберг считает, что рост числа одиночек нельзя объяснить одной только спецификой американской культуры. Количество домохозяйств, состоящих из одного человека, в процентном отношении больше в Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Канаде и Австралии, чем в США. Не стали исключением из этого ряда и страны с коллективистскими культурами: «В Японии, где вся жизнь традиционно была организована вокруг семьи, из одного человека состоят около 30 % домохозяйств, причем их процент гораздо выше в городах, чем в сельской местности» [Там же, 10].

Исследователь видит четыре социальных фактора, способствовавших становлению одинокого образа жизни. Прежде всего, это возрастание роли женщин, которые получают образование, выходят на рынок труда и берут под контроль свою сексуальную жизнь и вопросы продолжения рода. Вторым фактором выступает революция в средствах массовой коммуникации, которая заставляет говорить об изоляции постоянно подключенного к Сети индивида с большими оговорками, если не полностью опровергает такие представления. Третьим фактором оказывается массовая урбанизация, позволяющая одиночкам находить себе подобных,

легитимирующая плюральные стили жизни и мотивирующая конструирование альтернативных нуклеарной семье сообществ. Увеличение продолжительности жизни — это четвертый фактор роста общества одиночек [4, 12–13].

Приводя социальные факторы индивидуализации, Кляйненберг особо подчеркивает аксиологический аспект выбора одинокого образа жизни: «Массы людей решились на этот социальный эксперимент, потому что в их представлении такая жизнь соответствует ключевым ценностям современности — индивидуальной свободе, личному контролю и стремлению к самореализации, то есть ценностям, которые важны и дороги многим с подросткового возраста» [Там же, 14]. Автор предупреждает, что необходимо различать жизнь в одиночестве и чувство одиночества, которые далеко не всегда сопутствуют друг другу.

Первой выделенной в ходе исследования группой стали молодые взрослые, которыми отдельное проживание воспринимается сегодня как главное условие перехода к взрослой жизни. Этому во многом способствовало отведение ребенку собственной комнаты, что было вызвано как уменьшением количества членов семьи, так и увеличением жилой площади дома или квартиры. Не следует сбрасывать со счетов и популярность упоминаемых автором рекомендаций Бенджамина Спока, советовавшего родителям выделять детям отдельную спальню. Городской ребенок все больше предоставлен самому себе и вынужден в отсутствие проводящих время на работе родителей сам организовывать свою жизнь. Как замечает Кляйненберг, «рост количества “взрослых детей” и отдельных детских внутри квартиры — интернациональное явление» [Там же, 29].

До начала XX в. одинокая жизнь была стигматизирована. Ее оправданию и нормализации способствовали представители богемы, холостяки и геи, которые могли пользоваться анонимностью существования в большом городе и избегать постоянного надзора семьи и родственников. Становлению «субкультуры одиночек» способствовали и «новые женщины», которые в 1920–1950-х гг. объявили своими ценностями независимость и одиночество. При этом одинокая жизнь до сих пор сопряжена со многими трудностями, главным образом потому, что культурные модели «жизни соло» еще не выработаны. Работающим специалистам бывает крайне сложно найти баланс между профессиональной занятостью и личной жизнью. «Молодые профессионалы, — пишет Кляйненберг, — прекрасно понимают, что никакого социального контракта между капиталом и наемными сотрудниками не существует» [Там же, 36], что создает необходимость инвестиций в себя и заставляет строить карьеру, не связывая себя семейными обязательствами. Такая ситуация характерна как для работающих в сфере бизнеса, так и для занятых в области науки и культуры. Компании в сегменте креативных индустрий чутко реагируют на складывающуюся ситуацию и пытаются стереть грань между работой и личной жизнью, обустривая рекреационные зоны или обеспечивая постоянный контакт со своим работником с помощью современных средств связи. Показательны слова одного из респондентов Кляйненберга: «Когда работаешь на себя, самое ужасное — то, что надо работать 24 часа в сутки. Самое лучшее — то, что ты сам выбираешь, какие именно 24 часа» [Там же, 37]. Поскольку одиночки не связаны узами брака, их руководство и коллеги ожидают от них большей отдачи на работе. С дискриминацией они сталкиваются не только на рабочем месте,

при поиске жилья или организации путешествия, но и в повседневной жизни при посещении ресторана, кино или концерта, поскольку «их с детства приучили: такие вылазки совершаются только в компании» [4, 42].

Отдельная часть исследования Кляйненберга посвящена парадоксальным на первый взгляд попыткам объединения одиночек. Энтузиасты одинокого образа жизни организуют форумы, издают журналы для одиночек, ведут сайты с рекомендациями по наиболее оптимальному проживанию в одиночестве, иницируют такие проекты, как, например, «Альтернатива браку». Показательной выглядит инициатива сторонницы жизни в одиночестве Саша Каген, которая предложила в День всех влюбленных (14 февраля) праздновать Международный день странных одиночек. Или выпущенное на рынок ювелирных изделий специальное кольцо для одиночек шведской компании Singelringen. Это, с одной стороны, демонстрирует желание одиночек маркировать свою особость и символически отвоевать себе право на одинокий образ жизни, а с другой, свидетельствует о сохраняющемся давлении социального окружения. Тем не менее попытки канализировать отстаивание своих прав в рамках политической мобилизации представляются Кляйненбергу сомнительными, потому что одиночки слишком неоднородны по составу.

Второй выделенной в ходе исследования группой стали пережившие развод взрослые. Складывающаяся в городах субкультура одиночек позволяет расставшимся с супругом или супругой людям вести активную социальную жизнь. Как отмечает автор, «все большее число разведенных или разошедшихся людей считает, что жизнь с другим партнером несет с собой серьезные издержки — настолько серьезные, что на их фоне жизнь в одиночестве кажется весьма привлекательной альтернативой» [Там же, 53].

Стареющие в одиночестве стали третьей группой, рассматриваемой американским социологом. Овдовевшие или разведенные одиночки стараются как можно дольше сохранять свой одинокий статус. Они отказываются переезжать как в дом престарелых, так и к собственным детям. Согласно полученным в ходе проведенных интервью данным пожилые люди избегают переезда к детям, так как опасаются, что их заставят помогать по хозяйству или сидеть с внуками. Еще один страх — это «опасность попадания в эпицентр семейной драмы» [Там же, 92]. Так или иначе, «большинство американцев и европейцев (а также постоянно увеличивающееся количество одиноких людей в других странах) настолько ценит независимость, что их чувство цельности и собственного достоинства напрямую связано с собственной автономностью» [Там же, 88].

Жизнь в одиночестве предоставляет значительные ресурсы жизнестойкости, позволяя вырабатывать стратегии совладания со стрессом общественной и профессиональной жизни, создавая жизненное пространство для отдыха и восстановления. Однако исследование Кляйненберга демонстрирует, что благополучные и уязвимые одиночки выбирают разные стратегии выживания. Социолог Сандра Смит описала феномен «оборонительного индивидуализма», который вызывает у индивидов в сложной жизненной ситуации «недоверие к людям, организациям и в конечном счете к самому себе» [Там же, 62]. Неблагополучные одиночки, проживающие в приютах, специальных отелях для одиноких или социальных домах

с однокомнатными квартирами, «сознательно возводят вокруг себя барьеры для защиты от развращающего влияния соседей по дому. ...В результате эти несчастные одиночки оказываются в заколдованном круге: их самоизоляция от общества продолжается, они не находят новых друзей, которые потенциально могут их поддержать, что только увеличивает стресс, ухудшает здоровье и приводит к еще большему вакууму и страданию» [4, 65]. Едва ли не самый пронзительный случай, приводимый Кляйненбергом, — это описание работы помощника следователя в муниципалитете одного из районов Лос-Анджелеса Эмили Иссу, которая расследует обстоятельства смерти одиноких людей, не оставивших после себя никаких указаний о том, как распорядиться их наследством и кого уведомить после их кончины. Для того чтобы найти родственников ушедшего одиночки, требуются огромные усилия, которые часто оказываются безуспешными.

Ценность исследования Кляйненберга заключается в том, что он позволяет услышать голоса самих одиночек. Социолог требует как уважения к их выбору, так и особого внимания к тем, для кого одинокая жизнь оказывается вынужденной необходимостью. Автор подчеркивает, что «жизнь в одиночестве — это наша фундаментальная реальность», что социальные процессы, которые привели к становлению общества одиночек, необратимы, поэтому кампании по пропаганде брака или по борьбе с разводами обречены: «С феноменом жизни в одиночестве бесполезно бороться потому, что эта борьба идет вразрез с мыслями и чувствами современного человека. Когда миллионы людей по всему миру выбирают жизнь соло, считая, что так им будет лучше, трудно переубедить их в том, что они неправы» [Там же, 102]. По его мнению, попытка популярной социологии связывать одинокую жизнь со все возрастающим отчуждением и распадом гражданского общества «не только неправильна, но и вредна, потому что завеса туманных обобщений отвлекает наше внимание от одиноких и изолированных людей, которым так нужна наша помощь» [Там же, 124].

Автор только намечает возможные варианты решения проблем одинокой жизни. Прежде всего, это создание дружелюбной городской среды и перепланировка городских общественных пространств с учетом возможностей для активной социальной жизни. Это переориентация жилищного строительства в сторону интересов одиночек. Это также и инвестиции в современные коммуникационные технологии, в роботизацию домашнего хозяйства — от «умного дома» до домашних роботов-ассистентов, которые могли бы помогать тем одиночкам, которые не в состоянии покинуть свои жилища. Кляйненберг предостерегает от того, чтобы полностью полагаться на рыночные механизмы в решении проблем одиночек. Так, он предлагает выплачивать компенсации тем, кто ухаживает за престарелыми людьми из числа родственников, а также замечает, что «появление большого числа одиночек в Скандинавии стало возможным благодаря способности государства всеобщего благосостояния защитить своих граждан от наиболее опасных аспектов жизни в одиночестве» [Там же, 119]. Огромная проблема состоит в том, что «процесс создания инноваций, облегчающих жизнь одиночек (смартфоны, туры для одиночек, еда на вынос, люкс-кондоминиумы и т. д.), практически не коснулся больных, бедных и престарелых, которым так необходима поддержка “социально ответственных” корпораций», а в домах для престарелых и отелях для одиночек

«царит сегрегация, в особенности по классовому и возрастному признаку, которая негативно отражается на здоровье тех, кому “посчастливилось” оказаться в этих местах» [4, 121].

Как можно было убедиться, рисуемая Эриком Кляйненбергом картина далека как от апологии неолиберальной идеологии самодостаточности, так и от антинеолиберального памфлета. Не оказывается он и жертвой того, что называют «эпистемологической ошибкой поздней современности», понимаемой как абсолютизация самодетерминации биографических проектов и постулирование полного растворения социальных обусловленностей индивидуальных жизненных выборов [3, 26–31]. Исследователь признает социальные детерминанты индивидуализированных биографий, не объявляя при этом выбор одинокого образа жизни разновидностью дурной веры. Одиночка не обязательно загнанный в угол грядущей катастрофой тревожный субъект, производимый неолиберальным порядком. Респонденты Кляйненберга приводят на первый взгляд довольно банальные удовольствия жизни соло, например возможность слушать ту музыку, которую хочется, потому что присутствие других никогда не позволяло тебе этого делать [4, 47]. Но еще более важное признание делает пятидесятилетний журналист Фил: «Мне нравится управлять своим собственным пространством. Оно похоже на мою детскую комнату, но в нем все спокойнее и ощущение такое, словно ты в церкви» [Там же, 62]. Было бы заблуждением рассматривать подобную сакрализацию персонального пространства как свидетельство идеологического триумфа общества никогда не взрослеющих одиночек, потому что на данный момент именно такие городские острова выступают источником ресурсов жизнестойкости наших современников. Эти острова собственной жизни совсем не обязательно становятся прибежищем изолированных эскапистов, тем более что в мире повсеместно протянутой паутины их невозможно назвать необитаемыми.

Выводы Эрика Кляйненберга недвусмысленно указывают на неизбежность расширения общества городских одиночек. Проблема, однако, заключается в том, что одинокая жизнь оказывается биографической траекторией как для тех, кто ее может себе позволить, так и для тех, кто не может себе позволить ничего, кроме нее. В данной перспективе можно говорить об индивидуализированном неравенстве, которое укладывается в различие активной (или субъектной) и пассивной (или бессубъектной) индивидуализации [3, 31–35]. В зависимости от возраста, социального статуса и имущественного положения индивидуализация ставит разные проблемы перед городскими одиночками и требует дифференцированного подхода к анализу ресурсов жизнестойкости новых Робинзонов.

---

1. *Абрамс М. Г.* Апокалипсис: тема и вариации // Новое литературное обозрение. 2000. № 46 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/apolak.html> (дата обращения: 03.02.2014).

2. *Бессонов И. А.* Русская народная эсхатология: история и современность. М., 2014.

3. *Веселкова Н. В., Прямикова Е. В.* Социальная компетентность взросления. Екатеринбург, 2005.

4. *Кляйненберг Э.* Жизнь соло: Новая социальная реальность. М., 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6741150 (дата обращения: 19.03.2016).

5. *Семендяева М.* Борис Гройс: «За пределами США нельзя объяснить ничего, кроме Супермена» 25 марта 2015 Afisha.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/art/boris-groys-za-predelami-ssha-nelzya-obyasnit-nichego-krome-supermena/> (дата обращения: 12.02.2016).

6. *Чулаков Д. К.* Фигура городского Робинзона в постапокалиптических сценариях урбанистического воображения индивидуализированного общества // Город как вызов : сб. ст. междунард. науч. конф., Пермь, 16–17 мая 2014 г.) / под общ. ред. О. В. Игнатьевой. Пермь, 2014. С. 125–130.

7. *Aldiss B. W., Wingrove D.* Trillion Year Spree. The History of Science Fiction. London, Glasgow, Toronto, Sydney, Auckland, 1988.

8. *Ambasna-Jones M.* How social robots are dispelling myths and caring for humans // TheGuardian.com 9 May 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.theguardian.com/media-network/2016/may/09/robots-social-health-care-elderly-children> (accessed: 11.05.2016).

9. *Chiel E.* This teen wants to live alone in the wilderness with a drone that delivers Soylent // Fusion 6 May 2016 [Electronic resource]. URL: <http://fusion.net/story/298547/hermicity-johndummett-ethereum-blockchain/> (accessed: 10.05.2016).

10. *Evans B., Reid J.* Resilient Life: The Art of Living Dangerously. Cambridge, 2014.

11. *Goldhill O.* Philosophers received \$2 million to research the importance of “getting over yourself” // Quartz 24 January 2016 [Electronic resource]. URL: <http://qz.com/601716/philosophers-received-2-million-to-research-the-importance-of-getting-over-yourself/> (accessed: 30.04.2016).

12. Hermicity [Electronic resource]. URL: <http://offline.computer/hermicity/> (accessed: 05.05.2016).

13. *Konnikova M.* How People Learn to Become Resilient // The New Yorker 11 February 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.newyorker.com/science/maria-konnikova/the-secret-formula-for-resilience> (accessed: 21.02.2016).

14. *Poerksen U.* Plastic Words: The Tyranny of a Modular Language. University Park, 2004. P. 99–102.

15. *Sehgal P.* The Profound Emptiness of ‘Resilience’ // The New York Times Magazine 1 December 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.nytimes.com/2015/12/06/magazine/the-profound-emptiness-of-resilience.html> (accessed: 21.02.2016).

16. *Sontag S.* The Imagination of Disaster // Against interpretation, and other essays. N. Y., 1966. P. 209–225.

17. *Timberg S.* Welcome to the Soft Apocalypse // io9.com: We Come from the Future. [Electronic resource]. URL: <http://io9.com/5459999/welcome-to-the-soft-apocalypse> (accessed: 09.05.2014).

Рукопись поступила в редакцию 14 мая 2016 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ

«ДИСПАРИТЕТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ»

УДК 327.7 + 325.14 + 343.326 + 341.24

В. И. Михайленко

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

«Арабская весна» изменила миграционную повестку для ЕС в связи с увеличением потоков мигрантов и изменением их качественного состава. Европейский союз приступил к совершенствованию ранее принятых механизмов управления миграционными процессами и начал внедрение новых. В статье рассматривается развертывание пограничных и морских операций против нелегальной миграции, развитие сотрудничества с Турцией, балканскими странами с целью предотвращения незаконной миграции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский союз, миграционная политика, нелегальная миграция, трансрегиональный терроризм, саммит ЕС — Турция.

В статье рассматривается влияние миграционного кризиса в Средиземноморье в 2011–2016 гг. на совершенствование инструментов регулирования миграционных процессов в ЕС и на программы ЕС переформатирования Средиземноморского региона.

В качестве методологического инструментария автор опирается на теории «старого» и «нового» регионализма, которые подводят научную базу под исследование изучаемой темы [2].

Кризис управления миграцией в ЕС перед вызовами массового исхода беженцев в Европу

Массовый исход беженцев в Европу, начиная с ноября 2014 г., из районов боевых действий в Афганистане, на Ближнем Востоке и в Северной Африке выявил серьезные дефекты управления миграционными процессами в ЕС [3, 32].

До массового исхода беженцев в Европу через территорию Турции самым уязвимым пунктом для нелегальной миграции являлась территория Италии.

В 2013 г. в Италии была утверждена государственная программа *Mare Nostrum* («Наше море») с целью усиления охраны границ и проведения спасательных операций на море. Для усиления контроля за ситуацией в район основных потоков нелегальной миграции планировалось направить пять военно-морских судов, один прибрежный транспорт и около полутора тысяч военных моряков. Представитель Министерства внутренних дел Италии определял в качестве основных задач военно-морской миссии «осуществление мониторинга ситуации с иммигрантами и предотвращение возможных трагедий» [18].

С самого начала этот план был подвергнут критике со стороны экспертов. Они обращали внимание на фактическую невозможность исполнения миссии кораблями, чей тоннаж существенно превышал тоннаж малых плавсредств, на которых переправляются иммигранты. Кроме того, обращалось внимание на высокую затратность экспедиции, которая могла составить до 12 млн евро в месяц, в то время как официальные лица настаивали на 3–4 млн евро [Там же].

Критики операции *Mare Nostrum* отмечали, что в этом плане нет ничего нового. Итальянская операция не решит проблему иммиграции, это будет очередная «дорогостоящая дырка в воде» [24]. Усилению военно-морского патрулирования каналов иммиграции противопоставлялось расширение использования «гуманитарных каналов и международного сотрудничества с ответственными политическими режимами стран Северной Африки путем предоставления заявителям на иммиграцию виз через различные европейские консульства, действующие на их территории» [Там же].

Итальянская операция *Mare Nostrum* встретила также отрицательную реакцию со стороны европейских союзников, которые обвинили ее в выдавливании легальных мигрантов в другие страны ЕС и в непринятии действенных мер против нелегальной миграции. Согласно данным итальянских властей за время проведения операции на море было спасено около 113 тыс. мигрантов, арестовано до 500 лиц, причастных к организации нелегальной миграции [Там же].

По статистике в Италии на 1 января 2015 г. насчитывалось проживающих «новых итальянцев» 5,8 млн человек (примерно 10 % населения) и более 400 тыс. незаконных иммигрантов. В 2014 г. число незаконных иммигрантов, прибывших морским путем, достигло 170 тыс., в то время как годом ранее — 43 тыс. [27].

Статистика начала 2016 г. является неутешительной. В январе в Италии высадилось нелегальных мигрантов 5651 человек, т. е. на 60,2 % больше, чем в январе предыдущего года [28].

Перенастройка управления миграционными процессами

Директор европейского офиса Международной организации по миграции (*International Organization for Migration, IOM*) Е. Амбрози считает, что на самом деле имеет место не миграционный кризис, а кризис управления миграционными процессами [9, 176]. В Германии число беженцев, прибывших в 2015 г., составило 1 % от населения страны. В других европейских странах — еще меньше. В то время как в Иордании — более 12 % населения [Там же, 180].

С точки зрения международного права поведение государств в Средиземноморье регулируется Конвенцией ООН по морскому праву, Международной конвенцией по поиску и спасению на море и др. В борьбе против нелегальной миграции используется Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

Со стороны ЕС миграционная политика с 2004 г. находилась в ведении программы «Европейская политика соседства» (*European Neighbourhood Policy, ENP*).

С 2005 г. внешняя миграционная политика ЕС переходит под управление Генерального директората Миграционных и внутренних дел Европейской комиссии, который сформировал повестку «Глобальные подходы в области миграции и мобильности» (*Global Approach on Migration and Mobility, ГАММ*) [9]. ГАММ придерживается следующих тематических приоритетов: «больше взаимодействия с законной миграцией, права человека, защита беженцев» [Там же, 172].

Одним из основных инструментов координации пограничного сотрудничества стран ЕС является Европейское агентство по управлению сотрудничеством на внешних границах ЕС (*Frontex*). Оно взаимодействует с десятком европейских и международных организаций. Сотрудничество с ними осуществляется в рамках Консультативного форума (*Consultative Forum of Frontex*).

Начавшаяся в 2011 г. «арабская весна» изменила миграционную повестку для ЕС в связи с увеличением потоков мигрантов и изменением их качественного состава, наряду с трудовой миграцией увеличив количество беженцев войны, а именно детей, женщин. Миграционный поток из Сирии, Афганистана, Ливии, Эритреи, Сомали, Ирака трансформировался в «гуманитарную катастрофу». Сирию покинули 4,2 млн человек; Ливан, Иордания, Турция приняли около 3,8 млн сирийцев. В страны Евросоюза между 2011 и декабрем 2015 г. переместилось около 898 тыс. сирийцев [16].

Важнейшим направлением миграционной политики ЕС стала борьба против нелегальной миграции и трансрегионального терроризма. Европейский союз предложил средиземноморским и африканским партнерам «обновленную» программу действий [34].

В связи с последствиями «арабской весны» Европейский совет создал под руководством Европейской комиссии в октябре 2013 г. Целевую группу для Средиземноморья (*Task Force for the Mediterranean*), к деятельности которой были привлечены члены ЕС, агентства ЕС, Европейская служба внешнеполитической деятельности. Среди приоритетных задач были поставлены расширение взаимодействия с третьими странами в борьбе против нелегальной миграции, торговли людьми, контрабанды, организованной преступности; спасение тонущих беженцев; оказание помощи странам, испытывающим высокое давление миграции. Некоторые специалисты скептически оценили возможности новой структуры, отметив, что имело место лишь «перелицевание» ранее принятых мер и инструментов. По-прежнему отмечалось отсутствие долговременной стратегии в области незаконной миграции [9, 176].

Развитие двусторонних отношений между ЕС и средиземноморскими государствами определялось рядом уже действовавших проектов. С 2002 г.

осуществляется межправительственный Средиземноморский диалог по миграционному транзиту (*Mediterranean Transit Migration Dialogue, MTM*), в котором участвуют 45 стран Средиземноморья и Африки. С целью осуществления консультационной поддержки создан Международный центр развития миграционной политики (*International Centre for Migration Policy Development, ICMPPD*) [9, 175].

Важное место в развитии сотрудничества по проблемам миграции занимает Рабатский процесс по евро-африканскому диалогу по вопросам миграции (2006). В его рамках были приняты Парижская программа сотрудничества (2008), Дакарская стратегия (2011), Хартумский процесс (2014), Римская декларация и программа (2014). Европейская комиссия осуществляет финансирование Рабатского процесса в рамках специально созданного фонда (*Rabat Process Support Project*) [29, 30].

В 2007 г. стартовал проект «Африка — ЕС партнерство в области миграции, мобильности и занятости» (*Africa-EU Partnership on Migration, Mobility and Employment, MME*), инструментом реализации которого стал план действий на 2008–2010 гг. [36]. Пока невозможно подвести итоги эффективности сотрудничества. В качестве положительного примера приводят деятельность Центра для профессионального обучения африканских беженцев, расположенного на территории Марокко. Успешный опыт работы с беженцами при поддержке международных фондов имеет Иордания. В январе 2015 г. в Иордании насчитывалось 811 тыс. беженцев, из них 747,5 тыс. сирийцев. Европейский союз направил на поддержку миграционной политики Иордании 40 млн евро через расположенный в Италии Региональный целевой фонд [9, 175].

Одним из «камней преткновения» стал отказ лидеров африканских стран обсуждать вопрос о создании в этих странах центров по приему беженцев, чтобы контролировать их приток в ЕС. Как отметила глава европейской дипломатии Ф. Могерини, создать такие центры пока нельзя, поскольку не решены вопросы с их расположением, ресурсами и готовностью ЕС принять мигрантов, обращающихся в эти центры [1].

Frontex координировало или координирует основные операции в Средиземноморье: операция «Эней» (*Aeneas*), осуществлявшаяся Италией и Грецией в Ионическом море, в функции которой входил контроль за нелегальным трафиком из Египта и Турции (осуществлялась в 2013 г.); операция «Гермес» (*Hermes*) осуществлялась в 2013 г. в Сицилийском проливе (море) между Италией, Мальтой, Тунисом и Ливией; операция «Индало» (*Indalo*), осуществлявшаяся в 2013 г. между Испанией, Марокко и Алжиром [17]. В сентябре 2013 г. стартовала программа «Морской конек» (*Seahorse*), инициированная Испанией и поддержанная ЕС, направленная на усиление связей с руководством Алжира, Туниса, Ливии и Египта, чтобы пресекать нелегальную миграцию в Европу [19]. В 2007–2013 гг. на Тематическую программу по миграции и беженцам (*Thematic Programme for Migration and Asylum*) ЕС израсходовал 387 млн евро, из них 68 млн было направлено на поддержку инициатив на Ближнем Востоке, в Южном Средиземноморье и Сахаре [23].

Кроме того, ЕС тесно взаимодействует с Международной организацией по миграции (*International Organization for Migration, IOM*). Финансовая поддержка

со стороны ЕС двух программ по возвращению беженцев составила 3,6 млн евро. На проект *Sahara-Med Project* (Сахара — средиземноморский проект) ЕС выделил 10 млн евро. Евросоюз работает в тесном контакте с Агентством ООН по делам беженцев (*UNHCR*) [13]. На этом перечень фондов и организаций по работе с беженцами, с которым работает ЕС, не исчерпывается.

Frontex взаимодействует с итальянскими военными в рамках операций *Mare Nostrum*. Европейский совет поручил в рамках Общей политики безопасности и обороны (*Common Security and Defence Policy, CSDP*) организовать военные операции с целью противодействия криминальным группам, осуществляющим нелегальную иммиграцию. Кроме того, было продолжено сотрудничество с заинтересованными государствами по вопросам легальной миграции.

Европейский союз пришел к пониманию необходимости расширения военной операции, начатой Италией. С 1 ноября 2014 г. стартовали координируемые *Fortex* операции *Triton* и *Poseidon*, в которых принимает участие 21 страна ЕС, увеличено количество транспортных и технических средств, персонала, утроено финансирование, расширен географический охват контролируемой территории. С февраля 2016 г. к патрулированию в Эгейском море присоединились корабли НАТО, которые выдворяют суда с нелегальными мигрантами обратно в Турцию [8, 20, 34].

Критика миграционной политики ЕС

Более 53 % современных беженцев происходят из регионов, где проживают арабы, среди них доля этнических арабов составляет всего лишь 5 % [9, 16]. Ливан, Турция и Иордания принимают больше беженцев, чем все страны ЕС, вместе взятые; называются цифры порядка 6,5 млн человек. С 2000 г. более 22 тыс. человек погибли на пути в Европу. Это стало предметом резкой критики в адрес ЕС со стороны правозащитных организаций, Агентства ООН по делам беженцев, Агентства Европейского союза по основным правам, Комитета по предотвращению пыток Совета Европы [Там же, 166].

Среди негосударственных организаций, остро критикующих миграционную политику ЕС, выделяется созданная в 2001 г. Платформа международного сотрудничества за права мигрантов без документов (*Platform for International Cooperation on Undocumented Migrants, PICUM*) [25]. В нее входят более 160 организаций и 190 частных адвокатов из 38 стран. Задача организации — отслеживать тот «разрыв, который существует между международным законодательством в области прав человека и реальной политикой и практикой, осуществляемой на национальном уровне» [26]. *PICUM* проводит мониторинг миграционной политики в странах ЕС, выявляет нарушения в депортации незаконных мигрантов, готовит рекомендации. К примеру, *PICUM* обратила внимание на физические ограничения (использование наручников) со стороны *Frontex Joint Return Operation* при депортации незаконных мигрантов авиарейсом из Роттердама в Лагос, что было квалифицировано как использование пыток и насилия в отношении депортируемых. *PICUM* обращает внимание на имевшиеся случаи задержания детей и их родителей, на нарушение принципа, согласно которому права детей превыше всего. Общий вывод *PICUM*

сводится к тому, что при депортации нелегальных мигрантов имеют место нарушения прав человека, которые гарантированы основополагающими документами ЕС в отношении незаконных мигрантов [26].

Таким образом, сформировалась новая повестка для ЕС перед лицом геополитических рисков, миграционного «взрыва» и сопутствующей ему гуманитарной катастрофы.

Основной поток мигрантов пришелся на Германию, Великобританию и скандинавские страны. Руководство Германии стало настаивать на пропорциональном распределении мигрантов (*european «burden-sharing»*) между другими странами ЕС, что встретило открытый и скрытый саботаж со стороны восточноевропейских, прибалтийских и других государств. Руководство Великобритании протестовало в связи с «недобровольным» характером решения о распределении беженцев по странам. Во время принятия второго миграционного пакета по распределению беженцев в сентябре 2015 г. против голосовали представители Венгрии, Словакии, Румынии и Чехии [34]. Кипр заявил, что он открывает дверь только беженцам-христианам. Возникла непосредственная угроза Шенгенским соглашениям. 4 марта 2016 г. Европейская комиссия, Европейский совет были вынуждены опубликовать совместный доклад «Назад к Шенгену: дорожная карта», в котором было дано обоснование серьезных экономических потерь в случае отказа от Шенгенских соглашений [7].

Политика ЕС перед вызовом миграционного «взрыва» 2015 г.

Миграционный кризис высветил как необходимость принятия незамедлительных решений, так и структурные пределы миграционной политики ЕС, ограниченность инструментария ЕС для решения возникших проблем.

На круглом столе на тему «Новые вызовы для ЕС в Арабском Средиземноморье и пересмотр Европейской политики соседства», который проходил в Аммане 2–3 ноября 2015 г., многие эксперты прямо говорили о необходимости для ЕС «отказаться от нормативной политики в регионе и сформулировать свои политические цели в более практических понятиях» [34].

В ЕС начала обсуждаться тема баланса между «государственной безопасностью» и «правами мигрантов» [Там же]. Многие механизмы регулирования миграционных процессов продолжают оставаться у руководства государств–членов ЕС.

Президент Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер в своем предвыборном документе определил стратегическую линию на необходимость надежной борьбы с нелегальной миграцией, торговлей людьми и контрабандистами и на обеспечение безопасности внешних границ Европы. Вместе с тем эти решительные действия должны сочетаться с сильной общей политикой предоставления убежища, а также с новой европейской политикой в отношении легальной миграции [21].

13 мая 2015 г. Европейская комиссия приняла документ под названием «Европейская повестка по миграции» (*A European Agenda on Migration*), в котором отмечается, что ЕС должен перейти от политики чрезвычайных мер к созданию общей платформы для всей эмиграции. «...Мы нуждаемся в новом, более европейском подходе» — констатируется в документе [15].

Несмотря на то что документ подвергается постоянной критике со стороны экспертов, в нем содержатся элементы конкретной стратегии ЕС в области миграционной политики. В перспективе предполагается, что борьба против судов с нелегальными перевозчиками станет постоянным объектом операций в рамках общей политики безопасности и обороны. На систему сбалансированного распределения беженцев среди стран ЕС на 2015–2016 гг. выделено 50 млн евро. Предлагается расширить сотрудничество с третьими странами, через которые идет поток мигрантов. Речь идет прежде всего о странах Северной Африки, Африканского Рога, Ближнего Востока. На это направление деятельности предлагается выделить 30 млн евро. [16].

Особые задачи возлагаются на Европейскую службу внешнеполитической деятельности (*Commission and the European External Action Service, EEAS*), которая должна активно включиться в мероприятия по достижению стабильности в неспокойных странах, в частности, оказать содействие в формировании правительства национального единства в Ливии. На гуманитарную помощь в Сирии и сирийским беженцам в Иордании, Ираке, Ливане и Турции выделялось 3,6 млрд евро.

Политика ЕС взаимодействия с Турцией и балканскими странами

Эксперты обращают внимание на то, что ЕС фактически нанимает Турцию на условиях «аутсорсинга» с целью сократить количество беженцев в Европу [34]. Во время переговоров 7 марта 2016 г. премьер-министра Турции А. Давутоглу с председателем Европейского совета Д. Туском были внесены дополнения в ранее принятый совместный план действий, который предусматривает возвращение нелегальных мигрантов, прибывших из Турции в Грецию: ускорить расходование первоначально выделенных 3 млрд евро, чтобы обеспечить финансирование первой очереди совместных миграционных проектов, и принять решение о выделении дополнительных средств для финансирования фонда сирийских беженцев [33].

На саммите ЕС — Турция, который проходил 18 марта, был одобрен совместный план, предусматривающий меры по сокращению числа нелегальных мигрантов из Турции. План предусматривает механизм возвращения нелегальных мигрантов обратно в Турцию и установление квоты на прием в ЕС 72 тыс. сирийских беженцев из Турции. В ответ Турция надеется добиться согласования по пяти разделам документа, включающим требования ЕС к претенденту на вступление в союз, в частности по одной из наиболее сложных тем — кипрскому вопросу. Европейский союз гарантировал выделение Турции следующего транша в 3 млрд евро. Он заверил, что до конца июня примет решение о предоставлении безвизового въезда для турецких граждан [37]. Однако из 72 условий предоставления безвизового режима остаются несогласованными более 50 [5].

Соглашаясь на передачу турецкой стороне нелегальных мигрантов, ищущих политического убежища в ЕС, Брюссель отходит от соблюдения подписанных европейскими странами международных конвенций по правам беженцев [Там же].

Европейский союз планирует уделить особое внимание работе с восточно-европейскими западно-балканскими и азиатскими странами с целью достижения согласованной иммиграционной политики. Кроме того, предлагается усилить

координацию работы между основными организационными центрами ЕС, регулируемыми поток беженцев, а именно между Европейским бюро предоставления убежища (*European Asylum Support Office*), Европейским агентством по управлению сотрудничеством на внешних границах (Frontex) и Европоллом с целью осуществления быстрой идентификации, регистрации и снятия отпечатков пальцев поступающих иммигрантов. На осуществление непредвиденных расходов ЕС выделил 60 млн евро.

Европейский союз планирует использовать и другие существующие инструменты для того, чтобы открывать новые рабочие места в странах — источниках массовой иммиграции. Для этого планируется повышать эффективность программы «Европейская политика соседства» [33].

Превентивные меры ЕС в странах — потенциальных источниках нелегальной миграции

Источниками нелегальной иммиграции являются гражданские войны, гонения, бедность, климатические изменения. Профилактика и смягчение этих угроз занимают важное место в миграционной стратегии ЕС. На делегации ЕС возлагается задача мониторинга ситуации с мигрантами и взаимодействия с руководством стран-источников миграции. Прикомандированные в этих странах европейские миграционные офицеры связи (*European migration liaison officers*) должны работать в тесном контакте с Сетью иммиграционных офицеров связи (*Immigration Liaison Officers Network*). Структура была создана в ЕС в 2004 г. с целью сбора и анализа информации о нелегальной миграции. Можно дискутировать на тему об эффективности использования Турцией 79 млн евро, которые она получила с начала 2014 г. для развития инфраструктуры связи по вопросам мигрантов со специализированными службами ЕС, но такие финансовые ресурсы были выделены Европейским союзом.

На развитие регионов Африки, Азии и Восточной Европы, основных источников нелегальной иммиграции, Евросоюз выделил программам международной помощи (*EU external cooperation assistance*) 96,8 млрд евро на 2014–2020 гг.

Евросоюз планирует усилить борьбу против криминальных сетей, занимающихся нелегальной иммиграцией. В 2002 г. ЕС принял директиву, в которой дается определение нелегальной иммиграции, устанавливается уголовная ответственность за осуществление противоправных действий [11]. Опираясь на принятую директиву, ЕС намерен усилить действия по идентификации преступных сообществ, уничтожению средств переправки нелегальных иммигрантов. Опираясь на финансовую разведку (*Financial Intelligence Units*) и Европейское агентство по безопасности (*European Agency on Security*), ЕС будет пресекать финансовые операции контрабандистов. Кроме того, планируется усилить контроль за использованием нелегальной рабочей силы внутри ЕС.

Документ «Европейская повестка по миграции» констатирует низкую эффективность работы по организации возвращения нелегальных мигрантов. По приведенным данным, в 2013 г. было принято 39,2 % решений по возвращению на родину нелегальных иммигрантов [14]. Имеются отдельные данные по Барселоне,

где было принято решение о депортации 54 % задержанных, из которых реально было депортировано 46 % [26].

Европейский союз будет добиваться исполнения соглашений, подписанных с рядом стран, например, с группой азиатских, карибских и тихоокеанских стран (*African, Caribbean and Pacific Group of States, ACP*). Согласно статье 13 Договора Котону, заключенного 23 июня 2000 г. в столице Бенина, каждый член ЕС имеет право на возвращение нелегальных иммигрантов в страну, из которой они прибыли, а группа азиатских, карибских и тихоокеанских стран обязана без каких-либо формальностей их принять. В 2008 г. была принята специальная Директива по возвращению (*Return Directive*), в которой были разработаны общие стандарты и процедуры для стран ЕС по возвращению нелегальных иммигрантов [12]. Практически во всех случаях, связанных с вопросами миграции, делается оговорка: «за исключением Великобритании».

В 2014 г. были подписаны соглашения по возвращению нелегальных иммигрантов с Пакистаном и Бангладеш. Европейский союз оказывает поддержку этим странам в создании соответствующих механизмов.

«Европейская повестка по миграции» предусматривает усиление роли некоторых уже сформированных механизмов управления миграционными процессами, в частности *Frontex*. До сих пор *Frontex* могло только координировать миссии по депортации. Европейская комиссия решила исправить этот недостаток и наделить *Frontex* дополнительными полномочиями по инициированию депортации нелегальных иммигрантов [14].

Несмотря на ряд серьезных организационных мер, принятых по укреплению границ ЕС в частности, отмечается высокая эффективность созданной в октябре 2013 г. Европейской пограничной системы наблюдения (*European Border Surveillance System, EUROSUR*): пограничный контроль по периметру ЕС все еще представляет собой «лоскутное одеяло». В 2016 г. планируется принять Единый стандарт пограничного управления (*Union standard for border management*). Только на развитие системы наблюдения ЕС предусмотрел выделение 2,7 млрд евро пограничным странам ЕС на период 2014–2020 гг.

Европейский союз планирует широко использовать IT технологии для усиления пограничного контроля. Для этого предполагается объединить все имеющиеся системы пограничного контроля в одну систему «Умные границы» (*Smart Borders*), которая облегчит пересечение границы для легального въезда в ЕС и создаст непреодолимые барьеры для нелегальных иммигрантов. В целом дело идет к созданию Общей европейской системы работы с беженцами (*Common European Asylum System*). При этом значительное внимание будет уделяться работе с уязвимыми категориями беженцев, в частности с детьми.

Многие эксперты отмечают дефекты «Дублинской системы», которая была создана Дублинской конвенцией 1990 г. (вступила в силу в 1997 г.) и Регламентом «Дублин II» (2003). Так, не работает принцип «первой страны», согласно которому страна, в которую въехал иммигрант, обязана зарегистрировать беженца, взять у него отпечатки пальцев. Как отмечают эксперты, большинству прибывающих, например в Италию, позволяют ехать дальше на север — в Германию и Швецию. Большинство беженцев прибывает в Швецию через страны юга Европы. И если

их нет в компьютерной базе данных, то шведские власти не могут выслать их обратно, в так называемые «первые страны». В компьютерной базе ЕС (*Eurodac*) отсутствуют десятки тысяч дактилоскопических отпечатков. В 2014 г. число беженцев в Швеции перевалило за 80 тыс. человек, а количество «дублинских» так и осталось на уровне 11 тыс. Еще хуже была ситуация в 2015 г. Председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер заявил 28 октября 2015 г., что нужно изменить «дублинскую систему» (речь идет о Дублинской конвенции), поскольку она «уже не работает» [6].

Реформированию также подлежат правила работы с легальной иммиграцией, особенно с трудовой. Основной принцип реформирования изложен кратко: «дешевый, ускоренный и безопасный денежный трансфер» [10, 14].

Наконец, была принята система пропорционального распределения иммигрантов между странами ЕС. Квота для Италии установлена третьей в ЕС (11,84 %) после Германии (18,42 %) и Франции (14,17 %) [13, 14].

Правительственные и общественные организации ЕС активно участвуют в дискуссии относительно реформы политики ЕС в области миграции и беженцев [35]. По настоянию инициативной группы Европейский парламент проголосовал большинством голосов за включение дополнительных статей, облегчающих положение детей и женщин мигрантов [22].

В феврале 2016 г. Европейский совет, обсудив гуманитарную катастрофу с беженцами, принял решение о выделении дополнительных 275,5 млн евро на разрешение кризиса [30]. Всего на урегулирование проблемы беженцев ЕС выделяет более 10 млрд евро, из них 1 млрд — Турции, 500 млн — Сирии, 4,6 млрд — на первоначальное размещение; 1,8 млрд — африканским странам, 2,2 млрд — на чрезвычайные нужды [31].

Европейский проект трансформирования Средиземноморья имеет внешних соперников в лице сильных глобальных и региональных акторов (США, Китай, Россия, Турция) [4]. Другая линия соперничества проходит внутри ЕС, между европейскими странами. Наряду со средиземноморскими странами Францией, Испанией, Италией на роль главного регулятора в регионе претендует также Германия.

Таким образом, в Европейском союзе проблема беженцев рассматривается как серьезный международный вызов, прямая угроза государственной безопасности стран ЕС и всему сообществу. Для разрешения острого миграционного кризиса ЕС использует разнонаправленную стратегию: идет по пути совершенствования и создания новых институтов управления миграционным кризисом, расширяет трансрегиональный диалог по миграции (*cross-regional dialogue*) в Средиземноморье, Африке и на Ближнем Востоке, по основным источникам массовой миграции или транзита беженцев, продолжает переформатирование Средиземноморского региона (*region-building*). Италия является одним из ключевых акторов средиземноморской политики, рассматривая регион как сферу собственных национальных интересов. Удастся ли Европейскому союзу институциональными методами и финансовыми потоками «затушить пожар» массовой миграции, покажет ближайшее будущее. При любом исходе опыт ЕС в регулировании миграционных потоков

имеет практический интерес для государств, которым предстоит столкнуться с подобными вызовами.

1. МИД Египта: страны Африки не готовы создавать центры для беженцев [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.su/content/item/4930/> (дата обращения: 25.02.2016).
2. Михайленко Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс : курс лекций. Екатеринбург, 2014.
3. Потемкина О. Ю. Иммиграционная политика Европейского союза: итоги и новые вызовы // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения: Доклады Института Европы. № 315. М., 2015.
4. Трофимова О. Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. М., 2011.
5. Тэвдой-Бурмули А. Евро-турецкое соглашение по миграции: отчаяние или расчет? [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7471#top-content (дата обращения: 23.02.2016).
6. Юнкер: Дублинская система не работает [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radiopolsha.pl/6/137/Artykul/226717> (дата обращения: 20.01.2016).
7. Back to Schengen – A Roadmap [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen/docs/communication-back-to-schengen-roadmap_en.pdf (accessed: 04.03.2016).
8. Campagna LasciateCIEntrare [Electronic resource]. URL: <http://www.lasciatecientrare.it/j25/chi-siamo> (accessed: 25.02.2016).
9. Changing Migration Patterns in the Mediterranean. Edited by Lorenzo Kamel. Edizioni Nuova Cultura, 2015. P. 176.
10. EU action in the fields of migration and asylum [Electronic resource]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-13-862_en.htm (accessed: 22.01.2016).
11. Cosentino C. Rifugiati, la mappa nera dell'accoglienza stilata da "LasciateCIEntrare" [Electronic resource]. URL: http://www.repubblica.it/solidarieta/immigrazione/2016/02/26/news/rifugiati_la_mappa_nera_dell_accoglienza_stilata_da_lasciatecientrare_-134289005/ (accessed: 27.02.2016).
12. COUNCIL DIRECTIVE 2002/90/EC of 28 November 2002 defining the facilitation of unauthorized entry, transit and residence [Electronic resource]. URL: <http://www.statewatch.org/semDOC/assets/files/council/DIR-2002-90.pdf> (accessed: 25.01.2016).
13. Directive 2008/115/EC on "common standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals" [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2008:348:0098:0107:EN:PDF> (accessed: 22.01.2016).
14. EU and IOM strengthen strategic dialogue on global migration issues. [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/news-and-events/eu-and-iom-strengthen-strategic-dialogue-global-migration-issues_en (accessed: 20.02.2016).
15. European Commission, A European Agenda on Migration (COM/2015/240), 13 May 2015.
16. EUROPE: Syrian Asylum Applications [Electronic resource]. URL: <http://data.unhcr.org/syrianrefugees/asylum.php> (accessed: 22.01.2016).
17. European Commission, A European Agenda on Migration (COM/2015/240), 13 May 2015 [Electronic resource]. URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2015/EN/1-2015-240-EN-F1-1.PDF> (accessed: 20.01.2016).
18. Gaiani A. Mare Nostrum: pro e contro della missione militare dell'Italia [Electronic resource]. URL: http://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/commentary_gaiani_22.10.2013_0.pdf (accessed: 20.01.2016).
19. Immigration: 'Seahorse' Mediterraneo for border control [Electronic resource]. URL: http://www.ansamed.info/ansamed/en/news/sections/politics/2013/09/19/Immigration-Seahorse-Mediterraneo-border-control_9324814.html (accessed: 23.01.2016).

20. Immigrants detention centers in Italy [Electronic resource]. URL: <https://strugglesinitaly.wordpress.com/equality/en-immigrants-detention-centers-in-italy/#cdacaracie> (accessed: 23.02.2016).

21. Juncker J.-C. A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change. Political Guidelines for the next European Commission. Opening Statement in the European Parliament Plenary Session. Strasbourg, 15 July 2014 [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/priorities/sites/beta-political/files/juncker-political-guidelines_en.pdf (accessed: 24.02.2016).

22. MEPs call for gender-sensitivity in asylum policy [Electronic resource]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/news/en/news-room/20160303IPR16927/MEPs-call-for-gender-sensitivity-in-asylum-policy> (accessed: 25.02.2016).

23. Migration and asylum thematic programme – funding [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/sectors/funding_en (accessed: 03.03.2016).

24. Moual K. Mare Nostrum: cercasi risposta politica [Electronic resource]. URL: http://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/commentary_moual_22.10.2013.pdf (accessed: 24.02.2016).

25. PICUM [Electronic resource]. URL: <http://picum.org> (accessed: 19.02.2016).

26. PICUM Position Paper on EU Return Directive. April 2015 [Electronic resource]. URL: http://picum.org/picum.org/uploads/publication/Final_ReturnDirectiveEN.pdf (accessed: 24.02.2016).

27. Polchi V. Immigrati, c'è un popolo di invisibili in Italia e sono più di 400 mila [Electronic resource]. URL: http://www.repubblica.it/solidarieta/immigrazione/2015/12/02/news/rapporto_ismu-128656311/ (accessed: 24.02.2016).

28. Polchi V. Migranti, i timori del Viminale: gli hotspot rischiano di essere un imbuto [Electronic resource]. URL: http://www.repubblica.it/solidarieta/immigrazione/2016/02/11/news/migranti_hotspot_viminale-133166114/ (accessed: 19.02.2016).

29. Rabat Process [Electronic resource]. URL: <http://www.icmpd.org/our-work/migration-dialogues/rabat-process/> (accessed: 25.02.2016).

30. Refugees: additional funds approved in Brussels [Electronic resource]. URL: <http://www.enpi-info.eu/medportal/news/latest/44169/Refugees:-additional-funds-approved-in-Brussels> (accessed: 02.03.2016).

31. Refugees: EU launches emergency instrument to support EU countries facing refugee crisis [Electronic resource]. URL: <http://www.enpi-info.eu/medportal/news/latest/44151/Refugees:-EU-launches-emergency-instrument-to-support-EU-countries-facing-refugee-crisis> (accessed: 02.03.2016).

32. Scenari globali e rischi strategici nel corso del 2014. Contributi a cura di CESI, CeSPI, IAI ed ISPI, aggiornati a maggio 2014.

33. Statement of the EU Heads of State or Government, 07/03/2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/07-eu-turkey-meeting-statement/> (accessed: 07.03.2016).

34. Tangled Connections between Migration and Security in the Wake of the Arab Uprisings: A European Perspective by Tamirace Fakhoury [Electronic resource]. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1606.pdf> (accessed: 07.03.2016).

35. Targeting Vulnerabilities. The Impact of the Syrian War and Refugee Situation on Trafficking in Persons. A Study of Syria, Turkey, Lebanon, Jordan and Iraq. Vienna, 2015.

36. The EU-Africa Partnership on Migration, Mobility and Employment [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/what-we-do/policies/international-affairs/africa/index_en.htm (accessed: 10.02.2016).

37. The EU and Turkey Reach a Tenuous Immigration Agreement [Electronic resource]. URL: <https://www.stratfor.com/analysis/eu-and-turkey-reach-tenuous-immigration-agreement> (accessed: 18.03.2016).

Рукопись поступила в редакцию 6 марта 2016 г.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ИТАЛИИ В СФЕРЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ (1992–2009)

В статье рассматриваются особенности единой аграрной политики ЕС, этапы и результаты ее реформирования с момента создания Европейского союза до вступления в силу Лиссабонского договора, во многом трансформировавшего институциональный облик ЕС. На примере Италии — одной из стран ЕС, где доля сельского хозяйства значительна, — анализируется способность национального государства влиять на процесс принятия решений на европейском уровне.

К л ю ч е в ы е с л о в а: единая аграрная политика, правоцентристская коалиция, левоцентристская коалиция, ЕС, Италия.

Общая сельскохозяйственная политика, или единая аграрная политика — Common Agricultural Policy (в отечественной литературе нет единого наименования), уже более 50 лет остается в центре внимания стран-участниц ЕС: достаточно отметить, что расходы на нее составляют значительную часть общего бюджета. При этом существенное влияние на ее формирование оказывают интересы национальных государств, что делает возникновение противоречий на разных уровнях практически неизбежным.

Единая аграрная политика ЕС: тенденции развития

Аграрная политика стала одной из первых сфер сотрудничества западно-европейских государств. Необходимость совместных действий в этой области была вызвана объективными обстоятельствами, сложившимися в Европе после окончания Второй мировой войны, — нехваткой продовольствия, нарушением системы производства сельскохозяйственной продукции.

На начальном этапе политика была направлена на обеспечение продовольствием стран-участниц ЕЭС, поэтому главными ее инструментами стали субсидии и установление закупочных цен. Данные меры дали быстрый результат, но привели к возникновению другой проблемы — перепроизводству продукции. Таким образом, все последующие реформы общей аграрной политики ставили своей целью ликвидировать проблему возникновения излишков товаров. Впервые были введены квоты на производство, для реализации излишков были введены экспортные субсидии [10]. Однако этих мер оказалось недостаточно, и в 1991 г. Европейская комиссия и Совет ЕС признали, что общая аграрная политика не справляется с реализацией своих задач.

Качественно новым этапом в развитии европейской интеграции стал 1992 г. Стратегия углубления сотрудничества стала ответом на изменения в системе международных отношений, происходившие в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Результатом явилась значительная модификация как законодательной базы сообществ, так и фактической составляющей сотрудничества.

Важным вопросом в конце 80-х — начале 90-х гг. стало уменьшение расходов на общую аграрную политику. На протяжении всего периода реализации сельскохозяйственных программ росли расходы на претворение в жизнь задач европейской аграрной политики, пик был достигнут в конце 80-х гг., когда затраты составили почти 70 % от всего бюджета ЕС [10]. Естественно, за это по литика зачастую подвергалась критике: такой объем затрат делал невозможной достаточную поддержку других отраслей, например обороны или науки, и конечном итоге вел к уменьшению роли региона как политического или научно-исследовательского центра [4].

Реформирование сферы сельского хозяйства продолжилось в рамках «Повестки дня 2000» — программы реформ, принятой на совещании глав государств-членов ЕС в 1999 г. Потребность в реформах была обусловлена перспективой расширения ЕС и многими проблемами, с которыми приходилось сталкиваться при осуществлении общей аграрной политики на протяжении предыдущего периода. В частности, за десятилетие не удалось значительно сократить затраты на политику, которые в 1999 г. составили 50 % от бюджета [10]. На этом этапе было подтверждено намерение уделять больше внимания вопросам защиты окружающей среды, а также качества и безопасности продукции. Повышенное внимание в рамках аграрной политики было обращено на вопрос развития сельской местности, что привело к появлению тесной связи с региональной политикой и, в частности, с проблемой развития территорий [3]. В целом «Повестка дня 2000» являлась глобальной установкой на особую европейскую аграрную модель, отличительная черта которой — многообразие функций, выполняемых европейским сельским хозяйством (среди них экономические, экологические, общественные) [11].

Расширение ЕС в 2004 г. стало новым вызовом как для институтов ЕС, так и для его отдельных программ развития. В преддверии принятия новых членов в 2003 г. была проведена еще одна реформа. Изменения коснулись практики прямых выплат фермерам, которые теперь не связывались с объемом производимой продукции, а служили для поддержания стабильного дохода сельского населения. Это качественное изменение в проведении аграрной политики: помощь не призвана стимулировать производство, она направлена на поддержку самого фермера, который, в свою очередь, обязан гарантировать поставку безопасных продуктов, охранять окружающую среду и культурное достояние своей сельской местности. В противном случае он не получает субсидий [2, 129–130]. То есть задачи развития сельских территорий, охраны природы, безопасности и качества продуктов получают дальнейшее развитие.

Наконец, регламент развития единой аграрной политики на 2007–2013 гг. предусматривал меры, направленные на увеличение конкурентоспособности сельского хозяйства (модернизация, развитие человеческого капитала), на контроль и улучшение экологической обстановки, развитие сельских территорий (включая стимулирование на них деятельности, не связанной с сельским хозяйством, поощрение активности представителей отрасли) [5].

Таким образом, можно отметить, что аграрная политика эволюционировала, постепенно утратив свое изначальное предназначение — обеспечить продовольствием европейские государства-члены ЕЭС; расширилась сфера ее применения:

новой задачей стало развитие сельских территорий; в процессе ее развития изменились формы поддержки занятых в сельском хозяйстве. Как отмечает Н. В. Прокудина, «реформирование правового регулирования аграрной политики ЕС осуществлялось как административными, так и экономическими методами; эти методы сменяли друг друга, но преимущество отдавалось административным методам» [1]. При этом затраты на проведение единой аграрной политики всегда составляли значительную часть бюджета ЕС.

Фактор национального государства в аграрной политике

Аграрная политика входит в сферу общей компетенции стран-участниц и институтов ЕС, что оставляет возможности для национального государства вмешиваться в процесс принятия решений и отстаивать свои интересы.

В экономической структуре Италии сельское хозяйство вместе с лесоводством и рыболовством составляет 2,63 % [7]; при этом данное государство имеет один из самых высоких показателей занятых в этой отрасли по сравнению с другими странами-участницами ЕС, поэтому невозможно игнорировать значимость этой отрасли для развития страны.

Исследователи отмечают, что вплоть до 90-х гг. аграрная политика в рамках ЕС не рассматривалась итальянскими правящими кругами как поле деятельности для реализации собственных интересов в силу того, что данная отрасль всегда была несколько изолирована от остальных сфер экономики и политики, отличалась особенными, присущими только ей чертами (например, существование, помимо частной и государственной собственности на землю, «общественного пользования»; сильные исторические традиции) [6, 7]. На протяжении десятилетий господствовала точка зрения, что европейская инициатива — общая аграрная политика — является в большей степени ограничивающим фактором для Италии, чем возможностью для отстаивания своих интересов. Но в дальнейшем, с изменением принципов осуществления общей аграрной политики, а также внутренней политической ситуации в Италии, произошла значительная трансформация в отношении к данной сфере. Стало очевидно, что только активное участие в процессе принятия решений на европейском уровне позволяет отстаивать национальные интересы. Чтобы получить преимущества от интеграционных процессов, а не стать их жертвой, необходимо принимать участие на всех этапах законодательного процесса. Итальянской стороне не всегда это удавалось.

Способность Италии оказывать влияние на развитие ситуации в Европейском союзе и реализовывать свои цели связана с рядом факторов. В первую очередь, на эффективное участие в делах ЕС влияет политическая система государства и, в частности, такие переменные, как стабильность правительства и позиция политической элиты по отношению к Европе.

Период Второй республики (с 1993 г.) характеризуется более устойчивыми правительствами по сравнению с предыдущим периодом, однако коалиционные правительства также не обладают высокой стабильностью: в период, когда у власти было левоцентристское большинство (1996–2001), сменилось четыре правительства и три премьер-министра. Несмотря на то что правоцентристское

правительство все пять лет нахождения его у власти возглавлял один премьер-министр, Сильвио Берлускони, в Совете министров производились назначения и отставки таких ключевых фигур, как министр иностранных дел, министр внутренних дел и министр финансов. В 2005 г. произошла полная смена кабинета.

Несмотря на напряженную ситуацию внутри коалиций, в 1990-е и 2000-е гг. Италия активно участвует в принятии решений, касающихся европейской политики. Однако по мере того как «европейское» все больше проникает во внутреннюю организационную структуру итальянских государственных институтов, позиции политических элит по различным вопросам интеграции все больше расходятся. Новая структура итальянской партийной системы доказала, что политическая элита больше не разделяет склонности к европейской интеграции. Если в послевоенный период основными противниками интеграции были левые, то на данном этапе эту позицию заняли правые партии. Выборы 2001 г. впервые поставили Италию в один ряд со странами, которые традиционно считаются «евроскептиками» [6, 7].

Таким образом, несмотря на то, что с 1996 г. итальянские правительства были более устойчивыми в сравнении с предыдущим периодом, возникло новое препятствие при отстаивании национальных интересов, а именно расхождения во взглядах политической элиты относительно будущего Европы.

Другим важным условием достижения целей в рамках ЕС является координация действий национальных представителей в институциональных структурах Союза и в своих внутренних структурах, занимающихся европейской политикой. В этом отношении и левоцентристское, и правопоцентристское правительства характеризовались резким расхождением во мнениях внутри коалиции вследствие разнородности партий, ее составлявших. Отсутствие согласия между премьер-министром и ключевыми министрами (особенно в случае, когда они представляли разные партии) вело к тому, что итальянские представители получали противоречивые поручения. Кроме того, европейская политика находится в ведении Министерства иностранных дел, и, таким образом, итальянские представители в союзных органах являются в большей степени дипломатическими работниками, нежели осведомленными специалистами в определенных сферах сотрудничества [Там же, 35]. Соответственно это влияло на их способность оценивать ситуацию.

Среди средств, с помощью которых Италия воздействует на европейскую политику, стоит отметить ее роль посредника в европейских делах. Возможно, то, что Италия «меньше самых крупных государств, но крупнее самых мелких» [9], делает ее достаточно влиятельной в ситуации, когда необходимо помочь другим достичь консенсуса. Однако стоит отметить, что с приходом к власти правых во главе с Берлускони эта стратегия была отодвинута на задний план. Берлускони считал, что Италия должна действовать как великая держава, особенно в области безопасности и обороны [6, 19]. Последствия отказа от привычной стратегии отразились как на самой Италии, так и на ЕС в целом: Италия не смогла реализовать свои планы, а Евросоюз потерял в ее лице государство-посредника, важного проводника политики консенсуса.

Еще одна стратегия — создание коалиций с другими странами-участницами. Отказ идти на компромисс с другими государствами, входящими в ЕС, приводит

к ослаблению позиций государства, второстепенной роли. Исследователи отмечают, что образование блоков — необходимая стратегия в рамках такой сложной многоуровневой организации, как ЕС [6, 19].

В целом подходы к европейской политике в Италии менялись в зависимости от того, кто находился у власти. Левоцентристские правительства рассматривали европейское направление как приоритетное, в то время как для правых ЕС не был столь важным ориентиром, его влияние на итальянскую политику было ограничено.

Конкретными примерами, доказывающими обоснованность этого вывода, являются результаты переговорного процесса по двум значительным реформам общей аграрной политики, проведенным в 2000-е гг.

Обсуждение «Повестки дня 2000» происходило при правительстве М. Д'Алема, пост министра сельского хозяйства в тот период занимал П. Де Кастро, известный эксперт в области сельского хозяйства, сторонник активного участия в процессе принятия решений в рамках общей аграрной политики. Одно из положений новой реформы касалось квотирования молочной продукции. Позиция Италии на этот счет была определенной с самого начала: система квот наносит ущерб итальянской экономике и должна быть отменена [Там же].

Политика Де Кастро состояла в создании союзов с другими европейскими странами, разделявшими его точку зрения. «Аграрная политика делается в первую очередь в европейских столицах в процессе двусторонних встреч, затем в процесс включаются рабочие группы и, наконец, Совет министров сельского хозяйства, на заседания которого необходимо приходиться подготовленным, в составе сильного альянса, участники которого выработали единую точку зрения на проблему», — считал министр [8]. Именно политика создания альянса с Великобританией, Данией и Швецией привела к тому, что Италия получила значительно большую квоту, которая отвечала потенциальному уровню продуктивности сектора [6, 33].

Это стало важной победой для государства, которое на протяжении десятилетий сталкивалось с непреодолимыми трудностями в защите своих интересов. Успех был обусловлен тем, что Италия принимала участие на всех этапах переговорного процесса, создала эффективный альянс из союзников. Данный пример показывает, что Италия способна оказывать влияние на принятие решений в рамках ЕС и соответственно на динамику и качество интеграционных процессов при условии внутренней координации усилий.

Отнюдь не таким успешным явилось для Италии реформирование «сахарного режима» в ходе реформы 2003–2006 гг. Новому министру сельского хозяйства Дж. Алеманно, который сохранял свой пост на протяжении всего правления правоцентристского правительства С. Берлускони, не удалось создать сильной коалиции для защиты итальянских интересов. Необходимо отметить, что важную роль в неблагоприятном исходе сыграл внешний фактор — давление международных институтов (ВТО), которые рассматривали субсидии европейским производителям как нарушение Соглашения о торговле [Там же, 35]. В результате значительно снизилось производство сахара в ЕС, что привело к закрытию большого количества итальянских предприятий, специализирующихся в этом секторе. Итальянские фермеры не выдерживали конкуренции, так как размер их

владений был слишком мал и, кроме того, фермы были очень многочисленны, что приводило в том числе к соперничеству между ними.

Проанализировав попытки Италии реализовать свои интересы в сфере аграрной политики, можно прийти к выводу, что они, как правило, оканчиваются неудачей. Представляется, что большего успеха можно добиться, участвуя в начальном этапе разработки новых регламентов и директив. При условии консолидации усилий на различных уровнях у Италии есть шансы отстоять свою точку зрения на определенную проблему и оказать воздействие на дальнейший ход процессов.

---

1. *Прокудина Н. В.* Правовое регулирование общей аграрной политики в Европейском союзе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Прокудина Н. В.; Москва, 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/281504.html> (дата обращения: 01.05.2016).

2. *Раджоньери М. П., Валетта М.* Агроэкологическое право Европейского союза и Италии. М., 2006.

3. Agenda 2000 — A CAP for the future [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/agriculture/publi/review99/08_09_en.pdf (accessed: 15.05.2016).

4. *Bureau J.-C.* Enlargement and reform of the EU Common agricultural policy. [Electronic resource]. URL: <http://ctr.c.sice.oas.org/geograph/mktacc/Bureau.pdf> 25.05.2016 (accessed: 02.05.2016).

5. Council Decision of 20 February 2006 on Community strategic guidelines for rural development (programming period 2007 to 2013) (2006/144/EC). [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:055:0020:0029:EN:PDF> (accessed: 01.05.2016).

6. *Fabbrini S., Piattoni S.* Italy in the European Union. Redefining National Interest in a Compound Polity. Lanham, Md. : Rowman & Littlefield, 2008.

7. Italy in figures. [Electronic resource]. URL: http://en.istat.it/dati/catalogo/20090511_00/italyinfofigures2009.pdf (accessed: 01.05.2011).

8. Paolo De Castro: Sostenibilit , la sfida per il futuro [Electronic resource]. URL: http://www.agricoltura24.com/paolo-de-castro-sostenibilita-la-sfida-per-il-futuro/p_2129.html (accessed: 06.06.2011).

9. *Santoro C. M.* Politica estera e identit  nazionale [Electronic resource]. URL: <http://www.ideazione.com/settimanale/1.politica/69-03-07-2002/69santoro.htm> (accessed: 19.05.2016).

10. The Common Agricultural Policy Explained [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/agriculture/publi/capexplained/cap_en.pdf (accessed: 02.03.2013).

11. The European Union's Common Agricultural Policy [Electronic resource]. URL: <http://www.ers.usda.gov/publications/Wrs992/Overview.pdf> (accessed: 15.05.2016).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 329(450) + 329.71 + 316.772.4

Е. Н. Болотова
К. М. Табаринцева-Романова

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РЕЧЕЙ ЛИДЕРА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ «ПЯТЬ ЗВЕЗД» Б. ГРИЛЛО

В статье на материале видеоинтервью дается анализ политического дискурса лидера итальянского политического движения «Пять звезд» Б. Грилло. Приводятся основные факторы его популярности, дается их краткая характеристика. Выделяются основные черты дискурса Б. Грилло как лидера популистского движения.

Ключевые слова: политический дискурс, популистские партии, Б. Грилло, политическое движение «Пять звезд», политическая система Италии.

Актуальность изучения феномена итальянского лидера политического движения «Пять звезд» (далее — М5S) Бeppe Грилло обусловлена тем, что на сегодняшний день для политических европейских систем становится характерным размывание традиционного понятия классических политических партий, а это, в свою очередь, провоцирует активный рост популистских партий. В Италии данное явление усугубляется происходящей трансформацией политической системы: а именно переходом от Второй республики к Третьей. Подчеркнем, что Б. Грилло предстал перед итальянской общественностью еще в 1986 г. (в Италии на тот момент еще существовала Первая республика), однако его движение смогло набрать политический вес лишь в начале XXI в.

Кратко обозначим основные моменты становления М5S. Напомним, что политическая история Б. Грилло началась во времена Первой Республики, в 1986 г.; 15 ноября того же года Б. Грилло выступил в одном из выпусков музыкально-развлекательной телепередачи «Fantastico 7» с монологом, критикующим социалистов. В апреле 2004 г. после прочтения книги Д. Казаледжо о Всемирной сети у Б. Грилло возникла идея создания собственного сайта. Они встретились в Ливорно, и веб-эксперт посоветовал ему начать блог, с помощью которого у всех читателей появилась бы возможность взаимодействовать через комментарии. Таким образом, 26 января 2005 г. появился www.beppegrillo.it — личный блог комика. Благодаря блогу, встречам, V-Day¹ и избирательным спискам Б. Грилло создал довольно благоприятную почву, все больше и больше подходящую для его прямого выхода на политическую арену. Первая возможность представляется на предварительных выборах в Демократическую партию 25 октября 2009 г. Но многих не устраивала кандидатура Б. Грилло, так как он не являлся членом

---

¹ Пост, озаглавленный Vaffanculo-Day, в котором Б. Грилло предлагал читателям 8 сентября организовать встречи на всех площадях Италии. Идея V-Day имела огромный успех: встречи были организованы на двухстах площадях и даже за границей напротив итальянских посольств. В ходе мероприятия был также организован сбор подписей, необходимых для представления трех законов народной инициативе: один — за изменения в избирательном законодательстве; другой — за ограничение в два срока на пребывание в должностях в парламенте; третий — за недопущение выдвижения в качестве кандидатов в депутаты граждан с судимостью. Было собрано 336 144 подписи.

партии и часто выступал против идеалов и ценностей Демократической партии. Понятно, что комик на самом деле не был нацелен на участие и победу на праймериз. Скорее всего, его мотив состоял в том, чтобы продемонстрировать глубокие разногласия внутри партии.

Следующим этапом в эволюции политического движения стали выборы 24–25 февраля 2013 г., которые вывели из строя партийную политическую систему Италии, основной чертой которой во времена Второй республики было чередование правящего и оппозиционного правительств. Это произошло по причине того, что М5S заняло политическое пространство, созданное с образованием временного правительства во главе с М. Монти, поддерживаемого как «Народом свободы», так и Демократической партией.

Дискурс-анализ речей Б. Грилло методологически базируется на теории дискурса Д. Ховарта, которая предполагает изучение формирования и исчезновения политических идентичностей, что позволяет сделать выводы о том, что представляет собой Б. Грилло как новый игрок на политической арене Италии. Как отмечает П. Таггарт, «популизм акцентирует внимание на сильное харизматическое лидерство и выражает трудноконтролируемую неприязнь к посредничеству и институционализации» [11, 100]. Популистский дискурс — это властный дискурс, который направлен точно на ту часть электората, которая в дальнейшем будет служить социальной базой движения. Умелое использование определенных лингвистических и невербальных приемов Б. Грилло позволяет определить его образ как «сильного» политического лидера.

Для проведения дискурс-анализа были выбраны три интервью, которые были даны Б. Грилло иностранным журналистам в период с января по апрель 2013 г.: для шведского общественного телевидения в январе длиной в 41 минуту, для французской телерадиокомпании длиной в 32 минуты и для италоязычного швейцарского радио и телевидения в апреле длиной в 37 минут. Выбор материала обусловлен следующими факторами. Во-первых, продолжительностью: у лидера есть достаточно времени, чтобы объяснить свое видение происходящих процессов, что дает достаточный материал для анализа. Во-вторых, интервью было дано иностранной прессе. Как известно, Б. Грилло считает, что итальянские СМИ не могут быть объективными, так как они руководствуются собственными финансовыми и политическими интересами, а «нейтральность» и «независимость» иностранной прессы позволяют непредвзято отразить в интервью точку зрения Б. Грилло. В-третьих, вопросы, которые задают иностранные журналисты, как правило, являются более общими, так как они менее осведомлены о дискуссиях, происходящих в рамках итальянского политического истеблишмента. Иностранные журналисты более озабочены тем, чтобы выявить, что представляет собой движение на итальянском партийно-политическом ландшафте. Таким образом, интервью Б. Грилло не итальянским журналистам гораздо больше подходит для анализа того, как он интерпретирует свою личность и описывает миссию своего движения через популистскую риторику.

Итак, анализ вышеуказанных интервью показал, что Б. Грилло придает огромное значение определению собственной роли внутри движения. Он отказывается называть себя популистом или демагогом и предпочитает термин

«посредник» — т. е. тот, кто облегчает понимание заумных концепций, которые, по его убеждению, осложняются политиками для того, чтобы держать граждан в неведении [7]. Б. Грилло считает, что отсутствие информации, способной влиять на граждан Италии, объясняется нежеланием правящих элит осведомлять на достаточном уровне граждан по вопросам законодательства и функционирования национальных и европейских институтов. По его мнению, в такой ситуации настоящим лидером должна стать «сама группа, само движение» [Там же].

Он снимает с себя всякую ответственность за руководство движением, объясняя это тем, что все решения принимаются группой представителей в парламенте, которые были избраны без какого-либо вмешательства с его стороны. В ответ на просьбу объяснить, какую роль он будет выполнять, когда кандидаты M5S будут избраны в парламент, комик отвечает, что она будет такой же, как и раньше. Его задача состоит в том, чтобы убедиться, что люди, которые входят в движение, соответствуют всем требованиям, предъявляемым к членам партии, в том числе не имеют уголовного прошлого [Там же].

Кажется, что Б. Грилло ясно осознает, что метаязык, используемый им для описания собственной роли, оказывает существенное влияние на восприятие людьми его и его движения. Заменяя определения «лидер» или «секретарь» на «посредник» и «гарант», он пытается дистанцироваться от терминов, которые приобрели негативный оттенок в итальянской политике. Он пытается создать новую терминологию, которая бы позволила преодолеть разрыв между его сценическим образом и главенствующей ролью в партии. Другими словами, Б. Грилло стремится решить то, что мы можем назвать «парадоксом популизма» [4, 205], который подразумевает, что популисты вынуждены полагаться на те институциональные смыслы и структуры, которые они сами подвергают уничтожающей критике, а именно критику правящей элиты, исходящую от этой же элиты. Они пытаются избежать такой самокритики и представляются сторонниками прямой демократии, в которой политик непосредственно общается с населением и партийность отсутствует хотя бы теоретически. Кроме того, определения «посредник» и «гарант» подчеркивают солидарность с народом: в то время как правящие круги предпочли бы, чтобы граждане оставались неинформированными (и послушными, как следствие), комик стремится помочь обычным людям понять нарочито сложный жаргон политиков.

Б. Грилло воспринимает себя как благородную фигуру, которая просто помогает «гриллини» (сторонникам и членам популистского движения): его советы направлены на защиту своих ставленников от превращения в «реальных» политиков, которые отказываются от собственного энтузиазма и самобытности ради манящего мира славы.

Он наделяет себя «моральным авторитетом», который позволяет ему судить своих последователей в случае, если их действия противоречат образу и целям движения: например, он считает, что участие в политических ток-шоу объясняется лишь нарциссическим желанием стать известным [7]. Можно обоснованно утверждать, что Б. Грилло воплощает в себе харизматического лидера, что является одной из главных особенностей популизма.

Напомним, что харизматическое лидерство базируется на конкретных характеристиках и качествах и имеет определенное сходство с религиозным

лидерством, так как руководитель партии наделен «почти сверхчеловеческими полномочиями, которые контрастируют с обыденностью его сторонников» [12, 101]. В этом смысле Б. Грилло выступает с трибуны в роли пастора: он советует быть благочестивыми, чтобы не быть втянутыми в безнравственность и преступность соблазнительного, но грешного мира политики. В самом деле, он использует язык, полный религиозных терминов и отсылок: он говорит о «руинах души» и утверждает, что итальянцы должны восстановить чувство «общности и солидарности» [7].

Таким образом, мы видим, что речь Б. Грилло направлена на то, чтобы убедить аудиторию, что он подвержен той же несправедливости и испытывает те же страдания, что и все итальянцы. В качестве популистского лидера комик пытается себя позиционировать как обычного гражданина, который беспокоится о будущем своих детей, а причины его политического участия в жизни страны являются чисто альтруистическими [6]. Другими словами, Б. Грилло удается создать сильную эмоциональную связь между ним и народом.

В ходе исследования нами были также выделены базисные элементы политического дискурса Б. Грилло: общество как инструмент противодействия власти, «враги общества».

Кратко представим характеристику каждого из них.

Общество как инструмент противодействия власти

По словам Б. Грилло, граждане не должны доверять политикам решение своих проблем; он просит свою аудиторию участвовать в политике «непосредственно», чтобы стать частью трансформации институтов, внести свой вклад в благоустройство «прямой демократии» [7]. Прежде всего он обращается к активным пользователям Интернета и призывает их участвовать в обсуждениях на форуме, создавая виртуальные сообщества. Он говорит следующее: «Я прошу людей не доверять нам, а участвовать вместе с нами, это разные вещи. Потому что мы — это идея, родившаяся в Сети» [Там же]. Этот новый взгляд на политический мир Б. Грилло ассоциирует с бесконечными возможностями и развитием демократии.

Как утверждает М. Канован, «популисты обычно характеризуют себя как единственных истинных демократов, которые могут дать людям шанс быть услышанными» [2, 4]. Б. Грилло убежден, что необходимо наделить властью обделенных вниманием граждан вместо испорченных и профессионально несостоятельных политиков [7]. Люди должны объединиться и стать способными взять власть в свои руки без необходимости какого-либо посредничества: «Все избиратели M5S должны лично участвовать в политике, в противном случае лучше им не голосовать вообще» [1].

В парламенте Б. Грилло хочет видеть «женщин, которые работают, женщин, которые поднимают троих детей», потому что «это те люди, которые действительно понимают, что такое справедливость, экономика и политика» [7]. Самое главное для кандидатов — быть «приличными» и «нормальными» людьми, которые занимаются политикой исключительно из-за своего энтузиазма.

Политики, журналисты и «капиталисты» как «враги общества»

Б. Грилло направляет свою критику главным образом в сторону трех элит: политических деятелей, «капиталистов» (имеются в виду банкиры, менеджеры, промышленники и транснациональные корпорации) и журналистов.

По словам Б. Грилло, самый главный «враг» — это политический истеблишмент, и фундаментальная миссия М5S состоит в том, чтобы смести с лица земли всех политиков, так как они «психически больны» и «бессильны», потому что не понимают законы, которые утверждают или отклоняют в парламенте [7]. Он говорит: «Они профессионалы, когда речь заходит о ток-шоу или интервью, но на практике, в парламенте, они даже не знают, что они делают» [Там же]. Политики практически приравниваются к инопланетной расе, которая полностью отделена от реальности. Б. Грилло объясняет, что «они живут в параллельном мире, и мы должны повесить табличку на двери в Монтечиторио² с надписью “Внимание, это выход в реальность”». По его словам, депутаты сознательно держат себя вдали от обычных людей, таким образом становясь совершенно не в состоянии столкнуться с настоящими проблемами. Он отмечает, что «они [политики] встречаются между собой в кафе и ресторанах, находясь под постоянной защитой своих телохранителей, они выходят из своих бронированных автомобилей только для того, чтобы войти в свои бронированные офисы». Все эти риторические приемы служат для демонстрации непреодолимого разрыва между «гриллини» и другими политическими силами. Итальянские политики далеки от народа также на моральном уровне: они «правонарушители по закону», и, даже если Б. Грилло признает, что в парламенте есть несколько честных политиков, он считает, что «как только джентльмены идут на компромисс с гнилой системой, они в конечном счете становятся такими же, как и все остальные» [Там же]. Таким образом, становится вполне объяснимым и в некотором роде ожидаемым его заявление о собственном моральном превосходстве: «Когда вы [политики] получаете субсидии от партии и не говорите ничего, вы, конечно же, не воруете. Потому что закон позволяет вам их получать, но это ваше моральное решение, а ваша мораль отличается от моей, я не получаю эти субсидии, потому что это не в моей ДНК — брать деньги, которые не принадлежат мне» [Там же].

Различие между рядовыми гражданами и политиками состоит не только в принципах и идеалах, оно касается прежде всего этики. Как следствие, Б. Грилло не признает действительным разделение между правыми и левыми и утверждает, что «идеи не являются ни левыми, ни правыми» [Там же] и что нет никакой разницы между политиками, потому что «они все одинаковые» [1].

По словам Ф. Паниццы, одним из условий возникновения популизма является «исчерпание политических традиций и дискредитация политических партий» [10, 12]. Это отражено в декларации Б. Грилло: «Честность и партии не могут существовать вместе» [1].

Журналистов Б. Грилло презирает почти так же сильно, как и политиков. Комик утверждает, что итальянские журналисты являются слугами политиков и несут

² Палаццо Монтечиторио — дворец в Риме, в котором заседает Палата депутатов Италии.

ответственность за изображение М5S как группы сбитых с толку послушников, покоренных деспотичным демагогом [6]. По мнению Б. Грилло, итальянские журналисты виноваты в апатии и невежестве итальянского народа, так как они подпитывают бесполезные споры и сплетни политиков с целью повышения их популярности и рейтингов. Они объединяют усилия с политиками, чтобы обмануть граждан и, следовательно, являются частью касты, которую Б. Грилло хотел бы свергнуть. Он утверждает: «Если бы у нас не было средств массовой информации, мы не были бы в этой ситуации: они полностью поработили людей» [Там же].

Журналисты описываются как кровососы, которые знают, что сторонники М5S являются глотком свежего воздуха в политической панораме, и хотят использовать их, чтобы иметь более высокие рейтинги. Политические ток-шоу считаются искусственно созданными и переполненными недобросовестными журналистами, т. е. ток-шоу — это не что иное, как ловушки, «направленные на то, чтобы извлечь худшее из вас» [7]. Кроме того, Б. Грилло проводит четкое разграничение между итальянскими и иностранными журналистами, утверждая, что итальянская журналистика «преступна» [Там же] и «больна» [6].

Стоит заметить, что Б. Грилло утверждает, что итальянская пресса на самом деле не «бесплатна», потому что она находится под контролем финансовых элит, банков и партий, выживает только благодаря государственным субсидиям [Там же]. Важно подчеркнуть, как финансовые, политические и медиаэлиты рассматриваются в качестве блока, который вступает в сговор против народа.

По общему признанию, третьей категорией «врагов», которых идентифицирует Б. Грилло, являются «капиталисты». Под этим термином он подразумевает все виды физических лиц — от банкиров и менеджеров до «ленивых промышленных магнатов» и «транснациональных корпораций, которые покупают все супермаркеты на аграрном рынке» [1]. Эта группа людей провоцирует появление огромного количества теорий заговора в популистских дискурсах, объясняющих их существующее богатство и власть: рассуждение заменяется обращением к здравому смыслу обычных граждан, а объяснения становятся посредственными доказательствами.

Что поражает больше всего в этом и других случаях, так это прямолинейность и простота Б. Грилло даже при попытках выяснить, почему капиталистическая система рухнула, что представляет собой экономика, почему экономический рост не приносит большего числа рабочих мест и т. д. П. Корбетта и Э. Гуальмини полагают, что это «гиперупрощение» языка является одной из основных характеристик популистской риторики, и в этом смысле популизм Б. Грилло не отличается от классического популизма, который «метался между утопией и непрактичностью» [4, 207].

Подводя итог, можно сказать, что в своих речах Б. Грилло отделяет трудолюбивых и честных граждан, которые вместе образуют монолитный блок добропорядочных людей, от политиков, журналистов и «капиталистов». Он старается продемонстрировать гражданам, что он является одним из них и испытывает те же сложности. Дискурс Б. Грилло нацелен на формирование прочной связи между ним и каждым из его сторонников. Он предлагает новый способ взгляда на ситуацию, обеспечивая итальянцев как объяснениями, так и решениями. Неоспорим

факт того, что Б. Грилло является ярким примером популистского лидера и использует популистский дискурс с целью убедить его аудиторию в эффективности своего «рецепта» власти, который он готов передать простым людям.

Таким образом, исходя из анализа интервью Б. Грилло, можно выделить следующие факторы успешности М5S:

1) смена политической парадигмы внутри итальянского государства: М5S — это своеобразная реакция на политические партии и укоренившиеся, многолетние и неизменные центры силы. Феномен Б. Грилло — это не что иное, как признак того, что «политика обязательно должна идти в ногу с меняющимся обществом» [3, 69];

2) успешные лозунги и обещания, выдвигаемые при общении с электоратом: поддержка создания «зеленых» рабочих мест, отказ от загрязняющих окружающую среду изобретений, в том числе мусоросжигательных печей и высокоскоростных железных дорог с целью добиться «общего улучшения качества жизни и большей социальной справедливости» [9];

3) активное использование Интернета, которое воспринимается как один из способов решения многих социальных, экономических и экологических проблем. Этот подход имеет сходство с североамериканским киберутопизмом³ и «калифорнийской идеологией»⁴;

4) использование идеологических принципов М5S, основывающихся на идее прямой демократии как эволюции представительной демократии. Данная концепция заключается в том, что граждане больше не должны делегировать свои полномочия партиям, которые считаются старыми и коррумпированными посредниками между государством и обществом и которые служат интересам лоббистских групп и финансовых магнатов. Им это удастся только путем создания коллективного разума, который стал возможным благодаря Интернету. Так, например, М5S выбирает своих кандидатов в депутаты в итальянский и Европейский парламент путем онлайн-голосования среди зарегистрированных пользователей блога Б. Грилло [8]. Через доступное в Сети приложение под названием «Операционная система» пользователи обсуждают, утверждают или отклоняют законодательные предложения (представленные в парламенте М5S). Например, избирательный закон М5S был сформирован посредством серии онлайн-голосований [5]. Партнерство с Партией независимости Соединенного Королевства также было принято решением онлайн-голосования, хотя варианты для выбора фракции Европарламента были ограничены: Европа свободы и демократии (EFD), Европейские консерваторы и реформисты (ECR) и независимые депутаты Европейского парламента. Некоторые избиратели хотели бы иметь возможность выбрать «зеленых» — Европейский свободный альянс (EFA).

³ Киберутопизм — это идея, состоящая в том, что онлайн-технологии содержат огромный потенциал эмансипации, который действует с единой целью: разрушить гнетущие структуры и авторитарные режимы.

⁴ «Калифорнийская идеология» — идеология, сопровождающая развитие информационных технологий. Это вера в то, что информационные технологии способны самим фактом своего внедрения обеспечить кардинальную перестройку всей системы отношений в любой социальной сфере и любом социальном институте.

Преимуществом Б. Грилло стало то, что он смог мотивировать даже неподготовленных людей на участие в политической жизни страны, и это говорит о нем как о популистском лидере.

В заключение можно сказать, что в интервью иностранным журналистам Б. Грилло демонстрирует полный арсенал популистских приемов, при помощи которых ему удается приобретать высокую популярность среди избирателей Италии. В простых и понятных среднему итальянцу выражениях он объясняет, почему не нужно голосовать за традиционные политические силы и каким образом итальянцы могут стать субъектом политических процессов. При этом политик дистанцируется от ответственности за принятие тех или иных решений, законопроектов, действий, но обеспечивает своей партии стабильно высокий уровень популярности. Широкий спектр популистских инструментов в речах и интервью Б. Грилло позволяет ему с высокой трибуны озвучивать и довольно резкие для европейской политической риторики тезисы, сохраняя при этом свое положение в политической системе Италии.

1. Beppe Grillo intervista alla Radio Televisione Francese // YouTube [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=svC0vEy8e0A (accessed: 27.04.2016).
2. *Canovan M.* Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy. Political Studies. 1999. Vol. 47, № 1. P. 2–16.
3. *Civati G.* La rivendicazione della politica. Arezzo : Fuorionda, 2012.
4. *Corbetta P., Gualmini E.* Il partito di Grillo. Bologna : Il Mulino, 2013.
5. Ecco la legge elettorale del M5S preannunciata da Casaleggio // Europa Guotidiano [Electronic resource]. URL: <http://www.europaquotidiano.it/2014/05/19/la-legge-elettorale-dei-cinquestelle-con-il-nostro-testo-si-puo-votare-domani> (accessed: 30.04.2016).
6. Intervista di Beppe Grillo con RSI 17/04/2013 // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=CZvtf8qzksY> (accessed: 27.04.2016).
7. Intervista Integrale a Beppe Grillo della Tv Pubblica Svedese // YouTube [Electronic resource]. URL: https://www.youtube.com/watch?feature=player_embedded&v=mVpu-hZPUiI#at=2003 (accessed: 27.04.2016).
8. Italy's Five Star protest party makes waves // BBC News [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-europe-20643620> (accessed: 30.04.2016).
9. La Fiom strizza l'occhio ai grillini. L'idea: fare una lista degli scontenti // La Repubblica. [Electronic resource]. URL: http://www.repubblica.it/politica/2012/08/20/news/la_fiom_strizza_l_occhio_ai_grillini_l_idea_fare_una_lista_degli_scontenti_di_vera_schiavazzi-41217103 (accessed: 30.04.2016).
10. *Panizza F.* Populism and the Mirror of Democracy. L., 2005.
11. *Ruggiero L.* Grillo da ridere (per non piangere). Milano, 2003.
12. *Taggart P.* Populism. Buckingham, 2000.

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 930(470) + 327(410)“1930” + 327(44) “1930” +
+327(1-6) “1930”

Е. В. Лазарева
А. А. Чудинова

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ 1930-х гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье на основе анализа комплекса отечественной исторической литературы и источников исследованы основные направления политики Великобритании и Франции в балканских странах в период кризиса Версальской системы международных отношений. Показано, что Юго-Восточная Европа стала объектом политической и экономической экспансии великих держав и одним из главных очагов международных противоречий. Отмечено, что Балканы использовались Лондоном и Парижем как поле для маневрирования в поисках соглашения с Германией. Сделан вывод, что основными причинами потери влияния Англии и Франции в регионе стали несогласованность их политики на Балканах, а также отсутствие в Европе действенной системы коллективной безопасности.

Ключевые слова: политика Великобритании, Франции, страны Балканского полуострова, международные отношения, отечественная историография.

Балканы, ставшие с начала XX в. «пороховым погребом Европы», на протяжении всего столетия и до настоящего времени остаются местом столкновения интересов крупнейших государств — Великобритании, Франции, Германии, России. Страны Балканского полуострова занимали чрезвычайно выгодное геостратегическое положение. Им принадлежала значительная часть побережья Адриатического моря с крупными портами и перекрестками важнейших сухопутных путей, ведущих из Центральной и Западной Европы в Южную и далее — в Малую Азию. При этом балканские государства обладали значительными природными ресурсами и являлись важной базой аграрного производства. В этих условиях нерешенность на полуострове территориальных, этнических, конфессиональных и других проблем обусловила многочисленные внутренние вооруженные конфликты, происходившие в регионе вплоть до начала XXI в. с прямым или косвенным участием великих держав.

Исследование взаимоотношений европейских держав накануне Второй мировой войны имеет большое значение для выявления глобальных и локальных факторов обострения международных конфликтов. Одним из основных очагов противоречий великих держав в предвоенный период стали государства Юго-Восточной Европы. Именно этот регион был ареной особенно острой борьбы интересов противоборствующих политических группировок. Режимам «оси» Берлин — Рим противостояли Англия и Франция, повлиять на ситуацию стремился и СССР, вследствие чего страны Юго-Восточной Европы втягивались в орбиту глобальных политических процессов.

В силу этих причин вполне закономерен широкий научный интерес историков к проблеме политики великих держав на Балканах, которая наиболее активно разрабатывалась в нашей стране в 1970–1980-х гг., а затем в 2000-х гг. Значительный

вклад в исследование процессов в Юго-Восточной Европе в 1930-е гг. внесли ученые кафедры новой и новейшей истории УрГУ — И. Н. Чемпалов, В. А. Буханов, Ю. С. Кирьяков, В. И. Михайленко, А. С. Постников, С. И. Рябоконт и др.

Изучение направлений, форм и методов проведения политики великих держав в отношении стран Балканского полуострова предпринято исследователями В. И. Авершиным, В. К. Волковым, Л. Я. Гибианским, А. О. Наумовым, Н. С. Соришом, К. В. Федоровым и др.

В трудах отечественных авторов получили развитие такие аспекты проблемы, как роль балканских стран в военных приготовлениях держав «оси» — Германии и Италии, политические интересы СССР, дипломатия Англии и Франции на Балканах в период кризиса в Европе и др.

Для британского и французского присутствия на Балканах, по мнению И. Н. Чемпалова, период между мировыми войнами был настоящим звездным часом. Это время ознаменовалось наличием лояльных к Англии и Франции региональных союзов: Малой Антанты — альянс Чехословакии, Румынии и Югославии, а также Балканской Антанты — союз Греции, Румынии, Турции и Югославии. Данные объединения государств региона не включали лишь Болгарию [1, 62] и Албанию. Однако со второй половины 1930-х гг. Германия начала активные действия по вытеснению с Балкан их традиционных покровителей — Англии и Франции [2, 25]. Перед началом Второй мировой войны соперничество этих двух блоков обострилось, что повлияло на развитие всего Балканского региона. Отметим также, что Югославия, как крупнейшее государство региона, играла весьма важную роль в деятельности обеих Антант. Вообще, Югославия демонстрировала полную лояльность по отношению к Великобритании. И связано это было в первую очередь с тем, что белградское правительство, представлявшее в основном сербскую политическую элиту, именно Великобритании было обязано появлением на карте Европы королевства, объединившего в своих границах значительную часть югославянского мира, в том числе внушительный кусок бывшей Австро-Венгрии.

Что касается Франции, то с целью укрепления своих позиций в регионе она проводила переговоры со странами Малой Антанты о создании Восточного пакта — системы коллективной безопасности на Востоке — и признании балканскими странами Советского Союза. Переговоры Л. Барту со странами — участницами Малой Антанты летом 1934 г. С. И. Рябоконт определил как триумф французской дипломатии [3, 105]: Чехословакия, Румыния, Югославия, следовавшие в фарватере французской политики, выразили готовность участвовать в создаваемой системе. Однако переговоры между королем Югославии Александром I и французским министром иностранных дел Л. Барту, призванные претворить проект в жизнь, были сорваны их убийством.

Одновременно с активизацией Франции в регионе Великобритания проводила политику борьбы за европейскую стабильность и стремилась построить такую экономическую систему, которая бы позволила ей поддерживать стабильность в Европе без принятия твердых военных обязательств перед странами континента — кто бы они ни были. Германская проблема для Великобритании существовала, но из Лондона было хорошо видно, что амбиции Берлина в основном касаются

континентальных, а не морских пространств. Поскольку Британия была островной державой, германская мощь беспокоила ее в основном в той части, которая касалась военно-воздушных сил. Но самое главное — при любых обстоятельствах Британия не хотела быть вовлеченной в войну на материке, если это напрямую не затрагивало ее безопасности. Во второй половине 1930-х гг. положение Великобритании заметно осложнилось. Современные исследователи подчеркивают, что только после войны в Эфиопии и ремилитаризации Рейнской зоны британское правительство впервые предусмотрело существенное увеличение военного бюджета. Но в абсолютных цифрах он уступал итальянскому и составлял всего треть германского [4, 263].

По данным В. И. Авершина, французские правящие круги осознавали, что тесное сотрудничество Румынии с СССР повлечет за собой усиление в ней влияния Советского Союза в ущерб Франции. Поэтому Париж фактически тормозил заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Румынией. Заместитель начальника французского генштаба генерал Швейсгут, будучи на маневрах румынской армии, настойчиво рекомендовал румынскому правительству замедлить сближение с СССР. Депутат французского парламента де Монзи, побывавший в октябре 1935 г. в Румынии, предупредил главу Румынии Титулеску, что попытки углубить советско-румынское сотрудничество не пользуются популярностью во французских правящих кругах [5, 50]. В этих условиях антисоветская позиция Югославии находила поддержку со стороны министра иностранных дел Франции Лавалья. Прибывшему в сентябре 1935 г. в Париж Стоядиновичу Лаваль рекомендовал не идти на сближение с СССР [Там же, 51]. Белград принял активное участие в дипломатических интригах, направленных на срыв советско-румынских переговоров, опасаясь в случае их успеха оказаться в изоляции.

Кроме того, с точки зрения З. С. Белоусовой, серьезным препятствием для заключения советско-румынского пакта о взаимной помощи стала задержка французским правительством ратификации союзного договора с СССР [6, 242]. В этих обстоятельствах заключение договора между СССР и Румынией могло повлечь за собой вступление Советского Союза в войну с Германией в случае нападения последней на Румынию, но без обязательств Франции тоже выступить против агрессора [7, 311]. Важно заметить, что закулисным вдохновителем антисоветских интриг в Румынии выступала Англия. Британское правительство, активно проводя политику попустительства агрессии, стремилось не допустить создания эффективной системы пактов о взаимопомощи, усматривая в ней угрозу своим планам направить фашистскую агрессию на Восток — против СССР. Как следует из документов, правящие круги Англии фактически способствовали подрыву французской системы военно-политических союзов в Европе, рассчитывая на то, что ослабленная Франция будет не в состоянии проводить самостоятельный внешнеполитический курс и полностью подпадет под влияние Лондона. Показательно, что Берлин, хорошо осведомленный о настроениях, царивших в британских правящих кругах в отношении усилий Советского Союза, направленных на коллективное обеспечение мира, рассчитывал использовать английское влияние в Бухаресте для торпедирования советско-румынских переговоров [8, 130–140].

С другой стороны, в 1930-х гг. сами балканские государства активно занимались созданием внутривосточной системы безопасности. На двусторонней и многосторонней основе выстраивались отношения между соседями в регионе — Грецией, Югославией, Болгарией, Румынией, Венгрией, Турцией. Параллельно развивались связи с ведущими европейскими державами. Однако Н. Д. Смирнова отмечает, что ко второй половине 1930-х гг. Англия и Франция, озабоченные проблемами обеспечения собственной безопасности, постепенно теряли интерес и, как следствие, влияние в Юго-Восточной Европе. Однако снижение присутствия Англии и Франции на Балканах устраивало руководство стран региона, поскольку с середины 1930-х гг. некоторые из них уже сами стремились выйти из-под опеки Великобритании и Франции [2, 37–38].

К концу осени 1936 г. стало очевидно, что Франция уступает свои позиции в регионе: Париж согласовывал каждую акцию с Лондоном. Активизация переговоров со странами Малой Антанты в феврале 1937 г. была безрезультатна: Югославия, попавшая под влияние Италии и Болгарии, уже не была заинтересована в расширении своих обязательств по Малой Антанте. Поддерживаемые Англией, Югославия и Румыния продолжали уклоняться от участия во французском проекте: вопрос о пактах был снят, а попытки смягчить позицию Югославии вновь оказались безрезультатны.

По данным А. С. Постникова, к ноябрю 1937 г. Франция столкнулась с серьезным ослаблением своих позиций на Балканах. Причиной этого стали договоры, заключенные между Югославией, Италией и Болгарией, разрушившие солидарность, которая до сих пор объединяла участников пакта Малой Антанты. В этой ситуации ускорилось вытеснение Франции с Балкан, тем более что переговоры французского правительства и Малой Антанты оказались безрезультатными [9, 45].

Во многом поворотным моментом 1937 г. стал и для британской внешнеполитической доктрины, которая ознаменовалась развитием стратегии «умиротворения» фашистских режимов. На протяжении почти всего межвоенного периода Англия сохраняла за собой роль балансира, который мог контролировать соотношение сил между главными игроками на европейской сцене. Лондон имел собственное видение условий обеспечения равновесия сил в Европе. Как следует из британских источников, идея взаимного противопоставления континентальных стран при преобладании влияния Лондона на отношения между ними оставалась краеугольной для британской дипломатии [4, 282]. Премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен не считал континентально-европейские проблемы непосредственной угрозой британской безопасности [10].

Необходимо отметить, что европейский постверсальский гегемон, Великобритания, пала жертвой уверенности в своей способности поддерживать стабильность в Европе ценой минимальных издержек. Избежать военного конфликта в Европе было для Великобритании главной задачей, поскольку даже к концу 1930-х гг. у англичан не прошел шок от потерь в Первой мировой войне. Лондон полагал, что ограниченное примирение с претензиями Германии на расширение своего влияния предотвратит европейскую войну. Однако при этом британское правительство понимало, что реальной военной угрозы СССР не представляет.

Германия рассматривалась как средство военного сдерживания Советского Союза. Однако после гражданской войны в Испании в европейские дела СССР активно не вмешивался, а скорее являлся идеологическим противовесом фашистской экспансии. Лондон полагал, что он ничем не рискует, поскольку Версальский порядок и безопасность Великобритании гарантированы.

Следующим шагом, отодвинувшим на второй план британский стратегический интерес к Европе в целом и к Балканам в частности, стали Мюнхенские соглашения 1938 г. Этот договор обусловил дальнейшее ослабление влияния Англии в Юго-Восточной Европе [11, 3]. Распалась Малая Антанта, углубился кризис Антанты Балканской. К. В. Федоров подчеркивал, что присоединение Судетской области к Германии значительно увеличило гитлеровский военно-экономический потенциал и укрепило ее стратегические позиции в Европе за счет Великобритании [Там же, 73].

Российскими учеными установлено, что к концу 1930-х гг. Англия и Франция, проигрывая Германии в военно-политическом отношении, предприняли ряд шагов (прежде всего дипломатических) по усилению своего экономического влияния в странах Юго-Восточной Европы [12, 14–15]. Осенью 1938 г. правительства балканских стран пытались получить экономическую помощь у Англии и Франции. Но греческий и румынский короли и югославский принц-регент покинули Лондон с пустыми руками. Тщетными, по утверждению И. Н. Чемпалова, оказались и попытки Болгарии получить помощь у западных держав [1, 16]. Внешнеполитический комитет британского кабинета 21 ноября 1938 г. обсуждал меморандум Лейт-Росса о торговле со странами Юго-Восточной Европы. На этом заседании Лейт-Росс заявил: «Мы не можем позволить Германии делать в Центральной Европе все, что она пожелает. Мы должны защищать британские коммуникации в Средиземноморье, обеспечить дружественные отношения с Португалией, Испанией, Италией, Грецией, Турцией и Египтом» [4, 77]. Возможная экономическая помощь балканским странам интересовала правительство Чемберлена лишь как вспомогательное средство укрепления британских позиций на подступах к Ближнему Востоку и как один из методов воздействия на Гитлера с целью заставить его быть более уступчивым в колониальном вопросе. Неудивительно, что на заседании 21 ноября не было принято никаких решений, способных помочь странам Юго-Восточной Европы противостоять германскому прессингу [13].

Анализируя проблему снижения влияния в Юго-Восточной Европе, исследователи указывают, что расчеты Парижа на укрепление своих позиций на Балканах после подписания договоров между Румынией, Болгарией и Грецией не оправдались. К моменту Мюнхенской конференции Франции не удалось окончательно привлечь на свою сторону Турцию. Балканская Антанта после Салоник переживала кризис, а Болгария так и не вступила в состав этого союза [14, 73]. Судетский кризис привел к краху Малой Антанты, а вслед за ней практически перестала существовать Балканская Антанта, превратившаяся в формальное объединение, которое уже не представляло единой позиции.

Следствием Мюнхена, как полагают историки, стала рухнувшая система договоров о взаимопомощи Париж — Прага — Москва, которая могла стать главной преградой на пути фашистской агрессии [12, 75]. В ноябре 1938 г. правительство

Чемберлена известило Францию о своем отказе заключить англо-франко-турецкий союзный договор, которого настойчиво добивалась французская дипломатия.

В условиях развития предвоенного кризиса 21–22 марта 1939 г. в Лондоне прошли англо-французские переговоры. Стороны согласились, что нужно сосредоточить свое внимание на Румынии, а также обеспечить ей поддержку со стороны Польши. Н. Чемберлен и Э. Галифакс пытались убедить французских партнеров в важности устранения СССР из переговоров. Они полагали, что главная их цель — налаживание польско-румынского взаимопонимания [15, 457]. Ситуация изменилась 7 апреля 1939 г. с вторжением итальянских войск в Албанию, в результате чего обострилась угроза фашистской экспансии в сторону Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Понимая сложность положения, французский посол в Лондоне Ш. Корбэн встретился с Э. Галифаксом для обсуждения этого вопроса. После заседания Комитета национальной обороны Франции 8 апреля премьер-министр Э. Даладьё и министр иностранных дел Ж. Боннэ сообщили английскому послу в Париже Э. Фиппсу о готовности Франции вступить в войну с Италией при условии, что и Англия тоже начнет военные действия [16, 148].

Подчеркнем, что регион Юго-Восточной Европы накануне Второй мировой войны использовался Англией и Францией в качестве поля для маневрирования в поисках соглашения с Германией. В 1939 г. по инициативе британской дипломатии были возобновлены переговоры между Болгарией и Балканской Антантой. Однако главным препятствием на пути к нему были не разногласия между Балканскими странами, а позиция Англии и Франции. По мнению Ю. С. Кирьякова, Лондон и Париж стремились, с одной стороны, превратить Балканскую Антанту в орудие давления на Берлин, а с другой стороны, сохранить разделение Балканского пакта на фланги: южный (Турция и Греция) и северный (Румыния и Югославия). Это позволило бы им продолжать торг с Германией за счет балканских стран [17, 16].

Опасаясь продвижения держав «оси» через Балканы на Ближний Восток и к Средиземному морю, а также в целях влияния на Италию и Германию Париж и Лондон пытались привязать к себе Грецию, Польшу и Румынию, предоставив им кредиты [18, 79]. Франция и Великобритания выработали план «удара по источникам снабжения Германии стратегическим сырьем из балканских стран», пытались упрочить свое влияние с помощью новых договоров со странами Балканской Антанты и рассматривали возможность привлечения стран к военной операции [19, 130]. Однако время было упущено: к концу 1930-х гг. Германия методично и последовательно втягивала Балканы в орбиту своих экономических и геополитических интересов [8, 25].

Отмечая колебания британского внешнеполитического курса в условиях надвигающегося военно-политического кризиса, Н. С. Сориш установил, что в начале 1939 г. английское правительство вновь подняло вопрос об оказании экономической помощи странам Юго-Восточной Европы. На заседании внешнеполитического комитета было принято решение предоставить Греции и Румынии кредиты (соответственно 2 и 1 млн фунтов стерлингов). При этом болгарский посланник в Англии сообщал в Софию, что Лондон признает германской сферой влияния все страны Восточной и Юго-Восточной Европы за исключением Турции и Греции [20, 81].

В феврале 1940 г. в Афинах был заключен договор с правительством Греции о предстоящей высадке здесь британского экспедиционного корпуса. Что касается попыток английской дипломатии привлечь на свою сторону Югославию, то они успеха не имели. 28 октября 1940 г. Италия, после ультиматума Греции и его отклонения греческим руководством, начала вторжение на северо-запад страны с территории Албании. Англия сразу же предприняла попытки привлечь Грецию, Турцию и Югославию к объединению для совместного противодействия фашистской агрессии [10]. Английское правительство выстраивало планы на то, что такое столкновение сможет перерасти в вооруженный конфликт между СССР и Третьим рейхом, что отвлекло бы внимание гитлеровского руководства от Балканского полуострова. Но события развивались иначе.

С началом Второй мировой войны Франция не предприняла активных действий по сопротивлению германской агрессии. Подписанное 22 июня 1940 г. франко-германское перемирие привело к усилению Германии в Юго-Восточной Европе, а вслед за поражением англо-французского блока разрушилась система англо-французских военно-политических союзов на Балканах.

Подводя итог анализа отечественными историками балканской политики Великобритании и Франции, выделим следующие моменты. Во-первых, учеными установлено, что в 1930-е гг. государства Балканского полуострова стали объектом политической и экономической экспансии великих европейских держав, и, как следствие, регион был одним из главных очагов противоречий. Во-вторых, отмечено, что этот регион использовался Лондоном и Парижем в качестве поля для маневрирования в поисках соглашения с Германией. Активизация Британии и Франции в Юго-Восточной Европе в конце 1930-х гг. преследовала двоякую цель: с одной стороны, Гитлер должен был сделать вывод, что он не стал еще полновластным хозяином в этом регионе. Чтобы стать им, он, по замыслу западной дипломатии, должен был отказаться от претензий на колонии и направить агрессию против СССР. С другой стороны, английские и французские экономические миссии должны были оживить в балканских странах надежды на помощь Запада в противостоянии германской экспансии и таким образом предотвратить их обращение за поддержкой к Советскому Союзу. Достичь поставленной цели английской и французской дипломатии удалось лишь частично. Основными причинами потери их влияния на страны региона стали несогласованность политики этих двух великих держав на Балканах и отсутствие действенной системы коллективной безопасности в Европе.

---

1. *Чемпалов И. Н.* Борьба за нефть в период Второй мировой войны // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время. Екатеринбург, 2003.

2. *Смирнова Н. Д.* Балканская политика фашистской Италии: Очерк дипломатической истории (1936–1941 гг.). М., 1969.

3. *Рябокоть С. И.* Дипломатическая деятельность Луи Барту в странах Малой Антанты в период переговоров о Восточном пакте // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время. Свердловск, 1987. № 14.

4. Системная история международных отношений / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1 : 1918–1945. М., 2006.
5. *Авершин В. И.* Борьба СССР за коллективную безопасность на Балканах (июнь — декабрь 1936 г.) // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время.
6. *Белоусова З. С.* Франция и европейская безопасность 1929–1939 гг. М., 1976.
7. Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1964.
8. Внешняя политика СССР: Документы и материалы. Т. 5. М., 1968.
9. *Постников А. С.* Переговоры Франции и стран Малой Антанты о заключении договора взаимопомощи (июнь 1936 — апр. 1937) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1932–1945). Свердловск, 1984. № 12.
10. Документы и материалы кануна Второй мировой войны, 1937–1939 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/dokum/193_dok/1937_1939.php. (дата обращения: 02.04.2013).
11. *Чемталов И. Н.* Политика великих держав в дунайском бассейне и на Балканах в конце 1938 — начале 1939 г. // Международные отношения в Новейшее время. Свердловск, 1972.
12. *Федоров К. В.* Советская политика в Дунайском бассейне и на Балканах с октября 1938 по 15 марта 1939 г. // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время.
13. Документы и материалы МИД СССР, 1990 [Электронный ресурс]. URL: [ttp://www.katyn-books.ru/year/list.htm](http://www.katyn-books.ru/year/list.htm) (дата обращения: 18.04.2013).
14. *Постников А. С.* Салоникское соглашение 31 июля 1938 г. и позиция Франции // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время. Свердловск, 1981. № 9.
15. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Ser. 3. Vol. 4. № 484.
16. Ibid. Ser. 3. Vol. 5. № 103.
17. *Кирьяков Ю. С.* Болгаро-германские отношения накануне Второй мировой войны (1938 — август 1939) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1975.
18. *Чемталов И. Н.* Германская экспансия на Балканах в 1933–1938 гг. // Учен. зап. Урал. ун-та. Свердловск, 1958. № 25.
19. *Чемталов И. Н.* Политика великих держав на Балканах в период предвоенного политического кризиса в Европе (март — август 1939 г.) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1941). Свердловск, 1979. № 5.
20. *Сорши Н. С.* Деятельность регионального нефтяного картеля в Румынии в 1939–1941 гг. // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в Новейшее время.

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 327(510:73)“2013/2016” + 327(1-61)“2013/2016” +
+ 929Си Цзиньпин

К. Г. Муратшина

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КИТАЯ И США ПОСЛЕ ПРИХОДА К ВЛАСТИ «ПЯТОГО ПОКОЛЕНИЯ» РУКОВОДИТЕЛЕЙ КПК

Статья посвящена эволюции некоторых основных характеристик во взаимоотношениях двух крупнейших партнеров и соперников в Азиатско-Тихоокеанском регионе — Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки — и появлению в двустороннем взаимодействии новых черт после прихода к власти в КНР «пятого поколения» партийных руководителей во главе с Си Цзиньпином. Для анализа выбран период с 2013 по 2016 г. Рассматриваются отношения двух стран в таких сферах, как торгово-экономическое взаимодействие, контакты на международной арене, конкуренция в военно-политическом плане и в сфере международной интеграции. В том числе уделено внимание таким конкурентным проектам, как отвечающее в значительной мере интересам США Транстихоокеанское партнерство, с одной стороны, и комплекс региональных проектов Китая, с другой.

Ключевые слова: КНР, Си Цзиньпин, США, партнерство, соперничество, Азиатско-Тихоокеанский регион.

Взаимоотношения Китая и США — двух крупнейших по размерам экономики и военной мощи игроков в Азиатско-Тихоокеанском регионе — уже не первое десятилетие являются одним из наиболее весомых факторов, определяющих развитие всей региональной системы международных отношений, а также внешнюю политику обоих государств в регионе, двусторонние отношения обоих с другими партнерами — Россией, Японией, Австралией, Индией, странами АСЕАН — и даже некоторые тренды мировой экономики. Китайско-американские связи постоянно претерпевают эволюцию, сопровождаются различными проблемами, периоды охлаждения сменяются подъемом сотрудничества, а новшества в отношениях определяются как интересами государств в целом, так и международной обстановкой и политическим курсом отдельных лидеров. На современном этапе представляется возможным и достаточно важным и актуальным выделить и рассмотреть новые тенденции в отношениях двух государств, связанные с приходом к власти в 2013 г. «пятого поколения» партийных руководителей Компартии Китая во главе с Си Цзиньпином.

Первое, что необходимо отметить, — изначальную установку на высокий приоритет, отдаваемый отношениям с США во внешнеполитическом курсе нового генсека КПК и его «команды». Как заявил 17 марта 2013 г. на пресс-конференции по итогам сессии Всекитайского собрания народных представителей премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, «новое китайское правительство, как и предыдущее, уделяет большое внимание отношениям с Соединенными Штатами. Мы хотим установить с правительством Обамы отношения нового типа между двумя большими державами». Также ближайший соратник Си Цзиньпина отметил, что отношения с США

«отвечают коренным интересам народов двух стран, способствуют международному миру и развитию», а все имеющиеся противоречия должны преодолеваются «на основе взаимного уважения» и «не должны превалировать над совместными интересами» [29]. Это достаточно любопытная формулировка, но пока мы можем только строить прогнозы, что имеется в виду под «совместными» интересами, и вспоминать 1970-е гг., когда Р. Никсон и Мао Цзэдун говорили об установлении отношений, которые позволили бы США и Китаю «вместе изменить мир». Как вспоминает Генри Киссинджер, китайско-американские коммюнике того времени «изыскивали общее при сохранении разногласий». Бывший госсекретарь США отмечает, что обе страны видели отношения как «расчетливый, несентиментальный вид дружбы», а все несогласия должны были быть отброшены «для достижения желаемого результата — установления стратегического сотрудничества» [12, 270, 286–287], тогда явно направленного против СССР, а также во имя согласия в вопросах «роли Индии, Японии, Кореи, Тайваня, Вьетнама» [58].

В свое время Мао Цзэдун вынашивал идею американского участия в индустриализации Китая. «...Очевидно, что у России не будет ни добавочного капитала, ни технического персонала, способного помочь нам в индустриализации Китая», — говорил он сотруднику американской дипломатической службы в Китае Дж. Сервису в ходе одной из бесед. А в директиве ЦК КПК «О дипломатической работе» от 16 августа 1944 г. прямо говорилось о необходимости установления непосредственного военного сотрудничества Китая и США в Антияпонской войне, а далее — «культурного, политического и экономического сотрудничества» [18, 305]. Мао неоднократно подчеркивал на встречах с американцами, что Китаю важен «иностраннный капитал» для создания «капиталистической основы» экономики, что «китайские и американские интересы взаимосвязаны и близки друг другу... совпадают в экономическом и политическом отношениях» [Там же].

С 1949 г. отношения Пекина с Вашингтоном строились на желании КНР, чтобы США «открыто и недвусмысленно» признали Тайвань частью материкового Китая и отказались от «заботы о безопасности острова». И по сей день проблема Тайваня в отношениях Китая и США «остаётся игрой с нулевой суммой» [8, 298]. Мы добавим, что среди основных задач, которые КНР ставит в формировании своих отношений с США сегодня, также остаются получение американских технологий, инвестиций, политической поддержки. «Новый уровень» отношений, таким образом, продолжил и расширил направления, заложенные в прошлом веке.

Заместитель председателя КНР Ли Юаньчао 25 апреля 2013 г. в Пекине на встрече с первым заместителем госсекретаря США У. Бернсом подчеркнул, что, «вступив в новую важную стадию» отношений, обе страны «должны придерживаться направления, определенного лидерами двух государств, путем диалога укрепить стратегическое взаимодоверие, путем сотрудничества расширить слияние интересов, надлежащим образом урегулировать расхождения с целью устранить помехи, совместными усилиями строить отношения партнерства и взаимодействия, идти по пути развития отношений нового типа между державами» [22].

На какие оценки «новой стадии» отношений с США и роли Штатов в мире не скупился сам Си Цзиньпин, мы можем проследить по его выступлениям накануне переговоров с Барак Обама и после них в ходе официального визита в США

7–8 июня 2013 г. «Минуло уже 40 лет, — сказал Си Цзиньпин перед переговорами, — с того момента, как, благодаря политической воле, храбрости и мудрости стратегов, состоялось рукопожатие Китая и Соединенных Штатов, протянувших друг другу руки через Тихий океан. За эти 40 лет наши отношения прошли испытание временем, и это исторический прогресс для обеих стран и огромная выгода для обоих народов. Сегодня для китайско-американских отношений наступил важный исторический момент. Мы можем похвастаться широким совпадением интересов в самых разных вопросах... Нашим нациям необходимо развивать обмены и сотрудничество». Также председатель КНР особо подчеркнул, насколько не правы оказались «те, кто думал, что мы будем ждать саммита “Большой двадцатки” в Петербурге, чтобы встретиться. Мы уже здесь». Американский президент, в свою очередь, был более сдержан и отмечал, что отношения Китая с США «важны не только для безопасности обеих стран и для АТР в целом, но и для всего мира», «США приветствуют мирный подъем Китая как глобальной державы и заинтересованы в его успешном развитии», а над решением проблем прав человека, кибербезопасности и интеллектуальной собственности страны будут «совместно работать» [53].

После встречи тональность речей председателя КНР, которого к тому моменту, кстати, многие российские политики, политологи и журналисты уже успели записать в якобы потенциальные антиамериканские «союзники» России, приобрела еще более восторженный характер. «Китайская нация и американская нация — великие нации, — заявил Си. — Стоя во весь рост и смотря далеко, сохраняя уверенность в себе, целеустремленность, мудрость и спокойствие, мы можем добиться значительного прогресса, выполнить свою историческую миссию... Масштабы будущего сотрудничества между Китаем и США — огромны». Барак Обама, в свою очередь, отметил, что «переговоры прошли конструктивно и затронули весь спектр стратегически важных вопросов», «председатель Си хорошо подвел итог этим масштабным переговорам» и также выразил надежду на сотрудничество с Китаем в области климатической безопасности и устойчивого развития, на эффективное взаимодействие в военной сфере и общий «выход отношений на новый уровень» [52].

МИД КНР, в свою очередь, отметил «далекоидущее историческое и стратегическое значение встречи глав КНР и США» [5]. Однако, несмотря на важность этого первого официального визита Си Цзиньпина в США в должности председателя КНР, следует выделить и более ранний, неофициальный его визит еще задолго до назначения: с 13 по 18 февраля 2012 г. Си, еще в ранге заместителя председателя КНР (хотя в китайских и мировых СМИ уже неоднократно сообщалось, что преемником Ху Цзиньтао станет именно он), находился в США по приглашению лично вице-президента Джозефа Байдена. Он принял участие в 30 мероприятиях, провел встречи в Белом доме с президентом Обамой, встретился с лидерами конгресса и другими высокопоставленными деятелями, принял участие в бизнес-форумах. В штате Айова Си посетил ферму, школу и навестил «старых друзей», с которыми познакомился еще 27 лет тому назад, когда в 1985 г., будучи вице-мэром Сямэня, находился в Штатах на стажировке по методикам выращивания кукурузы [46].

Так в чем же видят «новый уровень отношений» Китая и США в КНР? Прежде всего, здесь подразумевается новое качество Китая, обретенное благодаря его уверенному и масштабному развитию. Это уже сформировавшаяся глобальная держава, по многим показателям приближающаяся к США или сравниваемая с их уровнем. Ли Кэцян не случайно подчеркнул, что сегодняшние китайско-американские отношения — это «отношения между двумя большими державами», т. е. равными. Можно отметить, что, по сути, это логичное продолжение «стратегического и экономического диалога» двух стран, официально оформленного Ху Цзиньтао и Бараком Обамой в 2009 г. вслед за неофициальным «экономическим диалогом», который был открыт Ху Цзиньтао и Джорджем Бушем-младшим в 2006 г., а впоследствии проводился на уровне представителей американского и китайского правительств под председательством министра финансов США и заместителя премьера Госсовета КНР [40]. Стратегический и экономический диалог можно определить как особую институциональную форму взаимоотношений государств, имеющую привилегированный характер и отличающуюся насыщенностью, многоуровневостью и постоянством контактов. Полное наименование этой формы отношений в китайском языке 中美战略与经济对话 (чжун мэй чжаньлюэ юй цзинцзи дуйхуа, «китайско-американский стратегический и экономический диалог»). Главный смысл, как представляется, заключен в двух словах: «стратегический» (указывает на осозанный, долговременный, продуманный, целеустремленный характер связей) и «диалог» (对 означает другую сторону совместного действия, а именно понятия «отвечать», «правильно», «верно»; входит в состав таких слов, как «симметрия», «равный», «паритетный», «парный», с одной стороны, и «соперничество», «противостоять», «контрмера», с другой, в любом случае обозначая взаимность; а 话 — разговор, т. е. мы можем увидеть здесь такой смысл: «диалог как разговор двух равных сторон, которые обе заинтересованы друг в друге и готовы двигаться навстречу друг другу»).

Далее, мы должны отметить увеличение частоты общения лидеров, появление все новых и новых участников диалога и, таким образом, расширение его амплитуды. Лидеры Китая и США и руководители более низких уровней регулярно проводят встречи, консультации, в том числе «на полях» всевозможных саммитов. В ходе визитов обсуждаются практически любые темы, происходит постоянный обмен мнениями. Особенно подчеркнем, что Китай все чаще обсуждает международные проблемы, не относящиеся к сфере его коренных интересов и интересов стран региона, в котором он утверждается в роли лидера. Времена Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя, чья политика состояла в умении «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное» [44, 473], остались далеко позади. Так, например, в ходе визита Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 г. стороны достигли взаимопонимания в таких вопросах, как ситуация в Афганистане, международные миротворческие инициативы, борьба с истреблением слонов ради продажи слоновой кости, забота об экосистеме Мирового океана, продовольственная безопасность беднейших стран, скоординированное участие

в работе международных гуманитарных организаций, создание диалогового механизма по борьбе с киберпреступностью, борьба с международным терроризмом, образовательные обмены и туризм [45].

Следующая особенность взаимодействия китайской и американской сторон на современном этапе — попытки формирования общей позиции, общего мнения или совместных инициатив. Именно этому посвящены участвовавшие взаимные визиты на уровне экспертов, дипломатов, отошедших от дел, но продолжающих играть ключевую роль в большой политике. Примером могут служить визиты в Китай Генри Киссинджера, который встречался с руководителями самого высокого уровня, в том числе с руководителями военных структур КНР [41], встречи Мадлен Олбрайт с китайскими правительственными чиновниками [25]. Общий уровень политического взаимодействия позволяет американским синологам оперировать понятием «Chimerica» и рассуждать о способах дополнительного укрепления сотрудничества в рамках этого феномена взаимоотношений, несмотря на имеющиеся разногласия [54].

А разногласий у сторон «стратегического диалога» немало, и они, в отличие от форм взаимоотношений, как показывает анализ, практически не меняются с течением времени. Кроме уже упоминавшегося вопроса о статусе Тайваня и военной помощи ему со стороны США [13], основными проблемами во взаимоотношениях Китая и США остаются объективное противодействие интересам Китая в АТР со стороны военного союза США, Японии и Южной Кореи [10], непримиримые противоречия в позиции американской и китайской сторон относительно территориальных споров вокруг островов Восточно-Китайского [56] и Южно-Китайского морей [59], демпинг цен со стороны китайских производителей на американских рынках [26], хакерские атаки [7], вопрос о соблюдении прав человека. Интересно, что действия сторон, связанные с последними двумя проблемными сферами, приобрели в течение рассматриваемого нами периода подлинно взаимный характер. Так, Китай уже не только бурно реагирует на постоянную критику со стороны США касательно соблюдения прав человека [61], но и отвечает в адрес Штатов встречными обвинениями [57]. Учитывая, что в собственной внутренней политике Соединенные Штаты не в состоянии решить достаточно большое количество проблем и найти решение тлеющих межэтнических конфликтов [32], это выглядит вполне логично.

Инциденты в сфере кибербезопасности также становятся симметричными и представляют собой постоянный «обмен любезностями»: в СМИ информационные сообщения об атаках китайских хакеров на правительственные учреждения США [2] чередуются с заявлениями из КНР о «незаконной прослушке американскими спецслужбами китайских компаний» [30]. Кроме того, можно отметить и соперничество двух стран в глобальном информационном пространстве. США осуществляют мощную информационную экспансию в стратегически важных регионах, которые Китай считает зоной своих потенциальных интересов: это хорошо заметно на примере стран Центральной Азии [42, 79–80]. Таким образом, Вашингтон составляет Пекину серьезную конкуренцию в «мягкой силе».

В современном мире, как известно, соперничество стран нередко сопровождается сетевыми войнами, основными технологиями которых являются

поддержка «цветных революций» и сепаратистских движений, распространение «искаженной информации», атаки хакеров и тому подобное [17, 161]. Действия Китая и США в отношении друг друга на современном этапе напоминают скорее лишь постоянный сетевой обмен своеобразными «уколами», причем — и это тоже можно считать особенностью нынешнего уровня взаимодействия двух стран — на паритетной основе.

Сравнительно новым направлением китайско-американских отношений можно назвать все более широкое сотрудничество в военной области, сопровождающееся, однако, явно выраженным недоверием между сторонами. Данная сфера взаимоотношений стала предметом обсуждения в рамках «стратегического диалога» и оформлена в виде «раундов двусторонних консультаций по стратегической безопасности и многостороннему контролю над вооружениями». Как отмечается в центральных китайских СМИ, в ходе подобных консультаций стороны «обмениваются мнениями по созданию китайско-американских отношений нового типа между крупными державами, региональным “горячим точкам”, многостороннему контролю над вооружениями... по продолжению диалога и сотрудничества на основе взаимного уважения, равенства и взаимной выгоды, укреплению взаимодоверия в сфере стратегической безопасности, продвижению развития китайско-американских отношений и направлению совместных усилий на защиту мира и стабильности в регионе и в мире в целом» [15].

Наличие компромиссов между Китаем и США в военной сфере отчасти соответствует распространенной в международных исследованиях точке зрения о малой, по мнению экспертов-конфликтологов, вероятности прямых интенсивных конфликтов между «великими державами», главную роль во взаимоотношениях которых и в «определении методов достижения целей в конфликтах» играют «рациональные факторы», тогда как «открытое военное противостояние и борьба не рассматриваются как эффективное средство достижения цели» [6, 131–132].

В то же время США активно развивают связи в военной сфере с таким вероятным противником Китая, как Япония, и с государствами Юго-Восточной Азии. В настоящее время практически полностью восстановлен уровень американского присутствия в АТР, ранее снизившийся после распада СССР, когда американский контингент был выведен с части военных баз [50, 178]. Система многосторонних военных пактов в регионе под эгидой США распалась еще раньше [28, 49–50]. Однако и Китай теперь следует активному курсу на милитаризацию внешнего пространства, прежде всего морского [51], а издаваемые ежегодно Пентагоном доклады конгрессу США о военной мощи Китая встречают шквал критики со стороны КНР [60]. Не могут стороны достичь взаимопонимания и по будущему северокорейского режима и северокорейской ядерной программы. Американские эксперты еще в 2013 г. подсчитали, что КНДР обладает ресурсами для производства 12 ядерных боеприпасов [20, 181], с тех пор Пхеньян провел серию ядерных и космических испытаний, но китайская сторона по-прежнему не оказывает серьезного давления на своего союзника.

Однако во многих спорных вопросах Китай и США в современных условиях все же начали договариваться, приходиться к компромиссу, местами даже неожиданному. Это в рассматриваемый нами период коснулось многих «чувствительных»

тем в отношениях: и кибербезопасности, и климатической безопасности, и даже военной сферы. Так, например, 25 сентября 2015 г. Китай и США подписали совместное заявление по взаимодействию в киберпространстве, которое ознакомившиеся с ним эксперты даже называли «электронным пактом о ненападении». Данный шаг получил высокую оценку в обеих странах [48]. Что касается климатической политики, то компромисс в этой сфере был достигнут по инициативе Пекина, и можно рассматривать это как некую уступку в адрес США и сигнал о желании сотрудничать в новых сферах. 12 ноября 2014 г. на встрече Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества Бараком Обамой и Си Цзиньпином было подписано соглашение о сотрудничестве в сфере сокращения выбросов парниковых газов, т. е. в вопросе, на компромисс по которому Китай отказывался идти достаточно долго [34], в то время как для дипломатии США так называемая «экологизация» уже стала важным трендом [43]. А на крупнейшей международной конференции по противодействию изменениям климата в 2015 г. в Париже лидеры двух стран условились координировать работу, что свидетельствовало об их желании возглавить этот процесс, скажем так, в паре [23]. Наконец, примером компромисса в военной сфере можно считать оформление договоренности о предупреждении инцидентов на море между военно-морскими силами США и Народно-освободительной армией Китая, прежде всего в Южно-Китайском море, между начальником штаба ВМС США адмиралом Дж. Ричардсоном и командующим ВМС НОАК адмиралом У Шэньли [4].

Таким образом, сегодня КНР во взаимоотношениях с США более готова к компромиссам ради «укрепления взаимодоверия», «слияния интересов» и «устранения помех» сотрудничеству, чем раньше, и всячески демонстрирует такую готовность. Можно подчеркнуть эту характеристику современного китайско-американского сотрудничества, тем более заметную, что в российско-китайские документы, для сравнения, китайские партнеры часто вводят формулировки о «взаимных уступках», но фактически на эти уступки идет российская сторона.

Рассмотренные выше аспекты позволяют нам выделить также еще одну специфическую черту современных китайско-американских отношений — их высокую контрастность. Одновременно с призывами к сотрудничеству с США и признанием их державой номер один в мире [55] китайские СМИ не упускают случая уколоть главного партнера и соперника КНР по любому поводу, будь то права человека или международная ситуация [39]. В 2012 г. китайские блоггеры осыпают ругательствами Хиллари Клинтон [37], а в 2015 г. Си Цзиньпин встречается с простыми гражданами США и доверительно рассказывает американцам в своем выступлении о таком деликатном вопросе, как рост потребления гражданами КНР мяса [36] (при этом в Китае к визиту Си в США даже специально выпустили тематическую иллюстрированную англоязычную азбуку: например, «А» в ней обозначает поместье Анненберг, где проходила встреча; «В» — дни рождения лидеров (особо отмечалось, что Си старше американского президента на 8 лет); «I» — памятную Си Айову и т. д. [3]). Совместные военные учения (!) [11] чередуются с серьезными инцидентами на море [38]; американский военный корабль «Стэтхем» 16 ноября 2015 г. совершает 5-дневный дружеский визит в порт Шанхая с переговорами представителей ВМС двух стран и дружеским

баскетбольным матчем через месяц после инцидента с другим кораблем, «Лас-сен», который прошел в 12-мильной зоне возведенных Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море, чем вызвал гневные комментарии со стороны Пекина [47].

Если говорить об экономическом сотрудничестве США и Китая, то его общий тренд можно охарактеризовать как однозначное усиление взаимодействия. Причем связи развиваются на взаимовыгодной основе, что отличает китайско-американское взаимодействие от многих других партнерств КНР. Лучшей иллюстрацией служит готовившаяся в течение длительного времени и подписанная в ходе визита Си Цзиньпина в США в 2015 г. сделка по «Боингу». Как сообщает «Жэньминь жибао», стороны подписали договор о строительстве центра завершающих работ и сдачи в эксплуатацию самолетов «Боинг-737», который будет находиться на территории КНР. Кроме того, Си объявил о закупке 300 готовых «Боингов» у США на 38 млрд долл. На фоне многолетних попыток России предложить Китаю взаимовыгодное сотрудничество в самолетостроении подобные факты говорят сами за себя [14].

Отдельно стоит упомянуть такой аспект взаимодействия между КНР и США, как продолжающееся расширение связей с Китаем крупнейших американских транснациональных корпораций (ТНК). Учитывая уровень финансовой, информационной и даже военной мощи ТНК [16], можно считать их деятельность и уровень контроля государств над их действиями достаточно важными факторами в любых двусторонних отношениях. Взаимодействие КНР и США также не является исключением, судя по размаху, с которым китайское направление своей деятельности продолжают развивать пришедшие в КНР в эпоху реформ и открытости крупные американские компании, такие как, например, General Electric (сотрудничая с Китаем в авиастроении, энергетике, судостроении, производстве медицинского оборудования и т. д., компания уделяет огромное внимание стратегическому планированию своей деятельности и проводит специальный анализ пятилетних планов развития КНР) [49], PepsiCo (в 2010 г. корпорацией было объявлено об инвестициях в китайский бизнес в 2,5 млрд долл.) [31], Walmart (более 300 торговых точек по всему Китаю, более 100 тыс. сотрудников) [35], и многие другие. Американские и китайские ТНК отчасти находят общий язык даже в таких «чувствительных» сферах, как вопросы интеллектуальной собственности. В частности, специальный лицензионный договор был подписан между знаменитой американской Apple и китайским IT-гигантом Huawei. В результате в 2015 г. китайская компания предоставила Apple 769 патентных лицензий, а последняя, в свою очередь, предоставила Huawei 98 патентных лицензий [19]. Кроме того, Китай уделяет много внимания развитию собственных ТНК и повышению их конкурентоспособности на международной арене [9].

Несмотря на, казалось бы, весомые основания для ограничения во многом монопольной деятельности «китов» американского бизнеса, китайская сторона продолжает активно развивать сотрудничество с ними. Это связано не только с легкостью создания «чужими руками» миллионов рабочих мест, но и с тем, что высокий уровень вовлеченности западных ТНК в экономику Китая позволяет поддерживать аномально высокие темпы промышленного прироста, столь

необходимые для по-прежнему экстенсивно развивающейся экономики, основанной на постоянном перепроизводстве самых разных видов товаров. Руководство КНР всячески поддерживает эту тенденцию, а спорные вопросы решаются на консультативных встречах на самом высоком уровне [21]. Как отмечается в докладе заместителя председателя Народного политического консультативного совета Китая Дун Цзяньхуа, который возглавляет Китайско-американский фонд обменов, «предстоящие 10 лет китайско-американских торгово-экономических отношений — это углубление взаимовыгодного сотрудничества», к 2022 г. Китай и США станут друг для друга крупнейшими в мире торговыми партнерами. Экспорт из США в Китай принесет для ВВП США 460 млрд долл. и свыше 3,34 млн рабочих мест, а экспорт из Китая в США принесет КНР 480 млрд долл. и 10,22 млн рабочих мест. Один из авторов доклада, специалист Китайского университета Сянгана Лю Цзуньи, также особо отмечает «взаимодополняемость экономик двух стран» [33].

Наконец, именно в последние годы наиболее четко оформились особенности взаимодействия двух стран в крупных международных форматах. Помимо сотрудничества и соперничества в рамках важнейших международных организаций Китай и США стали создавать такие форматы самостоятельно и оперировать ими как инструментами конкуренции и своего влияния. Это выглядит логичным, если учитывать, что для США в начале XXI в. в целом стало характерным «отходить от консенсусной логики “многостороннего согласования” мировой политики, все более полагаясь на собственные национальные интересы» [27, 138]. В руках США в АТР инструментами влияния стали союз с Японией и Южной Кореей, а также Транстихоокеанское партнерство (ТТП); в руках Китая — союз с Северной Кореей, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и проект зоны свободной торговли с АСЕАН. Некоторыми экспертами отмечаются противоречия между Китаем и США в рамках действующих многосторонних объединений в АТР, таких как, например, АТЭС и Восточноазиатский саммит (ВАС) [28, 55–56]. На фоне сформировавшихся ранее в АТР направлений интеграции в рамках так называемого «открытого регионализма» [24] (АСЕАН и ее диалоговых форматов, АТЭС и др.) ТТП выступает как новый игрок и как объединение не только с исключительно жесткими стандартами, но и с четкой направленностью против доминирования Китая в системе торгово-экономических связей региона. Этот экономический блок включил всех основных партнеров США в Восточной Азии и Латинской Америке и направлен на совокупное повышение ими своей экономической мощи и конкурентоспособности с помощью создания льготных условий торговли друг с другом и единых стандартов производства.

Поскольку, как уже ранее упоминалось, каждый шаг, каждая контрмера в отношениях двух стран имеет соответствие, «пару» в виде встречного процесса второй стороны, можно отыскать подобную тенденцию и в данном случае. Конкурентной региональной стратегией со стороны Китая можно считать так называемую стратегию внешней и внутренней регионализации. По определению известного российского китаевода Н. А. Абрамовой (Забайкальский государственный университет), внешняя регионализация включает «формирование не имеющего четких пространственных границ китайского надгосударственного региона с доступом

к его ресурсам и потенциалам, среди которых основными становятся оборонные, продовольственные, финансовые, информационные, людские потоки и возможности», а также «новых региональных трансграничных социокультурных образований с усилением в них ведущей роли политического, военного, экономического, культурного влияния КНР». Внутренняя регионализация, в свою очередь, связана с развитием собственных регионов КНР [1, 7].

Таким образом, можно заключить, что в своем «стратегическом диалоге» руководство США и «пятое поколение» руководителей КНР на современном этапе вышли на новый уровень, перешли к новой стадии отношений — стадии компромиссов и укрепления взаимодействия. Основными особенностями китайско-американских взаимоотношений на современном этапе можно считать следующие: открытое признание обеими сторонами значимости и приоритетности, если не исключительности, отношений друг с другом в контексте всей своей внешней политики; установка на равенство, равноправие в отношениях; их практически полная паритетность во всем, начиная с визитов на высшем уровне и заканчивая шпионскими скандалами; рост взаимопонимания между партнерами и достижение компромиссов в некоторых важных вопросах, с одной стороны, и сохранение части неизменных прежних разногласий, с другой; общая высокая контрастность отношений; значительное расширение взаимодействия в различных сферах, прежде всего в экономической и военной; нарастающая конкуренция в военном и геополитическом планах, вплоть до использования целых интеграционных объединений и других государств в регионе в своих интересах. Китай и США развивают взаимодействие практически во всех сферах, находят общие интересы. Представляется, что и России необходим всесторонний анализ данного опыта и учет его при выстраивании своей собственной стратегии в отношениях с обоими партнерами в XXI в.

---

1. *Абрамова Н. А.* Геостратегические инструменты внешней регионализации КНР на оси: Китай — Центральная Азия — Европа // *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия* : сб. Восточ. центра. 2015. № 16 — 1. С. 6–10.

2. Адмирал США: хакеры из КНР воруют наши секреты // *Новости Mail.ru*. 19.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/politics/17902812/?frommail=1> (дата обращения: 19.04.2014).

3. В Китае выпустили английскую азбуку про Си Цзиньпина // *Zakin.kz*. Лента новостей. 21.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zakon.kz/4743902-v-kitae-vypustili-anglijskuju-azbuku.html> (дата обращения: 19.04.2014).

4. ВМС США и НОАК договорились придерживаться согласованных правил поведения во избежание ЧП // *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 2015. 29 окт.

5. Встреча глав государств КНР и США имеет далекоидущее историческое и стратегическое значение — МИД КНР // *Жэньминь жибао онлайн*. 07.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8276265.html> (дата обращения: 22.05.2016).

6. *Дериглазова Л. В.* Конфликты в международных отношениях. Томск, 2013.

7. Директор нацразведки США возложил ответственность за крупную кибератаку на хакеров из КНР // *Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС*. 2015. 25 июня.

8. *Зиновьев Г. В.* История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. Томск, 2007.

9. Ильенко А. Д., Абрамова Н. А. Особенности китайских ТНК на современном этапе развития // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сб. Восточ. центра. 2014. № 14. С. 89–92.
10. К подписанию трехстороннего пакта об обмене разведанными // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2014. 26 дек.
11. Какие сигналы подают совместные китайско-американские военные учения? // Жэньминь жибао онлайн. 10.06.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0610/c95181-8739173.html> (дата обращения: 20.12.2015).
12. Киссинджер Г. О Китае. М., 2012.
13. Китай вновь заявил о своем возмущении против продажи США оружия Тайваню // Синьхуа. 16.12.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2015-12/16/c_134923326.htm (дата обращения: 19.12.2015).
14. Китай закупит у компании «Боинг» самолеты на \$38 миллиардов // News-Asia. 25.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.news-asia.ru/view/8741> (дата обращения: 20.12.2015).
15. Китай и США провели 6-й раунд консультаций по стратегической безопасности и многостороннему контролю над вооружениями // Жэньминь жибао онлайн. 07.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8275882.html> (дата обращения: 22.05.2016).
16. Комлева Н. А. Глобальные корпорации как акторы современного геополитического процесса // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9, № 3. С. 107–118.
17. Комлева Н. А., Саймонс Г., Стровский Д. Л. Интернет как ресурс сетевой войны // Там же. 2010. Т. 6, № 2. С. 156–175.
18. Коммунистическая партия Китая // Духовная культура Китая : энцикл. Т. 4. М., 2009.
19. Компания Apple выплачивает Huawei лицензионные отчисления Жэньминь жибао онлайн. 11.05.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0511/c31518-9056282.html> (дата обращения: 22.05.2016).
20. Лазарева Е. В., Слестникова А. В. К вопросу о роли корейского фактора в современных международных отношениях // Глобальная и региональная безопасность в XXI веке. Екатеринбург, 2014. С. 178–182.
21. Ли Кэцян провел беседу с американскими участниками Китайско-американского диалога лидеров торгово-промышленной сферы и бывших высокопоставленных чиновников // Жэньминь жибао онлайн. 05.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8271550.html> (дата обращения: 22.05.2016).
22. Ли Юаньчао: Китай и США должны совместными усилиями найти путь для развития отношений нового типа между державами // Жэньминь жибао онлайн. 26.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8223244.html> (дата обращения: 20.12.2015).
23. Лидеры США и Китая условились добиваться согласия на конференции по климату в Париже // Пульс планеты — Азия ИТАР-ТАСС. 2015. 11 дек.
24. Лицарева Е. Ю. Деятельность интеграционных образований АТР в рамках концепции «открытого регионализма» // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2005. № 288. С. 83–89.
25. Лю Яньдун встретилась с Мадлен Олбрайт // Жэньминь жибао онлайн. 07.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8276258.html> (дата обращения: 22.05.2016).
26. Министерство торговли США вынесло предварительное заключение по поводу демпинговых цен на стальные изделия из Китая // Жэньминь жибао онлайн. 04.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0904/c31520-8778513.html> (дата обращения: 20.12.2015).
27. Михайленко В. И. Ценностные основания Ялтинского и нового мирового порядка // 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции. Екатеринбург, 2016. С. 136–142.
28. Михайленко Е. Б. «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс. Екатеринбург, 2014.
29. Новое правительство Китая выступает за китайско-американские отношения нового типа — Ли Кэцян // Интерфакс. 17.03.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/world/news.asp?id=295927> (дата обращения: 20.12.2015).

30. Обама заверил КНР в том, что США не шпионят за китайскими компаниями // *Новости Mail.ru*. 25.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/politics/17528329/> (дата обращения: 19.04.2014).
31. Партнерство PepsiCo и Министерства сельского хозяйства Китая // *Компания PepsiCo*. 19.09.2011 [Электронный ресурс]. URL: http://pepsico.ru/media/press_releases/releases_254.html (дата обращения: 16.09.2014).
32. *Победаш Д. И.* Лакота против Соединенных Штатов: борьба индейцев за Черные Холмы // *Рос. юрид. журн.* 2015. № 1 (100). С. 86–98.
33. Прогноз: торгово-экономические обмены между Китаем и США в будущем 10 лет принесут сторонам миллионы рабочих мест // *Жэньминь жибао онлайн*. 05.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8271628.html> (дата обращения: 22.05.2016).
34. *Рогожина Н. Г.* Соглашение по климату подписано США и Китаем // *ИМЭМО РАН*. 28.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=1371 (дата обращения: 29.11.2014).
35. Сведения о хозяйственной деятельности компании Walmart в Китае // Интернет-портал «Южный Китай». 18.05.2014. URL: <http://south-insight.com/walmart> (дата обращения: 21.05.2016).
36. Си Цзиньпин поведал американцам о ситуации с мясом в Китае на рубеже 20–21 вв. // *Жэньминь жибао онлайн*. 25.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2015-09/25/c_134656871.htm (дата обращения: 19.12.2015).
37. Sina Weibo: без мата о поездке Клинтон в Китай // *Inosmi.ru*. 6.09.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/overview/20120906/198726300.html> (дата обращения: 20.12.2015).
38. СМИ США: китайские ВМС сделали восемь предупреждений американскому самолету-разведчику // *Жэньминь жибао онлайн*. 21.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0521/c31521-8895917.html> (дата обращения: 20.12.2015).
39. Специальный репортаж: Кто украл спокойствие и тишину Среднего Востока? // *Жэньминь жибао онлайн*. 19.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0319/c95181-9032716.html> (дата обращения: 25.05.2016).
40. США и Китай преследуют общие цели в рамках стратегического и экономического диалога // Государственный департамент США. 27.07.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2009/July/20090727113030ALLlewdlaC0.6199152.html> (дата обращения: 10.09.2011).
41. Фан Фэнхуэй встретился с экс-госсекретарем США Г. Киссинджером // *Жэньминь жибао онлайн*. 21.03.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2016/0321/c31521-9033063.html> (дата обращения: 22.05.2016).
42. *Фоминых А. Е.* Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ*. 2010. Т. 13, № 3. С. 73–87.
43. *Фоминых А. Е., Ярыгин Г. О.* Экологизация публичной дипломатии США // *Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Серия 6 : Политология. Международные отношения*. 2016. № 1. С. 110–120.
44. *Цзян Цзэминь*. Выступление перед слушателями 3-го набора семинара по изучению теории партстроительства (31 июля 1991 г.) // *О социализме с китайской спецификой*. М., 2004. Т. 2–3.
45. FACT SHEET: President Xi Jinping's State Visit to the United States // *The White House. Office of the Press Secretary*. 25.09.2015 [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/25/fact-sheet-president-xi-jinpings-state-visit-united-states> (accessed: 22.05.2016).
46. From Obama to Iowa and old friends // *South China Morning Post*. 10.02.2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.scmp.com/article/992198/obama-iowa-and-old-friends> (accessed: 22.05.2016).
47. *Gady F.-S.* China and US Hold Joint Naval Exercise // *The Diplomat*. 18.11.2015 [Electronic resource]. URL: <http://thediplomat.com/2015/11/china-and-us-hold-joint-naval-exercise/> (accessed: 20.12.2015).

48. Gady F.-S. US Cyber Command's Veiled Threat: China 'Vulnerable' in Cyberspace // The Diplomat. 24.11.2015 [Electronic resource]. URL: <http://thediplomat.com/2015/11/us-cyber-commands-veiled-threat-china-vulnerable-in-cyberspace/> (accessed: 20.12.2015).
49. General Electric boosts its presence in China // The China Post. 04.01.2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.chinapost.com.tw/business/company-focus/2014/01/04/397475/General-Electric.htm> (accessed: 21.05.2016).
50. Litsareva E. Yu. Asia-Pacific Regional Security after the Cold War: Confrontation or the Movement towards Consent? // Военный сборник. 2014. № 3 (5). С. 175–186.
51. Pentagon highlights Chinese global military ambitions: Gertz // Asia Times. 16.05.2016 [Electronic resource]. URL: <http://atimes.com/2016/05/pentagon-highlights-chinese-global-military-ambitions-gertz/> (accessed: 22.05.2016).
52. Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China After Bilateral Meeting // The White House. Office of the Press Secretary. 08.06.2013 [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/08/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china-> (accessed: 22.05.2016).
53. Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China Before Bilateral Meeting // The White House. Office of the Press Secretary. 07.06.2013 [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/07/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china-> (accessed: 22.05.2016).
54. Trigkas V. Chimerica in Decline? // The Diplomat. 04.05.2015 [Electronic resource]. URL: <http://thediplomat.com/2015/05/chimerica-in-decline/> (accessed: 20.12.2015).
55. United States to remain world's Number 1 power 'for a fairly long time': Beijing // South China Morning Post. 21.05.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/1948896/united-states-remain-worlds-number-1-power-fairly-long> (accessed: 25.05.2016).
56. White H. A Great War in the East China Sea: Why China and Japan Could Fight // The National Interest. 15.07.2014 [Electronic resource]. URL: <http://nationalinterest.org/feature/great-war-the-east-china-sea-why-china-japan-could-fight-10877> (accessed: 24.07.2014).
57. Гоуянь синьвэнь бань фабао «2015 нянь Мэйго дэ жэньцюань цзилу» (Госсовет КНР опубликовал «Доклад о соблюдении прав человека в США в 2015 г.») // Хуаньцю шибао. 14.04.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://china.huanqiu.com/article/2016-04/8809773.html> (дата обращения: 22.05.2016).
58. Мао Цзэдун юй Никесун ды таньхуа (Запись беседы Мао Цзэдуна и Р. Никсона) // Лусюнь цанькао. 2008. 16 авг. С. 34–35.
59. Мэйго шэнчэн Чжунго цзай Наньхай гао «цзюньши хуа» чжунфан хуэйин (Как Китаю реагировать на обвинения в «милитаризации» Южно-Китайского моря со стороны США) // Хуаньцю шибао. 22.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://world.huanqiu.com/article/2016-02/8583574.html> (дата обращения: 22.05.2016).
60. Шэпин: «Чжунго цзюньли баогао» чуфадянь цзю дайчжэ эи (Редакционная статья: «Доклад "Военная мощь Китая" основан на злом умысле») // Хуаньцю шибао. 16.05.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2016-05/8932431.html> (дата обращения: 22.05.2016).
61. Шэпин: «Amnesty International» кунсу Чжунго дэ баогао сю да вэньхэо (Редакционная статья: «Amnesty International» в своем отчете вновь обвинила Китай) // Хуаньцю шибао. 14.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2015-11/7975998.html> (дата обращения: 22.05.2016).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

РОЛЬ КЭСОНСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В ПРОДВИЖЕНИИ МЕЖКОРЕЙСКОГО ДИАЛОГА

В статье рассматривается вклад Кэсонской промышленной зоны в продвижение межкорейского диалога. Авторы приходят к выводу о том, что, несмотря на закрытие Кэсона в феврале 2016 г., в краткосрочной перспективе следует ожидать возобновления его работы. По мнению авторов, власти Республики Корея и КНДР будут придерживаться прагматического подхода в решении вопроса о межкорейском урегулировании, а экономические преимущества совместного сотрудничества в рамках Кэсонского проекта перевесят политические противоречия между двумя корейскими государствами. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Кэсонский промышленный комплекс, Корейский полуостров, КНДР, Республика Корея, межкорейское урегулирование, ядерные испытания, региональная безопасность.

Вопрос об объединении двух корейских государств — КНДР и Республики Корея — сохраняет свою исключительную актуальность уже более 70 лет. В реалиях XXI века — века глобализации, незавершенности процесса реформирования системы международных отношений и т. д. — традиционные, порожденные холодной войной угрозы глобальной и региональной безопасности, исходящие с Корейского полуострова, стремительно дополняются новыми, затрагивая жизненные интересы не только непосредственных участников межкорейского конфликта, но и многих других стран, в первую очередь России. В этой связи проблема налаживания конструктивных отношений между Сеулом и Пхеньяном остается одной из ключевых в международной повестке дня. Последнее десятилетие надежды мирового сообщества на примирение Северной и Южной Кореи в значительной степени связаны с успешностью реализации Кэсонского проекта.

Кэсонский промышленный комплекс (КПК) — первый и пока единственный успешный совместный экономический проект КНДР и Республики Корея. Его создание в 2004 г. стало результатом политических решений первого Межкорейского саммита 2000 г., который заложил основы для конструктивного диалога между Сеулом и Пхеньяном. В Кэсоне были развернуты крупные производства трудоемких товаров с использованием капитала, новейших технологий, техники и менеджмента Республики Корея, дешевой рабочей силы и земли — КНДР. К концу 2015 г. на 124 южнокорейских предприятиях, расположенных в этой тщательно охраняемой зоне, были задействованы порядка 55 тыс. северокорейских рабочих [11]. Продукция Кэсона представлена преимущественно товарами текстильной промышленности, а также машиностроения, электроники, пищевой, химической и ряда других отраслей.

Однако в начале 2016 г. взаимовыгодное экономическое сотрудничество КНДР и Республики Корея в рамках Кэсонского проекта оказалось под угрозой срыва.

12 февраля южнокорейское Министерство объединения, которое занимается вопросами воссоединения Кореи, заявило о закрытии комплекса в связи с обострением ситуации на Корейском полуострове [12]. Южная Корея остановила имеющиеся в Кэсоне производства, приступила к эвакуации оттуда своих граждан, прекратила подачу электроэнергии и перекрыла водоснабжение на территории технопарка. В ответ КНДР объявила территорию комплекса военной зоной и заморозила все южнокорейские активы в Кэсоне, включая сырье, готовую продукцию и оборудование [10].

Как известно, 6 января 2016 г. Северная Корея провела очередные, четвертые по счету, ядерные испытания, а спустя месяц, 7 февраля, осуществила запуск ракеты-носителя с искусственным спутником Земли. Действия Пхеньяна вполне предсказуемо вызвали резкую критику со стороны мирового сообщества. Вместе с тем в политических и экспертных кругах мира развернулись острые дискуссии о целесообразности закрытия Кэсонского комплекса и перспективности Кэсонского проекта с точки зрения продвижения межкорейского диалога.

Наиболее фундаментальные и многоаспектные исследования по рассматриваемой проблематике представлены трудами экспертов из Южной Кореи, которые отличаются своей прикладной, преимущественно экономической, направленностью. В центре внимания южнокорейских аналитиков — ключевые проблемы развития Кэсонской промзоны и гармонизации законодательства двух государств в рамках данного проекта (Ким Ян Су, Ян Хэ Суль [25]); специфика управления предприятиями южнокорейскими менеджерами, пути расширения отраслевой структуры и товарооборота Кэсона (Им Ыль Чуль [16]); роль и место Кэсона в экономике АТР, специфика и преимущества использования северокорейской рабочей силы, динамика экономических показателей (Су Дэ Хун [23]). Акцент на экономическую составляющую Кэсонского проекта характерен и для американских исследователей южнокорейского происхождения (Чон Хён Гон [15]).

Работы американских экспертов по Кэсону (М. Маньин, Д. Нанто, Б. Уилльямс, М. Ноланд [17–19, 24]) также имеют ярко выраженный прикладной характер. Однако, в отличие от южнокорейских исследований, американский анализ экономической составляющей кэсонской проблемы неизменно нацелен на разработку прогнозных сценариев развития межкорейских отношений в рамках Кэсонского проекта и подготовку конкретных рекомендаций для Госдепартамента США по актуальным вопросам политики Вашингтона на Корейском полуострове.

Для российского научного сообщества кэсонская проблематика является относительно новой и не представлена пока внушительным количеством исследований. В числе ведущих российских экспертов по Кэсону следует отметить известных корееведов А. Ланькова [5, 6] и Л. Захарову [2, 3]. Их труды отличаются не только стремлением соблюсти баланс между экономическими и политическими аспектами изучаемой проблемы, но и рассмотреть вопрос через призму социокультурного взаимовлияния КНДР и Республики Корея, создания взаимного положительного образа и доверительной психологической атмосферы в отношениях между Сеулом и Пхеньяном.

В целом в мировом экспертном сообществе нет единства мнений по вопросу о роли Кэсонского проекта в продвижении межкорейского диалога. Объективный

анализ проблемы затрудняют ее чрезвычайно высокая политизированность, отсутствие доступа исследователей к северокорейским источникам, относительно низкая прогнозируемость действий Пхеньяна на международной и региональных аренах и т. п. Вместе с тем наличие довольно обширного комплекса документов и материалов, публикуемых в Южной Корее по Кэсону, и многоаспектный характер кэсонского вопроса оставляют довольно широкое поле для дальнейших исследований. Данная статья является попыткой внести свой вклад в дискуссию о том, способен ли Кэсонский проект вывести процесс межкорейского урегулирования на качественно новый уровень и является ли решение Сеула о закрытии Кэсонского технопарка в феврале 2016 г. окончательным и бесповоротным.

Вопрос о закрытии Кэсона ставился неоднократно. В связи с конфликтом вокруг южнокорейского корвета «Чхонан», потопленного 26 марта 2010 г. предположительно в результате атаки северокорейской подводной лодки, власти КНДР пригрозили остановить деятельность промзоны. При таком сценарии, однако, Пхеньян терял как минимум 40 млн долларов, получаемых напрямую из Сеула для оплаты труда северокорейских рабочих. Экономический урон для Южной Кореи мог составить порядка 500 млн долларов с учетом страховых выплат компаниям-резидентам, вынужденным свернуть свое производство в Кэсоне. Оценив возможные убытки, власти КНДР и Республики Корея решили воздержаться от закрытия комплекса [7].

3 апреля 2013 г. в ответ на санкции Республики Корея и западных стран в связи с проведением в КНДР в феврале того же года третьих ядерных испытаний Пхеньян остановил работу Кэсонского комплекса и закрыл южнокорейскому персоналу доступ в промзону. Однако утратив крупную статью валютных доходов, власти КНДР уже в августе заявили о готовности возобновить работу технопарка [4]. 16 сентября 2013 г., после длительных и напряженных переговоров между Севером и Югом, Кэсон заработал вновь.

В начале 2016 г. Сеул не планировал прекращать сотрудничество с Пхеньяном в рамках Кэсонского проекта. Первоначально в качестве ответной меры на ядерное испытание Сеул в январе 2016 г. сократил численность южнокорейского персонала в Кэсоне с 803 до 650 человек, а также прекратил гуманитарную помощь КНДР. В феврале, после ракетного запуска, еще 150 южнокорейцев покинули комплекс [28].

В политических кругах Республики Корея развернулись дискуссии о целесообразности следующего шага — полного закрытия промзоны. Президент страны Пак Кын Хе и консерваторы в лице правящей на тот момент партии Сэнури настаивали на прекращении деятельности КПК, ссылаясь на то, что развитие Кэсона способствует росту валютных доходов КНДР и соответственно финансовых вложений Пхеньяна в свою ядерную программу [21, 30]. Позиция консерваторов подкреплялась поддержкой внешнеполитических союзников Южной Кореи в лице США и Японии, которые в феврале 2016 г. объявили о введении в отношении Пхеньяна дополнительных санкций. В частности, США ввели ограничительные меры, предусматривающие уголовную ответственность за продажу КНДР военных технологий, товаров или информации. Япония приостановила выдачу виз северокорейским гражданам и закрыла допуск в свои порты северокорейским

кораблям [20]. Оппозиционная демократическая партия Тобуро, которая получила парламентское большинство лишь после выборов в апреле 2016 г., категорически возражала против закрытия комплекса, указывая на неизбежный для такого сценария удар по экономическим позициям южнокорейских компаний-резидентов [27].

Действительно, за 11 лет работы Кэсона в эту промзону были привлечены значительные инвестиции и проделана внушительная работа по гармонизации законодательств двух корейских государств. По подсчетам экономистов, в 2015 г. кэсонские предприятия произвели продукцию на сумму более 500 млн долларов, тогда как еще в 2005 г., в первый год работы Кэсона, эта цифра не превышала 15 млн долларов. В целом за период 2005–2014 гг. иностранные компании — резиденты Кэсона — выпустили товары общей стоимостью в 3,185 млрд долларов [11].

В 2014 г. Корейское агентство по содействию торговле и инвестициям (*КОТРА*) провело исследование среди 27 действующих и 188 потенциальных инвесторов Кэсонского комплекса из 16 стран мира на предмет его инвестиционной привлекательности. Согласно результатам опроса в качестве ключевых преимуществ технопарка были обозначены дешевая рабочая сила (33 % респондентов), низкая арендная плата (22 %), налоговые льготы (21 %) и выгодное с точки зрения логистики расположение в Северо-Восточной Азии (11 %). Примечательно, что инвесторы из Северной Америки и Европы в качестве главного стимула к расширению сотрудничества с КНДР в рамках Кэсонского проекта выделили дешевую рабочую силу, в то время как китайские и японские респонденты сделали акцент на налоговых льготах и выгодном географическом расположении промзоны [26].

Наличие дешевой и относительно высококвалифицированной рабочей силы довольно часто фигурирует в перечне факторов инвестиционной привлекательности Кэсона. Согласно Акту о Кэсонском промышленном комплексе, базовому правовому документу, регулирующему деятельность технопарка, основным трудовым ресурсом выступают высококвалифицированные северокорейские рабочие; в функции сравнительно малочисленного южнокорейского персонала входят общие вопросы управления и контроль за выполнением производственного плана [13].

Ввиду отсутствия доступа исследователей к статистическим данным КНДР вопрос об оплате труда северокорейских рабочих порождает множество дискуссий. Согласно трудовым нормам Кэсона заработная плата рабочего состоит из основного жалованья, отпускных, сверхурочных и премиальных. Минимальный оклад в Кэсоне в 2006 г. составил 50 долларов в месяц при 48-часовой рабочей неделе, и, несмотря на его обязательное ежегодное увеличение на 5 % [Там же], к концу 2014 г. он не превышал 70 долларов, оставаясь самым низким в Южной и Восточной Азии. (Для сравнения: минимальный размер оплаты труда в 2014 г. в аналогичных промзонах в Бангладеш составлял порядка 86 долларов, во Вьетнаме — 121, в Лаосе — 137, в Индии — 200, в Индонезии — 241, в Монголии — 318 [23].)

Однако на практике доходы северокорейских рабочих Кэсона не соответствуют заявленным 70 долларам, так как система налогообложения КНДР существенно сокращает их реальный размер: 30 % перечисляется государству в качестве «взносов на социокультурную политику», 15 % — на социальное страхование [3, 133].

Более того, заработную плату северокорейские рабочие получают не напрямую от своих работодателей, а через правительство КНДР, так как соответствующие финансовые средства в долларах перечисляются из Сеула на счет Центрального управления КНДР по развитию специальных зон. Как заявляет Пхеньян, 45 % полученной суммы направляется на повышение квалификации работников, строительство жилых помещений, медицинское обслуживание и другие социальные программы. Оставшиеся средства выплачиваются рабочим частично деньгами в северокорейских вонах, причем официальный обменный курс в КНДР в несколько раз ниже коммерческого, а также в форме купонов на приобретение товаров в магазинах. В итоге заработная плата северокорейского рабочего значительно ниже заявленной [3, 134].

Эксперты не без оснований предполагают, что деньги, адресованные северокорейским рабочим, перераспределяются Пхеньяном на финансирование военных, в том числе ядерных, программ [15]. Учитывая специфику внешней политики Северной Кореи и активное развитие ее ядерного потенциала, такое предположение видится резонным, но доказать это документально на сегодняшний день не представляется возможным. Авторитетный российский кореевед А. Ланьков настроен менее критично. Он отмечает, что по северокорейским меркам жалование рабочих в Кэсоне — весьма внушительная сумма, так как, согласно официальным данным КНДР, средняя зарплата в стране составляет порядка 2 долларов в месяц, а реальный доход — не более 10–15 долларов. (Разница между формальными и реальными доходами связана с высокой степенью распространения в КНДР черного рынка и теневой экономической деятельности.) Более того, в Кэсоне зарплату выплачивают регулярно, в отличие от остальной части КНДР. Южнокорейские компании-резиденты также снабжают северокорейских рабочих питанием и предоставляют медицинские услуги [5].

С точки зрения южнокорейских инвесторов, северокорейские рабочие Кэсона, помимо низкой стоимости их труда, быстрой обучаемости и дисциплинированности, имеют ряд других конкурентных преимуществ на рынках рабочей силы Восточной Азии. Прежде всего, они являются носителями корейского языка, как и их работодатели, что теоретически должно повышать эффективность производственного процесса и способствовать активной межкультурной коммуникации его участников. Однако для Северной Кореи общий язык является скорее проблемой: Пхеньян опасается распространения в обществе чужих «пагубных» западных идей и антиправительственных настроений. Поэтому взаимодействие северян с южанами в Кэсоне крайне ограничено, любые контакты тщательно контролируются спецслужбами КНДР [19]. Отсутствие доступа к глобальной сети Интернет на территории Северной Кореи, в том числе в Кэсоне, также значительно тормозит производственный процесс [26].

Тем не менее «тлетворное влияние» Запада уже возымело свой эффект, и процесс межкорейского взаимодействия на низовом уровне набирает обороты. Северокорейские рабочие Кэсона объективно вовлекаются в рыночные отношения, например, получая бонусы за сверхурочную работу или рационализаторские предложения. В Кэсоне даже существует свой символ капитализма — печенье Choco Pie, производимое южнокорейской корпорацией Lotte и ставшее своеобразной

валютой не только на территории комплекса, но и по всей стране. Печенье выдают северокорейскому персоналу Кэсона в качестве платы за переработанные часы (по сути, работа за еду); оно полюбилось всем северянам и стало средством натурального обмена на черном рынке страны [9]. Очевидно, что с точки зрения Пхеньяна в группу «риска» помимо 55 тыс. северокорейских рабочих Кэсона попадает круг их общения (члены семей, друзья), тем самым количество рядовых граждан КНДР, лояльных к рыночным отношениям и Южной Корее, увеличивается в разы.

Для малых и средних предприятий Южной Кореи, которые преимущественно представлены в Кэсоне, инвестиционная привлекательность технопарка обусловлена, кроме того, предоставляемыми Пхеньяном налоговыми льготами, относительно низкими расценками на аренду земли и выгодным с точки зрения логистики расположением Кэсона. В 50 км от промзоны находится г. Инчхон, международный аэропорт и морской порт которого входят в число крупнейших транспортных развязок Восточной Азии.

Изначально правительство КНДР выделило южнокорейским компаниям-разработчикам, среди которых государственная Корейская земельная корпорация и крупная финансово-промышленная группа (чеболь) «Хёндэ Асан», землю в аренду на 50 лет [13] за 16 млн долларов с возможностью последующего продления срока аренды. Компаниям-субарендаторам, в свою очередь, была предоставлена возможность бесплатно пользоваться землей в течение 10 лет, а затем выплачивать ежемесячную арендную плату в размере 41 доллар за квадратный метр. Для сравнения: этот показатель в аналогичных индустриальных зонах Восточной Азии составляет 270–390 долларов в Циндао (КНР) и 260 долларов в Дананге (Вьетнам) [23].

Система налогообложения в Кэсоне освобождает иностранные предприятия от уплаты налога на прибыль (корпоративного налога) в течение первых пяти лет. Следующие три года налоговая ставка составляет 7 % прибыли, а с девятого года закрепляется на уровне 14 %. Дополнительные налоговые льготы получают проекты в сфере строительства транспортной инфраструктуры, легкой промышленности и высоких технологий; налог на прибыль таких предприятий снижается до 10 % [13]. Подобный режим «налоговых каникул» в Кэсоне позволяет южнокорейскому среднему и малому бизнесу, не выдерживающему конкуренции с чеболь у себя на родине, избежать значительных производственных издержек, снизить стоимость товара и сделать его более конкурентоспособным на мировых рынках.

Несмотря на очевидные инвестиционные преимущества, продвижению южнокорейского и в целом международного сотрудничества с КНДР в рамках Кэсонского проекта сопутствует целый комплекс экономических и политических рисков: 74 % участников вышеупомянутого опроса, проведенного КОТРА в 2014 г., отметили, что ключевым камнем преткновения на пути к запуску собственного производства в Кэсоне является неоднозначная и слабопредсказуемая политика Пхеньяна на мировой и региональной аренах; 23 % респондентов акцентируют внимание на ядерной программе КНДР, 13 % — на спорах вокруг определения страны-производителя кэсонских товаров, 11 % — на вопросах межкультурной коммуникации [26].

Очевидно, что международный кризис вокруг ядерной программы КНДР является серьезным препятствием для межкорейского урегулирования. С 1998 г. КНДР, которая провела уже четыре ядерных испытания (в 2006, 2009, 2013, 2016 гг.), остается единственной в мире страной, игнорирующей призывы мирового сообщества к ядерному разоружению. Несмотря на международные санкции, Пхеньян не намерен сворачивать свои ядерные программы, о чем, в частности, свидетельствует опубликованный 26 марта 2016 г. на платформе YouTube северокорейский видеоролик «Последний шанс», где с помощью компьютерной графики смоделирован ядерный удар КНДР по Вашингтону с комментариями о том, что в случае провокаций со стороны США Пхеньян без колебаний применит ядерное оружие [29]. Откажется ли КНДР от своей ядерной программы? Подавляющее большинство экспертов дают отрицательный ответ. Для нынешнего руководства Северной Кореи ядерное оружие выступает не только гарантией национальной безопасности страны, но и залогом сохранения власти клана Ким, а также главным инструментом давления на мировое сообщество с целью получения экономической и гуманитарной помощи.

Подобная позиция Пхеньяна в ядерном вопросе, с одной стороны, вполне естественно влечет за собой ужесточение санкций со стороны Совбеза ООН, но, с другой, работает на интересы Северной Кореи, которая после каждого ядерного испытания неизменно получает экономическую и гуманитарную помощь из-за рубежа. И если США время от времени могут отказывать Пхеньяну в финансовой поддержке, то, например, Китай продолжает ее осуществлять. По оценкам экспертов, доля КНР в оказании Северной Корее экономической помощи составляет от 30 до 70 % [8]. Налицо политика двойных стандартов со стороны ряда стран — участниц «корейской шестерки» (КНДР, Республика Корея, Китай, Япония, США, Россия): ужесточение экономических санкций сочетается с оказанием экономической и гуманитарной помощи КНДР. Пхеньян, по сути, соглашается на роль «вселенского зла» при условии соответствующего финансирования со стороны ключевых игроков мировой политики.

Вместе с тем Республика Корея заинтересована в стабилизации отношений со своим северокорейским соседом с учетом экономических и, главное, людских потерь в случае перехода межкорейского политического противостояния в вооруженную фазу. При этом Юг весьма осторожен в обсуждении перспектив объединения с Севером в связи с колоссальным экономическим разрывом между двумя странами: ВВП Республики Корея в 35 раз превышает показатели КНДР [1]. Объединение Корейского полуострова в единое государство повлечет за собой внушительные материальные затраты (по различным оценкам, от 500 млрд до 3 трлн долларов [Там же]) и дестабилизацию социально-политической обстановки, что чревато непредсказуемыми последствиями как для обоих корейских государств, так и для системы региональной безопасности в Северо-Восточной Азии. Очевидно, что в сложившихся условиях путь к конструктивному диалогу между Севером и Югом лежит в сфере практической реализации совместных экономических проектов, первым и пока единственным из которых остается Кэсон.

В числе других факторов, снижающих инвестиционную привлекательность Кэсона, остаются споры вокруг маркировки страны-производителя кэсонских

товаров. Согласно межкорейским договоренностям, если кэсонская продукция реализуется в Южной Корее или третьих странах и южнокорейская компания вложила в нее более 60 % своего сырья, она подлежит маркировке «Made in Korea» [14]. В данном случае важно понимать, что отметка «Made in Korea» вовсе не говорит о том, что две страны пришли к компромиссу и исключили «North» и «South» из контекста своего бренда. Во всем мире английское «Korea» употребляется исключительно по отношению к Южной Корее, тогда как продукция Северной Кореи сопровождается маркировкой «Made in DPRK». На практике в большинстве случаев довольно сложно определить долю ресурсов, вложенную в конечный продукт каждой из сторон.

Очевидно, что, ввиду наличия существенных рисков, крупный бизнес Южной Кореи и других стран не готов идти в Северную Корею. Периодические политические провокации Пхеньяна существенно влияют на производительность и имидж компаний-резидентов и, как правило, влекут за собой колоссальные экономические убытки. Вместе с тем средние и малые предприятия Южной Кореи активнее запускают свое производство в Кэсонской промзоне в силу наличия там дешевой высококвалифицированной рабочей силы, низкой арендной ставки и благоприятного налогового климата. Малый и средний бизнес Южной Кореи активно ищет возможности вывода своих производств в другие страны Восточной и Южной Азии, а Сеул предоставляет гарантии и страхует южнокорейский бизнес в Кэсоне. Иными словами, Кэсонский промышленный комплекс является своеобразной стартовой площадкой для малых и средних предприятий Юга, где они получают реальную возможность развиваться.

Несмотря на закрытие Кэсонской промзоны в феврале 2016 г., вопрос о ее функционировании еще далек от окончательного решения. 9 мая 2016 г. компании – резиденты Кэсона обратились в Конституционный суд Республики Корея с иском о возмещении ущерба на сумму 663 млн долл. против южнокорейского правительства, которое, по их мнению, закрыв КПК, нарушило их права собственности. Согласно Акту о КПК южнокорейское правительство обязуется страховать южнокорейские компании, размещающие свое производство в Кэсоне, и выплачивать им крупные компенсации в случае прекращения работы комплекса [13]. Южнокорейские бизнесмены намерены доказать факт превышения полномочий правительством Республики Корея, которое без предупреждений закрыло КПК [22].

Таким образом, несмотря на обострение обстановки на Корейском полуострове, оба корейских государства заинтересованы в продолжении экономического сотрудничества в рамках Кэсонского проекта. Для Пхеньяна исключительно важны валютные поступления. Для северокорейских рабочих Кэсон остается единственным шансом обеспечить доход своим семьям. Для южнокорейских компаний-резидентов в лице малых и средних предприятий перспективы развития в своей стране остаются ограниченными на фоне монополизации рынка Южной Кореи крупнейшими корпорациями (чеболь), тогда как Кэсон сохраняет свою инвестиционную привлекательность. Для Сеула Кэсонский проект не утратил своей перспективности не только как действенный инструмент межкорейского урегулирования и «мягкой силы» Южной Кореи, но и как реальная возможность

вовлечь как можно больше северокорейцев в рыночные отношения и межкорейский диалог.

Сегодня преждевременно говорить об окончательном завершении Кэсонского проекта: с высокой долей вероятности экономический прагматизм главных участников конфликта — КНДР и Республики Корея — возобладает над политическими императивами. Исторический опыт свидетельствует о том, что экономика приходит на помощь государству в сферах, где дипломатия оказывается бессильной. На наш взгляд, развитие экономического сотрудничества между КНДР и Республикой Корея в рамках Кэсонского проекта способно вывести межкорейский диалог на качественно новый уровень при условии отсутствия постановки политического вопроса об объединении двух корейских государств, который с началом работы Кэсонской промзоны в 2004 г. и Сеул, и Пхеньян продолжают старательно обходить.

---

1. *Валль А.* Северная Корея: двойная игра США? // ИноСМИ. 08.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20130408/207833099.html> (дата обращения: 27.03.2016).

2. *Захарова Л.* Внешнеэкономические связи КНДР в XXI веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 82–97.

3. *Захарова Л.* Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности. М., 2014.

4. КНДР и Республика Корея обсудили пути нормализации работы Кэсонского комплекса // Балтийское информационное агентство. 07.07.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baltinfo.ru/2013/07/07/KNDR-i-Respublika-Koreya-obsudili-puti-normalizatsii-raboty-Kesonskogo-kompleksa-365480> (дата обращения: 14.04.2016).

5. *Ланьков А.* Есть ли будущее у Кэсонского промышленного комплекса? // Сеульский вестник. 01.04.2009 [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.kr/articles/articles_expert/3695.html (дата обращения: 30.03.2016).

6. *Ланьков А.* Человек вождя: как живут бизнесмены в Северной Корее // The Village. 14.04.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.the-village.ru/village/business/how/157155-severnaya-koreya> (дата обращения: 26.04.2016).

7. Политические последствия инцидента с южнокорейским корветом «Чхонан» // РИА-Новости. 13.07.2010 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/trend/consequences_incident_corvette_Korea_24052010/ (дата обращения: 14.04.2016).

8. США поговорят с КНДР по-китайски // Коммерсантъ. 25.03.2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/556939> (дата обращения: 27.04.2016).

9. Choco Pie-filled balloons launched at North Korea // USA Today. 31.07.2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.usatoday.com/story/news/world/2014/07/31/south-korea-choco-pies-north-korea/13414039/> (accessed: 17.04.2016).

10. Critical changes: why Kaesong complex cannot continue operations // The Dong-a Ilbo. 15.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://english.donga.com/Home/3/all/26/525406/1> (accessed: 17.04.2016).

11. GIC Overview // Gaeseong Industrial District Foundation [Electronic resource]. URL: <https://www.investgic.org:4433/en/contents.do?menuNo=100070> (accessed: 07.04.2016).

12. Government Stance regarding the Gaeseong Industrial Complex // Ministry of Unification. Republic of Korea. 12.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://eng.unikorea.go.kr/content.do?cm sid=1834&cid=44443&mode=view> (accessed: 17.04.2016).

13. Gaeseong Industrial Complex Act. 20.11.2002. Laws and regulations for GIC // Gaeseong Industrial District Foundation [Electronic resource]. URL: <https://www.investgic.org:4433/>

en/bbs/view/B0000012/198.do?searchCnd=&searchWrd=&cateTp1=&cateTp2=&useAt=&menuNo=100087&categorys=0&subcate=0&cateCode=&type=&instNo=0&questionTp=&uf_Setting=&recovery=&pageIndex=1 (accessed: 27.04.2016).

14. Investment system // Gaeseong Industrial District Foundation [Electronic resource]. URL: <https://www.investgic.org/4433/en/contents.do?menuNo=100068> (accessed: 27.03.2016).

15. *Jeong Hyung-gon*. Economics of the Kaeson Industrial Complex // North Korea's Economic Development and External Relations [Electronic resource]. URL: <http://www.keia.org/sites/default/files/publications/16.Jeong.pdf> (accessed: 20.04.2016).

16. *Lim Eul Chul*. Capacity Building at the Kaeson Industrial Complex: Implications for North Korea's Economic Zones // International Journal of Korean Unification Studies. 2013. Vol. 22, № 2. P. 91–113.

17. *Manyin M., Nanto D.* The Kaeson North-South Korean Industrial Complex // Congressional Research Service. 18.04.2011 [Electronic resource]. URL: <http://fas.org/sgp/crs/row/RL34093.pdf> (accessed: 03.05.2016).

18. *Noland M.* Labor Standards and South Korean Employment Practices in North Korea // US-Korea Institute at SAIS [Electronic resource]. URL: http://uskoreainstitute.org/wp-content/uploads/2014/03/USKI_Report_Labor_in_NK_MNoland031114.pdf (accessed: 03.05.2016).

19. *Noland M.* See No Evil: South Korean Labor Practices in North Korea // The East-West Center. 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/api113.pdf?file=1&type=node&id=34555> (accessed: 03.05.2016).

20. North Korea closes Kaeson Industrial Zone after South pull out // North Korea Tech. 11.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.northkoreatech.org/2016/02/11/north-korea-closes-kaeson-industrial-zone-after-south-pull-out/> (accessed: 17.04.2016).

21. South Korea accuses North Korea of using money from joint factories for weapons programs. 14.02.2016 [Electronic resource]. URL: <https://asiancorrespondent.com/2016/02/south-korea-accuses-north-korea-of-using-money-from-joint-factories-for-weapons-programs/> (accessed: 17.04.2016).

22. South Korean firms challenge Kaeson closure in court // Channel New Asia. 10.05.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.channelnewsasia.com/news/business/south-korean-firms/2770432.html> (accessed: 20.05.2016).

23. *Suh Dae-hoon*. Analysis of Business Operations at Kaeson Industrial Complex // Korea Focus [Electronic resource]. URL: http://www.koreafocus.or.kr/design2/layout/content_print.asp?group_id=105592 (accessed: 12.03.2016).

24. *Williams B., Manyin M.* The U.S.-South Korea Free Trade Agreement (KORUS FTA): Provisions and Implementations // Congressional Research Service. 16.09.2014 [Electronic resource]. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL34330.pdf> (accessed: 03.05.2016).

25. 김양수, 양해술. 개성공단 사업의 추진현황과 효율적 활성화 방안에 관한 연구 (*Ким Ян Су, Ян Хэ Сунь*. Исследование о текущем состоянии и эффективности симулирующих мер Кэсонского промышленного комплекса) // Korea Institute of Science and Technology Information (KISTI). 2013 [Electronic resource]. URL: http://ocean.kisti.re.kr/download/volume/dpm/DJTJBT/2013/v11n12/DJTJBT_2013_v11n12_69.pdf (accessed: 05.05.2016).

26. 개성공단 가장 큰 매력 (Инвестиционная привлекательность Кэсонского промышленного комплекса) // KOTRA. 2014 [Electronic resource]. URL: http://www.kotra.or.kr/kh/about/KNKICP020M.html?ARTICLE_ID=3002596&RowCountPerPage=50&Page=1&SEARCH_TYPE=SJCN&SEARCH_VALUE=%EB%B6%81%ED%95%9C&MENU_CD=&TOP_MENU_CD=&LEFT_MENU_CD=&PARENT_MENU_CD (accessed: 12.04.2016).

27. 개성공단 중단 '잘했다 47.5 % vs 잘못했다 44.3 %' 팽팽 (Закрытие Кэсонского промышленного комплекса: 47,5 % «за», 44,3 % «против») // Vote 2016 [Electronic resource]. URL: <http://vote2016.co.kr/research/view?idx=173> (accessed: 22.05.2016).

28. 개성공단 중단 — 북한 경제에 얼마나 영향 미칠까 (Повлияет ли закрытие Кэсонского промышленного комплекса на экономику Северной Кореи) // Yonhap News. 10.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/02/10/0200000000A KR20160210069500014.HTML> (accessed: 12.04.2016).

29. 마지막 기회 (Последний шанс) // YouTube. 26.03.2016 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DbOYRLlhIP4> (accessed: 27.04.2016).

30. “위기 돌파구 힘은 국민»...朴대통령 ‘국론결집’ 호소 («Сила для преодоления кризиса — народ», — призывает президент) // Yonhap News. 15.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/02/15/0200000000AKR20160215073600001.HTML> (accessed: 07.05.2016).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 327.2(5-011) + 355.01 + 623.451.74

К. О. Первушина

СПЕЦИФИКА МИЛИТАРИЗАЦИИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В XXI в.

В статье рассматриваются причины и особенности гонки вооружений на современном Ближнем Востоке. Анализ статистических данных экономического и военно-промышленного развития ближневосточных государств позволяет выявить наличие на Ближнем Востоке тенденции к ускоренной милитаризации, которая, в свою очередь, ведет к дестабилизации регионального пространства в целом. Автор приходит к выводу о том, что в обозримой перспективе ставка на военную силу останется одной из ключевых составляющих внешней политики ближневосточных государств ввиду крайне нестабильной международной обстановки в данном регионе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гонка вооружений, милитаризация, военные расходы, Ближний Восток, оружие массового поражения.

В XXI в. военно-политическая сфера остается важнейшей составляющей обеспечения национальной безопасности. Военная сила по-прежнему служит фактором сдерживания и защиты от внешней агрессии, ее реальный потенциал определяет весомость и масштабы воздействия на кризисные ситуации, она также используется в качестве противодействия невоенным и нетрадиционным угрозам национальной и международной безопасности. По сути, в начале XXI в. мир охватила новая гонка вооружений, имеющая качественно новый характер по сравнению с периодом холодной войны и чреватая весьма неоднозначными последствиями. С одной стороны, сам факт наличия гонки вооружений не обязательно предвещает начало военного конфликта и скорее свидетельствует о стремлении государств быть готовыми к отражению современных угроз. Рост военных расходов большинства стран в абсолютных показателях определяется самим ростом их экономик и обновлением устаревших образцов военной техники. Более того, сегодня наличие мобилизационных армий свидетельствует скорее о «догоняющей» модели экономического развития, проблемном состоянии НИОКР и низком военно-техническом потенциале. Действительно тревожным сигналом может служить тенденция увеличения военных затрат за счет сокращения социальных расходов и инвестиций в экономику.

Одной из наиболее тревожных тенденций современной мировой политики является возрастающая милитаризация стран и регионов Азии и Африки. Список наиболее милитаризированных государств в 2015 г., по оценкам Боннского международного центра по проблемам конверсии (ВСС), представлен преимущественно странами Азии. Рейтинг возглавляет Израиль, за ним следуют Сингапур, Армения, Иордания, Южная Корея, Россия, Кипр, Азербайджан, Кувейт и Греция [13]. Несмотря на то что в первой десятке Мирового индекса милитаризации представлено всего две ближневосточные страны, российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении о том, что гонка вооружений именно в этом регионе представляет наибольшую угрозу международной безопасности. Действительно, в военно-политическом плане Ближний Восток представлен преимущественно странами-импортерами вооружения. В промежутке между 2006–2010 и 2011–2015 гг. импорт вооружения на Ближнем Востоке возрос на 61 %, что в 2011–2015 гг. составило 25 % мирового импорта [20].

Западные аналитики склонны объяснять внушительный рост военных расходов значительным скачком цен на нефть в 2011–2013 гг. и усилением нестабильности в регионе. В странах, не экспортирующих нефть, таких как Ливан, Сирия, Йемен, Израиль, рост военных расходов привел к увеличению внешнего долга, в то время как в странах-нефтеэкспортерах, представленных преимущественно странами Персидского залива, на фоне возрастающей милитаризации происходило сокращение бюджета на существующие программы модернизации систем здравоохранения, образования, инфраструктуры [14, 18].

Российские эксперты акцентируют внимание на качественных характеристиках возрастающих закупок вооружения и военной техники (ВиВТ) на Ближнем Востоке, а также пакетов вновь заключаемых контрактов на импорт продукции военного назначения (ПВН). В частности, аналитики ПИР-Центра отмечают процесс качественного преобразования оборонных комплексов отдельных стран (Иран, Израиль, Турция), наращивания ядерного потенциала, запуск проектов перевооружения, тенденцию трансформации концепций национальной безопасности региональных игроков (Саудовская Аравия, Иран, Турция), что в совокупности закономерно ведет к возникновению гонки вооружений среди региональных игроков [1, 5, 8].

Очевидно, что в условиях обострения соперничества региональных экономических и военно-политических центров за расширение сфер влияния и контроль над сырьевыми ресурсами Ближнего Востока анализ процессов милитаризации стран Ближнего Востока и выявление специфики новой гонки вооружений в этом высококонфликтном регионе мира остается весьма актуальной задачей как с академической, так и с политической точек зрения. Данная статья является определенным вкладом в процесс научного осмысления военно-политической составляющей международных отношений на современном Ближнем Востоке. Материал базируется на ежегодных аналитических докладах российских и зарубежных центров, публикациях современных российских, американских и европейских ученых, представляющих стратегические исследования военно-политической компоненты стран и регионов Азии и Африки, а также ведущих мониторинг мировой торговли оружием.

Источниковой основой представленного анализа являются статистические данные и аналитические доклады ведущих экспертных центров мира: Стокгольмского института исследований проблем мира (SIPRI) [17], Боннского международного центра по проблемам конверсии (BICC) [13], Международного института стратегических исследований (IISS) [18], ПИР-Центра [1, 5, 8], Центра анализа мировой торговли оружием (ЦАМТО) [4], ежегодные доклады Организации Североатлантического договора (НАТО) [19], Международного валютного фонда (МВФ) [21]. Комплексный анализ содержания указанных материалов позволяет выявить факторы и тенденции милитаризации стран Ближнего Востока, а также выстроить прогнозный сценарий развития силовой компоненты обеспечения безопасности в регионе.

Ближний Восток по-прежнему остается регионом с высоким уровнем милитаризации в силу целого ряда факторов. В их числе неразрешенный палестинско-израильский конфликт; «арабская весна», которая привела к тектоническим сдвигам в политическом ландшафте региона; доминирующая роль армии в политической жизни большинства государств; вооруженные конфликты в Сирии и Йемене; растущее противостояние по линии Иран — Израиль; борьба за региональное лидерство между Саудовской Аравией, Ираном и Турцией; региональная угроза в лице запрещенной в России ДАИШ. Очевидно, что конфликтный потенциал стран Ближнего Востока весьма высок.

Ближневосточные лидеры стремятся усилить военный потенциал своих стран в целях сохранения своих режимов в случае развития ситуации по негативному сценарию. Реализация этих устремлений осуществляется, как правило, через увеличение доли военных расходов, направляемых на модернизацию вооруженных сил и закупки ВиВТ. Наиболее наглядно это проявилось на нынешнем витке обострения обстановки в регионе.

В последнее десятилетие по объему заключаемых контрактов на поставку ВиВТ Ближний Восток занимает второе место в мире после Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), причем разрыв между ними постепенно сокращается. К примеру, за 2007–2014 гг. общая сумма контрактов по АТР составила порядка 157 млрд долл., тогда как по Ближнему Востоку — 105 млрд долл., из них объем заказов 2014 г. составил 22,5 млрд долл. [4]. Ближний Восток сохраняет лидерство и по пакету вновь заключаемых контрактов на импорт ПВН. В 2007–2014 гг. страны региона аккумулировали портфель заказов на импорт ПВН на сумму 225 млрд долл. (36 % общемирового показателя), в том числе в 2014 г. — на 34 млрд долл. (32 %). Это свидетельствует об устойчивой тенденции смещения «центра» тяжести мирового импорта вооружений из АТР на Ближний Восток [4].

Военные расходы стран Ближнего Востока в 2014 г. составили 196 млрд долл., что на 5,2 % выше показателей 2013 г. Наиболее динамичный рост с 2005 г. демонстрируют Ирак (286 %), ОАЭ (135 %), Бахрейн (126 %), Саудовская Аравия и Кувейт (112 %) [17]. Очевидно, что тенденция к увеличению военных расходов характерна преимущественно для нефтедобывающих стран, доходы которых возросли за счет высоких цен на нефть в указанный период и оставались устойчивыми даже в период обвала цен на нефть в середине 2014 г.

Особенно заметное увеличение военной мощи демонстрирует Саудовская Аравия, что обусловлено ее союзническими отношениями с США, обновлением стратегии национальной безопасности, противостоянием Ирану и претензиями на региональное лидерство. За последнее десятилетие военный бюджет страны увеличился в 4 раза (80,7 млрд долл. в 2014 г.). Саудовское королевство направляет на военные нужды 25,9 % госбюджета (самый высокий в мире показатель), что составляет более 10 % ВВП и на сегодняшний день по размерам военных расходов уступает лишь США, Китаю и России [17]. Страна также является вторым после Индии мировым импортером оружия (7 % глобального импорта вооружений) и главным реципиентом военных поставок на Ближний Восток (25 %), активно сотрудничая в этой сфере с Великобританией (30 % военных закупок Саудовской Аравии), США (46 %) и Испанией (5,9 %) [20].

Аналогичные тенденции характерны и для других арабских стран Персидского залива. Так, за последнее десятилетие военные расходы ОАЭ увеличились более чем в 3 раза (22 млрд долл.) и сравнялись с военным бюджетом Турции. На военные нужды страна расходует четвертую часть госбюджета, а по импорту вооружений занимает 4-е место в мире (4 % глобального импорта вооружений) и 2-е на Ближнем Востоке (20 % военных поставок в регион) [20]. Не менее внушительное увеличение военных расходов имеет место в Омане, Катаре и Кувейте [17].

Военная интервенция коалицией арабских государств в Йемен в 2015 г. способствовала увеличению импорта вооружений государств, инициировавших данную военную кампанию, — Катара, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта. Так, катарский импорт вооружений возрос на 279 % в 2006–2015 гг. и включал первые крупные контракты на поставку вооружений, которые значительно увеличили военный потенциал страны. В отличие от Катара импорт вооружений Египта, в прошлом самого военизированного государства на Ближнем Востоке, рос поступательно, достигнув 37 %. На военные нужды страна направляет лишь 1,6 % ВВП [Там же]. Данные показатели отражают экономические возможности и регионально-политические амбиции указанных государств.

Гражданская война в Сирии послужила катализатором усиления военного потенциала целого ряда ближневосточных стран, где в борьбе за региональную гегемонию столкнулись интересы Турции и Ирана. Тегеран уже сформулировал тезис о том, что «борьба за Сирию — это борьба за Иран». В этом ключе иранские консерваторы разработали концепцию «цепи сопротивления» в составе Ливана, Сирии, Ирака и Йемена. По мнению Тегерана, каждая из указанных стран — это передний край обороны Ирана от враждебных действий его региональных оппонентов — Саудовской Аравии, Катара, Турции и Израиля [15].

Иранская армия является самой крупной по числу военнослужащих на Ближнем Востоке и достигает, по данным доклада Международного института стратегических исследований, порядка 523 тыс. человек. Численность регулярных войск составляет 350 тыс. человек, 125 тыс. — Корпус стражей исламской революции, в подчинении которого находятся нерегулярные силы сопротивления «Басидж», 18 тыс. — ВМФ, 30 тыс. — ВВС. Экономические возможности страны позволяют Тегерану тратить на оборону порядка 15 % госбюджета, что составляет не более 2,5 % ВВП. Одним из преимуществ военной

обороны Ирана является довольно высокая степень обеспечения национальной кибербезопасности [18].

Сегодня на вооружении Ирана имеются легкие скоростные морские суда, мини-субмарины, противокорабельные ракеты, «умные» мины, легкое управляемое вооружение, беспилотники и т. п. Одним из основных и наиболее опасных компонентов оборонного комплекса страны являются баллистические ракеты малой и средней дальности, способные поразить любые цели на Ближнем Востоке, включая военные базы США. Множество имеющихся сегодня в распоряжении Ирана современных вооружений приобретено в последние годы у России и Китая, но информация о них остается скудной и противоречивой. Хотя эксперты затрудняются обрисовать четкую картину военной мощи Ирана, они сходятся во мнении, что она достаточна для дискредитации идеи о бесспорном превосходстве сил НАТО в Персидском заливе над Ираном в случае открытого военного противостояния [2, 55; 7, 112].

Тенденция к усилению военного могущества наблюдается и в Турции, которая, будучи членом НАТО, входит в десятку самых мощных военных держав мира, занимая 7-е место среди мировых импортеров оружия (3 % глобального импорта вооружений) и 3-е — на Ближнем Востоке (16 % военных поставок в регион) [20]. За последнее десятилетие страна более чем вдвое увеличила военные затраты (22,6 млрд долл.), сократив при этом их долю в общих расходах госбюджета более чем на треть (5,8 % в 2014 г.). Устойчиво снижается и удельный вес расходов на оборону в ВВП (3,4 % в 2003 г., 2,2 % в 2014 г.). Весьма показательны и сокращение численности армии почти в 2 раза (410 тыс. человек в 2014 г.), что обусловлено ускоренной модернизацией военно-промышленного комплекса страны [19]. Турция не скрывает заинтересованности в усилении своего ядерного потенциала. На территории страны расположены базы НАТО, которые оснащены ядерными вооружениями.

Особенностью масштабного реформирования оборонной отрасли Турции является ставка на развитие военного сотрудничества с США, Южной Кореей и Израилем. Анкара планирует создавать международные альянсы, прежде всего в авиастроении, и активно продвигать совместную продукцию за рубеж. Стратегическое сотрудничество Турции с США в рамках НАТО предусматривает меры по унификации вооружений, организации ПВО и обмену разведанными по ситуации в Сирии, Ираке и Афганистане. Израиль поставляет в Турцию прежде всего беспилотные летательные аппараты, однако взаимоотношения двух стран серьезно осложняют разногласия по палестинскому вопросу [6, 75].

Особый случай милитаризации представляет Израиль. Находясь в окружении враждебных режимов, стремящихся заполучить любыми способами оружие массового поражения (ОМУ), Тель-Авив вынужден совершенствовать национальный военно-промышленный комплекс, уровень боевой и морально-психологической подготовки израильских военнослужащих. Продукция израильской военной промышленности пользуется спросом на мировом рынке благодаря своему высокому качеству, что в немалой степени является результатом взвешенных политических решений руководства страны [2, 55]. Военно-промышленный комплекс Израиля не только обеспечивает значительную часть потребностей ЦАХАЛа в вооружении,

оборудовании и снаряжении, но и экспортирует свою продукцию в Южную и Центральную Америку, Южную Африку, Восточную Азию [3].

Армия обороны Израиля — ЦАХАЛ — насчитывает 176,5 тыс. человек, а в случае войны может пополниться за счет 465 тыс. резервистов, что позволяет ей входить в двадцатку сильнейших армий мира [18]. В 2015 г. оборонные расходы Тель-Авива составили порядка 15 млрд долл. На военные нужды страна тратит немалую часть бюджета (более 13 %) и ВВП (5,2 %), что приводит к сокращению финансирования жизненно важных социальных программ. Сегодня Израиль занимает 11-ю строчку в Мировом индексе военной мощи и первую — в рейтинге самых милитаризованных стран мира [18].

Конфликтный потенциал Ближнего Востока усиливается действием ядерного фактора. В первую очередь это связано с триумфальным возвращением Ирана в сферу конкуренции региона благодаря подписанию Совместного всеобъемлющего плана действий по ядерной программе Ирана (СВПД) со странами «Евротройка+3» (Китай, Франция, Германия, Россия, Великобритания, США совместно с Верховным представителем Европейского союза по иностранным делам и политики безопасности). У некоторых региональных игроков имеется возможность получить ядерное оружие; ситуация осложняется тем, что многие из них готовы к открытому противостоянию. В Вашингтоне не принято поднимать ядерную проблематику в отношениях с Тель-Авивом, Анкарой и Исламабадом, союзниками Белого дома [9, 303].

Угроза применения ядерного оружия подталкивает многие ближневосточные страны к наращиванию своих вооружений и провоцирует в регионе эффект ядерного «домино». Развитие ядерной сферы стало национальным приоритетом Турции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта и Алжира. Намерение развивать атомную энергетику выражали или выражают Сирия, Ирак, Иордания, Ливан, Кувейт, Бахрейн, Йемен, Ливия, Тунис и Марокко. Даже если все вышеуказанные арабские страны в настоящий момент намерены развивать именно «мирный атом», появление в перспективе у Ирана ядерного оружия может спровоцировать работы над ним у целого ряда стран; это будет означать, что вероятность применения ОМУ в конфликтах между ними значительно повысится [Там же, 315].

Меры ООН, направленные на снижение конфликтности в регионе, в частности эмбарго на поставку различных видов вооружений конфликтующим сторонам, как правило, не имеют ожидаемого эффекта. В 2015 г. полное или частичное эмбарго ООН на поставки вооружений действовали в отношении Аль-Каиды, движения Талибан, ДАИШ, Ирака, Ирана, Ливана, Ливии, Йемена, что, однако, не снизило военно-политической напряженности в регионе. Как следует из докладов комитетов ООН по санкциям, эмбарго на поставки оружия не способно остановить военный конфликт, который продолжается либо за счет перетекания оружия от одной противоборствующей стороны к другой, либо за счет нелегальных его закупок через третьи страны или других контрабандных способов поступления [10–12]. Согласно докладу Стокгольмского института исследований проблем мира (СИПРИ) эмбарго более или менее результативно только примерно в 25 % случаев [16].

Таким образом, страны Ближнего Востока продолжают вооружаться высокими темпами. Тенденции развития ситуации на региональном рынке обычных

вооружений свидетельствуют о набирающем обороты процессе милитаризации, который усиливает международную напряженность и чреват непредсказуемыми последствиями для всего мира. Текущее состояние международных отношений и мировой политики позволяет предположить, что военная сила будет еще долгое время оставаться важной составляющей внешней политики ближневосточных государств и одним из главных факторов дестабилизации регионального пространства.

1. *Блащаница А.* Опыт глобального партнерства для Ближнего и Среднего Востока // Индекс Безопасности. 2014. № 1 (108). С. 39–64.
2. *Валихметова Г. Н.* Азия в мировой политике XXI века. Екатеринбург, 2015.
3. Вооруженные силы Израиля // 200 stran.ru [Электронный ресурс] URL: http://www.200stran.ru/war_country78.html (дата обращения: 01.03.2016).
4. Ежегодник ЦАМТО-2015 // Центр анализа мировой торговли оружием [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armstrade.org/includes/periodics/analytics/2015/0219/184927958/detail.shtml> (дата обращения: 26.02.2016).
5. *Калинина Н.* Милитаризация Ближнего Востока: динамики и риски // Индекс Безопасности. 2013. № 3(106). С. 43–62.
6. *Кольцов А. В.* Модернизация военно-промышленного комплекса Турции // Восточная аналитика. Ежегодник 2011. М., 2012.
7. *Маначинский А. Я.* Военный потенциал Ирана. М., 2015.
8. *Мохамед Шакер, Аднан Шихаб Эльдин.* Ближневосточный ядерный цикл: возможна ли регионализация? // Индекс Безопасности. 2015. № 1(112). С. 105–114.
9. *Сатановский Е. Я.* Россия и Ближний Восток: Котел с неприятностями. М., 2012.
10. Annual Reports to resolution 1267, 1989 and 2253 (ISIL (Da'esh) and Al-Qaida) // Security Council Committee of the United Nations. 31.12.2015 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=s/2015/976 (accessed: 01.05.2016).
11. Annual Reports to resolution 1518 (Iraq) // Security Council Committee of the United Nations. 31.12.2015 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/992 (accessed: 01.03.2016).
12. Annual Reports to resolution 2140 (Yemen) // Security Council Committee of the United Nations. 31.12.2015 [Electronic resource]. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/965 (accessed: 01.03.2016).
13. Global Militarization Index 2015 // Bonn International Center for Conversation. Publications [Electronic resource]. URL: <http://gmi.bicc.de/index.php?page=gmi-publications> (accessed: 01.03.2016).
14. *Karen E. Young.* Counting the cost – military expenditure in the GCC // The Arab Gulf States Institute in Washington. 16.11.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.agsiw.org/counting-the-cost-military-expenditure-in-the-gcc/> (accessed: 15.01.2016).
15. Khamenei advisor: An attack on Syria means an attack on Iran // National Council of Resistance of Iran, 29.01.2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.ncr-iran.org/en/ncri-statements/terrorism-fundamentalism/12760-khamenei-advisor-an-attack-on-syria-means-an-attack-on-iran> (accessed: 14.04.2015).
16. SIPRI Arms Embargoes Database 2015 // Stockholm International Peace Research Institute [Electronic resource]. URL: <http://www.sipri.org/databases/embargoes> (accessed: 01.03.2016).
17. SIPRI Military Expenditures Database // Stockholm International Peace Research Institute [Electronic resource]. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (accessed: 20.02.2016).
18. The Military Balance 2016. The Annual assessment of global military capabilities and defence economics // The International Institute for Strategic Studies, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.iiss.org>

www.iiss.org/en/publications/military%20balance/issues/the-military-balance-2016-d6c9 (accessed: 11.02.2016).

19. The Secretary General's Annual Report 2015 // The North Atlantic Treaty Organization, 2015 [Electronic resource]. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2015_06/20150622_PR_CP_2015_093-v2.pdf (accessed: 15.01.2016).

20. Trends in International Arms Transfers, 2015 // Stockholm International Peace Research Institute [Electronic resource]. URL: http://books.sipri.org/product_info?c_product_id=508 (accessed: 01.03.2016)

21. World Economic Outlook report 2016 // International Monetary Fund [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/publications/index.htm> (accessed: 29.09.2015).

Рукопись поступила в редакцию 6 марта 2016 г.

УДК 327.8(470:55) + 327.8(470:536.2) + 325.111 + 378.4

Б. Г. Фаткулин

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПО ЛИНИЯМ РОССИЯ – ИРАН И РОССИЯ – ОАЭ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИРАНСКОЙ И ЭМИРАТСКОЙ МОДЕЛЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА С РФ

В статье сравниваются модели взаимодействия между странами Ближнего и Среднего Востока и Российской Федерацией. В качестве объектов сравнения выступают Исламская Республика Иран и Объединенные Арабские Эмираты. Сравнение проводится по следующим параметрам: политическая доктрина, миграционная политика, туризм, финансы, образовательная политика. Автор приходит к выводу о том, что модель сотрудничества по линии Россия – Иран более точно соответствует современному состоянию дел на Ближнем и Среднем Востоке. Глобалистская модель, принятая ОАЭ для сотрудничества с Россией, уже не в полной мере отвечает реалиям современной эпохи и изменившимся внешнеполитическим ориентирам России. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: Иран, ОАЭ, «мягкая сила», трудовая миграция, туризм, оффшорные университеты, экспатрианты, зарубежная магистратура, экономические санкции.

В условиях санкций России необходима диверсификация международных связей в различных сферах жизни, а для этого целесообразно рассматривать множественные модели взаимодействия со множеством государств. Модели, сложившиеся в 90-е и нулевые годы, требуют корректировки. Как известно, регион Ближнего Востока представлен несколькими группами государств: среди них Исламская Республика Иран (ИРИ) и нефтедобывающие монархии Персидского залива. Россия стремится развивать отношения со всеми государствами региона, понимая при этом, что к каждой группе стран необходим свой собственный подход. По нашему мнению, изменения в геополитической обстановке на Ближнем Востоке предполагают для России расширение списка новых партнеров.

В экспертном сообществе России существуют различные точки зрения на приоритетные направления взаимодействия со странами указанного выше

региона. На наш взгляд, перспективность развития отношений России и Ирана в российском обществе пока недооценена. Пересмотреть иранско-российские общие горизонты нам поможет сравнительный подход. Сравнение подходов Ирана и ОАЭ к отношениям с Россией, где Россия рассматривается как государство-объект «мягкой силы», поможет выявить новые тенденции межрегионального и межгосударственного сотрудничества. Сравнение проводится по следующим параметрам: политическая доктрина, миграционная политика, туризм, финансы, образовательная политика. Возможно, приведенные в сравнении аргументы подвигнут заинтересованные структуры к пересмотру некоторых спонтанно сложившихся стереотипов в отношении ОАЭ и помогут в положительном ключе взглянуть на новые перспективы в отношениях с ИРИ.

По мнению С. Михневича, классическая модель «мягкой силы» подразумевает следующий алгоритм: «1) экономические успехи страны возбуждают к себе интерес в обществах стран — объектов ее “мягкой силы”; 2) в стране-объекте возникает потребность в изучении модели развития страны, в основе которой лежит ее культура; 3) получают распространение различные элементы культуры страны-субъекта, в ее отношении формируется обширный информационный фонд; 4) происходит изменение восприятия имиджа страны-субъекта обществом страны-объекта (как правило, в сторону улучшения); 5) складываются условия для максимизации “мягкой силы” страны-субъекта» [6].

Для начала рассмотрим, как перечисленные выше параметры для сравнения проявляются в политике ОАЭ. Действительно, за последние двадцать лет усилиями части российского экспертного сообщества, действовавшего через СМИ, было создано определенное реноме для ОАЭ. Согласно этому реноме ОАЭ позиционируется как центр трудовой миграции, финансовый центр, центр туризма и центр образовательных услуг.

Оценивая статус ОАЭ как центра потенциальной трудовой миграции, можно привести слова Д. С. Багатурова: «Коренные жители страны составляют лишь 19 % от всех проживающих в ОАЭ. Арабы из других стран и иранцы составляют 23 % в структуре населения. Самой же большой группой мигрантов являются выходцы из стран Южной Азии — около 50 % населения ОАЭ» [1]. Развивая свою мысль, Д. С. Богатуров приводит следующие данные: «Главным торговым партнером является Индия, на нее приходится 13 % экспорта и 17 % импорта ОАЭ. Это обстоятельство, вкупе со значительной долей индусов среди иммигрантов, позволяет сделать вывод о существенной роли данного государства Южной Азии в развитии федеративной монархии. Стоит добавить, что индийская рупия на протяжении ста лет являлась денежной единицей арабских княжеств Персидского залива» [Там же].

Российский специалист по вопросам миграции А. В. Квочкин пишет: «ОАЭ стали активно привлекать иностранную рабочую силу для обслуживания растущей экономики с 1970-х гг. Сегодня иностранцы составляют, по разным источникам, от 70 до 90 % населения страны. Около 80 % населения ОАЭ — это иностранцы, привлеченные в страну еще в период нефтяного бума. Подавляющая часть мужчин-мигрантов занята на стройках или на работе в портах, женщины работают медсестрами. Местом проживания неквалифицированной рабочей

силы являются специальные лагеря на окраинах городов. Забастовки являются нарушением закона. За драку в общественном месте можно получить пару лет в очень некомфортной тюрьме. Заработок невысок, но при этом обеспечивает прожиточный минимум в стране пребывания и возможность содержания семьи на родине. Многим из рабочих на начальном этапе приходится отрабатывать долг за проезд в ОАЭ, визы, медицинские услуги и услуги посредников.

ОАЭ проводит строгую иммиграционную политику. Иностранец работает в стране до тех пор, пока он нужен своему работодателю. Резидентская виза получается на основании ходатайства работодателя и может быть отозвана в любой момент» [4].

Сделаем оговорку, что высококвалифицированную работу в ОАЭ выполняют преимущественно американские, английские и иногда иные европейские специалисты, люди с высоким уровнем образования и культуры, высоким по отношению к большинству развивающихся стран уровнем доходов. Они живут и работают в значительно более комфортабельных условиях, чем иностранные рабочие-выходцы из стран Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Возможно, многие выпускники российских вузов хотели бы также войти в число экспатов на трудовом рынке ОАЭ. Но в этом случае они с большой степенью вероятности становятся частью международного рынка труда и целиком переходят под подданство транснациональных корпораций, теряя связь с Россией, и их возможности работать в интересах своей страны серьезно уменьшаются.

Согласно одной из классификаций туристических услуг существуют два вида туризма: потребительский и культурный. Глянцевые репортажи о шикарной жизни в ОАЭ еще с 90-х гг. стали частью российской туристической журналистики, при этом квалифицированный анализ внутренних проблем ОАЭ отсутствовал. Благодаря политике властей немногочисленные памятники древней истории ОАЭ были дополнены досуговыми объектами, привлекающими состоятельных российских туристов-потребителей: ярмарками, выставками, дорогостоящими инфраструктурными объектами. ОАЭ считается негласной столицей пляжного и шопинг-туризма в регионе. Согласно Д. А. Гусеновой «первый шопинг-фестиваль был организован еще в далеком 1996 г., на него приехало 200 тыс. чел., а сегодня приезжает в 5 раз больше. Здесь часто проводятся распродажи, функционируют первоклассные торговые центры класса “люкс”, проводятся фестивали, в т. ч. Дубайский торговый фестиваль, Фестиваль летних сюрпризов в Дубаи, Абу-Дабийский торговый фестиваль, Шарджинский торговый фестиваль, фестиваль “Торговые дни Рамадана”, Фестиваль бумажного змея и т. п. Проведение фестивалей сопровождается ежевечерними фейерверками, спортивными соревнованиями, скачками, концертами фольклорных ансамблей мира, лотереями, деловыми конференциями и т. д., а к месяцу Рамадан приурочивают ярмарку потребительских товаров» [2].

Таким образом, ОАЭ стал для россиян символом потребления люксовых услуг и дорогостоящего шопинга. Общение российских туристов с гражданами страны происходит через обслуживающий персонал из категории экспатов, языком коммуникации является английский. Пребывание российских туристов в ОАЭ не предполагает прямого общения с коренными жителями страны. Вызванные санкциями скачки курса рубля по отношению к евро и доллару затрудняют оплату

многих услуг. Высокая стоимость пребывания ставит перед россиянами определенный имущественный ценз и отсекает большую часть российского общества от возможностей посетить эту страну.

Периодически возникающие идеи о привлечении инвесторов из стран Персидского залива в Россию входят в противоречие с глобализацией мировой финансовой системы. Банки ОАЭ очень сильно интегрированы в мировую банковскую систему. В плане применения финансовых санкций против России банки стран Залива не делают исключений для российских клиентов. Попытки российских банковских структур участвовать в так называемом «исламском банкинге» пока носят случайный и единичный характер. В России уже были безуспешные попытки создать исламские банки: у «Бадр-Форте Банка» лицензия была отозвана в конце 2006 г., а у дагестанского банка «Экспресс» — в начале 2013 г. [7].

Говоря о перспективах получения образования в ОАЭ, необходимо отметить, что главной чертой обучения иностранных студентов в ОАЭ является его оффшорный характер. Высшие учебные заведения ОАЭ представляют собой вынесенные за рубеж филиалы американских или западноевропейских вузов. По информации М. В. Пучкова, «в этот интернациональный «образовательный оффшор» входят несколько университетов, в частности, университет Аль Гурайр, Американский университет в Дубаи, Университет Азар, Британский университет в Дубаи, Аэрокосмический университет Дубаи, Авиационный колледж, Французский институт моды, немецкие, английские и французские школы, Международная бизнес-школа, Институт Ватта, Университет Махатмы Ганди, Институт менеджмента технологий Дубаи и т. д.» [9]. В Дубае (Арабские Эмираты) создана «Деревня знаний» — свободная экономическая зона, где размещено несколько десятков вузов США, Великобритании, Индии, Австралии и других стран. Продолжение проекта — Дубайский международный академический городок, включающий помимо университетов необходимую инфраструктуру. Языком преподавания, естественно, является английский. Преобладание английского языка в образовательной среде выглядит вполне обоснованным на фоне многочисленной англоговорящей индийской эмигрантской общины и колониального прошлого ОАЭ в рамках сферы влияния Великобритании. Программы для специальностей и образовательные стандарты для обучения иностранцев составляют наемные иностранные специалисты в области менеджмента образования.

Мы согласны с тезисом Н. Синецкого о том, что «такой подход — привлечение университетов из стран с т. н. “инновационной” системой образования — на первый взгляд может показаться вполне удачным. Теоретически получение арабскими студентами образования западного типа в подобных учебных центрах со временем будет способствовать либерализации консервативных в культурном плане арабских обществ. Проблема, однако, в том, что такие центры не могут изменить культурно-образовательную среду арабского общества, которое в целом остается сугубо традиционалистским» [10]. В области подготовки кадров оффшорная система образования ОАЭ призвана готовить из иностранных студентов кадры для работы в условиях стирания национальных границ. Потенциальным местом для трудоустройства выпускников являются крупные транснациональные корпорации, гостиничные и ресторанные сети, посреднические конторы и т. п.

Во многом по причине того, что образовательная система ОАЭ не носит уверенного характера и «заточена» под западные постколониальные стандарты, связи между образовательными системами России и ОАЭ на государственном уровне просматриваются очень слабо. Число магистрантов и аспирантов граждан ОАЭ в российских вузах стремится к нулю. Число совместных статей и цитирование российских и эмиратских специалистов тоже не велики. Упование на английский язык в ОАЭ как на основное средство общения выхолащивает национальные особенности арабоязычных коренных жителей ОАЭ. Отсутствие связей на духовном уровне затрудняет установление искренних и долгосрочных связей между российской и эмиратской интеллектуальными элитами. Кроме того, географическая близость образовательных центров ОАЭ к ваххабитской Саудовской Аравии создает опасность того, что молодые студенты-иностранцы рискуют приобрести идеи, противоречащие российскому традиционному исламу, и стать «своеобразными “агентами влияния” аравийских монархий» [8].

Е. С. Мелкумян отмечает, что «в настоящее время конкуренция между арабскими странами и Ираном возрастает. Вряд ли удастся в кратчайшие сроки преодолеть все те противоречия, которые их разделяют. Главными, как представляется, остаются не только противоречия между Ираном и государствами—членами ССПЗ, касающиеся региональных проблем, таких как Сирия, Ливан, Ирак, но и разделяющее их обоюдное стремление играть ведущую роль в регионе» [5].

С изменением внешнеполитических приоритетов РФ на международной арене роль Ирана в обеспечении стабильности в регионе, прежде недооцененная российской дипломатией, возрастает. В настоящий момент внешняя и внутренняя политика Исламской Республики Иран отличается самостоятельным характером. Иранские государственники настаивают на сохранении ценностей традиционного исламского общества и культуры, выступают за добровольную умеренную автаркию государства на мировой арене. Согласно А. С. Исакову «иранские традиционалисты считают, что реализация принципов рыночной экономики приведет к деградации социума, обострит проявления западного образа жизни» [3].

Сравним подходы ИРИ и ОАЭ к процессам, происходящим в регионе: Иран, как и Россия, поддерживает в Сирии законное правительство Б. Асада и правительственные войска, оказывая им вооруженную помощь, тогда как государства—члены ССПЗ — стоят на стороне так называемой «оппозиции». Иран способствовал участию в сирийском конфликте на стороне сирийского государства и своих союзников в лице представителей ряда шиитских организаций.

Согласно заявлениям иранских политических лидеров и политической доктрине страны Россия стоит в списке приоритетных для Ирана стран. Иран стремится стать полноправным членом ШОС, входит в Совет сотрудничества прикаспийских государств. Список совместного участия России и Ирана в различных межгосударственных объединениях выглядит достаточно внушительно. Сравнивая западные санкции против Ирана и России, российские СМИ говорят об Иране как о стране с особой культурой, успешно преодолевшей санкции и сумевшей в условиях санкций сохранить независимую внешнюю политику.

В отличие от ОАЭ, Иран обладает высокой степенью самодостаточности с точки зрения трудовых ресурсов: высокая рождаемость в стране обеспечила приток

трудовых ресурсов в экономику. Санкции стимулировали импортозамещение и дали Ирану возможность подготовить собственную высококвалифицированную промышленную элиту и прослойку деятелей культуры. Российские специалисты, обладающие пониманием основ иранской цивилизации и владеющие языком фарси, имеют перспективы для успешного сотрудничества с иранской элитой, как инженерной, так и гуманитарной.

Духовная сфера и ее социокультурные ценности являются сакральной частью национальной культуры Ирана. В отличие от ОАЭ, предлагающих только выездной туризм и трату сбережений, в арсенале у Ирана имеются внешние культурные обмены, которые осуществляются путем проведения в России фестивалей национальной культуры, выставок, взаимных обменов культурными и художественными делегациями, совместного обучения студентов, создания за рубежом центров иранской культуры и распространения национального языка. Конечно, в отличие от ОАЭ, Иран не может стать для россиян ни средоточием элитного шоппинга, ни центром туристических услуг по принципу «клиент всегда прав» и «все включено», ни источником рабочих мест для космополитичных экспатов. Однако некоторые подходы Ирана к развитию сотрудничества с Россией в нынешней обстановке могут показаться намного более эффективными.

Продвижение персидского языка в России, проводимое иранскими структурами в сотрудничестве с российскими вузами, соответствует одному из главных постулатов мягкой силы: «Одним из основных средств проникновения в культуру страны, улучшения ее понимания является изучение языка страны-субъекта. Одновременно популяризация языка страны-субъекта может сама по себе служить маркером эффективности политики “мягкой силы”: если есть интерес к стране, ее культуре, то и число лиц, изучающих язык, постоянно увеличивается» [6]. Английский же язык, главенствующий в ОАЭ в сфере общения с иностранцами, в данном случае нивелирует национальную идентичность этой страны.

Отличительной чертой Ирана является то, что страна работает с Россией не только на уровне столиц, но и на уровне регионов: специальность «персидский язык» открыта в ряде вузов Центрального, Кавказского, Южного, Уральского и Приволжского федеральных округов; ежегодно среди российских студентов-иранистов проводится олимпиада по персидскому языку; российские преподаватели-иранисты регулярно выезжают в Иран на курсы повышения квалификации при ведущих иранских вузах; в российских городах проводятся концерты иранской классической музыки, показы призовых иранских художественных фильмов; произведения иранских авторов переводятся на русский язык; многие граждане Ирана получают степень бакалавра и магистра в российских вузах. Таким образом, иранцы заинтересованы в прямых контактах с гражданами России, проявляя гораздо большую энергию, нежели утопающие в роскоши жители Залива.

Вместе с тем и здесь существуют определенные проблемы. Так, при отборе кандидатов-иранцев на обучение по магистерским программам российских вузов далеко не всегда проводится конкурс, позволяющий выявить наиболее перспективных абитуриентов, что в последующем усложняет адаптацию иранских студентов к российской вузовской системе. Кроме того, высок уровень бюрократии при взаимодействии всех вовлеченных в процесс ведомств.

Информационная работа Ирана по освещению позиции иранского правительства через русскоязычные иранские СМИ (*irib.ir*) в настоящее время включает: 1) ежедневное дневное направленное освещение внешнеполитических шагов Ирана на международной арене; 2) развитие прямых контактов с иностранной аудиторией посредством системы обменов, программ научных стипендий, что позволяет гражданам России лично знакомиться со страной. Иран неуклонно повышает количество кадровых иранцев-россиеведов, владеющих именно русским языком. Безусловно, положительным явлением могла бы стать активизация сообществ выпускников граждан Ирана из вузов России и СНГ. Тем не менее пока эти совместные усилия России и Ирана довольно фрагментарны и бессистемны.

Таким образом, исповедуемая иранцами модель сотрудничества по линии Россия — Иран более точно соответствует современному состоянию дел на Ближнем и Среднем Востоке и той роли, которую Россия играет в этом регионе. На наш взгляд, иранский подход к развитию отношений с Россией имеет много общего с китайским подходом и в нынешней обстановке является более продуктивным.

Объединенные Арабские Эмираты, на наш взгляд, остаются же на прежних позициях, используя устаревшие подходы, не отвечающие веяниям времени. Между ОАЭ и Россией преобладают связи в отдельных, достаточно узких сегментах экономики, политические связи на горизонтальном уровне отсутствуют. Космополитичная, англоязычная и глобалистская модель сотрудничества ОАЭ с Россией несет на себе отпечаток 90-х гг. и уже не в полной мере отражает реалии современной эпохи и изменившиеся внешнеполитические ориентиры России.

Безусловно, обе рассмотренные модели имеют право на существование. И та и другая модель найдут своих сторонников в России. Нашей целью было не противопоставление этих моделей друг другу, а выделение их отличительных черт. Граждане России вправе выбрать себе ту или иную модель в зависимости от их желаний, способностей и возможностей, при этом мониторинг, оценка и сравнение разных моделей и их продуктивности по-прежнему не теряют актуальности.

---

1. *Богатуров Д. С.* Государства Персидского залива в XXI веке: социально-экономическое положение // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 5–2.

2. *Гусенова Д. А.* Развитие туризма как отражение процессов либерализации стран Аравийского полуострова // Исламоведение. 2015. № 2.

3. *Исаков А. С.* Фракционистское измерение политики памяти в Иране: концептуальные основы // Дискурс-Пи. 2015. Т. 3–4.

4. *Квочкин А. В.* Мигранты и коренное население: взаимная выгода и мирное сосуществование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2014. № 8–1(46).

5. *Мелкумян Е. С.* Ирано-арабская конкуренция в регионе Ближнего Востока и Персидского залива // Вестн. РГГУ. 2015. № 11.

6. *Михневич С. В.* Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 1.

7. *Нагимова А. З.* Арабский капитал в Российской Федерации // Проблемы современной экономики. 2013. № 3(47).

8. *Пасандиде Сомайе* (Исламская Республика Иран). Салафиты и борьба с радикализацией в России // *Власть*. 2014. № 4.
9. *Пучков М. В.* «Образовательные офшоры» и современные принципы развития университетских комплексов // *Академ. вестн. УралНИИпроект РААСН*. 2010. № 3.
10. *Синецкий Н. С.* Традиции и новаторство в культуре арабской цивилизации (на примере системы образования) // *Вестн. ЧГАКИ*. 2013. № 2 (34).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 327.7 БРИКС + 316.4.063 + 332.135

Е. Б. Михайленко

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ БРИКС

В современном мире процессы построения региональных интеграционных проектов становятся популярным явлением. Появляются новые внерегиональные интеграционные проекты. В статье анализируется новый тип региональных интеграционных проектов на примере БРИКС. Автор статьи предлагает свою интерпретацию кластеров теоретических подходов регионализма: «старый», «новый» и «сравнительный», а также выделяет основные типологические черты современного регионализма. По мнению автора, альтернативный тип регионализма на примере БРИКС является новым явлением и обладает определенными характеристиками, которые надо учитывать при выстраивании внешней политики РФ.

Ключевые слова: сравнительный регионализм, альтернативный регионализм, интеграция, БРИКС.

Российская Федерация участвует в серии региональных проектов, включающих как страны бывшего СССР (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС), так и страны за пределами постсоветского пространства (ШОС, БРИКС). Участие России в региональных проектах с новыми партнерами (КНР) и внерегиональными партнерами (Индия, Пакистан, ЮАР, Бразилия) вызывает большие надежды политической элиты России [11, 13]. Участие России в БРИКС является одним из важнейших приоритетов внешней политики РФ. Однако станет ли этот новый и перспективный проект эффективным и принесет ли ожидаемые дивиденды России?

Отправной точкой анализа для большинства экспертов, изучающих БРИКС, является аналитика экономического агентства Голден Сакс и, в частности, отчет агентства 2003 г. под названием «Мечтая вместе с БРИКС: дорога к 2050» [24], в котором утверждается, что в течение следующих 50 лет страны БРИКС могут стать серьезной экономической силой в мире, их ВВП может стать выше, чем ВВП стран «Большой шестерки».

Современные работы, посвященные БРИКС, представляют своего рода диалог с аналитикой Голден Сакс и рассматривают современное состояние экономик стран-участниц БРИКС [37]. На фоне нынешнего экономического кризиса появилось множество исследований, посвященных закату БРИКС. В работе М. Дего

«Имеет ли БРИКС еще значение?» [23] автор, анализируя экономические показатели БРИКС, формы сотрудничества и стратегическую культуру стран-членов, приходит к выводу, что дальнейшее развитие БРИКС зависит от нескольких переменных, прежде всего от готовности и способности лидеров стран сделать развитие этой группы своей приоритетной задачей, преодолеть разобщенность интересов, противостоять США политически и экономически, а также развивать более тесное сотрудничество. Проблемам различных экономических моделей стран БРИКС посвящена аналитическая работа Центра по изучению управления инновациями Университета Претории [32]. Исследование южноафриканских ученых подводит к выводу, что при сохраняющейся модели развития стран БРИКС перспективы организации находятся под вопросом. В любом случае в их исследовании содержится если не скептическая, то по крайней мере очень осторожная оценка перспектив БРИКС как организации. Экономическая эффективность участия стран в БРИКС оценивается в них достаточно неубедительно.

Наибольший интерес для нашего исследования представляют работы, рассматривающие БРИКС под углом политических и стратегических перспектив. В них анализируются причины и мотивы участия в БРИКС. Так, выделяются монографии Я. Тайлора «Растущая Африка? БРИКС – диверсификация зависимости» [43], Р. Риордана «Новая Бразилия» [33], Д. Шамбау «Китай становится великим: частичная мощь» [36, 409], а также многочисленные статьи, например, «Китай в БРИКС: угроза мощи США?» [29], «Роль Китая в Группе-20/БРИКС и руководство к действию» [19], «Бразилия: быть или не быть в БРИКС?» [39, 43–70] и др.

Российские эксперты также изучают роль и значение БРИКС для России. Перспективам участия России в БРИКС посвящены работы О. Алексеенко «БРИКС: место России в группе» [1], А. Сергунина «Изучая российскую политику в БРИКС: теория и практика» [35], Ф. Лукьянова «БРИКС: идеальный формат» [6], доклад Российского совета по международным делам (РСМД) «Динамика развития “Группы двадцати”, “Группы восьми”, БРИКС и интересы России» [3], доклад РИСИ «Экономическое сотрудничество стран БРИКС как основа многополярного мира» [12] и др. Российские эксперты по-разному оценивают стратегические возможности и интересы России в БРИКС. Практически все сходятся в одном: БРИКС является важным инструментом внешней политики России, тем не менее оценка возможностей России в БРИКС, взаимоотношение России с партнерами по группе оцениваются неоднозначно. Продолжается дискуссия внутри экспертного поля в России о возможной глобальной роли БРИКС в многополярном мире и возможностях России в построении нового мирового уклада. Некоторые авторы относятся скептически к лидерским возможностям России [7, 4].

Анализируя БРИКС, эксперты, применительно к странам–участницам группы, оперируют такими терминами, как «восходящие экономики» (emerging economies), «растущая сила» (emerging powers), что подразумевает определенные амбиции со стороны стран БРИКС в оспаривании ими глобальной роли современных ведущих держав, опираясь на «мягкую силу».

С нашей точки зрения, БРИКС является преимущественно региональным проектом, основывающимся на идеологии не «растущей силы», а «срединной силы»

(middle power). В целях обоснования данного тезиса обратимся к современным теориям строительства региона (region building), проанализируем под этим углом основные вызовы, стоящие перед Россией в построении новых региональных интеграционных структур.

Теории сравнительного регионализма

Термин «регионализм» стал очень популярным в научной среде благодаря новому переосмыслению роли регионов в период после окончания холодной войны. Авторы концепции «нового регионализма» Б. Хеттне и Ф. Содербаум попытались доказать, что регионы стали самостоятельными акторами мировой политики и даже могут сами «конструироваться» не только при участии внешних акторов, но и как бы изнутри [26, 69–83; 28].

Исследователи регионализма, анализируя динамику интеграционных проектов после окончания холодной войны, рассматривали рост интеграционных объединений в качестве ответа на процессы глобализации в мире. В целом можно говорить о трех волнах теоретических подходов к регионализму: «старом регионализме» (региональное строительство периода холодной войны); «новом регионализме» (переосмысление роли регионов, европейское строительство после окончания холодной войны); «сравнительном регионализме» (термин, введенный в 2000-х гг. А. Ачария для обозначения различных вариантов региональной интеграции [14]).

Термин «компаративный», или «сравнительный», регионализм (*comparative regionalism*) появился сравнительно недавно. Авторы, использующие его, имеют в виду появление новых подходов в исследовании современных региональных процессов, которые учитывают всеохватывающее, комплексное их исследование [9, 90–91]. Новый термин получил широкое распространение в научной литературе, однако все еще нет единого толкования того, что понимать под «сравнительным регионализмом». Одни авторы подразумевают под ним сравнительный анализ теоретических взглядов, другие — сравнительный анализ регионов, третьи — сравнительный анализ типов региональных проектов и т. д.

Одним из первых данный термин ввел в научный оборот Финн Лаурсен в монографии, изданной под его редакцией, «Компаративная региональная интеграция» [20]. Целью исследования является рассмотрение интеграционных процессов с точек зрения разных теорий, а именно реализма, институционализма и др. В написании книги участвовали такие авторы, как Фредерик Содербаум, Люк Ван Лангенхове, Алекс Варлейх-Лак и др. Позднее в развитие темы вышли несколько работ, написанных этими же авторами, в которых используется термин «сравнительный регионализм» применительно к изучению региональной динамики [38, 22]. В попытках сравнить региональные процессы авторы ставят следующие вопросы: может ли Европейский союз стать типовым проектом для исследований других регионов или его следует рассматривать как единичный случай? Какие индикаторы следует учитывать при рассмотрении проектов региональной интеграции? Таким образом, продолжаются дискуссии по вопросам о типологизации процессов регионального строительства.

Исследуя динамику Европейского союза, Алекс Варлейх-Лак и Люка Ван Лангенхове приходят к выводу о необходимости применения метода сравнительного анализа региональной динамики с использованием социальных наук [45], к примеру, учета и сравнения различных стран и культур при анализе регионального строительства. В данном случае речь идет о двух социологических подходах, а именно об изучении межнациональных процессов (сбор эмпирических данных по регионам) и идиографическом подходе (подразумевающим детальное изучение каждого отдельного случая и выделение особенностей). Таким образом, под «сравнительным» регионализмом авторы подразумевают крен в сторону социального конструктивизма при изучении регионов [9, 92].

А. Ачария, изучающий преимущественно интеграционные процессы в Азии, ставит под сомнение использование опыта Европейского союза как модели эволюционного строительства региона [14]. Под «сравнительным» регионализмом он понимает теорию «регионализма» в более широком смысле, учитывающую также историческое наследие. Для него «сравнительный регионализм» — это подход, предполагающий прежде всего отказ от европоцентричности как классического примера построения региона, допускающий в качестве типовых проектов иные варианты регионального строительства. А. Ачария полагает, что региональная интеграция может идти разными путями в зависимости от исторической, культурной, языковой традиций. Это своего рода «внеевропейский» тип регионализма, изучение которого требует серьезного теоретического переосмысления таких вопросов, как принципы формирования региона, критерии эффективности регионализма, роль институтов в процессе регионостроительства и т. п. «Сравнительный регионализм» — это некое условное обозначение, включающее разные типы и виды регионального строительства.

Сформулируем некоторые отличительные черты (маркеры) «сравнительного регионализма». Во-первых, характеристикой «сравнительного регионализма» является то, что региональное строительство — это проект или политически мотивированное действие. Создание региона может быть вызвано необходимостью решения конкретных задач (снизу), оно может быть также результатом интеграционной политики региональной и/или мировой державы. С точки зрения А. Ачарии, мир регионов сегодня структурирован в рамках гегемонистской политики США [16]. Б. Бузан в своей работе «Регионы и Сила» также пишет о роли великих и региональных держав в формировании региональных комплексов безопасности [18]. Структурировать региональное пространство могут также и коллективные акторы, например «азиатские державы» в рамках АСЕАН [15].

Во-вторых, в теориях сравнительного регионализма географический и территориальный факторы продолжают играть важную роль. Регион — это объединение двух и более государств, имеющих общие границы и тесные внутрирегиональные отношения. Несмотря на появление исследований, посвященных внетерриториальному регионализму, например БРИКС, большинство исследователей изучают конкретные географические регионы или области (европейский регионализм, азиатский регионализм, восточно-европейский регионализм, центрально-азиатский и т. д.). Это связано в том числе с тем, что исследователи изучают конкретные региональные структуры и институты,

которые были образованы в конкретном регионе с конкретным набором участников.

В-третьих, отличительная черта регионального подхода заключается в том, что исследователи изучают уже существующие институты и организации или прогнозируют появление новых институтов. Региональные институты являются традиционными объектами исследования. Однако нельзя утверждать, что региональная организация является конечным продуктом эффективной региональной политики. Для исследователей, с одной стороны, нет прямой зависимости между процессом построения региона и созданием региональной организации, с другой стороны, появление или существование региональной интеграционной организации может быть признаком одного из этапов регионализма.

В-четвертых, процесс построения региона практически всегда связан с решением практических задач. Это могут быть задачи экономической интеграции (АСЕАН), экономические вопросы и вопросы безопасности (ШОС), задача урегулирования конфликта (схема сертификации процесса Кимберли), многофункциональные задачи (МЕРКОСУР, ЕС). Регионализация как процесс формирования региональной сплоченности появляется в основном в случае необходимости решения практических задач.

В-пятых, в региональных подходах большое внимание уделяется нормативным и идейным основам построения региона. Ф. Содербаум и Б. Хеттне вводят в научный оборот термин «региональная сплоченность» (regionness). Это процесс формирования региона, подобный процессу формирования государства или нации [27]. По мнению Хеттне, не существует «естественных» регионов, регионы могут быть созданными и могут вновь создаваться в процессе глобальных изменений. А. Ачария и ряд экспертов, анализирующих АСЕАН, пишут об идентичности АСЕАН как об особой нормативной культуре внутри организации. Набор определенных норм, принятие этих норм региональными участниками могут формировать региональную идентичность. Идеи начинают играть первостепенную роль в современных региональных процессах, опережая зачастую экономические, политические возможности.

В-шестых, в теориях сравнительного регионализма важной является взаимосвязь между процессом построения региона (регионализмом) и процессами формирования региона (регионализацией). Регионализация рассматривается как мотивация различных участников региона к формированию большей интеграции, общих ценностей и региональной идентичности. В том случае если практика строительства региона (регионализм) сопровождается процессами регионализации, политика регионализма становится более успешной и эффективной. Также можно предположить, что, если региональный проект является привлекательным для участников региона, процессы внутренней регионализации могут интенсифицироваться.

В-седьмых, регионализм может быть открытым (мягким) и закрытым (жестким). Открытый регионализм дает возможность участникам проекта находиться в других интеграционных проектах, без ущемления своих прав. Открытый регионализм может быть с асимметричным участием партнеров, т. е. в нем участвуют не только государства, но и области, регионы, негосударственные акторы. Его

участники могут взаимодействовать на равноправной основе при отсутствии гегемона или регионального лидера. Напротив, закрытый регионализм предполагает участие только в данном региональном проекте. Как правило, это симметричный проект с наличием гегемона.

Таким образом, регионализм как проект может иметь разные институциональные формы и различные типы региональной консолидации, по-разному может позиционировать себя на международном уровне. Европейский союз как региональный проект прошел несколько этапов регионального строительства — от экономического сообщества до регионального экономического и политического союза. Другие региональные группировки имеют разные уровни интеграции и региональной сплоченности.

Тем не менее процесс построения региональной интеграции сегодня приобретает новую форму. Появляются новые проекты, такие как БРИКС, Трансатлантическая зона свободной торговли (ТЗСТ) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), т. е. формируются новые типы регионализма, которые условно можно назвать «альтернативными». Вслед за появлением новых типов регионализма идет их теоретическое осмысление, а именно от изучения географически связанного региона к более сложным проектам, объединяющим не только страны, но и целые региональные объединения.

Таким образом, существуют различные модели регионального строительства, появляются новые формы региональных проектов, не имеющие привязки к границам и институтам. Регионализм становится проектной деятельностью двух и более государств, может иметь гегемонистскую или коллективную природу, а также является проектом с явно выраженной идеологической или ценностно-образующей направленностью. Автор статьи разделяет мнение тех исследователей, которые рассматривают БРИКС как региональный проект [21, 295–309], однако считает, что проект содержит многие специфические особенности, требующие уточнения и конкретизации.

Альтернативный регионализм БРИКС

В чем принципиальное отличие нового типа региональных проектов, таких, как БРИКС? Почему можно говорить об альтернативности данных проектов тем, которые уже подвергнуты научному анализу? В оценке БРИКС эксперты используют разные определения. М. Тело применительно к новым проектам использует понятие «интеррегионализм» [44, 1–18], А. Спартак и П. Кадочников вводят понятие «мультилатералистичный» регионализм [41].

Не вызывает сомнений, что БРИКС является региональным проектом нового типа. В первую очередь следует отметить уникальность данных проектов в их внетерриториальности. БРИКС объединяет страны, не все из которых имеют общие границы с другими участниками. В данном интеграционном проекте территория перестает играть существенную роль. Участники проекта БРИКС не ставят своей целью заместить уже существующие региональные проекты с участием государств-членов. В сложной системе современных международных отношений проявляются самые разные формы региональных интеграционных проектов.

Это относится и к проекту БРИКС, одной из отличительных черт которого является его внетерриториальность. Регион перестал быть территорией, включающей два и более государств, имеющих общие границы и общие проблемы (экономические, политической безопасности). Новые угрозы, экономические вызовы ставят новые задачи в поисках партнеров не только в пределах естественного региона. Традиционные географические связи не играют важной функциональной роли при формировании БРИКС. Он стал «межгосударственным объединением», целью которого является «формирование полицентричного мира» [5]. Задачей данного объединения стало продвижение интересов стран–членов БРИКС в различных сегментах мировой политики. Страны–члены БРИКС позиционируют себя как центры силы в разных регионах мира, как «коллективный актор мировой политики» [Там же]. Они объединили свои усилия для ответа на вызовы как регионального, так и глобального уровня.

Современный вариант регионализма не предполагает автоматическое создание институциональной структуры. БРИКС является многосторонним диалоговым форматом пяти стран, не имеющим классических институциональных форм (устав, правила членства и т. п.). Тем не менее в рамках БРИКС работают рабочие группы, создан институт председательства БРИКС, предполагается формирование валютно-финансовых механизмов и создание нового банка развития. Несмотря на создание, казалось бы, «классических» институтов региональных интеграционных проектов, конструирование БРИКС может завершиться принципиально новой интеграционной моделью.

В частности, это может произойти потому, что участники БРИКС исходят из отличающихся между собой идеологических и ценностных принципов. Российской стороной БРИКС рассматривается как альтернативный проект мировой гегемонии США и ЕС, как «новая форма полицентричности мирового порядка». Участники БРИКС стремятся укрепить верховенство международного права и центральной роли ООН, что служит мощным противовесом односторонней политике, проводимой США и НАТО. «БРИКС оппонирует Западу с его либеральными ценностями, которые там считают универсальными, и подчеркивает, что Запад — это не большинство мира, БРИКС, напротив, очевидное большинство» [2].

Другие члены БРИКС отличаются иными подходами к оценке роли и значения БРИКС в современном мире. К примеру, Индия, Южно-Африканская Республика и Бразилия оценивают свои страны как растущие державы, задача которых в результате региональной интеграции усилить собственные экономические, финансовые, технологические возможности, чтобы заявить о себе в Группе-20 и других региональных и глобальных институтах.

На официальной странице БРИКС Южно-Африканской Республики размещаются статистические данные по группе, отмечается роль страны в усилении деятельности БРИКС и не содержится более никаких политических или идеологических оценок [40]. На официальном сайте БРИКС Бразилии подчеркивается роль БРИКС как основного локомотива Группы-20, инициатора реформ ООН и важного формата диалога по международным делам [17]. В рамках деятельности Бразилии в БРИКС особая роль отводится торгово-промышленной палате как особому институту роста торговли и бизнеса и платформе экспериментального

инновационного обучения персонала посредством социальных и технологических обменных программ [34].

Официальная позиция Китая в отношении международной роли БРИКС является подчеркнуто нейтральной. Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в России Ли Хуэй в интервью информационному агентству Интерфакс на вопрос о возможности БРИКС противостоять «диктату Запада и США в политике и экономике» уклонился от прямого ответа, заявив, что «пять стран БРИКС являются крупными державами на своих континентах, значимыми членами ООН, Группы-20, других международных организаций и многосторонних механизмов, а также играют ключевую роль во многих региональных организациях» [4]. Он подчеркнул, что целью БРИКС является «содействие развитию международного порядка в направлении большей справедливости и рациональности, защите общих интересов новых развивающихся экономик и развивающихся стран» [Там же].

Индийский премьер-министр в ноябре 2015 г. в своем выступлении по поводу принятия председательства в БРИКС сформулировал главную идею группы: придание силы и формы Группе-20 через создание эффективных институтов и действий. В 2016 г. Индия приняла эстафету председательства в БРИКС. Индийское Министерство иностранных дел в пресс-релизе, посвященном созданию логотипа БРИКС и созданию сайта БРИКС в Индии, предлагает новую трактовку аббревиатуры организации — Принятие ответственных, всеохватывающих и коллективных решений (Building Responsive, Inclusive and Collective Solutions (BRICS)) [42].

Таким образом, внутри БРИКС формируется несколько идеологических траекторий. Российская сторона рассматривает БРИКС как альтернативу западным институтам, в то время как остальные партнеры подчеркивают ее комплементарность существующим институтам.

Общий тезаурус БРИКС включает такие понятия, как «коллективный актор» и «коллективные действия и решения», которые по своему содержанию близки к совокупности понятий, характеризующих, по мнению А. Ачарии, признаки азиатского типа сотрудничества и регионализма [15]. Тезаурус, используемый в БРИКС, не является также антагонистичным западным региональным проектам, имеющим свою специфику и ценности. Своеобразие азиатских институтов регионализма проявляется в другом, а именно в принципах создания и построения региональных проектов. В них «коллективные действия» подразумевают «негегемонистический» характер институтов, основанных на общности интересов, зачастую отсутствие жестких институциональных структур и акцент на «мягких» (не военно-политических) формах сотрудничества (экономика, технологии, культура, образование).

Альтернативный тип регионализма характеризуется как открытый. Открытость проявляется в том, что он не ограничивает возможность стран-участниц быть активными членами других региональных проектов. Бразилия, ЮАР, Китай, Россия и Индия сотрудничают в многосторонних институтах, таких как ООН, Международный банк, АСЕАН, Азиатско-Европейский процесс встреч (*Asia-European Meeting Process*), Азиатско-Тихоокеанский форум сотрудничества (*Asia-Pacific Economic Cooperation forum*), Группа-7, Группа-20 и др. Таким образом,

страны БРИКС формируют несколько пересекающихся уровней региональных и глобальных институтов.

Страны группы БРИКС достаточно оптимистично оценивают деятельность и эффективность структур БРИКС, тем не менее в аналитической литературе присутствует явный скептицизм в отношении данной группы и возможностей ее стран-участниц. Теоретический анализ теорий регионализма позволяет сформулировать ряд проблем, с которыми может столкнуться БРИКС.

Дж. Ловеринг ввел в научный оборот определение «вульгарной теории» применительно к теориям нового регионализма, в которых умозрительные теории и абстракции могут формировать концепты без учета экономических и социально-политических составляющих [31]. БРИКС как новый региональный проект не основывается на общности идентичности, экономических, демографических, ценностных оснований стран БРИКС, которые различаются достаточно серьезно. В связи с этим новые интеграционные и региональные модели, подобные БРИКС, являются искусственными образованиями без учета внутренних взаимосвязей, внутренней динамики развития стран.

Современный регионализм — сложное и многомерное явление. Процесс построения регионов может включать несколько уровней: внутренний (внутри государства), региональный и внерегиональный (интеррегионализм). Особенность современного периода в том, что все эти уровни реализации интеграционных и региональных процессов могут идти одновременно, параллельно друг другу. БРИКС является новым типом альтернативного регионализма. Альтернативность БРИКС заключается в следующих характеристиках. Во-первых, это альтернативный вариант глобального управления, консенсусный тип сотрудничества наряду с другими подобными группами, такими как Группа-7, Группа-20 и др. Во-вторых, это альтернативный вариант регионального строительства, имеющий свои особенности и возможности в рамках современных форм регионализма. В-третьих, участие в БРИКС является альтернативным для стран-участниц наряду с их участием в других универсальных и региональных структурах. Открытость БРИКС, отсутствие жесткой институциональной структуры, использование методов «мягкого регионализма» (акцент на невоенных сферах сотрудничества), акцент на коллективных действиях открывают большие возможности для стран, входящих в данную группу. Несомненно, этот проект имеет важное значение как любой политически инициированный проект.

Россия и современный альтернативный регионализм

Российская Федерация является активным участником регионального и интеграционного строительства. Российский регионализм можно разделить на два больших проекта: строительство региональных и интеграционных процессов на постсоветском пространстве (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС) и мегарегиональные проекты с привлечением новых партнеров РФ (ШОС, БРИКС).

Два направления российской политики регионализма имеют принципиально разную идейную составляющую. В первом случае речь идет о региональном проекте в Евразии. Этот регион исторически рассматривается как традиционная сфера

российских геополитических интересов. С точки зрения теорий регионализма постсоветское пространство больше соответствует критериям классического региона (общность территории, необходимость сотрудничества и решения проблем, общая история и т. п.). По мнению Б. Бузана, этот регион является классическим региональным комплексом безопасности с участием одной великой державы [18, 397–436]. Несмотря на это, Россия сталкивается с определенными вызовами в своей политике регионального строительства [8, 81–87].

Второй тип проектов с участием России является иным по форме и содержанию. ШОС как региональный институт также имеет черты традиционной региональной интеграции, однако в рамках ШОС кроме России ведущую роль играет КНР, что ограничивает возможности РФ в управлении данным проектом. БРИКС является квазиорганизацией, группой по интересам развивающихся экономик мира. Несмотря на то что именно Россия стала инициатором создания группы, в рамках БРИКС лидерские амбиции России сдерживаются не только Китаем, но и остальными участниками, рассматривающими себя в качестве региональных экономических держав.

Для России важным является участие в подобных проектах. При этом необходимо учитывать специфику регионального проекта БРИКС. Его участников не удастся склонить к оппозиции другим региональным проектам или перевести на антизападные позиции. К. Муратшина справедливо обращает внимание на то, что «в конце XX — начале XXI в. Китай был связан отношениями партнерства (в различных вариантах формулировок) с десятками стран на всех континентах и выработал подход к иерархии партнеров в зависимости от их ценности для него, которая определяется “зрелостью взаимоотношений” государств с КНР» [10, 28]. Развитие отношений с Россией Китай рассматривает как важное условие для осуществления собственного влияния на международную обстановку. «Выгода и выигрыш», по мнению К. Г. Муратшиной, являются главными скрепами партнерства Китая с Россией [Там же]. Точно так же приобретение выгоды находится в основе сотрудничества Китая в БРИКС. Помимо экономических интересов в БРИКС Китай выстраивает отдельные линии сотрудничества с Россией, Бразилией, ЮАР, Индией. Участие в БРИКС рассматривается китайской стороной как возможность активизировать двусторонние контакты с участниками этой организации [25]. Прагматика и выгода находятся в основе мотивов участия других стран в проекте БРИКС. Исходя из этого, БРИКС можно рассматривать как альтернативный проект другим подобным проектам — Группа-7, ТТИП, но не оппозиционный им.

Участие России в БРИКС является важным направлением внешней политики и элементом регионального и глобального управления. Тем не менее, помимо практических экономических интересов России в БРИКС, необходимо учитывать идеологию БРИКС как коллективного голоса в решении разного рода проблем. БРИКС позволяет формулировать единую позицию по определенным вопросам мировой повестки дня, а также находить консенсус по спорным вопросам среди стран-участниц. Коллективный голос БРИКС можно интерпретировать как концепцию «срединной силы» с функционалистской точки зрения, как «нишевую дипломатию», в рамках которой государства концентрируют свои усилия в тех областях, где могут получить лучшую выгоду [30].

Страны–участницы БРИКС занимают свою нишу в современном мире как развивающиеся экономики и региональные центры силы. БРИКС для большинства из них имеет репутационное значение и является прагматичным инструментом для решения собственных задач. Участие России в БРИКС может рассматриваться как важный элемент ее глобальной и региональной политики, направленной на достижение взаимовыгодного сотрудничества с участниками проекта и как использование методов «мягкой силы» для усиления ее международных позиций.

1. *Алексеевко О.* БРИКС: место России в группе // *Обозреватель.* 2015. № 5. С. 58–67.
2. *Алексеевко О., Ильин И.* БРИКС — новая форма полицентричности мирового порядка // *Обозреватель.* 2014. № 12. С. 35–42.
3. Динамика развития «Группы двадцати», «Группы восьми», БРИКС и интересы России / НП РСМД. М., 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_BRICS.pdf (дата обращения: 02.05.2016).
4. Интервью Чрезвычайного и Полномочного посла КНР в РФ Ли Хуэя информационному агентству «Интерфакс» 2015/07/05 [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/zhuanti2/t1278619.htm> (дата обращения: 02.05.2016).
5. Концепция председательства Российской Федерации в межгосударственном объединении БРИКС в 2015–2016 годах [Электронный ресурс]. URL: http://brics2015.ru/russia_and_brics/20150301/15383.html (дата обращения: 02.05.2016).
6. *Лукьянов Ф.* БРИКС: идеальный формат [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4080#top-content (дата обращения: 02.05.2016).
7. *Михайленко В. И.* Ценностные основания Ялтинского и нового мирового порядка // 70 лет Ялтинской конференции стран антигитлеровской коалиции // Материалы международной научной конференции / Мин-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т, Ин-т социал. и полит. наук, департамент международ. отношений, каф. теории и истории международ. отношений; Урал. регион. отделение Ассоциации европейских исслед.; Урал. регион. отд-ние Рос. ассоциации содействия ООН. Екатеринбург, 2016. С. 141–142.
8. *Михайленко Е. Б.* Сложности построения российского регионализма на постсоветском пространстве // *Вестн. Томск. гос. ун-та.* 2015. № 400. С. 81–87.
9. *Михайленко Е. Б.* «Старый» и «новый» регионализм: теоретический дискурс: курс лекций: учеб. пособие. Екатеринбург, 2014.
10. *Муратшина К. Г.* Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI в.: учеб. пособие. Екатеринбург, 2016.
11. Пресс-конференция министра иностранных дел России С. В. Лаврова «на полях» саммитов БРИКС и ШОС. Уфа, 9 июля 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/briks/-/asset_publisher/RdIYjVvdPAwg/content/id/1551620 (дата обращения: 02.05.2016).
12. Экономическое сотрудничество стран БРИКС как основа многополярного мира: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Москва, 2 апр. 2015 г. М., 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://riss.ru/bookstore/conferences/2015-g/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-stran-briks-kak-osnova-mnogopolyarnogo-mira-2/> (дата обращения: 02.05.2016).
13. Эксперты: саммит БРИКС в Уфе подготовил ответы господству доллара // Информационное агентство России ТАСС, 9 июля 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/2105185> (дата обращения: 02.05.2016).
14. *Acharya A.* Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // *The Intern. Spectator: Italian J. of Intern. Affairs.* 2012a. Nr. 47/1.
15. *Acharya A.* Foundations of Collective Action in Asia: Theory and Practice of Regional Cooperation // *The Asian Development Bank Institute: [site].* URL: <http://www.adbi.org/working-paper/2012/02/14/4994.foundations.collective.action.asia/> (accessed: 20.05.2014).

16. *Acharya A.* Regionalism and the Emerging World Order: Sovereignty, Autonomy, Identity // GSGR 3rd Annual Conference, 16–18 Sept. 1999 : [site]. URL: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/csgr/events/conferences/1999_conferences/3rdannualconference/papers/acharya.pdf (accessed: 20.05.2014).
17. BRICS Ministry of External Relations // Brazil// <http://brics.itaraty.gov.br/>
18. *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers : The Structure of International Security. 7th ed. N. Y., 2010.
19. China's role in G20 / BRICS and Implications By Gudrun Wacker, German Institute for International and Security Affairs, Berlin [site]. URL: https://cn.boell.org/sites/default/files/uploads/2014/07/chinas_role_in_g20_brics_and_implications.pdf (accessed: 20.05.2015).
20. Comparative Regional Integration / ed. by F. Laursen. Ashgate, 2005.
21. *Cooper A. F.* Beyond Geography: BRIC/SAM and the New Contours of Regionalism в Source The Ashgate Research Companion to Regionalisms / ed. by Timothy M. Shaw, J. Andrew Grant and Scarlett Cornelissen Publisher Farnham [etc.] : Ashgate. 2011.
22. *De Lombaerde P., Söderbaum F. et al.* The Problem of Comparison in Comparative Regionalism Regionalism // University of Miami under the co-sponsorship of the Miami-European Union Center : [site]. URL: <http://aei.pitt.edu/14995/1/CompReg.pdf> (accessed: 09.07.2015).
23. *Degaut M.* Do the BRICS Still Matter? A Report of the CSIS Americas Program. October 2015 : [site]. URL: http://csis.org/files/publication/151020_Degaut_DoBRICSMatter_Web.pdf
24. Dreaming With BRICS: The Path To 2050. URL: <http://www.goldmansachs.com/our-thinking/archive/brics-dream.html> (accessed: 20.05.2015).
25. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference on May 27, 2016 : [site]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1367358.shtml (accessed: 20.05.2015).
26. *Gavin B., De Lombaerde P.* Economic Theories of Regional Integration / ed. by M. Fareell, B. Hettne, L. Langenhove // Global Politics of Regionalism: Theory and Practice. L., 2005.
27. *Hettne B.* Beyond the «New Regionalism» // New Political Economy. 2005. No 10/4.
28. *Hettne B., Soderbaum F.* Theorising the Rise of Regionness // Politikon : South African J. of Political Studies. 2006. No 33/1.
29. *Hsu S.* China in BRICS: A Threat to US Power? : [site]. URL: <http://thediplomat.com/2015/07/china-in-brics-a-threat-to-us-power/> (accessed: 20.05.2015).
30. *Hynek N.* Canada as a Middle Power: Conceptual Limits and Promises : [site]. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/116031/2_CentralEuropeanJournalCanadian_4-2004-1_5.pdf?sequence=1 (accessed: 20.05.2015).
31. *Lovering J.* Theory Led by Policy: The Inadequacy of the 'new regionalism' (illustrated from the case of Wales) // International Journal of Urban and Regional Research. 1999. Vol. 3.
32. On the BRICS of Collapse? Why Emerging Economies Need a Different Development Model // Centre for the Study of Governance Innovation. URL: <http://www.demos.org/sites/default/files/publications/BRICS.pdf>
33. *Riordan R.* The New Brazil, Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2010.
34. Secretary General's Message : [site]. URL: <http://bricscci.com/secretary-generals-message/> (accessed: 20.05.2015).
35. *Serguin A.* Understanding Russia's policies Towards BRICS: theory and practice, Conference paper, ISA Global South Caucus Conference, Singapore. 2015 : [site]. URL: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/GSCIS%20Singapore%202015/Archive/55c376c8-7911-42be-b13d-22867ff8ea2a.pdf> (accessed: 20.05.2015).
36. *Shambaugh D. L.* China goes global: the partial power. N. Y., 2013.
37. *Sharma G.* Regionalism and BRICS: Understanding BRICS' Trade Policy Agenda in the Era of Growing Regional Trade Agreements Jindal Global Law Review Vol. 5, Iss. 1. April 2014 : [site]. URL: <http://www.jgls.edu.in/JindalGlobalLawReview/pdf2/8.pdf> (accessed: 20.05.2015).
38. *Söderbaum F., Sbragia A.* Linking European Integration and Comparative Regionalism // Paper for UACES Conference, Bruges, 2010 : [site]. URL: http://uaces.org/documents/papers/1001/soderbaum_f.pdf (accessed: 09.07.2015).

39. *Sotero P., Armijo L. E.* BRAZIL: TO BE OR NOT TO BE A BRIC? ASIAN PERSPECTIVE. 2007. Vol. 31, № 4 : [site]. URL: <http://www.cebri.com.br/midia/documentos/brazil.bric.pdf> (accessed: 09.05.2016).

40. South Africa in BRICS // BRICS : [site]. URL: <http://brics5.co.za/about-brics/south-africa-in-brics/> (accessed: 09.05.2016).

41. *Spartak A. N., Kadochnikov P. A.* Multilateralizing Regionalism: New Evidence and Arguments for APEC agenda : [site]. URL: http://bascc.berkeley.edu/ascc/papers/SpartakKadochnikov_Paper.pdf (accessed: 09.05.2016).

42. Statement by External Affairs Minister on Formal Unveiling of India's BRICS Logo and Launch of BRICS Website in New Delhi (March 22, 2016) : [site]. URL: <http://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/26559/Statement+by+External+Affairs+Minister+on+Formal+Unveiling+of+Indias+BRICS+Logo+and+Launch+of+BRICS+Website+in+New+Delhi+March+22+2016> (accessed: 09.05.2016).

43. *Taylor I.* Africa Rising? BRICS – Diversifying Dependency, Suffolk, Great Britain: James Currey. UL. 2014

44. *Telo M.* European Union and New Regionalism : Regional Actors and Global Governance in a Post-Hegemonic Era / ed. by M. Telo. 2nd ed. Cornwall, 2007.

45. *Warleigh-Lack A., Van Langenhove L.* Rethinking EU Studies: The Contribution of Comparative Regionalism // J. of Europ. Integration. 2010. No 32/6.

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 325.3(73:729.5) + 325.3(73:967.2) + 341.231

К. Ю. Пиксаева
Д. И. Победаш

ГУАМ И ПУЭРТО-РИКО: БОРЬБА КОЛОНИЙ США ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

После победы над Испанией в войне 1898 г. США, отобрав у Испании Пуэрто-Рико и Гуам, стали колониальной империей. Несмотря на борьбу населения этих территорий за право на самоопределение, до сих пор обе территории во многом остаются фактически колониями США. Авторы статьи ставят задачу рассмотреть, каких успехов добились Пуэрто-Рико и Гуам в борьбе за обретение суверенитета. При этом анализируются как действия на международном уровне — обращение к институтам ООН, так и на национальном уровне — в Конгрессе США. Отмечается более значительный прогресс, достигнутый в этом отношении Пуэрто-Рико. К сожалению, данная тематика пока не получила достаточного освещения в работах отечественных исследователей, хотя для США вопросы самоопределения завоеванных американцами народов и территорий остаются крайне актуальными и политически болезненными.

К л ю ч е в ы е с л о в а: США, Гуам, Пуэрто-Рико, колонии, суверенитет.

Понятия «американская империя», «американский империализм» широко используются в отечественной публицистике. Профессиональные же исследователи обычно применяют подобные формулировки по отношению только к периоду на рубеже XIX–XX вв. Применительно к современности, как правило, делается

оговорка, что современные отношения США с малыми странами не являются империализмом в чистом виде, но представляют собой «неоимпериализм», «культурный империализм». Подобных позиций придерживается и большинство американских исследователей, которые полагают, что США не империя, поскольку не имеет колоний. Иногда применяется термин «неонеоколониализм», призванный подчеркнуть, что США не имеют управляемых напрямую из метрополии колоний. Иногда американский колониализм признается, но утверждается его принципиально новая природа: он существует не для того, чтобы грабить колонии, а для того, чтобы принести им свободу и демократию [16]. При этом в случае с США внутренними колониями можно считать индейские резервации, а внешними — завоеванные территории за пределами континентальных штатов. Как индейцы США, так и жители Гуама и Пуэрто-Рико борются за свой суверенитет. Однако необходимо отметить, что в контексте США суверенитет трактуется как местное самоуправление, ограниченное федеральными законами. Интересно проследить, как расширяются права на местное самоуправление, за которые ведут борьбу жители Пуэрто-Рико и Гуама — двух «внешних колоний» США. Согласно Резолюции A/RES/9 (I), принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 февраля 1946 г., и Гуам, и Пуэрто-Рико признавались самоуправляющимися территориями. По состоянию на 2016 г. ООН официально признает Гуам «владением Соединенных Штатов, но не их частью» [7]; статус Гуама, как самоуправляющейся территории, так и не изменился с момента принятия резолюции 1946 г. В Пуэрто-Рико же в 1952 г. была принята конституция, и эта территория получила статус свободно ассоциированного государства Пуэрто-Рико.

Пуэрториканский сепаратизм и, в частности, сепаратистскую организацию «Лос Мачетерос» изучали американские и латиноамериканские исследователи, например, М. Гонсалес-Крус (M. Gonzalez-Cruz), А. Сола (A. Sola), Л. Терандо (L. Terando) рассматривали личность лидера организации «Лос Мачетерос», а также особенности и деятельность самой этой организации [17]; Энтони Альберичи (Anthony Alberici) описывал борьбу Пуэрто-Рико за независимость от США [10]; вопросом статуса США при условии владения ими Гуамом и Пуэрто-Рико занимались такие ученые, как И. Л. Экарева [8, 223–227], К. В. Миньяр-Белоручев [2]. Гуам сам по себе редко оказывался в поле зрения отечественных исследователей. Тем не менее, например, его юридический статус в рамках сравнения федеративных систем США и России рассматривал М. С. Саликов [6, 41–43]. О. Б. Подвинцев [3] упоминает Гуам, рассматривая различные типы островных автономий. Правовое положение коренного населения Гуама исследовал Ф. Р. Ананидзе [1, 120–125].

Жители Пуэрто-Рико и Гуама ведут борьбу за право самим определять свою судьбу. В данной статье предпринимается попытка сопоставить, каких уступок от правительства США удалось добиться населению этих двух американских «внешних колоний». Для этого необходимо рассмотреть как изменение международно-правового статуса данных территорий в резолюциях ООН, так и соответствующую эволюцию их статуса в решениях Конгресса США. Авторы также ставят перед собой задачу рассмотреть факторы, обуславливающие различия в изменении статуса Пуэрто-Рико и Гуама, начинавших свою борьбу за самоопределение в 1898 г. с одинаковых стартовых позиций.

Из «настоящих» колоний у США сохранились Пуэрто-Рико и Гуам, отобранные у Испании по результатам испано-американской войны 1898 г. В этой войне, которую некоторые американские исследователи признают завоевательной и империалистической, США поставили своей целью прекращение присутствия Испании на островах Пуэрто-Рико и Куба [30]. Война закончилась подписанием 10 декабря 1898 г. Парижского мирного договора, ратифицированного Сенатом США 6 февраля 1899 г. В соответствии со статьей II данного договора Испания уступила Гуам и Пуэрто-Рико с его островами Соединенным Штатам [38].

Отношение американского общества к новым приобретениям было неоднозначным — от осуждения империалистических захватов до восхваления освободительно-цивилизаторской миссии США. Официальная линия была близка ко второй позиции. Так, президент Уильям Мак-Кинли в своем приказе (Executive Order) от 21 декабря 1898 г., говоря о передаче бывших испанских владений США, обязал командующих оккупационными силами объявить населению данных территорий, что американцы пришли туда «не как оккупанты или завоеватели, но как друзья, для того, чтобы защитить местное население, их дома, их работу, их человеческие и религиозные права» [24]. Согласно приказу военная администрация должна была «завоевать доверие, уважение и расположение» местного населения и уверить их в том, что миссия США заключается в «доброжелательной ассимиляции» [25]. Однако процесс ассимиляции и предоставления прав на Пуэрто-Рико и Гуаме затягивался, территории оставались под военным управлением. При этом, как убедительно демонстрируют исследования американских историков, многие американцы еще тогда осознавали, что это был циничный империализм, прямо противоречивший как моральным принципам, так и положениям Конституции США и основанный на расистском убеждении в превосходстве своей культуры [26].

Итак, после изгнания испанских колонизаторов американцы отказались предоставить суверенитет отвоєванным колониям, подавляли местные движения за независимость, поставили новые территории под прямое военное управление. Первым американским военным губернатором Пуэрто-Рико стал генерал Джон Р. Брук [13]. На Гуаме после годового периода политической нестабильности губернатором острова вплоть до 1950 г. оставался командующий военно-морской базой США, расположенной на острове. Первым эту должность занял адмирал Ричард Лири.

Уже 17 декабря 1901 г. чаморро, коренные жители Гуама, подали первую петицию в Конгресс США о предоставлении им гражданства США и соответствующих прав, в том числе права на местное самоуправление. Подобные петиции, которые подписывало все большее количество людей, подавались в Конгресс впоследствии в 1917, 1925, 1929, 1933, 1936, 1947, 1949 и 1950 гг.

В 1901 г. Конгресс США постановил, что США могут управлять территорией, где проживает население, не имеющее американского гражданства, при этом не включая их в состав своих территорий и не применяя конституцию. Первый полномочный представитель Пуэрто-Рико, правда без права голоса, появился в палате представителей Конгресса США в 1901 г. Им стал получивший образование в Мадриде Федерико Дегетау-и-Гонсалес. Представитель Пуэрто-Рико — единственный

конgressмен, избираемый сроком на четыре года, все остальные избираются только на два. Гуам же не получал никакого представительства в Конгрессе США еще более полувека. Такая возможность появилась после принятия 10 апреля 1972 г. закона 92-271 «О представительстве Гуама в Конгрессе» [31]. Первым на этот пост был избран Антонио Б. Вон Пат.

В 1917 г. назначавшийся президентом США военный губернатор Гуама Рой Смит создал первый Конгресс Гуама, при этом он же назначал и его членов. 2 марта того же 1917 г. президентом В. Вильсоном был подписан акт Джонса-Шафрота [9] («Jones Act»), по которому Пуэрто-Рико становился территорией США, которая была «включена в состав, но не обладала всей правосубъектностью» [33]. Пуэрториканцы получили ограниченное американское гражданство. Это означало, что пуэрториканцы не обладали всеми правами американских граждан — таким, например, как право голосовать на президентских выборах США. Акт также подразумевал разделение властей Пуэрто-Рико на три ветви: исполнительную власть (назначаемую президентом Соединенных Штатов), законодательную и судебную. Назначаемый президентом США губернатор, сам президент, а также Конгресс США получали право наложить вето на любые законодательные инициативы пуэрториканского конгресса [10]. Закон признал английский язык официальным языком судов. Однако в 1922 г. вышла поправка о том, что конгресс может управлять территорией Пуэрто-Рико, на которой проживают граждане США, без применения статей Конституции США [32].

Закон, позволивший населению Гуама создать три ветви собственного самоуправления — законодательную, исполнительную и судебную, был принят Конгрессом США только 1 августа 1950 г., при этом Гуам передавался из ведения флота США под юрисдикцию Департамента внутренних дел [28]. Право же самостоятельно выбирать губернатора было предоставлено населению Гуама только 11 сентября 1968 г. [18]. При этом губернатор Гуама должен был ежегодно представлять отчеты министру внутренних дел для дальнейшей передачи на рассмотрение Конгрессу США.

Статус Пуэрто-Рико как самоуправляющейся территории изменился в феврале 1952 г., когда была принята Конституция Пуэрто-Рико, в которой было закреплен статус Пуэрто-Рико как свободно ассоциированного государства Пуэрто-Рико. Попытки принять подобную Конституцию Гуама в 1979 г. не увенчались успехом. Как указывает американский правовед Джеймс Анайя, в 2008–2014 гг. занимавший пост Специального докладчика ООН по правам коренных народов, коренное население острова практически невозможно будет убедить в легитимности референдума о принятии своей конституции, поскольку сами чаморро, коренной народ Гуама, составляют только 37 % от общего населения Гуама, большинство же остальных жителей — фактически колонизаторы [11].

В рамках ООН Пуэрто-Рико, как и Гуам, относилось к самоуправляющимся территориям. После принятия Конституции Пуэрто-Рико США обратились в 1953 г. в ООН с требованием исключить Пуэрто-Рико из списка колониальных стран. Глава американской делегации Ф. Р. Болтон сказал: «Преыдуший статус Пуэрто-Рико подразумевал то, что территория полностью управлялась Конгрессом США по всем вопросам. И преыдущая Конституция Пуэрто-Рико

была издана как закон Конгресса США, который мы называем законом об образовании новой территории. Современный статус Пуэрто-Рико таков: народ, самостоятельно принявший конституцию, формирует свою власть и институты, которые может изменять только он сам. Раньше только конгресс мог делать поправки в законы, сейчас же поправки вносятся по обоюдному согласию» [34].

По инициативе ГА ООН в Пуэрто-Рико 6 ноября 2012 г. пуэрториканцам был задан вопрос, хотят ли они сохранения текущего статуса своей страны (ассоциированное государство с США) или хотят изменить его. Во втором случае можно было проголосовать за полную независимость страны либо за вхождение Пуэрто-Рико в состав США в качестве 51-го штата.

Это уже четвертый подобный референдум в Пуэрто-Рико, который обладал статусом государства, ассоциированного с США, с 1952 г. Предыдущие референдумы были проведены в 1967, 1993 и 1998 гг. Тогда жители проголосовали за сохранение статуса ассоциированного с США государства.

Референдум проводился в два этапа. На первом этапе жители высказались за изменение политического статуса архипелага (54 %). На втором этапе пуэрториканцы определялись с новым политическим устройством страны: 61,9 % опрошенных поддержали вхождение Пуэрто-Рико в состав США [4].

Примечательно, что после референдума 1993 г. в Барселоне состоялось открытие заседаний Международного трибунала по нарушению прав человека в Пуэрто-Рико со стороны США. В ходе слушаний трибуналом были сделаны следующие заявления:

— Пуэрто-Рико и его население обладают правом свободного определения их политического, экономического, социального и культурного состояния в рамках международного права;

— конституция свободно ассоциированного государства Пуэрто-Рико не дает возможность гражданам страны в полной мере осуществить их право на самоопределение;

— США имеют международное обязательство соблюдать и уважать права граждан Пуэрто-Рико на самоопределение в соответствии с обязательствами, которые были приняты с подписанием конвенций;

— современная военная политика США в Пуэрто-Рико содержит в себе препятствие для реализации права на самоопределение и угрожает миру и безопасности в Карибском бассейне [20].

Согласно информационной библиографической системе ООН [40] Специальный комитет ООН по деколонизации начиная с 1973 г. принял более 30 резолюций, в которых многократно призывал США ускорить процесс, позволяющий пуэрториканцам в полной мере осуществлять свое неотъемлемое право на самоопределение и независимость [36]. Тем не менее, по состоянию на 2015 г., ООН отмечает неопределенность статуса Пуэрто-Рико, неудовлетворенность пуэрториканцев данным положением, а также приводит заключение президентской целевой группы США по определению статуса Пуэрто-Рико о том, что Пуэрто-Рико относится к Соединенным Штатам, но не является их частью [5].

Статус Гуама в документах ООН остался неизменным с 1946 г.: он по-прежнему остается самоуправляющейся территорией. На территории Гуама с 1980 г.

начинают работать комиссии по самоопределению. На данный момент работает уже третья комиссия. Однако проблема неопределенного статуса остается актуальной, даже несмотря на попытки второй комиссии внести в Конгресс США акт о получении Гуамом статуса члена американского содружества государств (с 1988 по 1997 г.). Подобный статус позволил бы местному населению получить больше прав в вопросах местного самоуправления. Будущие перспективы работы комиссии пока не ясны, поскольку на данный момент она занимается поиском финансирования для проведения кампании по просвещению местного населения по вопросу о самоопределении [39].

И Пуэрто-Рико, и Гуам использовались США в военных целях. Для США Пуэрто-Рико продолжает сохранять стратегическое значение, до 12 % территории страны занято под военные нужды. После вывода войск США из Панамы в 1999 г. [12] они передислоцировались в Пуэрто-Рико, впоследствии это стало самым большим базированием американских войск на территории Латинской Америки [20].

На острове Виекес, который является частью Пуэрто-Рико, еще с 1941 г. находилась морская база, занимавшая 75 % всей территории острова. После экспроприации территории для военных нужд население острова уменьшилось вдвое из-за военных маневров, учений и испытаний, проходивших на этой территории [Там же]. Состояние окружающей среды также ухудшилось: были сильно загрязнены вода и воздух, в некоторых местах не осталось почвы, пригодной для выращивания сельскохозяйственных культур, поскольку было проведено слишком много взрывов. В 1997 г. уровень смертности на острове Виекес составил 141 % по сравнению с остальными районами Пуэрто-Рико. Правительство США отрицало связь между тяжелой ситуацией на острове Виекес и проводившимися там испытаниями. В связи с этим в сентябре 2001 г. созывается Международная консультационная комиссия, задачей которой было рассмотреть нарушение прав человека, допущенных судом США в Пуэрто-Рико в отношении участников протестов против испытаний на острове Виекес. Комиссия указала в своих выводах, что США своими действиями прямо нарушают целый ряд международных договоров, направленных на освобождение народов от колониальной зависимости, в частности Резолюцию 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении независимости колониальным народам и странам [19].

Упорная борьба пуэрториканцев против военного присутствия США, а также переоценка военного значения Пуэрто-Рико после распада Советского Союза и окончания холодной войны привели к принятию решения о закрытии баз ВМС США, расположенных в районах Рузвельт Роуд, Виекес и Сабана Сека. Помимо Береговой охраны США и объектов Национальной гвардии Пуэрто-Рико на территории страны остаются базы Форт Бьюкенен и Муньиц. Конгресс США рассматривал возможность закрытия и этих баз, однако за их сохранение выступают организации ветеранов вооруженных сил, поскольку данные базы предоставляют им рабочие места [42].

На Гуаме по-прежнему размещаются исключительно важные стратегические базы США. Во времена холодной войны базы сыграли крайне важную роль как перевалочные пункты во время корейской и вьетнамской войн [27]. Впоследствии

Гуам рассматривался как основная база для борьбы с подводными лодками СССР. После же окончания холодной войны Гуам стал рассматриваться как крайне важная база для развертывания сил против Китая [37]. Реагируя на растущее могущество Китая, США еще в 2004 г. начали наращивать свое присутствие на острове. С того же 2004 г. в регионе стали проводиться ежегодные учения ВМС США «Тихоокеанское партнерство». Основной своей целью данные учения ставят отработку действий при проведении гуманитарных миссий. Впрочем, отрабатываются и вопросы боевого взаимодействия. При этом Гуам является одним из главных опорных пунктов флота в этих учениях [41]. Опорной базой Гуам стал и для совместных ежегодных американо-японских военно-морских маневров Multi-Sail. В 2016 г., например, в этих учениях четыре американских и шесть японских боевых кораблей отрабатывали ракетные и торпедные пуски, борьбу с подводными лодками, действия спецназа [22].

Леон Панетта, занимавший в 2009–2011 гг. пост директора ЦРУ, а в 2011–2013 — пост министра обороны, 31 декабря 2012 г. отмечал, что США будут продолжать развивать Гуам как стратегическую базу на Тихом океане, а также развернут на острове оперативное соединение наземных и воздушных сил корпуса морской пехоты [29].

2 марта 2016 г. генерал-лейтенант Винсент Стюарт, директор Разведывательного управления Министерства обороны (Defense Intelligence Agency), рассматривая угрозы национальной безопасности США, отдельно отметил появление у Китая ракет среднего радиуса действия, способных нанести удар по американской базе на о. Гуам [35].

До сих пор, несмотря на постоянные призывы Генеральной Ассамблеи ООН преодолеть колониальное прошлое и предоставить народам этих территорий полное право на самоопределение, проблемы статуса Пуэрто-Рико и Гуама остаются нерешенными. Сохраняется потенциал военного присутствия США на Пуэрто-Рико, нарастает важность Гуама для США как стратегической военной базы, что оказывает свое влияние на нежелание американских лидеров расстаться с данными территориями. Однако в американском обществе зачастую поведение США в отношении Пуэрто-Рико и Гуама оценивается как неоимпериализм.

Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не являются юридически обязывающими в принципе. В США, кроме того, существует приоритет национального права над международным, а также имеются давние традиции изоляционизма и противопоставления своей страны «Старому миру». В связи с этим борцы за суверенитет Гуама и Пуэрто-Рико не только апеллируют к резолюциям Генассамблеи ООН, но и указывают, что наличие колониальных, по сути, территорий прямо противоречит Конституции США [15, 25]. Интересно, что к подобной аргументации еще в 1947 г. прибегал Феликс Кисинг, занимавшийся подготовкой и обучением офицеров ВМС США, которым предстояло отвечать за управление гражданским населением тихоокеанских островов. Кисинг признает, что Гуам был захвачен в те времена, когда экспансия колониальных империй считалась нормой, а «отсталые народы» были «бременем белого человека» [21]. После же Второй мировой войны обладание такими колониями, по его мнению, противоречит принципам ООН, международным нормам, стремлению народов к самоуправлению и независимости.

Тем не менее Кисинг вынужден прибегнуть и к основанной на национальной традиции аргументации. По его словам, США всегда боролись за права народов, всем известна американская «справедливая ненависть к устаревшим приемам колониального владычества» [21]. Апеллируя к национальной гордости офицеров ВМС США, Кисинг утверждает, что весь мир рассчитывает на лидерство США в антиколониальной борьбе, в первую очередь сами зависимые народы.

В военном отношении обе территории были важны для США, в экономическом же — их значимость отличалась. Пуэрто-Рико еще с испанских времен вовлечен в торговые связи, ранее на острове находились сахарные плантации, сейчас чрезвычайно развито фармацевтическое производство. На Гуаме же фактически находится только стратегическая база, крайне важная для США.

Интересно, что с момента завоевания Пуэрто-Рико американцы вели остров к демократии, развивали образование, в школе преподавали основы конституции и права, тогда как на Гуаме давали только начатки английского языка и обучали правилам гигиены. Эти разительные отличия в подходах к образованию американские ученые объясняли тем, что Пуэрто-Рико уже при испанцах был значительно более вестернизирован, тогда как население Гуама колонизаторы считали «дикарями» [14, 261].

* * *

Эпоха колониальных империй давно прошла, однако на современной карте мира еще остается целый ряд территорий, которые входят в список ООН как не самоуправляемые территории. В данный список с 1946 г. входят зависящие от США Пуэрто-Рико и Гуам.

Эти территории были получены США после американо-испанской войны в 1898 г. по Парижскому мирному договору, однако решение по предоставлению прав полученным территориям затянулось на долгий срок. Во главе Гуама и Пуэрто-Рико правительством США были поставлены военные губернаторы, контролировавшие соблюдение порядка.

С начала XX в. местное население само решило начать процесс получения прав на самоопределение. С этого времени Пуэрто-Рико значительно быстрее движется по пути обретения все большей степени самоуправления: когда у Пуэрто-Рико уже была собственная конституция, у Гуама все еще не было полномочного представителя в Конгрессе США.

Общим же остается то, что на территории Гуама и Пуэрто-Рико находятся стратегически важные военно-морские базы США, занимающие довольно большие площади и наносящие вред окружающей среде. Представляется маловероятным, что США откажутся от военного присутствия на этих территориях.

Принципиальным различием является и то, что в Гуаме серьезно стоит проблема с проведением плебисцита, поскольку коренного населения, чаморро, там всего 37 %. Но на примере Пуэрто-Рико можно увидеть, что его проведение может гарантировать ускорение решения вопроса об изменении статуса и самоопределении.

1. *Ананидзе Ф. Р.* Правовое положение коренного населения острова Гуам — народа чаморо // Евраз. юрид. журн. 2014. № 5. С. 120–125.
2. *Миньяр-Белоручев К. В.* Территориальная экспансия и развитие США в XIX веке // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 41. С. 123–132.
3. *Подвищев О. Б.* О типах островных автономий в современном мире // Вестн. Перм. ун-та. 2015. № 4.
4. Пуэрто-Рико решил стать 51-м штатом США // Lenta.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2012/11/07/puerto/> (дата обращения: 01.06.2016).
5. Решение Специального комитета от 22 июня 2015 года в отношении Пуэрто-Рико. А/АС.109/2016/L.13 [Электронный ресурс]. URL: <https://daccess-ods.un.org/TMP/2203181.98204041.html> (дата обращения: 22.05.2016).
6. *Саликов М. С.* Федерации в России и США: сравнительно-правовое исследование // Рос. юрид. журн. 1995. № 4. С. 41–43.
7. Специальный комитет по вопросу о ходе осуществления Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. А/АС.109/2016/9. Гуам. Рабочий документ, подготовленный Секретариатом [Электронный ресурс]. URL: <https://daccess-ods.un.org/TMP/9305777.54974365.html> (дата обращения: 01.06.2016).
8. *Экарева И. Л.* XX век — эпоха мировых империй и колониальных держав // Вестн. Саратов. социал.-экон. ун-та. 2009. № 4. С. 223–227.
9. Acta Jones, Carta Orgánica de 1917 de Puerto Rico. Aprobado el 2 de marzo de 1917, Capítulo 145, 39 Stat. 951 [Recurso electronico]. URL: <http://www.lexjuris.com/LEXLEX/lexotras/lexactajones.htm> (realizado: 22.05.2016).
10. *Alberici A.* The Untied State: United States Policy, Puerto Rican Independence, and the Independence Movement // ProQuest, 2008 [Electronic resource]. URL: <https://books.google.ru/books?id=U-tOF7t1xfUC&pg=PA66&lpg=PA66&dq=program+of+macheteros&source=bl&ots=Tkhf0VuuaY&sig=S2ejWleog66kEHcVmSGftJTNlRs&hl=ru&sa=X&ei=gxBmVaH7KciqyOqroDgDg&ved=0CGQQ6AEwDTgK#v=onepage&q=program%20of%20macheteros&f=false> (accessed: 01.06.2016).
11. *Anaya J., Williams R. A.* Study on the International Law and Policy Relating to the Situation of the Native Hawaiian People // Office of Hawaiian Affairs [Electronic resource]. URL: www.oha.org/wp-content/uploads/OHA-IPLP-Report-FINAL-09-09-15.pdf (accessed: 01.06.2016).
12. *Arjona E. M.* Recurdan las bases militares? // Banco General. 2013 [Recurso electronico]. URL: <https://www.bgeneral.com/Revista/articulos/2013/2013-06/base.asp> (realizado: 03.06.2016).
13. Chronology of Puerto Rico in the Spanish — American War // Library of Congress [Electronic resource]. URL: <http://www.loc.gov/rr/hispanic/1898/chronpr.html> (accessed: 22.05.16).
14. *Cook K. M.* Federal Relations to Education in Outlying Parts // The Journal of Negro Education. Vol. 7, № 3. The Purpose and Scope of the Seventh Yearbook (Jul., 1938). P. 261–270.
15. *Fallon J. E.* Federal Policy and U.S. Territories: The Political Restructuring of the United States of America // Pacific Affairs. Vol. 64, № 1 (Spring, 1991).
16. *Go J.* The Provinciality of American Empire: 'Liberal Exceptionalism' and U.S. Colonial Rule, 1898–1912 // Comparative Studies in Society and History, Vol. 49, № 1 (Jan., 2007) [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/4497683> (accessed: 01.06.2016).
17. *Gonzalez-Cruz M., Sola A., Terando L.* Puerto Rican Revolutionary Nationalism: Filiberto Ojeda Rios and the Macheteros // Latin American Perspectives. 2008. Vol. 35 (№ 6) [Electronic resource]. URL: http://www.jstor.org/stable/27648144?&seq=3#page_scan_tab_contents (accessed: 01.06.2016).
18. Guam Elective Governor Act, September, 11, 1968. [Electronic resource]. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-82/pdf/STATUTE-82-Pg842.pdf> (accessed: 22.05.2016).
19. International Commission of Inquires: The Violation of Human Rights by U. S. Court in Puerto Rico in Relation to the Protests Against the Naval Bombing of Vieques // UNESCO [Electronic resource]. URL: <http://unescopaz.uprrp.edu/documentos/Inquiry.html> (accessed: 22.05.2016).
20. International Tribunal on Violation of Human Rights in Puerto Rico and Vieques by the United States of America // Social Justice. Vol. 27, № 4 (82) [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/29768042> (accessed: 22.05.2016).

21. *Keesing F. M.* Administration in Pacific Islands // *Far Eastern Survey*. Vol. 16, № 6 (Mar. 26, 1947) [Electronic resource] URL: <http://www.jstor.org/stable/3021789> (accessed: 03.06.2016).
22. *Kwon S.* US Navy, JMSDF Complete Annual Multi Sail Exercise // *USS McCampbell Public Affairs*. 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.cpf.navy.mil/news.aspx/030643> (accessed: 03.06.2016).
23. *Levinson S., Sparrow B. H.* The Louisiana Purchase and American Expansion: 1803–1898 // N. Y. : Rowman and Littlefield Publishers. 2005. P. 166, 178.
24. *McKinley W.* Executive Order, December 21, 1898 // The American Presidency Project [Electronic resource]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=69309> (accessed: 03.06.2016).
25. *McKinley W.* Executive Order, December 22, 1898 // The American Presidency Project [Electronic resource]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=69311> (accessed: 22.05.2016).
26. *Merriam A. H.* Racism in the Expansionist Controversy of 1898–1900 // *Phylon* (1960). Vol. 39, № 4 (4th Qtr., 1978) [Electronic resource] URL: <http://www.jstor.org/stable/274902> (accessed: 22.05.2016).
27. Naval Base Guam // *Military Bases* [Electronic resource]. URL: <http://militarybases.com/naval-base-guam-navy-base-in-apra-harbor-guam/> (accessed: 03.06.2016).
28. Organic Act of Guam, August, 1, 1950 [Electronic resource]. URL: <http://uscode.house.gov/statviewer.htm?volume=64&page=384> (accessed: 22.05.2016).
29. *Panetta L. E.* America's Pacific Rebalance // *Project Syndicate*. Dec. 31, 2012 [Electronic resource]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/renewing-the-us-commitment-to-the-asia-pacific-region-by-leon-e-panetta> (accessed: 03.06.2016).
30. *Peceny M.* A Constructivist Interpretation of the Liberal Peace: The Ambiguous Case of the Spanish-American War // *Journal of Peace Research*. Vol. 34, № 4 (Nov., 1997) [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/424863> (accessed: 22.05.2016).
31. Public Law 92-271 [Electronic resource]. URL: <http://uscode.house.gov/statutes/pl/92/270.pdf> (accessed: 28.05.2016)
32. Puerto Rico, Alaska, Hawaii, and Citizenship // PR51st [Electronic resource]. URL: <http://www.pr51st.com/puerto-rico-alaska-hawaii-and-citizenship/> (accessed: 22.05.16).
33. *Ramos de Santiago C.* El Desarrollo Constitucional de Puerto Rico: Documentos y casos // *La Editorial, UPR*. 1979 [Recurso electronico]. URL: http://books.google.ru/books?id=28WMgzuI8V4C&dq=puerto+rico+estado+no+incorporado,+pero+organizado&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (realizado: 28.05.2016).
34. *Rezvani D. A.* Surpassing the Sovereign State: the Wealth, Self-Rule, and Security Advantages of Partially Independent Territories // *Oxford University Press*. 2014 [Electronic resource]. URL: <http://books.google.ru/books?id=r93HAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (accessed: 22.05.2016).
35. Statement for the Record: Worldwide Threat Assessment. March 02, 2016 // *Defense Intelligence Agency* [Electronic resource]. URL: <http://www.dia.mil/News/SpeechesandTestimonies/ArticleView/tabid/11449/Article/684250/statement-for-the-record-worldwide-threat-assessment.aspx>
36. Special Committee on Decolonization Calls on the United States for Puerto Rico // *MINH*. 2012 [Electronic resource]. URL: <http://minhpuertorico.org/index.php/in-english/1332-special-committee-on-decolonization-calls-on-united-states-for-puerto-rico> (accessed: 22.05.2016).
37. *Sutter R. G., Brown M. E., Adamson T. J. A.* Balancing Acts: The U. S. Rebalance and Asia-Pacific Stability. The George Washington University. 2013 [Electronic resource]. URL: http://www2.gwu.edu/~sigur/assets/docs/BalancingActs_Compiled1.pdf (accessed: 22.05.2016).
38. The Treaty of Peace Between the United States and Spain: December 10, 1898 // *The Avalon Project* [Electronic resource]. URL: http://avalon.law.yale.edu/19th_century/sp1898.asp (accessed: 22.05.2016).
39. *Tolentino D.* Commission on Decolonization [Electronic resource]. URL: <http://www.guampedia.com/commission-on-decolonization/> (accessed: 22.05.2016).

40. United Nations Bibliographic Information System [Electronic resource]. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/ipac.jsp?session=14639C101865E.34850&profile=bib&page=6&group=0&term=puerto+rico&index=.SW&uindex=&aspect=subtab124&menu=search&ri=5&source=!horizon&1463981255103> (accessed: 22.05.2016).

41. USNS Mercy stops in Guam during Pacific Partnership // Pacific Partnership Public Affairs. May 30, 2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.cpf.navy.mil/news.aspx/130021> (accessed: 03.06.2016).

42. Viewers respond to report on Puerto Rico's debt crisis [Electronic resource] // PBS NEWSHOUR. 2015. URL: <http://www.pbs.org/newshour/bb/viewers-respond-report-puerto-ricos-debt-crisis/> (accessed: 03.06.2016).

Рукопись поступила в редакцию 1 июня 2016 г.

УДК 28:316.344.7 + 323.1(575.1) + 327.2(575) + 351.746

А. В. Кочнев

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИСЛАМСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН В ОБЩЕМ КОНТЕКСТЕ НОВЫХ УГРОЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Статья посвящена анализу формирования экстремистских группировок в Средней Азии на примере Республики Узбекистан. Рассматриваются особенности становления экстремизма после распада СССР, влияние внешних факторов на его развитие, а также степень опасности данного явления на современном этапе. Определяется значение узбекистанского очага экстремизма и усилий республики по борьбе с ним в рамках ситуации с распространением новых (нетрадиционных) вызовов международной безопасности в Средней Азии в общерегиональном масштабе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Средняя Азия, Узбекистан, ислам, экстремизм.

Борьба с распространением новых (нетрадиционных) угроз безопасности в регионе Средней Азии на современном этапе стала одним из факторов обеспечения международной стабильности на всем евразийском пространстве. Наиболее серьезной угрозой, с которой столкнулись многие государства региона после распада СССР, является распространение исламского экстремизма. В настоящее время представляется необходимым изучить корни данного явления, проследить его эволюцию, выявить особенности распространения экстремизма в различных государствах региона, попытаться спрогнозировать развитие проблемы и возможные перспективы ее решения. Кроме того, важным является анализ ситуации в контексте соперничества в регионе внешних акторов и значения внешних угроз, таких, как деятельность запрещенной в России террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). В данном исследовании делается акцент на ситуации в Узбекистане, что связано с его стратегически важным геополитическим положением, значимостью для политического и социально-экономического развития всего региона и, наконец, с масштабом проблемы

исламского экстремизма и повышенной угрозой дальнейшего развития и распространения экстремистских идей и движений как внутри этой бывшей советской республики, так и с выходом за ее пределы.

С точки зрения географических рамок региона Средняя Азия включает в себя такие современные государства, как Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Казахстан, то есть бывшие советские республики. Таким образом, в международных исследованиях разграничиваются понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия» (последнее используется в терминологии ЮНЕСКО и подразумевает весь макрорегион в целом) [11, 6]. Особенность Средней Азии как региона тесно связана с влиянием, которое оказывает на него Россия. С XIX в. так называемый «Русский Туркестан» во многом перестал самостоятельно взаимодействовать с внешним миром, а в советский период выступал как актор международных отношений в составе СССР. Эта изолированность, в том числе и от мусульманского мира, вплоть до развала Советского Союза, позволила сформироваться на этих территориях особому типу ислама, видоизменившемуся под влиянием атеистической советской идеологии и на долгое время изжившему из себя экстремистские настроения.

Положение в регионе резко меняется после 1991 г., когда бывшие советские республики объявляют о своей независимости. Распад СССР приводит к идеологическому кризису в новых государствах, которые в этот период находятся на этапе поиска своей идентичности и новых ментальных парадигм. На смену коммунистической идеологии приходит усиленно вытеснявшаяся в годы советской власти религиозность.

Вновь открытые для контактов с мусульманским миром страны Средней Азии начинают усиленно заполнять лакуны в религиозном развитии и религиозных системах своих обществ, что создает плодородную почву для набирающих силу экстремистских организаций. В силу своего географического положения главным «поставщиком» радикального экстремизма в среднеазиатские страны СНГ является Афганистан. Как известно, во время советского вторжения 1979–1989 гг. в Афганистане появился ряд группировок радикального исламистского толка. В 1989 г. после вывода советских войск эти группировки продолжили войну против официального правительства. В 1992 г. с падением режима Мохаммеда Наджибуллы, долгие годы существовавшего при поддержке Советского Союза, начинается становление группировки «Талибан» [16]. С момента ее возникновения в 1994 г. и последующего захвата ею большей части территории Афганистана последний становится главным источником новых угроз безопасности Средней Азии.

На сегодняшний день все среднеазиатские республики ведут активную борьбу с проявлениями терроризма и исламского экстремизма. Наиболее интересной для исследователей является ситуация, сложившаяся в Республике Узбекистан (РУ). Из всех бывших советских республик именно Узбекистан в начале 1990-х гг., после исчезновения сдерживающего советского фактора, стал центром радикального исламизма. Представители Исламской партии Возрождения, движения «Воины Ислама» и множества других радикальных исламских группировок в 1996 г. вошли в состав ИДУ — Исламского движения Узбекистана (после 2002 г. — Исламская

партия Туркестана). Само движение, зародившееся в полуправовых общественных объединениях, прошло сложный этап становления, приняв участие в гражданской войне в Таджикистане в составе вооруженных формирований Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) и зарекомендовав себя в качестве союзника движения «Талибан» и «Аль-Каиды» [2].

Лидеры движения Тахир Юлдашев и Джума Намангани разрабатывали целую инфраструктуру подрывной диверсионной деятельности, однако до 1999 г. правительство Узбекистана проводило политику невмешательства и либерализма по отношению к замещающему советскую идеологию исламу.

Политика правительства изменилась после первых терактов, которые произошли 16 февраля и 6 августа 1999 г. Президент Узбекистана Ислам Каримов в своем официальном заявлении обвинил в терактах исламских экстремистов [12].

Это заставило правительство начать пересмотр своей политики либерального отношения к исламу, который оказался не просто замещающей идеологией, но идеологией, принимавшей под воздействием внешних факторов радикальный уклон. Так, в Узбекистане был закрыт целый ряд медресе и создан государственный орган Управление мусульман Узбекистана, благодаря которому были взяты под контроль назначение имамов в мечетях, составление учебных программ медресе, выпуск религиозной литературы и проверка на экстремизм работников мечетей. Кроме того, 7 апреля 1999 г. был основан Ташкентский исламский университет при Кабинете министров Республики Узбекистан. В соответствии с постановлением Кабинета министров данный университет создан «в целях глубокого изучения, бережного сохранения, доведения до грядущих поколений богатого и уникального духовного и культурного наследия исламской религии, а также повышения уровня знаний населения в этой области, подготовки высококвалифицированных специалистов, отвечающих современным требованиям» [9]. Объективно главной задачей университета стало формирование в обществе понятий фундаментального традиционного ислама, исключая радикализм и экстремизм.

С 2001 г. внешняя политика Республики Узбекистан начинает ориентироваться на Запад. Правительство Узбекистана дает положительную оценку действиям войск США и НАТО в Афганистане в рамках борьбы с террористической угрозой, оказывает им помощь, в том числе и посредством открытия военной базы США в Ханабаде. Однако в 2004 г. в РУ происходит еще шесть террористических актов. Ответственность за эту серию терактов, как и за аналогичные атаки на территории Киргизии, берет на себя Исламское движение Узбекистана [10]. Оно признается террористической организацией и в России (с 2003 г.), и в США [1].

В мае 2005 г. происходят беспорядки в городе Андижане. Проводившиеся правительством судебные процессы над участниками экстремистских организаций спровоцировали вооруженный переворот, который был жестоко подавлен силовыми структурами Узбекистана. Негативная оценка Западом данных событий, а также последующий ввод Евросоюзом и Конгрессом США эмбарго на поставки оружия в Узбекистан приводят к смене политического курса РУ в сторону России. Ташкент добивается закрытия военной базы США на территории страны. Параллельно, однако, РУ включается в крупные региональные энергетические проекты КНР [8, 8]. С этого момента начинается политика активного «лавирования»

Узбекистана между крупными державами, чьи интересы пересекаются в Центрально-Азиатском регионе.

Стоит отметить, что складывание в Средней Азии системы многостороннего сотрудничества, в том числе в области безопасности, после распада СССР шло достаточно медленно и постепенно [6]. Узбекистан при этом, входя в такие многосторонние объединения, как СНГ и ШОС, отказывался от присоединения к Коллективным силам оперативного реагирования, неоднократно замораживал свое членство в ОДКБ [5, 12], а также воздерживался от вступления в «пророссийские» международные организации, такие, как Таможенный союз. И только на более позднем этапе появились данные о планах Ташкента все же подписать соглашение о зоне свободной торговли с Евразийским экономическим союзом [7]. Это не означает полного поворота внешнеполитического курса РУ в сторону России, однако свидетельствует о том, что правительство республики осознало, что единственным центром поддержки, в случае неудачи миссии США в Афганистане и дальнейшего распространения в Средней Азии экстремистских настроений, является именно Россия.

После андижанских событий позиции США в регионе несколько пошатнулись. Однако в ноябре 2012 г. Узбекистан вышел из ОДКБ, и главной причиной этого, по мнению ряда экспертов, вновь стала переориентация внешней политики Ташкента на США. Последнее, однако, не привело к разрыву военного сотрудничества с Россией [3]. США же воспринимали Узбекистан в качестве ключевого, по данным газеты «Нью-Йорк Таймс», плацдарма для вывода войск НАТО, а Ташкент в обмен рассчитывал на получение вооружений и техники, использовавшихся в военных действиях на территории Афганистана [17]. Как отмечает директор Евразийского коммуникационного центра А. В. Пилько, США и в дальнейшем не намерены уходить из Центральной Азии и будут активизировать диалог с Ташкентом, пытаясь убедить администрацию президента Ислама Каримова вновь предоставить территорию для военной базы [7].

Относительно новым геополитическим шагом для Ташкента стало строительство железной дороги Узбекистан — Афганистан, начатое по инициативе Германии. Данный проект, с одной стороны, предполагает возможность наращивания экономического потенциала как Афганистана, так и всего региона, а с другой — является частью сформулированной в США концепции так называемой «Большой Центральной Азии». Согласно этой концепции ключевая роль в регионе отводится Афганистану, а основная ее цель состоит в переориентации Центральной Азии с России на Южно-Азиатский регион. По мнению главного научного сотрудника Института востоковедения РАН и профессора МГИМО (У) МИД РФ И. Д. Звягельской, такая переориентация усилит негативное афганское влияние на Среднюю Азию: вырастет наркотрафик и усугубится проблема распространения радикального исламизма [14].

Ситуация в Афганистане в последние годы менялась лишь незначительно. Формально США и НАТО изменили статус своего присутствия в стране с военного на мирное в рамках миссии «Решительная поддержка». В ноябре 2015 г. госсекретарь США Джон Керри совершил поездку по странам Средней Азии, посетив Кыргызстан, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и Туркменистан.

По данным информационного агентства «Рейтер», Керри обсудил с лидерами бывших советских республик перспективы взаимодействия с учетом сокращения американского военного присутствия в Афганистане. Лидеры пяти государств, в свою очередь, приветствовали решение президента США Барака Обамы о замедлении вывода войск из Афганистана [4]. Подобное мнение лидеров среднеазиатских республик представляется логичным в контексте усиления влияния в Центральной Азии террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ): присутствие войск НАТО в этом случае выступает в качестве сдерживающего фактора. Однако подобное присутствие не является гарантом безопасности и защиты от террористической угрозы и, более того, становится потенциальным раздражителем не только для радикальных исламистов Афганистана, но и для экстремистских кругов внутри стран Среднеазиатского региона.

В целом на радикализацию обстановки в Афганистане оказывают непосредственное влияние целый ряд факторов, в том числе события в Сирии. В последние месяцы 2015 г. началось особенно активное проникновение членов Исламского государства на территорию Афганистана. По данным британской газеты «Таймс», боевики ИГИЛ, помимо северных провинций, контролируют четыре уезда к югу от Джелалабада, административного центра восточной афганской провинции Нангархар [15]. Целый ряд экстремистских сил на территории Афганистана прямо или косвенно связаны с Узбекистаном. Таким образом, именно Узбекистан является потенциальной базой для дестабилизации положения в Средней Азии. А Исламское движение Узбекистана (ИДУ) в 2014 г., по данным источника МК.ru в правоохранительных органах РУ, заявило о присоединении организации к боевикам ИГИЛ [13]. С идеями ИГИЛ отчасти перекликается выдвинутая ИДУ идея исламского государства в Ферганской долине.

Таким образом, на примере Республики Узбекистан мы можем проследить рост масштаба и эволюцию роли экстремистских движений от одного из проявлений замещающей идеологии ислама после распада СССР и угрозы локального уровня до угрозы безопасности всей Средней Азии. В силу своего географического положения Узбекистан является одним из ключевых государств региона и площадкой для соперничества крупных внерегиональных акторов. Однако ни сотрудничество с США в борьбе против терроризма в Афганистане, ни участие в отдельных многосторонних объединениях не привели к решению РУ проблемы распространения исламского экстремизма. Основные радикальные силы в Узбекистане выразили свою поддержку ИГИЛ.

Также можно сделать вывод, что вероятность дальнейшего роста влияния ИГИЛ в соседнем Афганистане еще больше обостряет угрозу для пограничных районов Средней Азии. А наиболее вероятным объединяющим фактором для Средней Азии в борьбе против угрозы экстремизма выглядит расширение сотрудничества в рамках ОДКБ и в целом связей с Россией в сфере противодействия новым вызовам безопасности. Присутствие же США и НАТО в регионе, несмотря на активную антитеррористическую деятельность, перемену статуса миссии (из военной — в мирную) и поддержку официального правительства Афганистана, является не столько фактором сдерживания исламского

экстремизма, сколько его катализатором, что также может способствовать созданию на территории бывших советских республик очага террористической агрессии Исламского государства.

1. Антитеррористический центр государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisatc.org/134/160/208> (дата обращения: 03.12.2015).

2. Аскарлов А. Исламское движение Узбекистана. История трансформаций // Информационно-аналитический центр МГУ. 10.03.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://ia-centr.ru/expert/4063/> (дата обращения: 28.11.2015).

3. Выход Узбекистана из ОДКБ // РИА Новости. 19.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20121219/915465075.html> (дата обращения: 06.12.2015).

4. Джон Керри заверил страны Центральной Азии в сохранении поддержки США // Afghanistan.ru. 06.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://afghanistan.ru/doc/91429.html> (дата обращения: 30.11.2015).

5. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. Доклад Российского совета по международным делам / рук. авт. коллектива В. В. Наумкин, гл. ред. И. С. Иванов. М., 2013.

6. Камынин В. Д. Политика России в области обеспечения безопасности в Центральной Азии в 1990-е гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2013. Т. 112, № 1. С. 146–159.

7. Мнение: США попытаются вернуть свою базу в Узбекистан // РИА Новости. 23.01.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/radio_brief/20150123/1044001284.html#ixzz3tl0Zlb2J (дата обращения: 30.11.2015).

8. Мухаметов Р. С., Лямзин А. В. Центральная Евразия как регион геоэнергетической конкуренции России и КНР // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 21. С. 6–10.

9. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «Об организации деятельности Ташкентского исламского университета». 06.05.1999 г. № 224.

10. Религия и общество. К терактам в Киргизии причастны члены организации «Исламское движение Туркестана» // NEWSru.COM. 24.06.2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/religy/24jun2003/idt.html> (дата обращения: 06.12.2015).

11. Султанов Т. И., Сыздыкова Ж. С., Кадырбаев А. Ш., Зайцев И. В. История Центральной Азии. Т. 1. М., 2015.

12. Теракты и беспорядки в Узбекистане // РИА Новости. 26.05.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/world/20090526/172345801.html> (дата обращения: 02.12.2015).

13. Узбекистан: ИДУ заявило о присоединении к ИГ // МК.ру. 6.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2014/10/06/islamskoe-dvizhenie-uzbekistana-zayavilo-o-prisoedinenii-k-ig.html> (дата обращения: 06.12.2015).

14. Центральноазиатские лидеры рассматривают американские проекты только как экономические, исключая военную поддержку // Международный Евразийский институт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iicas.org/page.php?id=20> (дата обращения: 03.12.2015).

15. Часть территории на востоке Афганистана контролирует ИГИЛ // Afghanistan.ru. 06.12.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://afghanistan.ru/doc/92384.html> (дата обращения: 07.12.2015).

16. Kaplan E., Bruno G. The Taliban in Afghanistan. Report of the Council on Foreign Relations // The Washington Post. 07.07.2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/07/07/AR2008070701446.html> (accessed: 30.11.2015).

17. Kramer A. As NATO Prepares for Afghan Withdrawal, Uzbekistan Seeks War's Leftovers // The New York Times. 31.01.2013 [Electronic resource]. URL: http://www.nytimes.com/2013/02/01/world/asia/uzbekistan-wants-natos-leftovers-from-afghanistan.html?_r=2 (accessed: 01.12.2015).

АВТОРЫ НОМЕРА

АГЕЕВА Галина Михайловна — доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Института национальной культуры Мордовского государственного университета, доктор культурологии. E-mail: ageevagm@rambler.ru

БОЛОТОВА Елена Николаевна — студентка департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: helenna.bolotova@gmail.com

БОШТЯНТИЧ Ева — заведующая кафедрой психологии труда и организационной психологии департамента психологии Люблянского университета (Словения), доктор психологии. E-mail: Eva.Bostjancic@ff.uni-lj.si

ВАЛИАХМЕТОВА Гульнара Ниловна — профессор кафедры востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор исторических наук. E-mail: vgulnara@mail.ru

ГРАМАТЧИКОВА Наталья Борисовна — научный сотрудник сектора истории литературы Института истории и археологии УрО РАН, доцент кафедры классической литературы и фольклора департамента филологии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, кандидат филологических наук. E-mail: n.gramatchikova@gmail.com

ЗАГИДУЛЛИНА Марина Викторовна — профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций факультета журналистики Челябинского государственного университета, доктор филологических наук. E-mail: mzagidullina@gmail.com

ЗАКС Лев Абрамович — ректор Гуманитарного университета (Екатеринбург), заведующий кафедрой этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: rectorgu@r66.ru

ЗЕЕР Эвальд Фридрихович — заведующий кафедрой психологии образования и профессионального развития Института психолого-педагогического образования Российского государственного профессионально-педагогического университета, профессор, доктор психологических наук. E-mail: Zeer.ewald@yandex.ru

ИСМАГИЛОВА Файруза Салихджановна — профессор кафедры общей и социальной психологии департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор психологических наук. E-mail: f.s.ismagilova@urfu.ru

КОЧНЕВ Антон Владимирович — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: a.kochnev.usu@gmail.com

КУЗЬМИНЫХ Наталья Евгеньевна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: kuzminykh.natalia@yandex.ru

ЛАЗАРЕВА Елена Владимировна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: levburo@mail.ru

ЛИСОВЕЦ Ирина Митрофановна — доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: irlisovec@yandex.ru

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович — заведующий кафедрой теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: valermik@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Екатерина Борисовна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: ekamikhaylenko@gmail.com

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна — ассистент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

ОРЛОВ Борис Викторович — доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: bvo51@rambler.ru

ПЕРВУШИНА Ксения Олеговна — аспирантка кафедры востоковедения департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: koksyu1987@gmail.com

ПИКСАЕВА Ксения Юрьевна — студентка департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: kseniap.58@gmail.com

ПОБЕДАШ Дмитрий Иванович — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат исторических наук. E-mail: robedash@mail.ru

РУБЦОВА Елена Валерьевна — доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: rbtsvelena@rambler.ru

СУХОВ Антон Андреевич — доцент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат культурологии. E-mail: suhovband@mail.ru

СЫЧЕВА Екатерина Михайловна — студентка департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: sycheva.katya@gmail.com

ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА Ксения Михайловна — доцент кафедры теории и истории международных отношений департамента международных отношений Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат филологических наук. E-mail: kmromanova@mail.ru

ТРУБИНА Елена Германовна — профессор кафедры социальной философии департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: elena.trubina@gmail.com

ФАТКУЛИН Булат Гилимдарович — доцент кафедры общей лингвистики факультета лингвистики Южно-Уральского государственного университета, кандидат филологических наук. E-mail: bfatkulin@gmail.com

ЧУДИНОВА Арина Анатольевна — студентка департамента истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета. E-mail: levburo@mail.ru

ЧУЛАКОВ Дмитрий Константинович — старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. E-mail: chulakov@pspu.ru

ШУВАКОВИЧ Мишко — декан факультета медиа и коммуникаций Университета Сингидунум (Белград, Сербия), профессор философии. E-mail: miodragsuvakovic@gmail.com

SUMMARY

CONFERENCE «COMMUNICATIVE TRENDS IN MULTIPLE MODERNITIES: RUPTURES AND INTERCONNECTIONS»

Ageeva G. M. Digital Media in a New Communicative Reality.....6

The article discusses the specificity of information society, in particular the impact of text production practices on its development and on the features inherent in modernity. Digital media are analyzed as a source for generating multimedia and intermedia texts, textuality is examined under categorical apparatus of humanities. Interactive media forms such as social networks, blogs, web portals, and sites with open feedback are described. This environment is shown to enhance communication, the reasons for its appeal to the audience are identified.

Key words: information society, modernity, textuality, media, multimedia, intermediality, interactivity.

Zaks L. A. On Axiology of the Internet 11

The article considers the research area of Internet axiology, which remains underappreciated. It reveals ontological and functional foundations of value-relations to the Internet's realities, their ambiguity and contentiousness. The author presents morphology of the Internet values, their peculiarities and network bases. The article formulates the problem of specificity of the Internet's aesthetic values and outlines the general approach to it.

Key words: Axiology, Internet, values, Internet as social and cultural tool and self-valuable reality, utilitarian and spiritual (non-utilitarian) values of the Internet.

Zagidullina M. V. Text Digitalization and “Overliteracy” Culture in Eco-Linguistic Approach to the Study of Mass Media Reality 24

This article is devoted to the universal protocol of text digitalization in the theory of text and in the frame of eco-linguistic approach. According to this theory, the language is a living system and the text is a fragment of this system. The author concludes that digitalized text is formally a text which is not decipherable (a technical device is required to decode it). That is why it can be regarded as an alienation of the individual from the text. In this case, there are conditions for the transition to a new stage of overliteracy (irrelevance of literacy in the conventional, ordinary sense — a special technique of recording thoughts and words). Overliteracy as a new social phenomenon needs adequate research in order to mitigate the social impact of its spreading.

Key words: Digitization, net-thinking, protocol as a language, writing, literacy, overliteracy, text, visual turn, “green” linguistics.

Sukhov A. A. Digital Visionary in Modern Computer Games 31

This paper is devoted to the analysis of immersion in virtual worlds of modern computer games, which represents a number of specific features of visionary experience such as the effect of totality; enhanced synesthesia (by means of the newest sensor technologies and special controllers); internal temporality and causality; transformation of linear time and space; perception of the flow of dynamically changing visual images; transpersonal experience (a player creates his “avatar”); the experience of death and rebirth (save/load option); dialectics of beatific and infernal experience; appeal of the virtual worlds (addiction); communication with the artistic culture (“digital

romanticism” of fantasy games) and traditional arts. It allows us to talk about the appearance of a new digital modification of visionary, which is caused by the development of information technologies.

Key words: computer games, visionary, visionary experience, art, digital media, virtual reality, technology, role-playing game, strategy, game studies.

Orlov B. V., Lisovets I. M. Communicative (Media)Trend of Contemporary Aesthetics: A Problem of the Glossary.....38

The article considers important media features of modern aesthetics that significantly affect the change in its scientific status. The study follows a new paradigm of humanities which can be called proto-classical, and conceptivist methodology in the context of the projective aesthetics. A significant outcome of the proposed project was the idea of creating an electronic international dictionary (glossary) of philosophy of artistic concepts and contemporary art.

Key words: methodologies of the humanities, projective aesthetics, electronic mass-media, international dictionary (glossary), philosophy of contemporary art, artistic.

Šuvaković M. Aesthetics Relation Between Art, Culture, Politics: Social Turn 50

This article deals with the problem of an important social turn in the relationship between politics and art in the contemporary situation. In the postmodern sense, the relation between politics and art is assumed as performance or, in other words, as the representation of art and politics in the realm of cultural discourses and figures. The relations between art and politics in the contemporary sense may be assumed in terms of this triple definition, as: the transfer of politics into art, as the spectacularization of politics through art, and as a potential field of intervening critical, subversive practices in the global-transitional social processes of performing forms of life in the realm of expansive neoliberal capitalism and its global crisis.

Key words: relations of politics and art, social turn, cultural discourses, forms of life, cultural practices, representations of art and politics, transfer of politics into art, spectacularization of politics, global-transitional processes, neoliberal capitalism, global crisis, critical practices.

Rubtsova E. V. The Work of Art as a Language: the Concept of Exemplification 59

The article is devoted to the controversy about the concept of exemplification, which is regarded, according to Goodman, as one of the most important notions describing the specificity of aesthetic sign systems. Goodman made the conclusion that art was characterized by a special type of relationship between the sign and the signified, that is, exemplification, which is essentially identical to the symbolization. In the version of Goodman's followers, Jensen, Elgin, art is presented as a separate symbolic form with its own characteristics. The work of art is an object which has its own way of functioning. It can be argued that to function as a work of art (within the framework of this theory) means to function symbolically. To determine the type of symbolization, a fine artistic taste and understanding of aesthetically relevant signals detected by exemplification are needed.

Key words: exemplification, symbolic sign systems, the aesthetics, the symptoms of the aesthetic, work of art.

CONFERENCE «MODERNITY JUNCTURES:
INDIVIDUAL AND COLLECTIVE RESILIENCE»

Trubina E. G. Resilience: the Uses of the Concept in Russian and Western Social Sciences and Humanities 65

The article is devoted to the ways in which the notion of resilience is debated in social sciences and humanities in Russia and abroad. The experience of co-organizing the conference “Junctures of Modernity: Individual and Social Resilience” (ISPN, UrFU, 25–26 March 2016) is taken into consideration. It is argued that the energetic appropriation of the notions of individual, collective and social resilience by the theories of crisis management, urban studies, sociology, and social psychology testifies to the usefulness of this notion for describing how countries, nations, military and other communities exist today. The notion of “scales of resilience” is introduced to systematize the on-going debate.

Key words: resilience, concept of resilience, urban studies, crisis management, social science.

Zeer E. F. Transpective Analysis of the Development of Human Resilience.....77

The urgency of the problem discussed in the article is due to the peculiarities of human resilience in post-industrial society, which is fraught with the growing number of life threats, increasing social tension and the need to “preserve the stability of a person in a very fragile society” (D. I. Feldstein). Analysis of the notions of resilience, hardiness and vitality allowed us to establish the main predictors that contributed to their manifestation. The factors of vitality and formation of resilience are individual physiological characteristics, socio-psychological characteristics, life experience and personal orientation. An important place in the article is given to transpective analysis of special-manifestation of vitality in various stages of becoming a person: preschool, school age, adolescence, maturity, old age.

Key words: viability, vitality, transpektive analysis, pre-speakers of life, personal helplessness.

Gramatchikova N. B. Resilience and Adaptability as Narrative Motifs: From Ethnography to Family History.....86

The article considers the concepts of resilience and adaptability through the 19th century ethnographic texts (I. Zheleznov, V. Zefirov, S. Maksimov, K. Nosilov, etc.). We compare the “southern” and “northern” metatexts about “neighbors in the Empire”, where the traditional strategies of adaptation are endowed with value and associated with the identity of the Cossacks, Pomors, and writers. The collective practices are combined with the individual ones. Activity is more prestigious than patience and adaptability. The vitality is an important feature of the ethnos, despite the fact that it contains the provocative potential in the colonial discourse. Changing the author’s position leads to the changes of writers’ identities because it depends on the hierarchy of survival practices. Post-Soviet texts of family history make it possible to observe how modern non-professional authors reconstruct the old paradigm to describe the hard experience of survival in the twentieth century.

Key words: viability, vitality, adaptability, ethnography, Cossacks, Bashkirs, Pomors, Samoyeds, North, family history.

Ismagilova F. S. Strategies of Decision Making in the Conditions of Aged Professionals’ Competitiveness Reduction.....100

This article is devoted to the problem of how to preserve aged professionals’ competitiveness on the Russian labor market. The article presents the results of the theoretical analysis and the findings: ageism is based on social attitudes of younger professionals rather than on psychophysiological factors of aging observable in elder professionals. Based on the results of the previous study, the author developed three strategies for helping aged professionals make their decisions about career paths. Thus, there are three strategies presented: “Revision of the Past”, “Optimization of the Present” and “Project building for the Future”. Furthermore, the author proposed her own classification of factors of individual competitiveness on the labor market. Also, some ideas and prospects for future research are discussed.

Key words: personal competitiveness, aged professionals (55 y. o. and elder), ageism, strategies of decision making.

Boštjančič E. Building Resilience after Suffering from Burnout Syndrome: Perceived Changes in Personality, Views, Values and Behaviours Connected with Work.....105

Burnout is recognized as a syndrome that has a long-term impact on the employee, on his/her peers at work, and also on the productivity and efficiency. Returning to work after suffering from burnout syndrome is a big challenge for the employee, and for the employer also. The person who recovered usually has changed personality, views, values, and behaviours connected with work. She or he has to receive the necessary support from co-workers and leaders, especially in terms of understanding him/her and partially adapting his/her responsibilities at work when they return. A part of building resilience consists of inner strength, which is the sum of the personality traits that supports the employee to deal successfully with stressful situations once back to work. In Slovenia, we conducted a study focused on building resilience after suffering from burnout syndrome. Its results indicated a need for implementing organized and systematic forms of assistance spread between leaders, peers, friends, family, and the system as a whole.

Key words: resilience, burnout recovery, work, employee, personality, values.

Chulakov D. K. New Robinsons: Resilience Resources for Urban Singletons 112

The concept of resilience is approached from the perspective of individualized society. Catastrophic thinking induced by neoliberal rule may be identified in popular culture in the recurrent post-apocalyptic fantasy of urban

robinsonade. Yet, the figure of an urban Robinson is ambivalent. It embodies not only the fear of the collapse of social ties or the demise of the horizon of sociality as such, but also the striving for autonomy and freedom. Similar ambivalence may be attributed to the way of life of urban singletons. Single living may be valorized and stigmatized. Living solo may be a conscious choice or a forced necessity, and it may well provide for extensive resilience resources for those who can afford it, and a threat of isolation and exclusion for those, who can afford nothing but living alone, thus raising a problem of new individualized inequality.

Key words: resilience, individualization, individualized society, catastrophic thinking, urban robinsonade, urban imagination, living solo, urban singleton.

CONFERENCE «DISPARITIES IN INTERNATIONAL INTEGRATION PROJECTS»

- Mikhaylenko V. I.* Problems of Managing Migration in the European Union..... 123
 “Arab Spring” has recast the migration agenda for the EU due to the increase in migration flows and changes in their composition. The EU has started to improve the previously adopted migration management mechanisms and began implementing new ones. The article discusses the deployment of border and sea operations against illegal migration and the development of cooperation with Turkey and the Balkan countries in order to prevent illegal migration.
Key words: European Union migration policy, illegal migration, terrorism, trans-regional EU-Turkey summit.
- Kuzminykh N. E.* Evolution of Relations between the EU and Italy in Agricultural Policy Cooperation (1992–2009) 135
 The article discusses the features of the EU common agricultural policy, the steps and the results of its reform since the creation of the European Union till the Lisbon Treaty’s adoption, which largely changed the approach and disposition of forces. The article uses the example of Italy, one of the EU countries where the share of agriculture is significant, to analyze the ability of the nation-state to influence the decision-making process.
Key words: Common Agricultural Policy, center-right coalition, center-left coalition, the EU, Italy
- Bolotova E. N., Tabarintseva-Romanova K. M.* Analysis of Political Discourse of the Leader of the Political Movement “Five Star” B. Grillo..... 141
 In the article, we use video interviews to analyze the political discourse of the Italian leader of the political movement “Five Star” B. Grillo. The basic factors of his popularity are described; the main features of the populist movement leader B. Grillo’s discourse are identified.
Key words: political discourse, populist parties, B. Grillo, a political movement “five stars”, the Italian political system.
- Lazareva E. V., Chydinova A. A.* The Balkan Policy of Britain and France of the 1930s in Russian Historiography..... 149
 The article, based on the analysis of complex domestic historical literature and sources, investigated the main features of the policy of Great Britain and France in the Balkan countries during the crisis of the Versailles system. It is shown that Southern-Eastern Europe has become the object of political and economic expansion of the Great Powers and one of the main foci of controversy. It is noted that the Balkans were used by London and Paris as a field for maneuver in the search for an agreement with Germany. It is concluded that the main reasons for the loss of influence of Britain and France in the region were inconsistency of their policy in the Balkans and the absence of an effective European system of collective security.
Key words: the policy of Great Britain and France, the Balkan countries, domestic historiography.
- Muratshina K. G.* The US — CPC Relations during the “Fifth Generation” Leadership in China..... 157
 The article is an attempt to identify key trends and new features of the contemporary US-China relations after Xi Jinping and other Chinese Communist Party “fifth generation” leaders took office. The two countries’ interaction represents both a large-scale partnership and the most intense rivalry in Asia Pacific. The historical stage reviewed lasts from 2013 to 2016. The topics reviewed include two states’ interaction in trade and in international politics as well as military rivalry and integration projects. The latter represents the newest venue

for the US-China competition. In this field, the article reviews the US-favoring Trans-Pacific Partnership and China's regional integration projects.

Key words: the People's Republic of China, Xi Jinping, the United States of America, partnership, rivalry, Asia-Pacific.

Valiakhmetova G. N., Sycheva E. M. The Role of the Gaeseong Industrial Complex in Promotion of the Inter-Korean Dialogue..... 170

The article discusses the place of the Gaeseong Industrial Complex in inter-Korean negotiations. The authors came to the conclusion that despite its closure in February 2016, the Gaeseong project is likely to be reopened in the short term due to its economic benefits. The research is based on interdisciplinary methodology.

Key words: Gaeseong Industrial Complex, Korean Peninsula, DPRK, Republic of Korea, inter-Korean settlement, nuclear tests, regional security.

Pervushina K. O. The Specific Character of the Middle East Militarization in the Twenty-First Century ... 180

The article discusses the reasons and peculiarities of the arms race in the modern Middle East. The complex analysis of the economic and military-industrial statistics of the Arab countries allows to reveal the stepped-up militarization tendency leading in general to the destabilization of the region. The author comes to the conclusion that in the foreseeable future reliance on military power will remain one of the key components of the foreign policy of Middle Eastern states due to the extremely volatile international situation in this region.

Key words: arms race, militarization, military expenditures, Middle East, mass destructive weapon.

Fatkulin B. G. A Comparative Analysis of the Iranian and the Emirati Models of Cooperation with Russia 187

The article compares the models of interaction between Russia and the countries of the Middle East, such as the Islamic Republic of Iran and the United Arab Emirates. The following parameters are considered: political doctrines, migration policies, tourism, finance, and education policies. The author concludes that the model of cooperation between Russia and Iran more accurately corresponds to the current state of affairs in the Middle East. Globalist UAE model of cooperation with Russia does not fully reflect the realities of the modern era and the changed Russia's foreign policy orientation. The study is based on the multidisciplinary approach.

Key words: Iran, the UAE, "soft power", labor migration, tourism, offshore universities, expatriates, foreign Masters economic sanctions.

Mikhaylenko E. B. BRICS' Alternative Regionalism 194

In today's world, the processes of construction of regional integration projects are becoming a popular phenomenon. There are new types of extra-regional integration projects. The article analyzes a new type of regional integration project focusing on the BRICS. The author offers her own interpretation of the clusters of theoretical approaches towards regionalism, "old", "new" and "comparative", as well as providing basic typological features of contemporary regionalism. According to the author, an alternative type of regionalism, of which the BRICS is an example, is a new phenomenon and has certain characteristics that must be taken into account when designing Russian foreign policy.

Key words: comparative regionalism, alternative regionalism, integration, BRICS.

Piksayeva K. Y., Pobedash D. I. Guam and Puerto-Rico: US colonies' Fight for Self-determination 206

The USA became a colonial empire when it took Guam and Puerto from Spain after the Spanish-American war in 1898. Despite continuous struggle of the local populations for self-determination, both territories essentially remain US colonies. The authors try to assess the degree of success reached by Puerto Rico and Guam in their struggle for sovereignty. We analyze it both on the international level — appealing to the United Nations, and on the national level — actions in the US Congress. Unfortunately, Russian scholars have not conducted significant research of this subject, although self-determination of conquered peoples and territories remain an important and politically painful issue for the USA.

Key words: USA, Guam, Puerto-Rico, colonies, sovereignty.

Kochnev A. V. Growth of Islamic Extremism in Uzbekistan in the Context of Non-traditional Regional Security Threats in Central Asia.....216

This paper analyzes the process of extremist movements formation in Central Asia via the case study of such problem in the Republic of Uzbekistan. The author reviews the specific features of extremism development after the USSR breakdown, the influence of external factors and the current threat level. Furthermore, the paper evaluates the role of Uzbekistani extremism sources and of the state counter-extremist policy in the context of new, or non-traditional, security threats proliferation in Central Asian region on the whole.

Key words: Central Asia, Uzbekistan, Islam, extremism.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3
Общественные науки
2016. Т. 11
№ 3 (155)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 30.10.2016. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,5. Усл.-печ. л. 19,01. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 365.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13. Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2291;

- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;

- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.

2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).

3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. Автором статья предоставляется в редакцию вместе с положительной внешней (по отношению к месту работы автора и по отношению к журналу) рецензией.

2. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.

3. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносит решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

4. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом, при принятии решения о необходимости доработки текста или его отклонении, к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

5. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

6. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

7. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

8. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шацлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: urgufo2005@yandex.ru